

1974

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

№ 1-2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУВЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
В. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ

„ДОКТРИНА ЭЙЗЕНХАУЭРА“ — ПРОГРАММА КОЛОНИАЛЬНОГО ЗАКАБАЛЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

И. М. ЛЕМИН

5 января 1957 г. президент США Д. Эйзенхауэр обратился к Конгрессу с посланием о политике на Ближнем Востоке¹. Новая политика США, получившая название «доктрины Эйзенхауэра», является как бы завершением целого исторического этапа экспансии американского империализма и концентрированным выражением его агрессивной экономической, политической и военной программы в современную эпоху, когда Ближний Восток стал одним из эпицентров распада и крушения колониальной системы. Небезынтересно поэтому напомнить о главных исторических вехах американской экспансионистской политики и рассмотреть ее новейшие цели и средства в свете тех экономических и политических изменений, которые произошли и происходят на Ближнем Востоке.

I

Уже во время первой мировой войны, и особенно при установлении версальской системы мира, у США пробудился интерес к Ближнему Востоку. До этого времени американская дипломатия, как и американский бизнес, занятые широкой экспансией в других районах мира, были относительно равнодушны к делам Ближнего Востока. США не были участниками различных дипломатических акций и комбинаций, связанных с «Восточным вопросом», не подписывали Константинопольской конвенции 1888 г. о режиме Суэцкого канала, не были самостоятельным фактором ближневосточной политики и играли ничтожную роль на ближневосточных рынках товаров и капиталов. Период подготовки первой мировой войны совпадает со временем активизации политики США в районе Средиземного моря и Ближнего Востока. Достаточно напомнить об активной деятельности американской дипломатии на Альхесирасской конференции 1906 г. по марокканскому вопросу или о миссии Шустера 1911 г., когда американские монополии пытались взять под свой контроль всю экономику и финансы Персии.

На Парижской мирной конференции 1919 г. в кругах делегации США вынашивались планы установления полного американского господства над Ближним Востоком. В докладе комиссии Крейна-Кинга, расследовавшей положение в странах Ближнего Востока, выдвигались предложения: об установлении американского мандата на Сирию и Палестину,

¹ Под Ближним Востоком мы здесь и всюду имеем в виду не только страны Ближнего, но и страны Среднего Востока. В американской и английской литературе все эти страны обычно обозначаются общим понятием «Средний Восток».

на Месопотамию (Басра, Багдад, Мосул и др.), на Турцию, на Армению. Американская колониальная программа на Ближнем Востоке получила более конкретное воплощение на Парижской конференции в предложении о передаче США в мандатное управление Константинополя, проливов и Армении². Но эти американские планы, тесно связанные с антисоветскими интервенционистскими целями, были сметены победоносной борьбой народов России за полное торжество советской власти, а также национально-освободительной борьбой турецкого народа против кабального Севрского мира. Американский конгресс, отвергший предложение о мандате на Константинополь, проливы и Армению — как и весь Версальский мир, — отказался от того, чего фактически нельзя было уже получить.

В период между двумя мировыми войнами начинается бурная экономическая экспансия американских монополий на Ближний Восток, район, где ранее безусловно преобладал английский капитал. Особенно их привлекала ближневосточная нефть. До первой мировой войны США не обладали почти никакими ресурсами нефти вне своих границ. В 1927 г. американские нефтяные монополии добились от Англии передачи им 23,75% иракской нефти, в 1928 г. — нефтяной концессии на Бахрейнских островах. В 1934 г. они получили пополам с англичанами концессию в Кувейте, в 1933—1939 гг. — обширную нефтяную концессию в Саудовской Аравии. К началу второй мировой войны свыше половины всей колоссальной концессионной нефтеносной площади Ближнего Востока было в руках американских монополий. За монополиями следовала дипломатия, иногда она даже шла впереди них, развертывая лихорадочную деятельность. «Нефть смазывала дипломатию большинства наций, толкая ее на Ближний Восток», — признает в своих мемуарах бывший государственный секретарь США Хэлл³. Он рассказывает, как, прибрав к своим рукам нефть Саудовской Аравии, США во время второй мировой войны позаботились и о вытеснении оттуда английского политического влияния. В мае 1942 г. в Саудовскую Аравию прибыла первая неофициальная дипломатическая миссия США, в следующем году эта страна была включена в схему ленд-лиза и сюда прибыла американская военная миссия генерала Ройса. В различных ведомствах начали подвизаться американские агенты. Англичане пытались оказать противодействие. Английский посланник в Саудовской Аравии Джордан в марте 1944 г. добился соглашения короля Ибн-Сауда на удаление с ряда постов проамериканских чиновников и на назначение английского экономического советника при правительстве. Он договорился также о строительстве дорог под руководством англичан, хотя правительство ранее договорилось о том же с американской военной миссией.

Англо-американский конфликт развернулся и по общему вопросу: кому принадлежит преобладание в Саудовской Аравии. По словам Хэлла, США готовы были в то время признать английское военное преобладание, но настаивали на том, чтобы экономическую и финансовую миссию в Саудии возглавлял американец, поскольку здесь «преобладают экономические интересы США». Англичане отрицали наличие экономического преобладания США, ссылаясь на то, что Саудия входит в стерлинговую зону. Но в конце концов им пришлось смириться, а Джордан был отозван⁴. Характерно, что в дипломатических акциях, «пахнущих нефтью», активное участие принимала и американская военщина. Когда для американских

монополий возникали какие-либо трудности в деле расширения концессий, на сцене появлялся Объединенный совет начальников штабов, настойчиво требовавший всемерной поддержки монополий. Эти требования мотивировались стратегическими соображениями не текущей, второй мировой войны, а... перспективами будущей войны. Адмирал Леги, военный советник президента, приводит в своих мемуарах следующее заявление Объединенного совета начальников штабов: «В случае новой войны в Европе владение ближневосточной нефтью практически имеет существенное значение для успешной кампании американцев»⁵. В дальнейшем (1944 г.) американские монополии вступили в переговоры с Саудовской Аравией о проведении нефтепровода — начало широкой «нефтяной оффензивы» Уолл-стрита. В сентябре 1945 г. было заключено англо-американское соглашение о распределении нефтяных сфер влияния на всем Ближнем Востоке.

США интересовались не только нефтью. В Иране в 1942 г. появились американские войска, хотя между союзниками не было на этот счет никакого соглашения. Вслед за войсками появились разные американские миссии — военные, технические, финансовые. Особая роль отводилась финансово-экономической миссии Мильспо, прибывшей в начале 1943 г. и состоявшей из 50 разных советников. Мильспо возглавлял американскую финансовую миссию в Иране еще в 1922—1927 гг. Теперь он решил взять под свой контроль всю экономику страны, и не только экономику. По его словам, Белый дом рассматривал Иран, «как клинику для выработки послевоенной американской программы на Ближнем Востоке». О какого рода «опытном поле» шла речь, можно было судить по деятельности и установкам самого Мильспо. Американский советник третиловал иранцев: как «низшую расу», не могущую обойтись без иностранного руководства. Квинтэссенция его политической философии выражена в следующих словах: «Обращаться с персами в политическом отношении так, как вы хотели бы, чтобы другие обращались с вами, — это значит оказывать им плохую услугу. Практический путь помочь подобным народам стать действительно независимыми — это признать, что в данный момент они действительно являются зависимыми»⁶.

Мильспо и его «команда» энергично старались претворить в жизнь свою колонизаторскую философию. Их грубое вмешательство во внутренние дела Ирана вызвало всеобщее возмущение, и в феврале 1945 г. миссия Мильспо вынуждена была удалиться.

Незаурядный интерес американская дипломатия проявила к Турции. Осенью 1942 г. Турцию посетил кандидат в президенты на выборах 1940 г., лидер республиканцев Уэндел Уилки. Германские дипломатические агенты были встревожены слухами о том, что Уилки предлагает туркам заем размером в 1 млрд. долл. и поставку большого количества оружия⁷. Американская дипломатия играла руководящую роль в организации Каирской конференции Рузвельта, Черчилля и турецкого президента Исмета Иненю 4—6 декабря 1943 г. Отныне во внешней политике Турции получает преобладание тенденция к проамериканской ориентации.

В период войны США стали существенным, а потом и решающим военным фактором на средиземноморском и африканском фронтах. В 1940—1942 гг., когда средиземноморские коммуникации были перерезаны державами «оси», американское вооружение, снаряжение, продовольствие

² Предлагалось также вместо отдельных мандатов выдать США единый мандат на Анатолию, Армению и Константинополь.

³ «The memoirs of Cordell Hull», vol. II. New York, 1948, p. 1509.

⁴ Там же, стр. 1512—1516.

⁵ W. D. Leahy. I was there. With a foreword by President Truman. New York, 1950, p. 184.

⁶ A. C. Millspaugh. Americans in Persia. Washington, 1946, p. 166.

⁷ «Документы Министерства иностранных дел Германии»; вып. II. Германская политика в Турции 1941—1943 гг. М., 1946, стр. 121—123.

и другие грузы доставлялись в Египет и на другие ближневосточные базы по автомобильным и воздушным дорогам, проложенным через африканский континент. Крупная американская база была создана в Эритрее. Одновременно разворачивалась экономическая экспансия США во всех странах Ближнего Востока. Высадка американских войск в Северной Африке в начале ноября 1942 г. сопровождалась резким усилением политической и экономической экспансии США во всем средиземноморском районе. Эта активность была связана уже не только с осуществлением военных задач, но и с подготовкой к реализации послевоенных американских экономических и военнотрагических планов в Африке и на Ближнем Востоке — приобретением концессий, рынков сбыта, источников сырья, устройством военных баз на чужих территориях, вербовкой политических агентов и союзников. В январе 1943 г. в период англо-американской конференции в Касабланке Рузвельт вел переговоры с султаном Марокко, предлагая ему поддержку после войны его требований независимости и одновременно услуги американских фирм в разработке естественных богатств Марокко. Как известно, эти переговоры вызвали протесты со стороны Черчилля и французских лидеров. На завершающем этапе войны, в феврале 1945 г. президент Рузвельт, возвращаясь с Илтинской конференции, встретился в Каире с королем Саудовской Аравии и императором Эфиопии. В переговорах с Ибн-Саудом американцы тоже выдвигали план проведения обширных работ для развития экономики арабских стран⁸.

Масштабы колониальной экспансии США во время второй мировой войны были весьма велики. Можно без преувеличения сказать, что одной из главных целей правящих классов США в этой войне был коренной передел колониального мира в пользу Уолл-стрита — не только за счет противников, но и за счет союзников. Генри Стимсон, бывший государственный секретарь при президенте Гувере, а потом военный министр при президенте Рузвельте, следующим образом излагает колониальные планы Белого дома к концу войны: «Рузвельт надеялся, что принцип мандатов, примененный Лигой Наций в ограниченном масштабе... может быть распространен как можно шире на все колониальные территории, независимо от того, принадлежали ли они до войны неприятелю»⁹.

Передел колониального мира в пользу США, в частности за счет колониального наследия Британской и Французской колониальных империй, — в этом смысл американского «антиколониализма», которым так охотно щеголяли государственные деятели США как в период войны, так и в послевоенные годы.

Но если говорить о Ближнем Востоке, то при всей активизации своей экспансии США еще не ставили тогда открыто вопроса о монопольном господстве в этом районе, о превращении его в «американскую сферу влияния». Более того, можно привести немало официальных американских высказываний, в которых признается руководящая военно-политическая роль Англии на Ближнем Востоке. Видимо, при тайном распределении послевоенных «сфер влияния» между США и Англией, Англия признала военно-политическое преобладание США на Дальнем Востоке, а США — преобладание Англии на Ближнем Востоке. Черчилль, например, следующим образом передает содержание соглашения между ним и Рузвельтом на конференции в Касабланке в 1943 г.: «Рузвельт согласился, что в Турции как в военном снабжении, так и в области дипломатии решающая роль

остается за Англией, точно так же как в Китае и Северной Африке — за США»¹⁰.

Программа американского господства над Ближним Востоком была выдвинута в послевоенный период и окончательно, притом с циничной откровенностью, сформулирована в «доктрине Эйзенхауэра». Правда, подобные претензии воплощены были уже в «доктрине Трумэна», провозглашенной десятью годами раньше. В послании Трумэна Конгрессу от 12 марта 1947 г., как известно, предлагалось ассигновать 400 млн. долл. для оказания срочной помощи Греции и Турции¹¹. При этом формулировалось, что где бы в мире ни возникло народное демократическое движение (по терминологии Трумэна «угроза для свободных народов со стороны коммунистических режимов») — это якобы затрагивает интересы безопасности США и оправдывает вмешательство с их стороны. «Доктрина Трумэна» не была региональной доктриной. Она выражала претензии США на мировое политическое господство, на роль «мирового жандарма» — весь мир объявлялся «линией американской обороны», и правители США присваивали себе право неограниченного вмешательства в дела других стран. Но симптоматично, что применение этой доктрины началось именно с Ближнего Востока и что оно было непосредственно связано, во-первых, с борьбой против разворачивающегося национально-освободительного движения и, во-вторых, с ослаблением английского империализма и его неспособностью собственными силами противостоять натиску центробежных сил «Британской ближневосточной империи», а заодно задержать распад колониальной системы в этом районе мира.

«Доктрина Эйзенхауэра» является дальнейшим развитием и конкретизацией доктрины американского мирового господства — применительно к Ближнему Востоку и ко всей современной американской колониальной политике, а также с учетом (вернее, без подлинного учета и усвоения) тех политических и экономических изменений, какие произошли на Ближнем Востоке за послевоенный период.

II

Каковы же главные политические и экономические изменения, происшедшие на Ближнем Востоке в результате второй мировой войны и всего послевоенного развития? Следующая таблица дает наглядное представление о том, как преобразилась политическая карта Ближнего Востока (см. табл. 1).

Такова картина распада колониальной системы на Ближнем Востоке. Окончательно рухнула мандатная система — французские мандаты на Сирию и Ливан, британские — на Палестину, Иорданию, а ранее и на Ирак. Прекратилась иностранная оккупация Египта и Ирака: Египет в 1951 г. расторг неравноправный договор с Англией 1936 г. и после героической партизанской борьбы в зоне Суэцкого канала добился, по соглашению 1954 г., вывода английских войск; что касается Ирака, то договор 1955 г. с Англией еще оставляет в известной мере английский военный контроль над этой страной. На колонии и протектораты приходится теперь менее 2% населения этого района. Крушение пресловутой «Британской ближневосточной империи» в некоторых случаях сопровождалось захватом экономических и политических позиций Англии американским капиталом — в частности в Турции, Иране, Израиле. Но основная линия

¹⁰ W. Churchill. The Second World War, vol. IV. London, 1951, p. 626.

¹¹ Посланию президента предшествовало обращение английского правительства к правительству США. В обращении указывалось, что Англия не в состоянии больше оказывать финансовую и иную поддержку этим двум странам (см. «The memoirs of Harry Truman», vol. II, New York, 1956).

⁸ W. Leahy. Указ. соч., стр. 326.

⁹ H. L. Stimson and M. G. Bundy. On active service in peace and war. New York, 1948, p. 599.

Таблица 1

Распределение населения стран Ближнего Востока*

Показатели	До войны		В настоящее время	
	млн.	%	млн.	%
Все население	89	100	115,5	100
в том числе				
в суверенных государствах	54	60	113,7	98,5
в полуколониях, подверженных иностранной оккупации**	20,5	23	—	—
в колониях и мандатных территориях***	14,5	17	1,8	1,5

* Египет, Судан, Сирия, Ливан, Иордания, Саудовская Аравия, Йемен, Ирак, британские колонии и протектораты в Аравии, Израиль, Турция, Иран, Афганистан. Последние две страны относятся к Среднему Востоку. По классификации экономической статистики ООН в Средний Восток включается и Эфиопия (не включенная в настоящую таблицу) с населением 16 млн.

** Перед войной — Египет и Ирак, который до 1932 г. был английской мандатной территорией.

*** Перед войной — Сирия, Ливан, Палестина, Иордания, Судан, британские колонии и протектораты в Аравии, в настоящее время только британские колонии и протектораты.

развития национально-освободительного движения — это борьба за ликвидацию колониализма во всех его формах и проявлениях, за освобождение от всякого иностранного господства и эксплуатации, за обеспечение подлинно самостоятельной внутренней и внешней, экономической и военной политики стран Ближнего Востока.

Мощный толчок освободительному движению, особенно среди арабских стран, дала египетская революция 1952 г. Борьба арабских стран Ближнего Востока сливается с борьбой арабских стран Северной Африки (из которых Марокко, Тунис, Ливия уже достигли независимости, а Алжир героически сражается за нее) в один мощный поток освободительного движения 80-миллионного арабского мира. В Сирии на парламентских выборах 1954 г. победили патристические силы, и эта страна начала выступать на международной арене в качестве активного фактора, отстаивая дело мира, борясь за независимость и ликвидацию колониализма. Иордания в марте 1956 г. изгнала английского генерала Глабба, который, как говорили на Востоке, «железной рукой командовал арабским легионом, а через этот легион всей Иорданией», затем заявила о расторжении неравноправного договора 1946 г., навязанного ей Англией. Египет, Иордания и Сирия связаны союзным договором от 25 октября 1956 г. (предусматривающим объединенное командование). 21 апреля того же года подобный союз был заключен между Египтом, Йеменом и Саудовской Аравией.

Две главные цели лежат теперь в основе политики стран Ближнего Востока, освободившихся от колониального и полуколониального статуса, стоящих на пути самостоятельного развития: это, во-первых, достижение экономической независимости, полноправное распоряжение своими естественными богатствами и всемерное развитие их для поднятия жизненного уровня народов; это, во-вторых, — освобождение от всякого иностранного военно-политического контроля, навязываемого в форме военных блоков, осуществление подлинной независимой и мирной внешней политики.

Империалистических колонизаторов, и в первую очередь американских, Ближний Восток привлекает и своими большими естественными богатствами, и как важнейший стратегический плацдарм.

На Ближнем Востоке сосредоточены мощные нефтяные месторождения. Если в 1938 г. здесь добывалось 16 млн. тонн нефти, или 6,4% добычи всего капиталистического мира, то в 1955 г. было добыто 162 млн. тонн, или 23% всей добычи капиталистических стран.

Ближний Восток поставляет 55—60% всей нефти, поступающей в международную торговлю. Кроме того, на Ближний Восток приходится около 70% всех разведанных в капиталистическом мире запасов нефти: 17 млрд. из 24,5 млрд. тонн¹². Американские монополии за послевоенные годы решительно потеснили своих английских партнеров и конкурентов и захватили преобладающую часть ближневосточной нефти.

Таблица 2

Распределение добычи нефти на Ближнем Востоке в 1955 г. (в млн. тонн)*

	Англия	США	Другие	Всего
Кувейт	27 400	27 400	—	54 800
Саудовская Аравия	—	47 600	—	47 600
Ирак	17 000	7 600	9 100	33 700
Иран	8 600	6 400	1 000	16 000
Катар	2 600	1 300	1 500	5 400
Египет	1 500	300	—	1 800
Бахрейн	—	1 500	—	1 500
Другие	—	1 300	—	1 300
Весь Ближний Восток	57 100	93 400	11 600	162 100
То же в %	35	58	7	100

* Источник: «Financial times», 10 марта 1956 г.

До войны (1938 г.) на долю англо-голландских монополий приходилось 80%, а американских — 14% всей добычи. В 1955 г. в руках американских монополий было уже 58%, а английских лишь 35% добычи нефти на Ближнем Востоке.

Себестоимость нефти на Ближнем Востоке в несколько раз ниже, чем, например в США, ввиду нещадной эксплуатации местных трудящихся и благоприятных условий добычи. Нефтяные монополии получают в этом районе ежегодно 80—100% и более на вложенный капитал. Грабительские колониальные сверхприбыли и являются тем могучим магнитом, который притягивает к Ближнему Востоку и американский нефтяной бизнес и американскую дипломатию. О'Коннор, автор монографии об американской нефтяной империи, пишет о связи между нефтью и дипломатией: «Этими соображениями объясняется большой интерес „Стандард ойл К° оф Нью-Джерси“ к внешней политике. Неважно, кто осуществляет эту политику — Ачесон или Даллес, Элиот Рут, Чарльз Эванс Юз, Генри Л. Стимсон, Джеймс Ф. Бирн или Джордж Маршалл. И республиканцы, и демократы работают на Джерси, ибо внешняя политика США находится на службе корпораций, контролирующей самый чувствительный, самый важный, самый необходимый товар в мире — нефть»¹³.

Густым запахом нефти действительно несет в одинаковой мере и от «доктрины Трумэна», и от «доктрины Эйзенхауэра», и от всех других аме-

¹² «Financial times», 4 октября 1956 г.

¹³ F. G. O'Konnor. The empire of oil. New York, 1955, p. 24.

риканских программ колониального закабаления народов Ближнего Востока.

Одностороннее развитие сырьевых ресурсов (только нефти!), притом под контролем и в корыстных интересах иностранных монополий, не сопровождалось общим подъемом экономики ближневосточных стран. Конечно, промышленность в этих странах растет, и война дала этому новый толчок. По данным экономического обзора ООН для стран Ближнего Востока за 1945—1954 гг., к 1953 г. производство электроэнергии выросло в 4,5 раза, цемента в 2,5 раза, хлопчатобумажной пряжи в 2,5 раза, хлопчатобумажных тканей в 2 раза и т. д. по сравнению с довоенным уровнем.

После 1953 г. имел место дальнейший рост промышленности. Например, производство электроэнергии в 1955 г. было больше, чем в 1953 г., в Турции на 21%, в Сирии — на 28% в Израиле — почти на 38%; выработка хлопчатобумажной пряжи за тот же период увеличилась в Египте на 23% и примерно на столько же в Турции; производство цемента возросло за эти два года в Иране — на 25%, Ливане — более чем на 50%, Сирии — на 19%, Турции — на 70%, Египте — на 25% и т. д.¹⁴

В последнем мировом экономическом обзоре ООН за 1955 год указывается, что общее производство товаров в странах Ближнего Востока и Африки (без Южно-Африканского Союза) увеличилось к 1954 г. по сравнению с 1938 г. на 80%, а в расчете на душу населения — лишь на 40%. Если учесть исключительно низкие исходные данные, крайнюю экономическую отсталость этих стран перед второй мировой войной, то имеющийся рост промышленности надо признать крайне недостаточным. Недостаточное развитие промышленности тормозит и рост сельского хозяйства. Общий объем сельскохозяйственного производства вырос к 1954/55 г. на 38% по сравнению с довоенным уровнем, но в расчете на душу населения рост составил лишь 6%¹⁵. Душевое снабжение продовольствием (в калориях) в странах Ближнего Востока лишь на 3% выше довоенного (весьма низкого) уровня¹⁶.

Страны Ближнего Востока добиваются избавления от экономической отсталости. Для осуществления программы промышленного и сельскохозяйственного развития они нуждаются в расширении своих экономических связей со всеми странами и приветствуют всякое, оказываемое им техническое содействие или предоставление им дополнительных финансовых средств, поскольку они испытывают острую нужду и в том и в другом. Но все это при одном условии: чтобы помощь не сопровождалась предъявлением каких-либо политических или военных требований. Но как раз это не устраивает американских монополистов.

США принимают активнейшее участие в борьбе империалистических держав за овладение ближневосточными рынками сбыта (см. табл. 3).

Мы видим, что американский экспорт в страны Ближнего Востока сильно вырос по сравнению с довоенным, а доля США во всем капиталистическом экспорте в эти страны (т. е. в импорте ближневосточных стран) увеличилась в 3—4 раза, превзойдя долю Англии для стран, не входящих в стерлинговую зону, и почти сравнявшись с ней в импорте всех стран Ближнего Востока.

Каналы торговли используются американскими и иными монополистами для выкачки прибылей на основе неэквивалентного обмена, для закрепления существующего положения слабых стран Ближнего Востока как аграрно-сырьевых придатков к американской и западноевро-

¹⁴ «Monthly bulletin of statistics. U. N.», November 1956, p. 10.
¹⁵ «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран 1950—1955 гг.», стр. 37.
¹⁶ «Monthly bulletin of agricultural economics and statistics», October 1956, p. 2.

Таблица 3

Доля в импорте стран Ближнего Востока*

Показатели	Без стран стерлинговой зоны**		Включая страны стерлинговой зоны***
	1937 г.	1955 г.	1955 г.
Весь мировой экспорт в страны Ближнего Востока (в млн. долл.)	540	1 880	2 690
Доля США (в %)	5	19	16
Доля Англии (в %)	14	15	17
Доля ФРГ (в %)	10	12	9,5
Доля Франции (в %)	2	7	7

* Источник: «Monthly bulletin of statistics. U. N.», August 1955; June 1956.

** Египет, Судан, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Иран, Израиль, Эфиопия.

*** То же, включая Ирак и британские колонии и протектораты.

пейской экономике. Еще в большей степени это относится к системе «американской помощи». Предоставление американских займов и субсидий обычно обуславливается установлением американского контроля над хозяйством, финансами, экономическими планами соответствующей страны. Еще чаще платой за американскую «помощь» является военно-политическая зависимость — участие в агрессивных военных блоках. Так, в общей сумме американских ассигнований для стран Ближнего Востока (включая Грецию) за весь послевоенный период — с 1 июля 1945 г. по 30 июня 1955 г. — на военную помощь приходится 44%. Что касается экономической помощи (под которой часто тоже скрываются военные ассигнования), то она предоставляется почти исключительно военным союзникам США. 80% всей суммы экономической помощи, оказанной странам Ближнего Востока за послевоенный период, приходится на долю Греции, Турции и Израиля. Если сложить военную помощь и помощь военным союзникам, то это составит около 90% всех ассигнований¹⁷.

Помощь, почти целиком используемая для военных целей, не содействует хозяйственному подъему слаборазвитых стран, а, наоборот, налагает на них новое военное бремя, которое тянет ко дну их экономику, еще больше закрепляет их отсталость и зависимость от заграницы.

Американская помощь используется в качестве орудия грубого давления на слаборазвитые страны, политического и военного шантажа этих стран. Об этом ярко свидетельствует эпизод с финансированием Асуанской плотины на Ниле. В связи с проектом Асуанской плотины между Египтом и западными державами велись переговоры о предоставлении займа. Международный банк реконструкции и развития, находящийся главным образом под контролем США, согласился было предоставить заем в размере 200 млн. долл. Кроме того, США обещали заем в 55 млн. долл., а Англия — 15 млн. долл. В феврале 1956 г. было достигнуто соглашение на этот счет, однако в середине июля 1956 г. западные державы неожиданно заявили об отказе от соглашения. Этот отказ был связан с тем, что Египет отверг кабальные экономические и политические требования США и Англии. Условия, выдвинутые этими державами, по характеристике президента Египетской республики Насера, «означали фактически установление иностранного контроля над финансами, бюджетом и экономикой Египта. Это была империалистическая попытка подчинить нас политически и экономически»¹⁸. Чтобы принудить Египет отказаться от своего не-

¹⁷ Вычислено по «Survey of current business», October 1955, p. 11—12.

¹⁸ «Правда», 28 июля 1956 г.

зависимого экономического и внешнеполитического курса, империалисты организовали бойкот Египта, резко сократив закупки египетского хлопка.

Но времена бесцеремонного хозяйничания колонизаторов ушли безвозвратно. В настоящее время существует не только капиталистическая система, но и мировая социалистическая система, обладающая мощным промышленным потенциалом, самой передовой современной техникой. Советский Союз и другие страны социализма развивают торговые отношения со странами Ближнего Востока на началах равноправия и взаимной выгоды, оказывают им помощь в создании собственной промышленности, в развитии сельского хозяйства.

Египет, борющийся за экономическую независимость и равноправие, использовал открывшиеся перед ним возможности. Развитие торговых отношений со странами социализма позволило ему сломить экономическую блокаду империалистов и найти рынок сбыта для своего хлопка. Главным покупателем египетского хлопка стали социалистические страны. В 1955 г. на их долю приходилось 25% общего египетского экспорта. Заключенное осенью 1955 г. соглашение между Египтом и Чехословакией о закупке оружия в обмен на хлопок и рис позволило Египту сломить монополию трех западных держав на поставку оружия странам Ближнего Востока, — монополию, использованную для того, чтобы односторонне снабжать Израиль и участников Багдадского пакта и держать Египет под постоянной угрозой.

Появление Советского Союза и других стран мировой социалистической системы в качестве мощной экономической силы на международной арене создало совершенно новую экономическую и политическую обстановку на Востоке, в частности на Ближнем Востоке.

Известный американский журналист Липпман недавно вынужден был констатировать, что США лишились монополии в области экономической и технической помощи слаборазвитым странам, а перед последними открылись новые, неведомые ранее, возможности. Липпман писал: «Эти страны (речь идет о странах Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки. — И. Л.) уже не зависят от нас, ибо они имеют альтернативный источник получения капитального оборудования и технической помощи. Появление Советского Союза в качестве конкурента — это одно из крупнейших исторических событий нашего времени. Оно радикально меняет положение Соединенных Штатов и их союзников и оно в огромной степени умножает силу туземных народов, которые когда-то были составной частью старых империй европейских держав»¹⁹.

Империалистические державы не хотят мириться с потерей своего монопольного положения на рынках слаборазвитых стран как покупателей сырья и поставщиков оборудования. Они используют все средства, чтобы воспрепятствовать странам Ближнего Востока избавиться от положения аграрно-сырьевого придатка Западной Европы и Америки и стать на собственные промышленные ноги. Пресловутая американская «помощь» выступает в качестве орудия экономического закабаления, закрепления отсталости и нищеты ближневосточных стран, — новой формы колониализма.

Другой распространенной формой насаждаемого США нового колониализма являются военные пакты. На Ближнем Востоке — это Багдадский пакт.

Ближний Восток привлекает к себе особое внимание американского империализма не только как богатейший источник нефти, но и в силу своего стратегического положения — на подступах к южным границам

Советского Союза и к социалистическим странам Восточной Европы, на стыке трех материков — Европы, Азии и Африки, на коммуникациях, связывающих Атлантический и Индийский океаны. Превращение Ближнего Востока в военный плацдарм агрессивного Североатлантического союза является одной из генеральных стратегических задач американской политики в этом районе мира. По этой линии шли — декларация США, Англии и Франции от 25 мая 1950 г., самочинно устанавливавшая военный контроль этих трех держав над Ближним Востоком; предложение тех же держав в октябре 1951 г. о создании «средневосточного командования» — военного филиала НАТО с вовлечением в него стран Ближнего Востока (затея эта провалилась). И, наконец, — та же цель преследует «сколоченный» в 1955 г. Багдадский пакт, образец нового колониализма²⁰.

Багдадский пакт изображается в качестве оборонительного, регионального соглашения. Однако это не оборонительный, а агрессивный пакт, направленный против Советского Союза, против стран народной демократии, против тех бывших колониальных и зависимых стран, которые вступили на путь самостоятельного развития и осуществляют независимую внешнюю политику. Багдадский пакт является филиалом НАТО на Ближнем Востоке, он связан с НАТО через посредство Англии и Турции, а фактически и через США.

Багдадский пакт не региональный пакт. Ясно, что региональный ближневосточный пакт должен был бы охватить в первую очередь арабские страны. Но из семи независимых арабских стран Ближнего Востока, намеченных к вовлечению в пакт, в нем участвует только одна — Ирак, на который приходится менее 1/9 населения этих арабских стран. Багдадский пакт является орудием раскола арабского мира и стран Ближнего Востока. Он предназначен для сохранения и закрепления за колониальными державами их сфер влияния, их экономического и военно-политического господства на Ближнем Востоке.

США формально не участвуют в Багдадском пакте, но они прикомандировали к нему военную группу связи, разведывательную группу и присоединились к его экономическому комитету. 29 ноября 1956 г. государственный департамент США опубликовал заявление о полной поддержке им Багдадского пакта. Это было как раз в тот момент, когда пакт — в связи с суэцким кризисом и империалистической агрессией против Египта — продемонстрировал свою слабость и неустойчивость в результате раздирающих его внутренних противоречий. То, что США официально не участвуют в Багдадском пакте, тоже является отражением острых противоречий между империалистическими государствами. США, во-первых, хотят быть полными хозяевами в военной организации для Ближнего Востока, отвергая соответствующие претензии Англии; во-вторых, они стремятся во что бы то ни стало втянуть в нее арабские страны. Для этого и предназначена новейшая «доктрина Эйзенхауэра».

Нельзя не отметить, что в провале попыток вовлечь арабские страны в Багдадский пакт большую роль сыграла позиция Египта. Египетское правительство решительно отвергло все подобные предложения. Президент Насер заявил в январе 1956 г.: «Арабы не желают иметь ничего общего с большой тюрьмой, создаваемой империалистами в соответствии с их целями. Сначала эта империалистическая тюрьма имела форму господства самих империалистических сил. Затем тюрьма империализма приобрела новую форму договоров и союзов. Новейшей формой империалистической тюрьмы является Багдадский пакт... Арабы увидели, что новый

²⁰ 24 февраля 1955 г. в Багдаде был подписан военный договор между Турцией и Ираком; в апреле того же года к нему присоединилась Англия, в июле — Пакистан, в ноябре — Иран.

¹⁹ «New York herald tribune», 22 марта 1956 г.

пакт — большая тюрьма, и они, естественно, не захотели войти в нее добровольно»²¹.

Глубокая ненависть империалистических колонизаторов к свободному Египту не в малой степени вызвана как его независимой экономической политикой, решимостью самому распоряжаться своими ресурсами, так и его самостоятельной внешней политикой, той ролью, которую он сыграл в срыве планов вовлечения арабских стран в военную орбиту агрессивного Североатлантического блока.

Таковы были общие экономические и политические предпосылки международного кризиса, который разразился на Ближнем Востоке во второй половине 1956 г. Начавшись с дипломатического конфликта в связи с национализацией египетским правительством Международной компании Суэцкого канала 26 июля 1956 г., он перерос в разбойничье военное нападение империалистических колонизаторов на Египет 29 октября 1956 г.

Национализация Суэцкой компании вытекала из неотъемлемого права египетского народа самому распоряжаться своими национальными богатствами, она была выражением его непреклонной воли к освобождению от всех пут колониализма — политических, военных, экономических. Но суэцкий вопрос послужил для империалистов предлогом для давно подготовлявшейся агрессии. Суэцкий конфликт и военная агрессия против Египта не были, следовательно, случайным эпизодом, изолированным явлением. Это была великая историческая битва между свободой и колониализмом, между пробудившимся и эмансипирующимся Востоком и империалистическими державами Запада, между новым и старым миром.

Какова же была позиция США в этой битве?

III

Чем объяснить, что США, являющиеся в настоящее время, по существу, главным оплотом и главным гарантом колониализма, выступавшие в качестве авангарда империалистического колониализма в Китае — до 1949 г., в Корее — в 1950—1953 гг., в Индо-Китае — до 1954 г., не принимали непосредственного участия в нападении на Египет и как будто стояли в стороне, натягивая на себя маску «мировотворчества» и «антиколониализма»?

Дело в том, что в ближневосточных делах США, наряду с задачей использования Ближнего Востока в качестве военного плацдарма против СССР и предотвращения развала колониальной системы, с особой силой преследуют цель вытеснения своих империалистических конкурентов — Англии и Франции. Именно поэтому США, отстаивая колониальную систему, не обязательно стараются сохранить ее в старой форме, неразрывно связанной с английским преобладанием и господством. США стремятся отстоять колониализм в новой, завуалированной, форме с обеспечением своей собственной руководящей роли и ищут для этой цели какую-либо политическую опору в лице реакционных антинародных группировок в странах Ближнего Востока. Американский империализм собирается подкупить их при помощи экономических подачек, тем более, что у него для этого гораздо больше возможностей, чем у старых колониальных держав, Англии или Франции. Отсюда те политические маневры, которыми США маскировали свои истинные цели в период суэцкого кризиса и англо-франко-израильской агрессии против Египта.

Надо учитывать еще одно обстоятельство, оказывавшее известное влияние на внешнеполитический курс США: в этот период происходила кампания президентских выборов в США, и связанная с нею миротворческая шумиха.

²¹ «Правда», 29 января 1956 г.

Острые англо-американские противоречия по вопросам ближневосточной политики давали о себе знать задолго до суэцкого кризиса. Английская и американская пресса не случайно называла Ближний Восток одним из главных «невралгических пунктов» англо-американских отношений.

Английская пресса и английские официальные круги (а также некоторые круги в США, настаивавшие на более тесном сотрудничестве с Англией) вспоминали по этому поводу все перипетии англо-американских отношений, когда США отказывали в активной помощи своей союзнице, цеплявшейся за свои разваливающиеся под ударами национально-освободительного движения колониальные позиции. Так якобы было и во время национализации иранской нефти в 1951 г. и в период англо-египетского конфликта по вопросу об эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала в 1951—1954 гг. Так было и во время египетской революции 1952 г., когда англичане готовы были осуществить военную интервенцию, а американцы отказались ее поддержать²². И в дальнейшем США занимали по отношению к египетскому правительству менее непримиримую позицию, чем Англия, держа курс на то, чтобы удушить стремление Египта к упрочению своей независимости в тисках «американской помощи».

Само собой разумеется, что противоречия между США и Англией или между США и Францией отнюдь не идут по вопросу о колониализме или антиколониализме. США в послевоенный период стараются выступать под флагом «антиколониализма», но по существу за этим скрывается колониализм в новой форме, самый махровый современный «неоколониализм».

Противоречия между Англией и США или между Францией и США — это противоречия по вопросу о наилучших методах и способах сохранения колониальной системы империализма, а также по вопросу о том, какая из империалистических держав овладеет командными позициями и будет извлекать наибольшие выгоды в рамках этой колониальной системы.

Естественно, что национализация Суэцкой компании, нанесяшая большой удар по колониализму в целом, вызвала в США не менее враждебное отношение, чем в Англии и во Франции. Американские монополисты тоже испугались за свои нефтяные концессии, за свои огромные прибыли, они тоже заговорили о «цепной реакции».

После национализации Суэцкой компании США, Англия и Франция выступали единым фронтом против суверенитета и независимости Египта, за сохранение прав и привилегий империалистических колонизаторов. Больше того, американская дипломатия играла руководящую роль в выдвигании всяческих планов и проектов, направленных к тому, чтобы изъять Суэцкий канал из ведения его законного хозяина — Египта и передать его в руки иностранных монополий. Таков был план Даллеса об учреждении «международного органа» по управлению каналом, таков же был его последующий план организации «Ассоциации пользователей Суэцким каналом».

Правда, эти американские планы и проекты отнюдь не полностью соответствовали интересам Англии и Франции. Здесь, как говорят на Востоке, речь шла о переключении с рельсов «индивидуального колониализма» на рельсы «коллективного колониализма», т. е. США добивались не только сохранения системы колониальных привилегий, но и перераспределения этих привилегий в свою пользу, с тем чтобы не Англия или Франция, а США играли руководящую роль в каком-нибудь междуна-

²² Генерал Нагиб в своих воспоминаниях тоже сообщает, что предложение Англии о военной интервенции в пользу короля Фарука было отклонено Америкой. Сам Нагиб являлся открытым сторонником проамериканской ориентации (см. М. Neguib. Egypt's destiny. London, 1955, p. 127, 261).

родном органе по управлению каналом. США пытались разрешить суэцкий вопрос по иранскому образцу. По сообщениям американской печати, в кругах Уолл-стрит был подготовлен проект создания международного консорциума по управлению каналом наподобие того международного нефтяного консорциума, который был учрежден в Иране в 1954 г. Больше того, как подтвердил президент Насер, американские нефтяные компании совместно с рокфеллеровским «Чайз манхэттэн банк» предлагали Египту отдать в аренду Суэцкий канал на десять лет за 1 млрд. долл.²³

При всем этом на первом этапе суэцкого кризиса США, Англия и Франция выступали общим фронтом против Египта, совместно организовывали конференции и вносили на них общие предложения и проекты, а автором проектов «интернационализации» канала был государственный секретарь США Даллес. Главное, что их разделяло на первом этапе суэцкого кризиса, как об этом рассказали потом английские и французские государственные деятели, это вопрос о применении вооруженной силы против Египта.

Почему США в данном случае были против применения силы? Во-первых, они понимали рискованность подобной политики и предпочитали переложить риск на Англию и Францию, во-вторых, они не хотели преждевременно разоблачить себя и свой фальшивый «антиколониализм» в глазах арабского мира, старались, поелику это возможно, не выступать в одной шеренге со старыми колонизаторами, закрыть себе путь к дальнейшим поискам сговора и к маневрированию. Как раз в период обсуждения различных американских проектов «интернационализации» канала Даллес выступил 2 октября 1956 г. с заявлением, в котором пытался отмежеваться от колониализма Англии и Франции. Это заявление вызвало бурные протесты в правящих кругах этих стран. Наконец, в-третьих, применение силы означало курс на сохранение колониализма на Ближнем Востоке в его первоначальной форме и при старом соотношении сил, т. е. с преобладанием Англии, а США добиваются сохранения колониализма, пусть несколько видоизмененного, но с безусловным преобладанием США.

Заявляя о своем отказе от применения силы в случае, если Египет не примет предложений западных держав — такие прямые или косвенные заявления делались и при созыве первой Лондонской конференции и при создании «Ассоциации пользователей канала»²⁴ — США отнюдь не собирались противодействовать применению силы Англией и Францией. Каждое подобное заявление США обычно сопровождалось оговоркой, что США говорят только от своего имени и что другие державы могут поступить иначе...

США палец о палец не ударили для того, чтобы предупредить вооруженное нападение Англии, Франции и Израиля на Египет. Это нападение, видимо, было совершено без предварительного согласия США. Впоследствии, когда провал авантюры в Египте привел к отставке британского премьер-министра Идена, ему по обе стороны океана ставили в вину то, что он не согласовал этот шаг с США, поставив под угрозу англо-американский союз. Было бы неверно изображать эти события в виде простого

²³ «Правда», 19 января 1957 г.

²⁴ 3 августа 1956 г., накануне Лондонской конференции, Даллес в речи по радио заявил, что если конференция провалится, США не связаны никакими обязательствами в отношении того, что они предпримут (т. е. в отношении военных мер).

13 сентября 1956 г. Даллес заявил на прессконференции по поводу создаваемой «Ассоциации пользователей канала», что США не собираются «прокладывать себе силой путь через канал», но что он не может говорить от имени других участников Ассоциации («New York times», 14 сентября 1956 г.).

распределения ролей, игнорируя острейшие межимпериалистические противоречия, сказавшиеся во время суэцкого кризиса.

В то же время США прекрасно знали о готовящемся нападении — об этом сообщала и американская буржуазная печать. Американская администрация «не углядела» подготовляемого Англией, Францией и Израилем удара лишь потому, что притворилась слепой, — недаром говорят, что наиболее слеп тот, кто не хочет видеть.

Что означало такое положение, когда США, наиболее мощная капиталистическая держава и военный союзник Англии и Франции по НАТО, знает о готовящейся англо-французской агрессии, открыто говорит о ее возможности и ограничивается заявлениями о своем неучастии, не предпринимая решительно ничего для ее предотвращения. Это фактически означало политику провоцирования агрессии со стороны США²⁵.

И действительно, США, не желая в то время брать риск и одиум (позор) агрессии, прямо толкали на этот путь Англию и Францию. Одно из двух. Либо военная авантюра увенчается успехом, тогда и США несомненно пожнут ее плоды, и даже лучшие плоды, загребая жар чужими руками. Либо военная авантюра закончится провалом, тогда США, не запятанные участием в военной агрессии колонизаторов и сохранившие свой авторитет неподмоченным, смогут сами выступить на сцену. Оттеснив окончательно дискредитированных и обанкротившихся Англию и Францию и окладев их позициями, США возьмут руководство в свои руки и, применив не только военные угрозы, но и экономический шантаж, приманку «американской помощи», обеспечат торжество нового колониализма. Такова была американская линия в суэцком вопросе и в вопросе о военной агрессии против Египта. За мнимым «миролюбием» и фальшивым «антиколониализмом» скрывались планы установления американского колониального господства над Ближним Востоком.

После того как военная агрессия Англии, Франции и Израиля стала фактом, американская дипломатия, даже тогда, когда она выступала в ООН с предложениями о прекращении военных действий и выводе интервенционистских вооруженных сил с египетской территории, ни разу не выступила с осуждением агрессии и агрессоров. Наоборот, в речи президента Эйзенхауэра, произнесенной по радио в ночь на 1 ноября 1956 г. по поводу нападения на Египет, действия агрессоров оправдывались тем, что Англия, Франция и Израиль якобы «подвергались злостным и повторным провокациям». Президент заявил также о твердой решимости США сохранять и укреплять узы со своими союзниками²⁶. Значительная часть влиятельной буржуазной прессы, многие видные политические деятели США, особенно из демократической партии, прямо оправдывали агрессоров и призывали к более активной поддержке их со стороны США, во имя «атлантической солидарности». США отвергли предложение Советского Союза о том, чтобы объединить свои усилия с Советским Союзом в Организации Объединенных Наций для принятия решительных мер по пресечению англо-франко-израильской агрессии. Главной заботой США было стремление воспользоваться ослаблением Англии и Франции на Ближнем Востоке, чтобы захватить их позиции в свои руки.

²⁵ Член английского парламента консерватор Лэзер в публичном выступлении обвинил Америку в сознательном провоцировании кризиса, сославшись при этом на следующие факты: Даллес убедил Англию участвовать в финансировании Асуанской плотины, а потом неожиданно, без консультации с Англией, разорвал соглашение, провоцируя Египет на ответные действия («Manchester Guardian», 6 октября 1956 г.). В американской печати были сообщения о том, что член посольства США в Каире предварительно заверил египетское правительство, что в случае национализации Суэцкой компании США не будут принимать участия в каких-либо военных санкциях.

²⁶ «New York times», 1 ноября 1956 г.

И действительно, когда агрессия против Египта была прекращена, в первую очередь, в результате активных действий Советского Союза, США выступили на арену как главная сила современного колониализма, под знаменем пресловутой «доктрины Эйзенхауэра».

IV

«Доктрина Эйзенхауэра» изложена в послании президента США Конгрессу 5 января 1957 г. В этом послании указывается, что Ближний Восток «неожиданно достиг новой и критической стадии своей истории», что странам Ближнего Востока якобы угрожает опасность со стороны Советского Союза или «стран, контролируемых международным коммунизмом», и что Ближний Восток имеет колоссальное значение для западного мира, поскольку здесь сосредоточено $\frac{2}{3}$ мировых запасов нефти и поскольку этот район «обеспечивает ворота между Европой, Азией и Африкой». Поэтому США не могут остаться в стороне. В послании глухо говорится о необходимости возмещения возникшей в районе Ближнего Востока «нехватки силы». Президент предлагает программу из трех пунктов: 1) экономическая помощь, 2) военная помощь (по обеим этим статьям должно быть ассигновано 400 млн. долл. на ближайшие два года) и, наконец, 3) разрешение на использование в случае нужды вооруженных сил США на Ближнем Востоке без предварительной санкции Конгресса, как этого требует конституция.

Авторы послания всячески маскируют свои истинные цели и намерения, рядятся в бутафорские одежды «антиколониализма» — они хвалятся тем, что США якобы поощряли «эволюцию к самоуправлению и независимости» народов Востока, они мотивируют свою новую программу заботой о поддержке «независимости свободных стран» Ближнего Востока. Но из «доктрины Эйзенхауэра» торчат ослиные уши колониализма и империалистической «политики силы».

Новая американская программа основывается на так называемом «вакууме силы». А это и есть колониализм и расизм в самой неприкрытой форме.

Империалистические державы продолжают рассматривать народы Ближнего Востока как некую «низшую расу», неспособную жить, существовать, развивать свои естественные богатства, пользоваться благами мира без иностранного — европейского или американского — руководства и господства. Если одна группа колонизаторов ослабела, другая обязательно должна прийти ей на смену. Принцип «вакуума силы» — это отрицание свободы и независимости народов Востока, расистское отрицание способности этих народов самим быть кузнецами своей судьбы.

«Доктрина Эйзенхауэра» — это претензия США на полное и безраздельное экономическое, политическое и военное господство над странами Ближнего Востока. В самом деле, Ближний Восток, как подчеркивается в послании, должен сохранить свои экономические отношения с «западным миром», причем старые отношения, поскольку о каких-либо новых принципах этих отношений не упоминается. Иными словами Ближний Восток должен оставаться аграрно-сырьевым придатком к «западному миру», разумеется, при абсолютном преобладании американских монополий. Новые ассигнования по 200 млн. долл. в год для оказания экономической и военной помощи должны в данном случае еще крепче привязать страны Ближнего Востока к колеснице военной экономики США. И внешняя и внутренняя политика ближневосточных стран должна быть поставлена под абсолютный контроль США. В послании говорится об «угрозе» со стороны стран, «контролируемых международным коммунизмом». Но под такую рубрику можно подвести любую страну, имеющую какие-либо

экономические и дипломатические связи со странами социализма, или не желающую участвовать в агрессивных американских военных союзах. В другом месте послания указывается, что США намерены «защищать» страны Ближнего Востока от угрозы как прямой, так и «косвенной» агрессии. Но формула «косвенной агрессии» открывает неограниченные возможности вмешательства во внутренние дела других стран. Наконец, вся эта система американского контроля, вся эта пирамида колониального экономического и политического господства и эксплуатации увенчивается предложением о военных санкциях: американские вооруженные силы, игнорируя ООН и все принципы международного права, должны выполнять на Ближнем Востоке роль «международного жандарма» и в любой момент, по мановению руки президента, могут быть приведены в действие против страны, не желающей лезть в ярмо нового американского колониализма. Для стран Ближнего Востока «доктрина Эйзенхауэра» устанавливает режим некоего военного протектората.

В этой связи понятно, почему авторы этой доктрины так охотно используют жупел советской или же коммунистической «угрозы». Советский Союз, Китай и другие страны социалистического лагеря являются искренними и бескорыстными друзьями народов Востока, они оказывают всемерную помощь и поддержку странам, борющимся за укрепление своей национальной политической и экономической независимости, они приветствуют растущее единство народов арабских стран за мир, свободу, безопасность и независимость. Общеизвестна и выдающаяся роль Советского Союза в ликвидации англо-франко-израильской агрессии против Египта. Развивающееся и крепнущее сотрудничество и дружба между странами социализма и странами Азии и Африки, сбросившими с себя иго колониализма, является одной из самых могучих движущих сил мировой истории на современном этапе. Именно поэтому империалисты прилагают теперь беспечные усилия, чтобы как-нибудь расшатать, разрушить дружбу и сотрудничество, экономические и политические связи между странами Ближнего Востока и странами социализма, чтобы таким путем изолировать страны Ближнего Востока и облегчить себе задачу насаждения нового экономического, политического и военного колониализма.

«Доктрина Эйзенхауэра» — это программа колониального закабаления Ближнего Востока и превращения этого района в военный плацдарм американского империализма. В великом сражении, которое разыгралось на Ближнем Востоке во второй половине 1956 г. между колониализмом и свободой народов, колониализм потерпел поражение. Но после провала лобовой атаки колониализм прибегает к обходному маневру — и в этом смысл «доктрины Эйзенхауэра». Американские «неоколониалисты» преследуют те же самые цели, что и англо-французские агрессоры: сохранение в той или иной форме колониального господства, «интернационализация» Суэцкого канала, применение силы или угрозы силы для терроризирования народов и удушения национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. Разница лишь в том, что на этот раз на верховенство претендуют американские колонизаторы, стремящиеся использовать ослабление своих английских и французских партнеров и конкурентов, чтобы самим захватить ключевые позиции в экономике стран Ближнего Востока, прибрать к своим рукам их национальные богатства.

В отношении своих союзников американские империалисты тоже не склонны церемониться. В объяснениях, которые Даллес давал 15 января 1957 г. в комиссии Конгресса по поводу послания президента, содержались следующие знаменательные признания и утверждения: 1) «доктрина Эйзенхауэра» не была предварительно согласована с Англией и Францией, 2) США не намерены привлекать Англию и Францию к сотрудничеству

при осуществлении программы «помощи» на Ближнем Востоке, 3) если бы США шли плечом к плечу с Англией и Францией, это имело бы «роковые последствия и привело бы к торжеству коммунизма». Нет ничего случайного, что эта доктрина нашла довольно холодный прием у союзников США по Атлантическому блоку.

Американская военщина намерена форсировать превращение Ближнего Востока в свой военный плацдарм. По сообщению американской печати, в США разработан план размещения на территории других государств, в частности в Турции и Иране, американских воинских частей специального назначения, снабженных атомным оружием. Вопрос, однако, в том, захотят ли народы Ближнего Востока превратить свою землю в театр атомной войны, в зону огня и разрушения?

Значение «доктрины Эйзенхауэра» выходит далеко за пределы ближневосточной политики и стратегии США. Это, по существу, новая ступень колониальной политики американского империализма, причем ее агрессивный и реакционный характер, ее враждебность по отношению к арабским странам и всем народам Востока не может быть замаскирована никакими лицемерными фразами.

Американские неокolonизаторы ничему не научились на уроках истории, на уроках своих поражений на Дальнем Востоке, ничего не извлекли из уроков недавнего поражения англо-французских агрессоров. Они говорят о «критической стадии истории», но игнорируют непреодолимую волю народов Востока к достижению и укреплению своей независимости. Они убаюкивают о «взаимосвязанности» Ближнего Востока с западными странами, но не желают признать, что старой системе связей, основанной на колониальной эксплуатации, грабеже и разбое, пришел конец и что новые отношения могут быть основаны лишь на принципах равноправия и взаимной выгоды. Попытка силой сохранить старую систему связей, как показал «суэцкий кризис», приводит лишь к пагубным последствиям для экономики самих агрессоров-колонизаторов.

«Доктрина Эйзенхауэра» бросает открытый вызов принципам Бандунгской конференции, выразившей волю народов Азии и Африки, идее мирного сосуществования, принципу невмешательства во внутренние дела других стран, решимости народов покончить с колониализмом во всех его формах и проявлениях, их стремлению к миру и предотвращению войн. «Доктрина Эйзенхауэра» — это саморазоблачение американских колонизаторов и их лицемерной игры в «антиколониализм».

«Доктрина Эйзенхауэра» — претензия США на мировое господство, подтверждение империалистической «политики силы», раздувание холодной войны, нарочитое увеличение международной напряженности. В заявлении ТАСС в связи с так называемой «доктриной Эйзенхауэра», опубликованном 13 января 1957 г., с полным основанием говорится: «В послании господина Эйзенхауэра звучит не голос мира, а голос войны». Вслед за посланием президента о ближневосточной политике последовало внесение в конгресс рекордного военного бюджета, на два миллиарда долларов превышающего бюджет прошлого года. В послании Конгрессу «о положении страны» от 10 января 1957 г. открыто говорится о том, что США «должны взять на себя высокую роль в мировых делах — роль энергичного лидерства».

Претензии на «мировое лидерство», т. е. на мировое господство, являются нереальными, авантюристическими, и они свидетельствуют не о силе, а об ослаблении мировой капиталистической системы, об обострении всех внутренних и внешних противоречий американского империализма.

Внутри капиталистического лагеря произошла некоторая передвижка

сил — результат провала англо-французской агрессии против Египта, ослабления и дискредитации Англии и Франции. Но поражение англо-французских интервентов было поражением империализма и колониализма в целом, следовательно и США. Увеличению удельного веса США в рамках еще более ослабшей и дезорганизованной капиталистической системы, при дальнейшем ослаблении других капиталистических стран, союзников США, на деле означает ослабление и ухудшение позиций самих США как главной страны капитализма и главного оплота современного колониализма.

Страны арабского мира решительно отказываются вновь стать объектом колониальной политики империалистов. В коммюнике о происходивших 18—19 января 1957 г. в Каире переговорах между руководителями четырех арабских государств — Египта, Сирии, Иордании и Саудовской Аравии — было выражено отрицательное отношение к доктрине Эйзенхауэра. «После того, как каждая страна выразила свои взгляды на этот проект (Эйзенхауэра. — И. Л.), — говорится в коммюнике, — они все согласились с тем, что теория „вакуума“ должна быть отвергнута... Они полны решимости никогда не допускать, чтобы их страны стали сферой влияния любой иностранной державы». Йемен заверил о своей полной солидарности с решением совещания четырех арабских государств.

Новый американский колониализм враждебно встречен в широких кругах общенациональности Индии. В совместном заявлении о переговорах между премьер-министром Индии Неру и президентом Сирии Куатли, происходивших в Дели во второй половине января 1957 г., выдвигается требование отказа от колонизаторского и военного подхода при разрешении проблем Ближнего Востока. Странам этого района должна быть обеспечена «возможность развиваться в условиях полной свободы и без господства какой-либо иностранной державы», — говорится в заявлении. И далее: «Вмешательство великих держав в форме военных пактов и союзов нарушает мир и стабильность на Среднем Востоке»²⁷.

По иному встретили «доктрину Эйзенхауэра» участники Багдадского пакта — Турция, Иран, Ирак и Пакистан. На совещании в Анкаре, закончившемся 20 января 1957 г., они заявили о своем положительном отношении к этой доктрине. Тем самым еще более раскрывается значение Багдадского пакта как орудия колониализма и политического раскола стран Ближнего Востока.

Интересам укрепления безопасности и обеспечения быстрого экономического развития стран Ближнего Востока целиком соответствует политика Советского Союза, выраженная, в частности, в его предложениях от 11 февраля 1957 г., сделанных правительствам США, Англии и Франции. Сущность этих предложений: сохранение мира и урегулирование спорных вопросов исключительно мирными средствами; уважение суверенитета и независимости стран Ближнего Востока, невмешательство в их внутренние дела; отказ от вовлечения этих стран в военные блоки, ликвидация военных баз и вывод иностранных войск, взаимный отказ от поставок оружия; содействие экономическому развитию стран Ближнего Востока без предъявления каких-либо политических или военных условий. Советские предложения встретили сочувствие и поддержку со стороны различных общественных кругов ближневосточных стран.

Времена колониализма уходят в прошлое и им не вернуться вновь. Народы Ближнего Востока отвергают «доктрину Эйзенхауэра». Эта доктрина окажется в мусорном ящике истории, как и все прочие инструменты колониальной политики и идеологии, колониального грабежа и разбоя

²⁷ «Известия», 22 января 1957 г.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОСПИТАНИЕ БУРЖУАЗНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В КНР

А. В. МЕЛИКСЕТОВ

VIII съезд Коммунистической партии Китая дал глубокий анализ коренных экономических и классовых изменений, которые произошли в Китае за последнее десятилетие. В политическом отчете ЦК КПК, в выступлениях делегатов и в решениях съезда большое внимание уделено вопросам о социалистическом преобразовании капиталистической частной собственности, об идеологическом перевоспитании буржуазных элементов, о дальнейшем укреплении Единого народно-демократического фронта.

Важной особенностью развития социалистической революции в Китае является мирный путь преобразования капиталистической частной собственности и проводимое на этой основе идеологическое перевоспитание промышленников и торговцев, ставящее своей целью превращение бывших эксплуататоров в трудящихся. В связи с этим стало возможным сохранение и дальнейшее развитие политического союза, единого фронта рабочего класса с национальной буржуазией и в период социалистической революции.

Развитие социалистической революции в Китае вновь подтверждает правильность указания В. И. Ленина о том, что все нации придут к социализму и при этом внесут много своеобразия в формы и методы социалистического строительства. В. И. Ленин подчеркивал целесообразность в определенных условиях для завоевавшего власть рабочего класса выкупа капиталистической частной собственности и использования буржуазных элементов в социалистическом строительстве.

В 1921 г. В. И. Ленин говорил: «Нам, которые предложили капиталистам: «Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования», — нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали¹. В ходе гражданской войны первое социалистическое государство отстояло завоевания революции, и русская буржуазия была ликвидирована как класс в результате насильственной экспроприации капиталистической частной собственности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 67.

Хотя социалистическая революция в Китае происходит в иных исторических условиях, с чем и связан ряд особенностей социалистического строительства в КНР, опыт успехов Советского Союза и опыт наших неудач имеют огромное значение для деятельности Коммунистической партии Китая. «Несмотря на то, что революция в нашей стране имеет много своих особенностей, — говорилось в политическом отчете ЦК КПК VIII съезду партии, — китайские коммунисты рассматривают свое дело как продолжение Великой Октябрьской революции».

Социалистическое строительство в Китае развивается в тот период, когда социализм уже вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему, что обеспечивает китайскому народу широкую международную поддержку и, прежде всего, огромную экономическую и политическую помощь Советского Союза. Китайская национальная буржуазия вынуждена считаться с тем, что в настоящее время на международной арене произошло коренное изменение соотношения сил в пользу социализма.

Мирный путь преобразования стал возможным и необходимым также в силу особенностей экономического и политического положения внутри страны, которые связаны главным образом с тем, что социалистическое строительство развивается в стране, до победы революции являвшейся полуфеодальной и полукOLONIALНОЙ, имевшей очень отсталую промышленность и слабо развитые капиталистические отношения.

Победа революции в Китае привела к коренным социально-экономическим преобразованиям. Были ликвидированы классы помещиков и Compradorской буржуазии. Земля стала собственностью крестьянства. Основная часть крупной промышленности, железные дороги, финансы из рук империалистов и их агентуры — Compradorской буржуазии перешли к народно-демократическому государству. Переход к народно-демократическому государству главенствующих экономических позиций создал решающие предпосылки для мирного преобразования капиталистической промышленности и торговли и для идеологического перевоспитания буржуазных элементов.

Возможность и необходимость мирного преобразования капиталистической частной собственности вытекают также из специфических особенностей формирования и развития китайской национальной буржуазии.

В середине прошлого века, т. е. к началу широкого проникновения иностранного капитала в Китай, в стране еще господствовали феодальные производственные отношения, а национальная буржуазия только начинала складываться. Решающей экономической силой на китайском рынке стал иностранный капитал. В процессе постепенного превращения феодального Китая в полуфеодальную и полукOLONIALную страну иностранный капитал захватил основные командные высоты в области экономики. Иностранный капитал душил национальную промышленность. Империализм стремился превратить Китай в источник дешевого сырья и рынок сбыта своих товаров. В результате этого национальная капиталистическая промышленность и торговля никогда не являлись ведущей экономической силой в стране, а национальная буржуазия никогда не была господствующим классом в Китае. В период гоминьдановского господства национальный капитал развивался в трудных условиях, испытывая все усиливающееся давление иностранного и бюрократического капитала, уступая им свои слабые позиции в экономике страны. Например, в Шанхае в 1934 г. промышленных предприятий национальной буржуазии закрылось в два раза больше, чем вошло в строй новых, в первой половине 1935 г. — уже в шесть раз, в 1936 г. — в три раза. Причем размер капиталовложений в

среднем на каждое новое предприятие непрерывно падал². В годы войны этот процесс усилился еще больше.

Все это вело к развитию серьезных экономических и политических противоречий между национальной буржуазией, с одной стороны, и силами империализма, феодализма и бюрократического капитала — с другой. Эти противоречия приводили национальную буржуазию на определенных исторических этапах в лагерь сторонников национально-освободительной революционной борьбы. Однако экономическая и политическая слабость национальной буржуазии, ее связи с империализмом, феодализмом и бюрократическим капиталом делали ее очень непоследовательным борцом за освобождение Китая, постоянно колебавшимся между силами революции и реакции.

Победа народной революции, уничтожение остатков феодализма, экономическая независимость страны, рост материального благосостояния и покупательной способности широких масс народа способствовали развитию промышленности и торговли, в частности капиталистической. По отношению к частному капиталу коммунистическая партия с первых дней республики начала проводить политику использования его активной и положительной роли в народном хозяйстве, ограничения его стихийно-анархических тенденций и постепенного преобразования частных предприятий в различные по форме предприятия государственного капитализма как переходную ступень к их полному социалистическому преобразованию.

Эта благоприятная обстановка привела к известному развитию капиталистической промышленности. Хотя ее удельный вес падал непрерывно, за первые четыре года существования народно-демократического строя валовой объем продукции капиталистической промышленности вырос почти в два раза³. Уменьшение объема производства капиталистической промышленности начинается лишь с 1954 г., когда усилилось превращение частных предприятий в смешанные государственно-капиталистические.

Частная промышленность и торговля, несмотря на непрерывное падение удельного веса, к началу первой пятилетки еще играли важную роль в народном хозяйстве страны. Удельный вес частной промышленности в 1952 г. составлял 39%, но в некоторых отраслях он был много выше, например: по выпуску хлопчатобумажных тканей — 49%, резиновой обуви — 53%, металлорежущих станков — 53%⁴. Значительным был и удельный вес частной торговли в 1952 г. — 50% в товарообороте страны.

Тяжелым последствием зависимого положения национального капитала в старом Китае являлось преобладание мелкого производства над крупным и даже средним. В 1953 г. в стране насчитывалось около 200 тыс. частных промышленных предприятий, на которых было занято примерно 2750 тыс. человек рабочих и служащих. Предприятий, имевших менее 10 рабочих и служащих, было 155 тыс., а с числом рабочих и служащих свыше 500 всего лишь 176⁵. Это свидетельствует о полном преобладании мелких предприятий, которые имели, как правило, мануфактурный или ремесленный характер. О технической отсталости частной промышленности говорит и крайне небольшой объем частных промышленных капиталовложений, которые в 1954 г. составляли 2,5 млрд. юаней⁶.

² См. 新建設 (Синьцзяншэ), 1953, № 12, стр. 6.

³ Подсчитано по данным 經濟週報 (Цзинцзи чжоубао), 1953, № 46, стр. 10 и 11 «Жэньминьжибао», 23 октября 1955 г.

⁴ «Жэньминьжибао», 21 марта 1956 г.

⁵ «Народный Китай», 1955, № 12, стр. 5; «Жэньминьжибао», 14 декабря 1955 г.

⁶ 工商界 (Гуншанцзэ), 1956, № 1, стр. 17.

Преобладание мелкого и технически отсталого производства над крупным приводило к низкой производительности труда в целом по частной промышленности, к большим накладным расходам, высокой стоимости продукции при низком ее качестве. Именно, учитывая эти особенности структуры частной промышленности и торговли, народное правительство проводило ее преобразование через различные формы государственного капитализма: от низших к средним, от средних к высшим.

КПК осуществляла политику использования, ограничения и преобразования частного капитала, которая является конкретным выражением мирного пути социалистического преобразования. С одной стороны, это процесс выкупа капиталистической частной собственности со стороны государства путем превращения всех частных предприятий в смешанные государственно-капиталистические и выплаты бывшим частным владельцам частичной компенсации. С другой стороны, это процесс сочетания экономического преобразования предприятий и использования капиталистов в качестве технических специалистов и административных работников, их идеологического перевоспитания, привлечения к трудовой деятельности, т. е. постепенного превращения буржуазных элементов в трудящихся.

Оба эти процесса тесно связаны и взаимодействуют. Действительно, без использования владельцев частных предприятий в качестве организаторов производства и без одновременной борьбы с их буржуазной идеологией преобразование этих предприятий было бы затруднено. В то же время постепенное превращение капиталистической собственности в социалистическую является материальной основой идеологического перевоспитания буржуазных элементов.

Идеологическое перевоспитание буржуазии стало возможным только в определенных условиях, сложившихся в ходе социалистического строительства.

Какие же эти условия?

Во-первых, укрепление социалистического государства и его основы — союза рабочих и крестьян, рост политической сознательности и политической активности широких масс трудящихся. Во-вторых, непрерывный рост и усиление социалистического сектора и ослабление капиталистических элементов во всех отраслях экономики и полный контроль над ними со стороны государства; преобразование всей капиталистической промышленности и торговли в смешанную государственно-капиталистическую. В-третьих, наличие политического союза рабочего класса и национальной буржуазии в рамках Единого народно-демократического фронта, политическое расслоение национальной буржуазии.

Только в этих конкретных исторических условиях, отражающих победоносное развитие социалистической революции в Китае и усиление всего социалистического лагеря, оказывающего действенную поддержку усилиям китайского народа, стало возможным широко развернуть работу по идеологическому перевоспитанию национальной буржуазии.

Очень важной особенностью осуществления политики идеологического перевоспитания буржуазных элементов со стороны коммунистической партии является то, что эта воспитательная и политическая работа ведется с помощью Единого народно-демократического фронта, в котором участвует и национальная буржуазия.

Политический союз рабочего класса и национальной буржуазии в рамках единого фронта является одной из специфических особенностей развития социалистической революции в Китае. Этот союз имеет длительную историю своего зарождения и развития. Впервые он сложился в ходе первой гражданской войны в форме союза коммунистической партии и

гоминьдана, представлявшего тогда интересы национальной буржуазии. Создание союза было важнейшей причиной успехов национально-освободительной борьбы в тот период. Однако вследствие нажима империалистических сил и боязни усиления руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии национальная буржуазия разорвала этот союз, что явилось одной из причин поражения революции в 1927 г.

Политический союз рабочего класса и национальной буржуазии вновь начал складываться по инициативе коммунистической партии как единый фронт борьбы с японской агрессией. В деле разгрома японской агрессии единый фронт сыграл большую роль. В дальнейшем в ходе борьбы с гомиьдановской реакцией, с кликой Чан Кай-ши во время третьей гражданской войны национальная буржуазия вновь неоднократно занимала колеблющуюся позицию, но в конце концов, когда силы революции стали побеждать, она встала на сторону рабочего класса, приняла участие в Едином народно-демократическом фронте.

Многочисленные колебания национальной буржуазии отражают ее двойственный характер. Национальная буржуазия Китая складывалась и развивалась под гнетом империализма, феодализма и бюрократического капитала, чем и объясняется ее участие в демократической революции, но ее экономическая и политическая слабость и зависимость от империалистической и компрадорской буржуазии делали ее непоследовательной и нерешительной.

После победы народной революции и образования Китайской Народной Республики национальная буржуазия вынуждена была признать руководство рабочего класса и коммунистической партии. Однако ее двойственность и колебания продолжают сказываться, хотя и в значительно меньшей степени, ибо уже были уничтожены компрадорская буржуазия и зависимость национальной буржуазии от империализма и быстро ликвидировались остатки феодализма.

В переходный период национальная буржуазия признала руководящую роль рабочего класса, вследствие превосходства сил социализма стала на путь мирного преобразования, а не на путь развязывания гражданской войны. Но вместе с тем, в силу своей капиталистической сущности, стремления к получению высоких прибылей путем усиления эксплуатации рабочего класса, расхищения общественных средств, спекуляции она вступает в противоречие с интересами народного государства и всего общества.

Столкновение государственных интересов и узкоклассовых интересов национальной буржуазии особенно обострилось в 1952 г., когда экономически усилившаяся буржуазия пыталась подорвать экономические позиции народного государства, пыталась направить развитие страны по капиталистическому пути. Наступление национальной буржуазии выразилось в резком усилении спекуляции, расхищении государственных средств, уклонении от уплаты налогов и т. д. Коммунистическая партия Китая мобилизовала весь народ на проведение «движения против пяти злоупотреблений». Это был период наибольших противоречий рабочего класса с национальной буржуазией. В ходе этой борьбы была разбита попытка национальной буржуазии направить страну по капиталистическому пути. Победа «движения против пяти злоупотреблений», другие экономические и политические успехи народного государства подготовили почву для социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли в широких масштабах, обеспечили возможность мирного преобразования.

Политика коммунистической партии полностью учитывает двойственность национальной буржуазии. Именно поэтому ее называют: «политикой союза и борьбы», «политикой сплочения посредством борьбы», т. е. политикой борьбы с антиобщественными тенденциями буржуазии при одновремен-

ном использовании ее активности для дела социалистического строительства. В политическом отчете ЦК КПК VIII съезду партии, сделанном Лю Шао-ци, говорится: «После образования Китайской Народной Республики национальная буржуазия выступает в поддержку демократической диктатуры народа, общей программы и Конституции, стремится продолжать борьбу против империализма и одобряет аграрные преобразования, однако она горит сильным желанием развивать капитализм. Поэтому наша политика в отношении национальной буржуазии по-прежнему является политикой сплочения и борьбы с ней, политикой достижения сплочения посредством борьбы. Это значит, что на базе союза рабочих и крестьян рабочий класс по-прежнему поддерживает политический союз с национальной буржуазией»⁷.

Проводя политику «союза и борьбы», коммунистическая партия добилась серьезных успехов в деле использования активности буржуазии. В таких важнейших мероприятиях, как восстановление народного хозяйства, аграрная реформа, движение против американской агрессии, национальная буржуазия оказывала поддержку коммунистической партии и народному правительству. Национальная буржуазия «выразила желание и дальше сохранять сформировавшийся в ходе народно-демократической революции единый фронт с пролетариатом. В условиях, когда буржуазия не намерена порывать этот союз, пролетариату, овладевшему политической властью, нет основания порывать этот союз и прибегать к методу конфискации капиталистической собственности»⁸.

Организационной формой единого фронта является Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). Он образовался еще в сентябре 1949 г. и объединил демократические партии и группы, представителей всех национальностей и демократических классов страны, представителей китайских эмигрантов и другие патристические элементы. В течение пяти лет НПКСК выполнял функции Всекитайского собрания народных представителей. После избрания в 1955 г. Всекитайского собрания народных представителей НПКСК не утратил своего значения, продолжая оставаться организационной формой единого фронта.

Политический союз рабочего класса с национальной буржуазией, политика «союза и борьбы» не означали какого-либо примирения или отказа от борьбы с буржуазной идеологией, с буржуазным влиянием на трудящихся и тем более с проникновением буржуазной идеологии и буржуазного влияния в ряды коммунистической партии. Непримиримая борьба с буржуазной идеологией и с буржуазным влиянием являются условием идеологического перевоспитания буржуазных элементов, условием успешного осуществления социалистического преобразования частной промышленности и торговли.

Укрепление коммунистической партии, усиление борьбы с буржуазной идеологией среди членов партии, интеллигенции и всех трудящихся сыграли большую роль в создании условий для успешного осуществления идеологического перевоспитания буржуазных элементов. Большую роль в развитии идеологической работы, в усилении борьбы с буржуазной идеологией сыграл разгром в 1955 г. антисоциалистической группировки Ху Фына.

В результате последовательного проведения курса на мирное преобразование капиталистической промышленности и торговли образовалось постоянно увеличивающееся ядро прогрессивной национальной буржуазии. Это те элементы национальной буржуазии, которые сознательно, активно принимают социалистические преобразования, это наиболее даль-

⁷ «Дружба», 18 сентября 1956 г.

⁸ «Дружба», 9 марта 1956 г.

новидные представители национальной буржуазии, правильно связывающие свое материальное и общественное положение в будущем с успехами социалистического преобразования.

Среди национальной буржуазии имеются и реакционные элементы, которые выступают против народной власти и социалистических преобразований. Прогрессивные и реакционные элементы боролись и борются за влияние на колеблющиеся слои национальной буржуазии.

Коммунистическая партия Китая использует расслоение национальной буржуазии. Опираясь на прогрессивную ее часть, коммунистическая партия стремится изолировать ее реакционную часть, повести по пути преобразования и перевоспитания основную массу национальной буржуазии. Совершенно ясно, что без изоляции и разгрома той небольшой части национальной буржуазии, которая встала на путь контрреволюции, невозможно в достаточной степени активизировать прогрессивные ее элементы, нельзя повести за собой основную массу капиталистов.

Китайский народ под руководством КПК вел систематическую борьбу за изоляцию реакционных групп национальной буржуазии. В результате последовательного проведения курса на сочетание строгих мер по отношению к закоренелым контрреволюционерам и великодушия по отношению к раскаявшимся тайные организации реакционных элементов были разгромлены, а сами они оказались политически изолированными не только от народных масс, но и от широких слоев национальной буржуазии.

Коммунистическая партия и государство в деле идеологического перевоспитания национальной буржуазии используют ее экономические и политические организации, руководящее положение в которых занимает передовая часть национальной буржуазии. Главной экономической организацией национальной буржуазии, играющей очень важную роль в проведении социалистических преобразований, стала Всекитайская торгово-промышленная ассоциация, созданная в конце 1953 г. Как говорится в уставе Всекитайской торгово-промышленной ассоциации, ее основная цель — «направить промышленников и торговцев на выполнение Общей программы НПКСК, политических установок и распоряжений народного правительства»⁹.

Всекитайская торгово-промышленная ассоциация — наиболее массовая организация, повсеместно объединяющая основную массу национальной буржуазии. В то же время эта организация тесно связана с государственными экономическими органами. Опираясь на руководство этой организации, государство использовало Ассоциацию для руководства капиталистической торговлей и промышленностью, для проведения их социалистического преобразования.

С 23 октября по 12 ноября 1953 г. проходил первый съезд Ассоциации. Съезд состоялся как раз в то время, когда началась пропаганда генеральной линии партии в переходный период. Представители ЦК КПК и народного правительства провели огромную работу среди делегатов съезда, разъясняя генеральную линию партии. Это способствовало тому, что съезд высказался за поддержку генеральной линии. В резолюции съезда отмечалось: «Съезд единодушно поддерживает генеральную линию партии в переходный период и политику использования, ограничения и преобразования в отношении частной промышленности и торговли. Промышленники и торговцы всей страны должны активно развивать полезные для народного хозяйства предприятия, принимать руководство народного правительства и государственной экономики и контроль со стороны рабо-

⁹ «Жэньминьжибао», 14 ноября 1953 г.

чего класса, активно участвовать в социалистическом преобразовании»¹⁰. Съезд единодушно признал, что постепенное социалистическое преобразование частной промышленности и торговли через государственный капитализм — «лучший путь и метод преобразования, выгодный как государству и народу, так и частным промышленникам и торговцам»¹¹.

Всекитайская торгово-промышленная ассоциация способствовала активному принятию социалистических преобразований национальной буржуазией. Об этом свидетельствуют такие факты, как участие актива Ассоциации в борьбе с злоупотреблениями буржуазии, в работе по «самопроверке» уплаты налогов, в конференциях по развитию товарооборота, в проведении курса на централизованное планирование и широкая деятельность в период постраслевого преобразования промышленности.

Основной политической партией национальной буржуазии является Всекитайская ассоциация демократического национального строительства. Эта буржуазная партия образовалась в декабре 1945 г., однако относительно многочисленной организацией она стала только после освобождения и особенно в период усиления социалистических преобразований капиталистической промышленности и торговли. В середине 1954 г. местные организации Ассоциации имелись уже в 42 наиболее крупных городах страны¹².

В течение этого времени Ассоциация стала основной партией национальной буржуазии, стоявшей на позициях активной поддержки генеральной линии коммунистической партии в переходный период. Еще в ноябре 1953 г. руководство Ассоциации после обсуждения и изучения генеральной линии приняло решение: «Воспитывать и поднимать сознательность промышленников и торговцев — членов нашей Ассоциации с тем, чтобы они стали руководящей силой торгово-промышленных кругов; объединить и мобилизовать возможно большее количество капиталистов с тем, чтобы они активно участвовали в социалистическом преобразовании»¹³. После принятия Конституции специальный расширенный пленум Постоянного комитета Ассоциации одобрил материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей и призвал членов Ассоциации глубоко изучать эти материалы и подавать пример в выполнении Конституции и всех законов государства¹⁴. В начале апреля 1955 г. состоялся первый съезд Ассоциации, который подвел итоги работы, наметил пути активизации деятельности ее членов, принял устав. В решении съезда указывалось, что генеральная линия Ассоциации в переходный период должна исходить из генеральной линии КПК. Съезд вновь подчеркнул необходимость строгого соблюдения законов¹⁵.

В уставе, принятом съездом, определено, что программой Ассоциации является Общая программа НПКСК. О задачах Ассоциации в уставе говорится: «Ассоциация, исходя из требований основных задач государства в переходный период и под руководством Коммунистической партии, объединяет и воспитывает представителей национальной буржуазии для активного осуществления социалистических преобразований, для решительной борьбы против внутренних и внешних врагов, для борьбы за строительство социалистического общества»¹⁶.

¹⁰ 私营工商业的光明大道 (Светлый путь частной промышленности и торговли). Пекин, 1954, стр. 38.

¹¹ Там же.

¹² См. 人民手册 (Жэньминь шуцэ), 1955, стр. 375.

¹³ «Жэньминьжибао», 2 апреля 1955 г.

¹⁴ См. «Жэньминьжибао», 9 октября 1954 г.

¹⁵ См. «Жэньминьжибао», 14 апреля 1955 г.

¹⁶ «Гуанминжибао», 14 апреля 1955 г.

Всекитайская торгово-промышленная ассоциация и Всекитайская ассоциация демократического национального строительства в ходе своей деятельности под руководством коммунистической партии не ограничились работой среди наиболее передовой части национальной буржуазии, а смогли повести за собой основную часть национальной буржуазии, что явилось одним из важных факторов ускорения социалистического преобразования капиталистической торговли и промышленности.

Работу по вовлечению основной массы буржуазных элементов в активное участие в социалистическом преобразовании Всекитайская торгово-промышленная ассоциация и демократические партии прежде всего вели путем борьбы за соблюдение законов. В условиях переходного периода соблюдение всех законов социалистического государства по существу и означало принятие социалистических преобразований. Однако, как показывали факты, особенно вскрытые в ходе движения «уфань» (борьба против пяти зол), большинство капиталистов на словах поддерживали всенародную борьбу за строительство социализма, на деле серьезно нарушали государственные законы, подрывая тем самым это строительство. Среди национальной буржуазии получило широкое хождение следующее выражение: «Патриотом быть легко, соблюдать законы — трудно»¹⁷. Именно поэтому во всех вышеприведенных программных документах подчеркивается и неоднократно повторяется требование соблюдения всех законов государства.

В работе по контролю за уплатой налогов, по проверке выполнения договоров с государством принимала участие значительная часть буржуазии. Все эти мероприятия в определенной степени снизили число экономических преступлений, помогали изолировать реакционную, контрреволюционную часть национальной буржуазии. Успехи на этом важнейшем участке идеологического перевоспитания были достигнуты в условиях дальнейшего усиления рабочего контроля и руководства со стороны государства.

Сотрудничество между Коммунистической партией Китая и другими демократическими партиями и группами будет играть большую политическую роль в жизни страны и после завершения социалистических преобразований. В середине 1956 г. в связи с решающими победами в деле социалистического строительства встал вопрос о дальнейшем существовании и характере деятельности демократических партий и групп, отражавших интересы национальной буржуазии, верхних слоев мелкой буржуазии и их интеллигенции. Коммунистическая партия Китая дала ясный ответ на этот вопрос, выдвинув курс на длительное сосуществование и взаимный контроль коммунистической партии и различных демократических партий и групп. Выступая на III сессии Всекитайского собрания народных представителей, заведующий отделом единого фронта ЦК КПК Ли Вэй-хань подчеркнул, что выдвижение этого курса еще раз свидетельствует о том, что демократическое сотрудничество с теми элементами, которые не состоят в Коммунистической партии Китая, является постоянным и неизменным принципом коммунистической партии¹⁸. Выдвигая этот курс, КПК учитывала, что после того, как в будущем представители национальной буржуазии и верхних слоев мелкой буржуазии превратятся в трудящихся, демократические партии будут еще длительное время отражать интересы этой части населения.

VIII съезд КПК поставил перед всеми коммунистами задачу дальнейшего укрепления широких связей с беспартийными массами и особен-

¹⁷ «Жэньминьжибао», 10 августа 1955 г.
¹⁸ См. «Жэньминьжибао», 26 июня 1956 г.

но подчеркнул важность развития деятельности Единого народно-демократического фронта, развития сотрудничества всех партий. «Необходимо, — указывается в резолюции съезда по политическому отчету ЦК КПК, — в соответствии с курсом на длительное сосуществование и взаимный контроль, и впредь усиливать сотрудничество со всеми демократическими партиями и беспартийными демократическими деятелями, а также полностью развивать роль народных политических консультативных советов и консультативных органов всех ступеней»¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что идеологическое перевоспитание буржуазных элементов — это одна из форм классовой борьбы, это составная часть процесса классовой борьбы между буржуазией и рабочим классом в условиях политического руководства рабочего класса. Особенностью этой классовой борьбы в переходный период в Китае именно и является применение со стороны рабочего класса не только насильственных методов подавления, но и различных форм идеологического перевоспитания. Подавление всех противозаконных и контрреволюционных выступлений буржуазии, постепенное преобразование капиталистической частной собственности в социалистическую через государственный капитализм — основа для идеологического перевоспитания буржуазных элементов.

Коренные экономические и политические изменения, происшедшие в Китае за годы народной власти, серьезно изменили взгляды многих капиталистов. В этом отношении весьма интересна беседа корреспондента агентства Синьхуа с крупным капиталистом Жун И-жэнем. На вопрос корреспондента о том, как он, капиталист, избрал путь социалистических преобразований и что он при этом теряет, Жун И-жэнь ответил: «Я, действительно, являюсь капиталистом, но прежде всего я сын своего народа... Я потерял некоторую прибыль, которую я получал на основе эксплуататорской системы, но я приобрел право на возможность жить в могучем и цветущем социалистическом государстве... Мои дети хотят быть музыкантами, инженерами, людьми полезных профессий, но никто из них не желает быть капиталистом»²⁰.

Американский экономист Флетчер, посетивший Китай в начале 1953 г., уже в тот период обратил внимание на серьезные изменения в политических взглядах национальной буржуазии. Он писал: «Вопреки тому, что многие из нас ожидали найти в Китае, большинство частных предпринимателей оптимистически смотрят на деловые перспективы в ближайшем будущем и (многие ли наши бизнесмены могут сказать так же?) на следующее десятилетие и еще далее, хотя все частные предприятия в конце концов превратятся в общественную собственность, когда китайское общество станет социалистическим».

Мы спрашивали частных предпринимателей, как они примирятся с тем фактом, что их предприятия неизбежно перейдут в общественную собственность. Некоторые из них... отвечали нам искренне, что они надеются продолжать свою деятельность в качестве администраторов тех или иных социалистических предприятий. Тем временем их дети вырастут и станут техниками и инженерами, профессорами и государственными служащими в новом обществе»²¹.

Коммунистическая партия Китая придает большое значение воспитанию в социалистическом духе детей капиталистов. Политика мирного преобразования капиталистической промышленности и торговли и предоставления политических прав национальной буржуазии создала пред-

¹⁹ «Дружба», 29 сентября 1956 г.

²⁰ «Дружба», 22 января 1956 г.

²¹ Н. Fletcher. Private business in China. «China monthly review», February 1953, p. 143, 148.

посылки для разрыва многих молодых людей из буржуазных семей с буржуазной идеологией. Дети капиталистов учатся в школах наравне и вместе с детьми трудящихся, юноши и девушки из буржуазных семей могут поступить в высшие учебные заведения и найти работу по специальности, принимают участие в работе преобразованных предприятий. Совместная учеба с детьми трудящихся, работа в пионерских организациях и организациях Новодемократического союза молодежи, участие в труде, воспитательная работа в школе и в вузе во многом изменили взгляды буржуазной по происхождению молодежи. «С нашим поколением буржуазия в Китае должна прекратить свое существование», — заявил Сюн Ши-вэй, один из активистов молодежи торгово-промышленных кругов города Чанша²². В этих словах Сюн Ши-вэя выражено настроение этой молодежи.

Передовая молодежь, принадлежавшая к торгово-промышленным кругам, не только сама приняла активное участие в работе по преобразованию капиталистических предприятий, но и сыграла значительную роль в активизации родителей и членов своих семей. Многие молодые активисты смогли увлечь их своим стремлением к изменению условий жизни, к строительству нового, социалистического общества.

Процесс идеологического перевоспитания буржуазных элементов значительно ускорился в период поотраслевого преобразования (конец 1955 г. и 1956 г.). В этот период практически все капиталистические промышленные и торговые предприятия были преобразованы в смешанные государственно-частные. Поотраслевое преобразование капиталистических промышленных и торговых предприятий в смешанные, их хозяйственная реорганизация, установление определенного процента по сути дела означает постепенную ликвидацию капиталистических производственных отношений. Безусловно, что именно изменения в экономических условиях существования буржуазии явились основой для развертывания идеологического перевоспитания в широких масштабах. Усиление процесса идеологического перевоспитания буржуазных элементов связано с массовым привлечением их к трудовой деятельности.

В. И. Ленин всегда подчеркивал важность привлечения буржуазных элементов, имеющих большой хозяйственный опыт, опыт организации производства, под контролем рабочего класса к хозяйственному строительству. На XI съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят»²³. В. И. Ленин с большим вниманием относился к опыту использования буржуазных элементов. В статье по поводу книги А. Тодорского В. И. Ленин приводит следующие слова ее автора: «Это — еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или «доканаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать, и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть». В. И. Ленин назвал это рассуждение превосходным и глубоко правильным²⁴.

Использование бывших владельцев частных промышленных и торговых предприятий в качестве технических специалистов и административных работников обусловлено, конечно, прежде всего интересами производства. Преобразование мелких капиталистических промышленных предприятий с несколькими наемными рабочими (а таких предприятий боль-

шинство) не приведет к сокращению производства и увеличению безработицы в случае использования бывших владельцев в качестве организаторов производства под строгим контролем рабочих и государства. В еще большей степени это относится к частной торговле. Значительную пользу могут принести бывшие владельцы, имеющие технические и организаторские навыки, и на крупных предприятиях.

После осуществления отраслевого преобразования, хозяйственной реорганизации и установления определенного процента участие в производстве стало для большинства торговцев и промышленников экономической необходимостью. Это связано с небольшими размерами их капитала и, следовательно, незначительностью доходов на этот капитал. Например, в Пекине капиталисты имеют в среднем капитал не более 3 тыс. юаней²⁵. Капиталы торговцев намного ниже. В среднем по стране городской частный магазин имеет капитал 1150 юаней²⁶.

Правда, капитал промышленных предприятий в среднем равен примерно 20 тыс. юаней. Но подавляющее большинство предприятий, — это мелкие, обладающие капиталом в несколько раз меньше среднего. В то же время крупные предприятия, как правило, имеют акционерный капитал. Совершенно очевидно, что при получении твердого процента (5% годовых) годовой доход бывших владельцев мелких промышленных и торговых предприятий, которых большинство, будет значительно ниже среднего годового заработка квалифицированного рабочего. Поэтому торговцы и промышленники стали на путь сотрудничества на смешанных предприятиях. Это позволило в ходе хозяйственной реорганизации приступить к их трудоустройству.

В Нанкине к началу марта 1956 г. на смешанных предприятиях было проведено трудоустройство более шести тысяч бывших владельцев частных промышленных и торговых предприятий. На промышленных предприятиях работают 1663 человека, в том числе 956 в качестве заместителей директоров фабрик и заводов, начальников отделов и цехов, а остальные непосредственно связаны с производством, а также с конторской и счетной работой. В торговых предприятиях нашли применение своим силам и знаниям 4432 бывших владельца, из которых 1632 человека получили различные руководящие должности²⁷.

Весьма большой интерес представляет собой трудоустройство буржуазных элементов на кондитерской фабрике в городе Бэньпу провинции Аньхой. Эта смешанная фабрика образовалась в результате слияния семи мелких предприятий и одиннадцати торговых учреждений, что привело к скоплению на одном предприятии значительного числа капиталистов. Всех их нельзя было использовать в качестве служащих, да многие из них и не имели нужных технических знаний. Однако несколько капиталистов выразили желание перейти непосредственно на производство. Например, оптовый торговец Чжень Сян-минь освоил работу на машинах кондитерской фабрики и стал квалифицированным рабочим. К концу декабря 1955 г. уже десять капиталистов трудились в цехах фабрики в качестве рабочих²⁸.

В настоящее время почти все бывшие владельцы торговых и промышленных предприятий стали уже работниками смешанных или государственных предприятий. Под воздействием рабочего класса они начинают участвовать в социалистическом производственном соревновании и добиваются больших успехов. Например, в Тяньцзине в мае 1956 г. 256 бывших капиталистов за

²² «Дружба», 15 марта 1956 г.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 261.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 364.

²⁵ См. «Жэньминьжибао», 18 января 1956 г.

²⁶ См. «Дружба», 20 марта 1956 г.

²⁷ См. «Дружба», 17 марта 1956 г.

²⁸ См. «Жэньминьжибао», 27 июля 1955 г.

успехи в соревновании получили почетные звания передовиков производства и многие были отмечены премиями²⁹.

Трудовая деятельность буржуазных элементов вместе с рабочими и под контролем рабочих — главное средство идеологического перевоспитания. Поэтому именно в процессе поотраслевого преобразования произошел коренной перелом в ходе идеологического перевоспитания, которое теперь стало проводиться достаточно глубоко и широко.

Начало перехода бывших владельцев промышленных и торговых предприятий к трудовой деятельности — проявление принципиальных изменений классовых отношений рабочего класса и буржуазии в Китае в переходный период. Поотраслевые преобразования, во время которых был сделан решительный шаг для уничтожения эксплуатации и ликвидации капиталистической частной собственности, привели и к изменению характера отношений рабочего класса и буржуазии. Об основной причине этих изменений в политическом отчете ЦК КПК VIII съезду партии сказано: «... Чрезвычайно сложная и трудная историческая задача по превращению частной собственности на средства производства в социалистическую, общественную собственность к настоящему времени в нашей стране в основном выполнена. В борьбе между социализмом и капитализмом в нашей стране уже решен вопрос „кто—кого“».

Уничтожение капиталистической частной собственности и системы эксплуатации — основы антагонистических противоречий — не может не вызвать качественного изменения в отношениях между двумя классами. Сущность этих изменений состоит в том, что по мере завершения социалистических преобразований противоречия между рабочим классом и буржуазией в основном становятся неантагонистическими. Именно в связи с этим идеологическое перевоспитание буржуазных элементов стало возможно вести в широких масштабах. Учитывая эти принципиальные изменения, можно правильно понять смысл политической и теоретической учебы буржуазных элементов, которая имеет большое значение для ускорения их идеологического перевоспитания. Политическая учеба ставит своей целью разъяснить буржуазным элементам законы исторического развития, генеральную линию и текущую политику коммунистической партии, что должно помочь буржуазным элементам правильно осознать свое место в социалистическом строительстве и усилить активность в деле социалистических преобразований, повысить уровень их сознательности.

В ходе поотраслевых преобразований политическая и теоретическая учеба буржуазных элементов получила широкое развитие. В Тяньцзинь в марте 1956 г. был создан учебный комитет для руководства политической и теоретической учебой более чем 40 тыс. торговцев и промышленников³⁰. Политическая и теоретическая учеба буржуазии является формой идеологической борьбы. Вообще следует подчеркнуть, что идеологическое перевоспитание национальной буржуазии означает не компромисс, а усиление борьбы против буржуазной идеологии.

Постоянный комитет Всекитайского комитета НПКСК принял решение о развертывании политической и теоретической учебы среди демократических деятелей, торговцев и промышленников и о создании Комитета по вопросам обучения при Всекитайском комитете НПКСК. В своем решении Постоянный комитет рекомендовал овладевать знаниями по текущей политике, изучать философию, политэкономия и историю китайской рево-

люции в вечерних школах, на краткосрочных курсах и в социалистических академиях³¹.

VIII съезд Коммунистической партии Китая, отмечая проделанную в этом направлении работу, поставил перед всеми членами партии задачу «и впредь усиливать работу с национальной буржуазией, соответствующим образом наладить ее работу и жизнь с тем, чтобы подавляющее большинство представителей национальной буржуазии, благодаря воспитанию их в духе социалистической идеологии, постепенно превратилось в подлинных тружеников и чтобы их полезные знания и опыт в области производства и хозяйственной деятельности стали достоянием Родины»³².

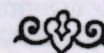
Опыт Коммунистической партии Китая в деле борьбы за идеологическое перевоспитание буржуазных элементов как одной из составных частей мирного пути преобразования капиталистической промышленности и торговли имеет большое международное значение. Китайская Народная Республика — первая из стран, строящих социализм, в которой в ходе мирного социалистического преобразования происходит в широких масштабах превращение бывших капиталистов в тружеников. Именно поэтому опыт Коммунистической партии Китая окажет серьезную помощь братским коммунистическим партиям во многих странах. «Руководство со стороны Коммунистической партии Китая, коммунистических и рабочих партий других стран народной демократии великим делом социалистического преобразования с учетом своеобразия и особенностей каждой страны — это и есть творческий марксизм в действии»³³.

Творческое развитие марксистско-ленинской теории Коммунистической партии Китая опирается на революционный опыт рабочего класса, который победоносно ведет весь китайский народ по пути социалистического строительства.

RÉSUMÉ

The policy of the Communist Party of China with regard to the ideological remoulding of the bourgeois elements is carried into practice with the assistance of the United People's Democratic Front which is based on the alliance of the working class with the peasantry and embraces all the other democratic elements of the country. The national bourgeoisie and its political organizations are members of the united front.

The Eighth Congress of the Communist Party of China emphasized the need for furthering the re-education of the national bourgeoisie. The ideological remoulding of the bourgeois elements is a process connected with the mass initiation of these elements into socially useful work.

²⁹ См. «Жэньминьжибао», 28 марта 1956 г.

³⁰ «Дружба», 29 сентября 1956 г.

³¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., Госполитиздат, 1956, стр. 42.

²⁹ См. «Жэньминьжибао», 26 июня 1956 г.

³⁰ См. «Дружба», 30 марта 1956 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БИРМЫ

А. С. КАУФМАН

4 января 1957 г. исполнилось девять лет со дня образования республики Бирманского Союза. Освобождение Бирмы от колониального гнета и провозглашение независимости страны явились событиями большого исторического значения. Образование Бирманского Союза было завершением длительной и упорной борьбы народов Бирмы против империализма, за свое национальное освобождение.

Бирма вышла на широкую дорогу самостоятельного государственного развития. После провозглашения независимости Бирмы и создания республики перед страной во весь рост встали большие и сложные задачи, связанные с ликвидацией тяжелого колониального наследия, освобождением экономики страны от иностранной зависимости и созданием национальной экономики.

В колониальной Бирме промышленность была представлена преимущественно рисомельницами и горнозаводскими предприятиями. В 1940 г. насчитывалось 1027 ценовых предприятий с 90 тыс. рабочих. В числе ценовых предприятий было 673 рисомельницы, на которых было занято более 50% всех рабочих ценовой промышленности¹. На рудниках и нефтепромыслах, не отнесенных к ценовым предприятиям, работало примерно 40 тыс. рабочих². В стране не было сколько-нибудь крупной обрабатывающей промышленности, и спрос на товары в значительной степени удовлетворялся за счет импорта, а также мелкой кустарной промышленностью.

Самостоятельному развитию бирманской экономики, промышленному прогрессу страны, препятствовала зависимость главных отраслей хозяйства от английских монополий. Вся горная промышленность, а также все более или менее крупные предприятия пищевой промышленности принадлежали иностранному, главным образом английскому, капиталу. Подавляющую часть своих прибылей английские монополии не вкладывали в бирманскую экономику, а вывозили из страны. Сфера деятельности национального капитала была весьма ограничена, и возможности для его развития искусственно сдерживались английскими монополиями.

В результате господства английских колонизаторов, а также вслед-

ствие большого ущерба, причиненного японской оккупацией³, после завоевания и зависимости Бирма оказалась в тяжелом экономическом положении. Сельскохозяйственная продукция составляла в 1947 г. 55% довоенного уровня. Сельское хозяйство и особенно производство риса, являвшееся основой экономики страны, находилось в тяжелом положении. После второй мировой войны и без того слабо развитая фабрично-заводская промышленность страны пришла в упадок. Число ценовых предприятий в Бирме уменьшилось с 1027 в довоенный период до 355 в 1946 г., а количество рабочих — с 90 тыс. до 31 тыс. Почти полностью была разрушена горная промышленность. Добыча полезных ископаемых составила 5—6% довоенного уровня.

Если взять довоенный индекс стоимости жизни за 100, то в 1948 г. он достиг по продуктам питания 642,8, по предметам одежды — 424,8, а по общей стоимости жизни — 547,8 при почти неизменившейся зарплате⁴. 1947/48 бюджетный год закончился с огромным дефицитом в 89,2 млн. рупий⁵. Пассив платежного баланса в 1948 г. был равен 64 млн. долл.

Преодоление экономической отсталости страны стало насущной задачей Бирмы. Важной предпосылкой для выполнения этой задачи явилось завоевание независимости.

Развитие Бирмы происходит ныне в благоприятной внешнеполитической обстановке. Существование мировой системы социализма, наличие таких дружественных могучих держав, как Советский Союз и Китайская Народная Республика, использование их опыта и экономическое сотрудничество с ними создают благоприятные условия для экономического и социального прогресса Бирмы, для повышения крайне низкого жизненного уровня ее населения.

Руководители бирманского государства заявляют, что они намерены построить «общество по социалистическому образцу». Хотя понимание социализма бирманскими руководителями отличается от понимания социализма марксистами, в этих заявлениях, однако, нельзя не видеть свидетельства того огромного воздействия великих идей социализма и демократии, какое они оказывают в наше время не только на рабочих и крестьян, но и на передовых представителей других классов.

Для выяснения характера экономического развития Бирмы много дает новая бирманская конституция, принятая в конце 1947 г. Учредительным собранием Бирмы. В одной из статей конституции говорится: «Настоящей статьей обеспечивается защита государством частной собственности и частной инициативы в области экономики»⁶. Эта статья конституции свидетельствует о том, что государство ограждает частную собственность на средства производства и гарантирует ей возможности для свободного развития. Конституция содержит также статьи, направленные на защиту интересов бирманского как частного, так и государственного капитала, предусматривает ограничение деятельности иностранных монополий в Бирме, всемерное и преимущественное развитие государственного сектора и создание благоприятных возможностей для приобре-

³ По оценке, данной в 1947 г. комиссией по подсчетам военного ущерба, материальный урон, причиненный Бирме во время войны, равнялся 23,7 млрд. кьят, или около 5 млрд. долл.

⁴ «Quarterly bulletin of statistics», fourth quarter, 1952, Statistical papers № 2. Burma, 1953, p. 60.

⁵ Взамен бирманской рупии 1 июня 1952 г. была введена новая денежная единица — джа, или кьят, из расчета: 1 рупия равняется 1 кьяту; кьят равен 84,3 коп.

⁶ «The constitution of the Union of Burma». Rangoon, Government Printing and Stationery office, 1948, p. 5.

¹ «Annual report on the working of the factories act, 1934, in Burma for the year 1940». Rangoon, 1941, p. 1.

² «Labour in Southeast Asia. A symposium». New Delhi, 1947, p. 98, 100.

тения государством за наличный расчет или путем национализации на условиях компенсации бирманской частной или иностранной собственности.

Важнейшей предпосылкой укрепления национальной независимости, как об этом говорят руководители бирманского государства, является экономическая самостоятельность, которая может быть достигнута в результате всемерного развития национальной промышленности и рационального использования естественных ресурсов страны.

Бирма испытывает серьезные трудности на пути самостоятельного развития экономики, вызванные главным образом тяжелыми последствиями империалистического господства. Однако страна располагает всеми возможностями для промышленного развития. Бирманский народ трудолюбив и талантлив, рабочая сила имеется в избытке. Запасы ископаемых в стране огромны, богатые гидроэнергетические ресурсы Бирмы совершенно не тронуты.

Задача создания национальной промышленности и подъема экономики решается в Бирме путем национализации важных для страны предприятий, иностранных монополий с выплатой им компенсации, покупки предприятий у иностранных собственников за наличный расчет, реорганизации английских компаний в совместные англо-бирманские компании, оказания непосредственной помощи национальному капиталу, а также создания в стране новых государственных предприятий.

Правительство Бирмы национализировало собственность крупнейших в стране английских паровых компаний «Иравади флотила компании», а также «Аракан флотила компании», контролировавших все судоходство. Значение этого мероприятия видно из того, что на долю речных перевозок приходилось 80% грузооборота, а по рису и древесине — еще больше. Были национализированы принадлежавшие англичанам железнодорожный⁷ и воздушный транспорт, связь, предприятия компаний «Фукар энд компании» и контролировавшей свыше 80% лесоразработок страны «Бомбей — Бирма трейдинг корпорейшн», почти все электростанции, в частности собственность самой крупной в Бирме английской электрической компании «Рангун электрик трэмуэй энд сапплай компании», и другие предприятия.

Национализированные, приобретенные за наличный расчет и построенные по правительственному плану предприятия составляют государственно-капиталистический сектор. По мере ввода в строй новых объектов роль его в хозяйстве страны будет возрастать.

Большое значение для экономического развития Бирмы имеет политика реорганизации английских компаний в смешанные англо-бирманские компании. При оценке этого нового экономического явления в Бирме следует иметь в виду две его стороны. Создание смешанных компаний в Бирме, на что вынуждены согласиться английские капиталисты, дает им возможность частично удержать свои позиции. Вместе с тем в нынешних условиях, когда национальная буржуазия страны слаба и не имеет достаточных средств, создание смешанных англо-бирманских компаний непосредственно содействует расширению сферы действия бирманского капитала и ограничивает хозяйничанье английского капитала в Бирме.

В результате переговоров бирманского правительства с английскими собственниками английская «Бирма корпорейшн», контролировавшая добычу руд различных металлов, была превращена в 1951 г. в смешанную компанию «Бирма корпорейшн (1951)», в которой бирманскому пра-

вительству принадлежит половина акций⁸. В январе 1954 г. бирманское правительство заключило соглашение с английскими нефтяными компаниями «Бирма ойл компании», «Индо-Бирма петролеум компании» и «Бритиш петролеум компании», на долю которых до войны приходилось около 100% добычи нефти, о создании смешанной англо-бирманской компании «Бирма ойл компании (1954)». В этой компании правительству Бирмы принадлежит одна треть акций, однако оно имеет право увеличить долю своего участия в новой компании путем дальнейшего приобретения акций. Когда в руках правительства сосредоточится 51% всех акций, оно будет иметь право назначить трех директоров управления компании из пяти, а не двух, как сейчас. В начале марта 1956 г. правительство Бирмы заключило соглашение с английской «Консолидейтед тин майнс оф Бирма» о совместной эксплуатации принадлежащих компании богатых оловянных рудников в Тенассериме. В этой компании правительству Бирмы принадлежит 51% акций.

Правительство ведет переговоры с собственниками английских компаний «Маучи майнс» и «Англо-Бирма тин майнс», занимающихся добычей свинцовых руд, о превращении этих компаний в смешанные англо-бирманские компании с участием национального капитала.

Таким образом, в отличие от колониальных времен, когда разработка минеральных ресурсов Бирмы находилась под полным контролем английских монополий, ныне добыча руд различных ценных металлов и нефти осуществляется преимущественно смешанными англо-бирманскими компаниями, что неизбежно ведет к серьезному ограничению позиций английского капитала в горной промышленности страны.

Правительство всемерно поддерживает развитие бирманского предпринимательства. Экономическая помощь правительства национальному капиталу выражается в предоставлении кредитов и субсидий, в проведении поощрительной налоговой политики, снабжении сырьем и оборудованием, организации сбыта готовой продукции, в подготовке кадров и т. д. Для содействия национальной промышленности и торговле создан Государственный коммерческий банк с уставным капиталом в 50 млн. кьят⁹. Он имеет 30 филиалов на периферии, из которых 22 принадлежат государству и 8 — частным владельцам. Сумма выданных Государственным коммерческим банком займов и авансов бирманским частным предпринимателям составила в первой половине 1953/54 г. 33,3 млн. кьят, а в первой половине 1954/55 г. — 39,9 млн. кьят. Кроме того, займы предоставляются правительственной «Корпорацией промышленного развития». Согласно официальным данным, средства, отпущенные правительством бирманскому частному сектору в 1954/55 и в 1955/56 гг., составили около 1/4 всех капиталов, вложенных правительством в государственный сектор и выразились соответственно в 200 и 140 млн. кьят.

О помощи, которую оказывает правительство национальному предпринимательству, свидетельствует сообщение Министерства развития и торговли. «Правительство готово рассмотреть предложения промышленников о снабжении их машинным оборудованием в рассрочку или в кредит, — говорится в сообщении. — Такое машинное оборудование может быть использовано для создания новых отраслей промышленности или для расширения существующих. Правительство будет получать машинное оборудование из Китайской Народной Республики, Чехословакии, Советского Союза, Германской Демократической Республики, Венгрии

⁷ Общая длина железных дорог в Бирме в 1940 г. составила около 3330 км.

⁸ «Times», 12 ноября 1951 г.

⁹ «Economic survey of Burma, 1955». Rangoon, pp. 84, 87.

и будет снабжать им промышленников на условиях, о которых будет достигнуто взаимное согласие»¹⁰.

Всемерно поощряется развитие мелкой промышленности, что ведет к увеличению занятости населения и росту производства товаров широкого потребления, в которых испытывается острая нужда. Созданное правительством управление кустарной промышленности оказывает материальную и техническую помощь мелкой промышленности (ткацкой, пищевой, бумажной, обувной и др.). Для организации сбыта продукции мелкой промышленности созданы сбытовые кооперативы, в свою очередь объединяемые в общества. В январе 1955 г. в Бирме насчитывалось 120 кооперативных мелких обществ промышленников¹¹.

Индустриализация Бирмы находится на самой начальной стадии. Национальная буржуазия, стремящаяся максимально расширить сферу своего экономического господства, непосредственно заинтересована в ослаблении и устранении влияния иностранного капитала, в ликвидации последствий колониального господства, в развитии национальной промышленности и других отраслей хозяйства.

Подобная политика национальной буржуазии, интересы которой отражает бирманское правительство, совпадает на данном историческом этапе с интересами независимого национального развития страны и поэтому пользуется поддержкой народных масс. В Бирме нет национальных монополий, национальный капитал развит слабо. Создание и расширение государственно-капиталистического сектора в Бирме — прогрессивное явление. В такой слаборазвитой стране, как Бирма, государственный капитализм в современных условиях является одной из форм ликвидации последствий колониализма, ограничения и устранения влияния империалистических монополий, создания и укрепления национальной промышленности — основы экономической самостоятельности страны.

Государственный капитализм в Бирме создает реальные возможности для регулирования развития экономики страны. Регулирование находит свое выражение в элементах планирования, в использовании государством накоплений для промышленного развития, распределении капиталовложений по отраслям экономики, в использовании преимуществ крупного производства и т. д. Экономическое строительство Бирмы значительно облегчается материальной и моральной поддержкой со стороны стран мировой системы социализма.

Одной из форм государственного регулирования развития экономики страны явился восьмилетний план национального развития, (1951/52—1959/60), названный «планом Пидота» — программа построения процветающей Бирмы¹². В плане Пидота сказано: «При эффективном их (природных и людских ресурсов.—А. К.) развитии и мудром руководстве они могут обеспечить материальную базу для наступления новой эры в Бирме»¹³.

¹⁰ «New times of Burma», 12 июня 1956 г.

¹¹ «Economic survey of Burma, 1955». Rangoon, p. 73.

¹² Трудности, которые испытывает правительство в выполнении планов экономического развития страны, побудили его разработать новый четырехлетний план развития экономики на 1956—1960 гг. План будет отдавать предпочтение строительству объектов, осуществление которых уже начато, а также строительству, которое будет непосредственно способствовать увеличению производства продукции на экспорт и для внутреннего потребления. Преимущественное развитие получают строительство в области сельского хозяйства, лесного хозяйства и горнодобывающей промышленности. Поскольку четырехлетний план еще не опубликован, автор в данной статье исходит из запроектированных и выполненных показателей «плана Пидота». (См. «Пидота — Новая Бирма». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956; в дальнейшем — Пидота.)

¹³ «Пидота», стр. 9.

Для реализации этого плана был создан ряд правительственных учреждений, в частности, Корпорация промышленного развития, Корпорация развития сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственных районов и Корпорация развития минеральных ресурсов. Кроме того, правительство учредило Министерство национального планирования и Экономический и социальный совет, которые под общим руководством премьер-министра контролируют осуществление программы национального развития. Для привлечения научных учреждений к выполнению этой программы при правительстве создан Центральный научно-исследовательский совет, разрабатывающий планы научных исследований.

«План Пидота» предусматривал ассигнование на восстановление и развитие экономики 7500 млн. кыят, из которых 2500 млн. кыят в иностранной валюте предполагалось израсходовать на покупку за границей капитального оборудования, материалов и на оплату специалистов.

Главная задача «плана Пидота» заключалась не только в том, чтобы восстановить все, что было разрушено, но и создать в стране новый экономический фундамент, который позволил бы в последующие годы более быстрыми темпами развивать экономику и продвигаться вперед. Основные экономические показатели «плана Пидота», которые, по предварительным данным, не подвергнутся серьезным изменениям в четырехлетнем плане развития на 1956—1960 гг., видны из следующих данных в ценах 1950/51 г.¹⁴

	1938/39	1950/51	1951/52	1952/53	План на 1959/60	Проектируемое увеличение по сравнению с 1938/39 г. (в %)
Валовая продукция (в млн. кыят)	5337	3690	3941	4344	7000	31
Продукция на душу населения (в кыятах)	326	199	209	223	340	4
Национальное потребление (в млн. кыят)	3382	2668	2672	2841	4663	38
Потребление на душу населения (в кыятах)	206	114	143	150	224	8,7

Согласно приведенным данным, стоимость валовой продукции должна превзойти довоенный уровень на 31%, а национальное потребление на 38%. С учетом роста населения продукция на душу населения к 1960 г. превзойдет довоенный уровень на 4%, а потребление на душу населения увеличится на 8,7%. По мнению бирманских руководителей, такие темпы развития хозяйства нельзя признать значительными. Однако при этом они указывают на огромный ущерб, причиненный бирманской экономике колонизаторами и затем войной.

План предусматривал строительство трех крупных гидроэлектростанций, завершение первой стадии промышленного развития трех главных промышленных районов страны — Рангуна, Акьяба и Мьян-гына и создание в этих районах 45 промышленных объектов, восстановление и возможное расширение горной промышленности, сильно пострадавшей в результате войны, восстановление и развитие транспорта. Предусматривалось увеличение сельскохозяйственной продукции в 1960 г. на 30% по сравнению с довоенным временем. Для этого

¹⁴ См. там же, стр. 20.

намечалось национализировать землю и распределить ее между крестьянами, расширить площади пахотных земель, построить четыре крупные ирригационные системы с водохранилищами, более эффективно вести хозяйство, развивать систему кооперативов и т. д.

Несмотря на серьезные трудности, с которыми сталкивается Бирма, предварительные итоги выполнения «плана Пидота» показывают, что уже имеются первые успехи на пути восстановления хозяйства страны, а также самостоятельного экономического развития Бирмы, хотя довоенный уровень еще не достигнут. Стоимость валовой национальной продукции в ценах 1947/48 г. составила в 1955/56 г. 4425 млн. кыят против 3022 млн. кыят в 1946/47 г. и 4945 млн. кыят в 1933/39 г. Индекс валовой продукции (1933/39 г. = 100) в 1946/47 г. равнялся 61, а в 1955/56 г. — 89. Производство на душу населения (1933/39 г. = 100) составило в 1955/56 г. 75, а потребление — 70. Стоимость продукции рисоочистительной промышленности в 1955/56 г. составила 133 млн. кыят против 90 млн. в 1946/47 г. и 182 млн. кыят в 1933/39 г. Стоимость продукции горнозаводской промышленности в 1955/56 г. выражалась в сумме 67 млн. кыят против 12 млн. кыят в 1946/47 г. и 273 млн. кыят в 1933/39 г.¹⁵

Начата наземная разработка угля, произведено техническое усовершенствование некоторых вольфрамовых рудников и т. д. В результате разведки естественных ресурсов в районах Тавоя и Тоунгу обнаружены большие запасы железной руды, в районе Мьяткьяна — запасы медной руды и т. д.

В 1953/54 г. правительство затратило на горнозаводскую промышленность 3,3 млн. кыят и в 1954/55 г. 12 млн. кыят. Расходы правительства, связанные с его участием в совместных англо-бирманских компаниях, составили 34,9 млн. кыят в 1953/54 г. и 42 млн. кыят в 1954/55 г. Как указывается в экономическом обзоре за 1955/56 г., в программе промышленного развития главное внимание уделялось завершению объектов, начатых в прежние годы. Расходы на промышленное развитие в 1955/56 г. определяются в 122,8 млн. кыят против 88,7 млн. кыят в 1954/55 г.¹⁶

Ряд промышленных объектов, намеченных «планом Пидота», вошел в строй, в частности: угольные шахты в Калева, нефтеперерабатывающий завод в Чауке, сернокислотный завод, фабрика хлопчатобумажной пряжи, завод по производству строительных материалов, несколько небольших пищевых и других предприятий. В процессе строительства находятся сталепрокатный завод мощностью 35 тыс. тонн проката в год, джутовая фабрика, кирпичный и черепичный заводы, два сахарных завода, фабрика по производству шелка, фармацевтический завод, завод по производству пищевых масел и некоторые другие промышленные объекты. Заметный сдвиг отмечается в выработке электроэнергии, что имеет большое значение для страны в условиях роста промышленности. На реке Балу Чаунге ведется строительство электростанции, мощностью 84 тыс. квт, одной из трех запланированных гидроэлектростанций. Гидроэлектростанция должна войти в строй к 1958 г. Она будет снабжать электрическим током районы Рангуна и Мандалая. Закончена разработка проектов двух других электростанций: на водах Саингдина и реке Пегу. За период с 1951 по 1956 г. потребление электроэнергии в Рангуне увеличилось вдвое. В процессе строительства находится электростанция в Ивама, где уже установлены две турбины по 10 тыс. киловатт каждая. Ивямская электростанция будет снабжать электроэнергией сталепрокатный завод и джутовую фабрику в районе Ивама. Во

много раз увеличилось количество электросиловых установок в городах и сельских районах Бирмы.

Правительство придает большое значение мелкой промышленности. В 1953/54 г. на ее развитие было израсходовано 660 тыс. кыят, а по бюджету 1954/55 г. — 7205 тыс. кыят.

Значительные работы ведутся по восстановлению и развитию транспорта. В 1952/53 г. на эти цели было израсходовано около 462,1 млн., в 1953/54 г. — 541,3 млн. и в 1954/55 г. ориентировочно 600,4 млн. кыят. Отремонтирована большая часть железных дорог, восстановлено 62 моста, построены самый большой в стране мост Ава, 12 новых вокзалов, в частности в Рангуне, ремонтируются шоссе и дороги. Правительство закупило за границей 50 пассажирских и 600 товарных вагонов, а также разместило заказы на дополнительное количество вагонов и другого подвижного состава.

Растет сельскохозяйственная продукция, хотя она еще не достигла довоенного уровня. В 1955/56 г. она составляла 86% по сравнению с 71% в 1950/51 г. (довоенный уровень берется за 100)¹⁷. В 1955/56 г. было собрано 5776 тыс. тонн риса, в то время как до войны в среднем в год собиралось 7500 тыс. тонн. Под рисом занято только около 90% посевной площади довоенного времени.

Правительство Бирмы встречает большие трудности на пути решения аграрного вопроса. В бирманском сельском хозяйстве все еще преобладают феодальные методы эксплуатации крестьян. В главном рисопроизводящем районе страны — Нижней Бирме из 11,1 млн. акров земли 6,4 млн. акров принадлежат помещикам и ростовщикам¹⁸. Центральной фигурой в сельскохозяйственном производстве является арендатор-издольщик. Феодальные пережитки сдерживают развитие сельского хозяйства, пагубно отражаются на всей экономике страны.

Одним из первых законов бирманского правительства был закон 1948 г. «О национализации земли», предусматривавший ограничение земельных владений крупных собственников и обеспечение земель безземельных и малоземельных крестьян и батраков. Новый, пересмотренный в 1953 г. закон о национализации земли намечает отчуждение на условиях выкупа у крупных помещиков (с земельным владением, превышающим 50 акров) 9,9 млн. акров земли (из общей площади 21 млн. акров обрабатываемых земель) в собственность государства и затем распределение ее бесплатно между крестьянами из расчета в среднем 10 акров на крестьянскую семью. Общая сумма компенсации, которая должна быть выплачена помещикам за отчуждаемую землю, определяется в 150 млн. кыят. Национализацию земли предусмотрено завершить в течение десяти лет, начиная с 1954 г. Для осуществления закона было подготовлено большое число чиновников и создано 275 земельных комитетов. Однако реализация закона натолкнулась на ожесточенное сопротивление помещиков. К концу мая 1956 г. площадь национализированной земли составляла 998 388 акров, а количество крестьянских семей, получивших землю, — 100 776¹⁹. Таким образом, отчуждено около 10% земель, подлежащих национализации.

Национализация земли наносит серьезный удар по помещичьему землевладению в Бирме. Она означает ликвидацию средневековых отношений в деревне, ведет к резкому усилению связей сельского хозяйства

¹⁵ «Economic survey of Burma, 1956». Rangoon, p. 6.

¹⁶ Там же, стр. 61.

¹⁷ «Economic survey of Burma, 1956». Rangoon, p. 12.

¹⁸ «Land nationalization Act, 1948». Rangoon, p. 1.

¹⁹ «Economic survey of Burma, 1956». Rangoon, p. 49.

с рынком и к приливу капиталов в земледелие. Земельная реформа открывает большие возможности для быстрого развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны.

Были приняты еще три земельных закона: 1) закон об отчуждении земли, запрещающий передачу земли лицам, не занимающимся сельским хозяйством; 2) закон о контроле над арендной платой, ограничивающий ее размеры; 3) закон об аренде, гарантирующий сохранение арендованной земли за арендатором до тех пор, пока он платит установленную арендную плату и другие платежи и обрабатывает землю.

В 1953/54 г. на подготовку сооружения четырех ирригационных систем и других ирригационных работ израсходовано 12,4 млн. кыят. Строятся дамбы на восточном берегу Иравади, шлюзы в Метвечаунге, насосные станции в дельте этой реки, насосные станции в районах Мейктила и Яметина, Яметинского канала, расширяется канал Сама на реке Паунглаунг. В районах Пакоку, Лойко, Яметина, Пьямана и Тоунгу создается система государственных показательных сельскохозяйственных ферм, на которых крестьяне обучаются прогрессивным методам ведения хозяйства.

В июне 1953 г. для кредитования крестьянских хозяйств был образован Государственный сельскохозяйственный банк, который в настоящее время имеет 288 отделений в девяти округах. Они выдают ссуду крестьянам из расчета 12% годовых. Ссуды предоставляются также крестьянским кооперативам. Сумма ссуд крестьянам и кооперативам увеличилась с 5319 тыс. кыят в 1953/54 г. до 12 528 тыс. кыят в 1954/55 г. В настоящее время правительственный кредит крестьянам достигает 25%, остальные 75% все еще предоставляет ростовщический капитал.

Расширяется система крестьянских кооперативов, на обязанности которых лежит главным образом хранение, обмолот, транспортировка и сбыт риса. Кооперативы объединяются в общества. В 1953 г. в Бирме было 3411 таких обществ (в 1953 г. насчитывалось 12 тыс. кооперативов), в 1954 г. — 4342 и на январь 1956 г. — 4428 обществ²⁰.

В сельских районах, где создаются так называемые социальные центры, охватывающие несколько деревень, работают комитеты социальной службы, избираемые населением. С участием интеллигенции они ведут просветительную работу среди сельского населения, воспитательную работу среди детей, борьбу с эпидемиями, организуют силами населения строительство колодцев, школ и т. д. Общее руководство местными комитетами социальной службы осуществляет правительственная комиссия социального планирования²¹.

В связи с сравнительно большим объемом капиталовложений в бирманскую экономику и обширным планом ее развития перед правительством остро стоит вопрос об изыскании источников финансирования плана. Ниже приводятся данные о правительственных расходах в различных отраслях экономики, исключая военные расходы и расходы на кредит крестьянам²² (см. табл. на стр. 45).

Уменьшение расходов в 1954/55 г. на сельское хозяйство и ирригацию по сравнению с предыдущим финансовым годом объясняется стремлением правительства ускорить развитие промышленности и транспорта.

Главный источник финансирования плана национального развития Бирмы — прибыли, получаемые правительством от экспорта риса и дре-

²⁰ «Economic survey of Burma, 1956», Rangoon, p. 45.

²¹ «International survey of Programme of social development U. N.», New York, 1955, p. 129, 139, 212, 213.

²² «Economic survey of Burma, 1955». Rangoon, p. 40.

весины. Улучшению экономического положения Бирмы и выполнению плана содействует ее внешняя торговля, в особенности со странами социалистического лагеря. Другим источником являются иностранные капиталы и ограниченная помощь от специализированных учреждений ООН. Финансирование плана сопряжено с большими трудностями. Парламентская оппозиция указывает, что правительство не учитывает таких серьезных потенциальных источников финансирования, как сокращение вывоза за границу прибылей иностранных собственников, увеличение налогового обложения имущих слоев населения и т. д.

Правительственные расходы
(в млн. кыят)

	Расходы		Бюджет 1954/55
	1952/53	1953/54	
Сельское хозяйство	13,9	62,5	44,0
Ирригация	3,3	12,4	5,2
Лесоводство	9,7	8,6	11,2
Горнозаводская промышленность	—	3,3	12,0
Транспорт	78,1	131,2	190,5
Связь	4,8	8,1	32,7
Электроэнергия	8,0	36,2	168,1
Промышленность	1,7	38,3	133,1
Строительство зданий	39,4	70,0	130,6
Специальные субсидии по «плану Пидота»	9,2	9,8	11,0
Разные расходы	13,2	15,2	32,4
Итого	181,3	395,6	770,8

По сообщениям бирманской печати, в 1955/56 финансовом году, закончившемся 30 сентября, запасы иностранной валюты в Бирме достигли 650—700 млн. кыят, т. е. увеличились по сравнению с прошлым годом на 150—200 млн. кыят. Бюджет на 1956/57 г., впервые с тех пор как Бирма стала независимой, показывает остаток в сумме 1429 тыс. кыят. Доходы и поступления капиталов на этот год определяются в размере 1 257 625 тыс. кыят против текущих расходов и капитальных затрат в сумме 1 256 246 тыс. кыят.

В 1948 г. правительство Бирмы установило государственную монополию на внешнюю торговлю рисом и тиковой древесиной, создав с этой целью Государственный совет по сбыту сельскохозяйственной продукции и Государственный совет по сбыту тиковой древесины. Это мероприятие было весьма важным по своим экономическим последствиям и серьезно содействовало оздоровлению экономики страны.

До 1948 г. во внешней торговле Бирмы господствовали английские компании, в основном «Стил бразерс энд компани» и «Бомбей — Бирма трейдинг корпорейшн», которые контролировали торговлю рисом и тиковой древесиной. Установлением государственной монополии торговли этими товарами были серьезно подорваны позиции английских компаний в экспорте Бирмы.

Рис в стоимостном выражении всегда составлял подавляющую часть бирманского экспорта. В связи же с прекращением вывоза из страны

нефти и резким уменьшением вывоза минералов удельный вес риса в экспорте Бирмы возрос еще больше, достигая ныне 80%. Прибыли, получаемые от экспорта риса, составляют более половины всех государственных доходов и являются для правительства важным источником финансирования плана национального развития²³.

Правительство уделяет большое внимание вопросам экспорта, ибо он неразрывно связан с накоплением резерва иностранной валюты, необходимой для закупок оборудования и различных промышленных товаров за границей. При Министерстве торговли и развития создан комитет по экспорту, который занимается рассмотрением вопросов экспортной политики, экспортных заданий, мер по развитию экспортной торговли, а также изучением рынков сбыта²⁴.

Основным законодательным актом, регулирующим внешнюю торговлю Бирмы, является «Временный закон о контроле над импортом и экспортом». Бирманское правительство отменило преференциальные таможенные тарифы для стран Британского содружества наций и ввело единый таможенный тариф для всех стран и почти для всех категорий товаров, сохранив, однако, по-прежнему свою принадлежность к стерлинговому блоку. Доля Англии в бирманской внешней торговле в общем сократилась, хотя по данным на финансовый год, окончившийся в сентябре 1955 г., Англия, как и прежде, являлась главным поставщиком промышленного оборудования Бирме.

В прежние годы подавляющая часть экспорта и импорта Бирмы (80—90%) приходилась на Англию и другие страны стерлинговой зоны. В 1954 г. доля Соединенного королевства в экспорте Бирмы составила 6%, а в импорте — 23,7%.

Можно сказать, что ушли в прошлое времена, когда вся выручка от экспорта попадала в руки англо-индийских торговых компаний в виде оплаты за импорт, переводов за границу, фрахта судов и т. д. Чтобы ограничить участие иностранных фирм во внешней торговле страны, в конце 1954 г. было установлено, что экспортно-импортными операциями в Бирме могут заниматься только фирмы, прошедшие специальную регистрацию, причем бирманским национальным фирмам было предоставлено право свободной регистрации. Между тем регистрация иностранных фирм производится только в том случае, если они были зарегистрированы в соответствии с Законом о компаниях в Бирме, имеют на ее территории постоянное местопребывание и осуществляли внешнеторговые операции до 4 января 1948 г., т. е. до дня провозглашения независимости Бирмы. Все иностранные торговые фирмы обязаны также предоставлять гражданам Бирмы 50—70% всех должностей²⁵. Более 60% иностранной валюты отпускается бирманским импортерам, доля которых в импортной торговле страны значительно увеличилась.

Экспорт риса, резко уменьшившийся после войны, составил в 1954/55 г. около 2 млн. тонн против 758 тыс. тонн в 1950/51 г. Увеличивается также экспорт сырого каучука, тиковой древесины, руд различных металлов. Бирма постепенно сокращает импорт потребительских товаров и последовательно увеличивает импорт промышленного оборудования. Так, например, Бирма ввезла в 1955 г. втрое больше оборудования, чем в среднем в год в 1937—1941 гг., и вдвое больше, чем в 1951/52 г.²⁶

²³ «Quarterly bulletin of statistics», 1954, III quarter, p. 23; 1955, III quarter, p. 31.

²⁴ «Burma commerce», 12 февраля 1956 г.

²⁵ «Burma commerce», 17 июня 1955 г.

²⁶ «Economic survey of Burma, 1955». Rangoon, p. 26.

Согласно отчету, опубликованному Государственным банком Бирмы, в финансовом году, закончившемся в сентябре 1955 г., страна имела активный внешнеторговый баланс в сумме свыше 200 млн. кьят. Это превышает больше чем вдвое активный баланс во внешней торговле Бирмы в предыдущем финансовом году.

Большое значение для экономики Бирмы имело установление экономического сотрудничества со странами социалистического лагеря. 1 июля 1955 г. было подписано советско-бирманское соглашение сроком на три года, по которому Советский Союз должен был закупать у Бирмы около 200 тыс. тонн риса в год в обмен на поставки различного оборудования. 1 апреля 1956 г. между СССР и Бирманским Союзом был подписан дополнительный торговый договор, продлевающий до пяти лет срок действия советско-бирманского соглашения от 1 июля 1955 г. и предусматривающий всемерное развитие и укрепление торговых отношений между обеими странами на основе равенства и взаимной выгоды. Согласно подписанному тогда же протоколу о взаимных поставках товаров и предоставлении услуг, из Бирманского Союза ежегодно в течение четырех лет будет вывозиться в СССР 400 тыс. тонн риса в обмен на поставки советскими специалистами технических услуг Бирманскому Союзу.

Во время пребывания в Бирме в декабре 1955 г. Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева была достигнута договоренность, согласно которой советское правительство выразило готовность оказать Бирме помощь в разных отраслях экономики. В соответствии с указанной договоренностью в Бирме в конце 1956 — начале 1957 г. находилась советская экономическая правительственная делегация. После поездки по главным промышленным и сельскохозяйственным районам страны советская делегация обсуждала с представителями бирманского правительства программу сотрудничества советских специалистов в развитии сельского хозяйства, создании многоотраслевого хозяйства, в строительстве промышленных объектов, развитии горнорудной и консервной промышленности. Кроме того, советская экономическая делегация заключила по поручению советского правительства с уполномоченными представителями Бирманского Союза соглашение о строительстве и оборудовании силами и средствами СССР в виде дара народу Бирмы технологического института, госпиталя, театра, а также культурно-спортивного комбината, включающего стадион, помещения для промышленной и сельскохозяйственной выставок. В связи с этим советские организации окажут необходимую помощь в подготовке квалифицированных рабочих из местного населения. Предусматривается посылка в Советский Союз граждан Бирманского Союза с целью подготовки необходимых специалистов для работы на указанных объектах. В Бирманский Союз на работу в технологическом институте и госпитале будут направлены советские специалисты.

Были также заключены договоры о покупке бирманского риса Китайской Народной Республикой, Польшей, Чехословакией, Румынией, Венгрией, Германской Демократической Республикой в обмен на поставки машин и других товаров. Заключение Бирмой соглашений со странами социалистического лагеря дало ей возможность, с одной стороны, обеспечить стабильный рынок для риса и, с другой, получать необходимое оборудование и машины из этих стран, а также квалифицированную техническую помощь на основе полного равенства и взаимной выгоды, без каких-либо политических условий. Отвечая на запросы в бирманской палате депутатов 11 сентября 1956 г., министр финансов Бо Кин Маунг Гале поблагодарил Советский Союз, Китай и страны народной демократии Восточной Европы, которые «помогли Бирме

выйти из ее тяжелого экономического положения, заключив с ней товаро-обменные соглашения»²⁷.

До последнего времени Бирма ввозила машинное оборудование (металлообрабатывающие станки, текстильные машины, машины для размола риса, оборудование для сахарной промышленности и др.) главным образом из Англии, а также Японии, Западной Германии и США. В истекшем году в Бирму прибыли первые крупные партии машин, промышленного оборудования и строительных материалов из Советского Союза, Чехословакии, Германской Демократической Республики и Венгрии.

Правительство Бирмы для осуществления своих планов вынуждено привлекать иностранный капитал. Сумму иностранных капиталовложений в Бирме в настоящее время определить не представляется возможным вследствие отсутствия данных по этому вопросу. В 1954 г. Бирмой был заключен договор с Японией, по которому японские фирмы получили право вложить капиталы в совместные с бирманскими фирмами или правительством компании на общую сумму в 50 млн. долл., причем бирманцам должно принадлежать 60% акций. Срок вложения японских капиталов — десять лет²⁸. Бирманское правительство заключило соглашение с рядом западно-германских, японских, шведских, английских и американских фирм о строительстве в Бирме отдельных промышленных объектов. Так, например, сталепрокатный завод в Бирме строит западногерманская фирма «Демаг», японская фирма строит текстильные предприятия и т. д. Недавно Бирма получила у Индии заем в сумме 200 млн. рупий с правом перевода в фунты стерлингов, а также долгосрочный заем у Международного банка реконструкции и развития на 20 млн. долл. на реконструкцию Рангунского порта и восстановление железных дорог. Бирманское правительство решило принять американский заем на сумму 25 млн. долл. сроком на 40 лет.

Согласно данным бирманской печати, сфера действия американского капитала в Бирме пока незначительна и ограничивается небольшими интересами в горнорудной промышленности и в торговле нефтью. Доля иностранных займов в национальном бюджете Бирмы, по словам бирманского министра финансов Бо Кин Маунг Гале, увеличивается в бюджете на 1956/57 г. с 5 до 10%. По мнению оппозиционных членов бирманского парламента, бирманское правительство делает чрезмерную ставку на привлечение иностранного капитала и в недостаточной степени использует внутренние ресурсы. Они отмечают, что решительные мероприятия по мобилизации внутренних ресурсов могли бы обеспечить более значительное покрытие расходов по планам экономического развития и вместе с тем уменьшить долю иностранных капиталов в бюджете страны. В официальном правительственном заявлении по вопросу о привлечении иностранных капиталов, сделанном 10 июля 1955 г., говорилось, что, за исключением военных предприятий и предприятий коммунального пользования, все остальные области народного хозяйства открыты для частного бирманского и иностранного капитала. Создание предприятий по разработке природных ресурсов страны может быть осуществлено частными предпринимателями (местными и иностранными) только при участии или под контролем правительства Бирмы. Правительство гарантирует, что новые предприятия не будут национализированы в течение десяти лет. Бирманское правительство заявило, что оно заинтересовано в иностранных капиталовложениях «на разумных условиях» и всегда готово рассмотреть предложения «об улучшении условий для капиталовложений, если они не ущемляют достоинства и суверенитета страны»²⁹.

²⁷ «Hindustan times», 13 сентября 1956 г.

²⁸ «Economic survey of Burma, 1955». Rangoon, p. 78.

²⁹ «New times of Burma», 10 июля 1955 г.

Иностранным компаниям и акционерам разрешаются свободные переводы прибылей при условии предоставления свидетельств об уплате всех налогов. Вывоз уже вложенных капиталов подвергается строгому контролю и разрешен иностранным фирмам только в том случае, если они окончательно ликвидировали свои предприятия в Бирме.

* * *

Анализ экономических показателей свидетельствует о том, что экономика Бирмы, несмотря на трудности, неуклонно развивается. Это положительно сказывается на всех сторонах хозяйственной жизни страны. Большую роль в развитии экономики играет политика правительства, направленная на создание и всемерное расширение государственно-капиталистического сектора, на укрепление позиции национального капитала, регулирование развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

В Бирме происходят социальные и экономические процессы, многие из которых по своему характеру и последствиям представляют совершенно новое явление послевоенного времени. Эти значительные перемены в современной Бирме требуют дальнейшего изучения.

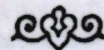
Трудящиеся Бирмы ведут самоотверженную борьбу за ликвидацию тяжелых последствий колониального господства, за создание независимой экономики, прежде всего промышленности, и справедливо видят в этом главную гарантию укрепления независимости.

RÉSUMÉ

Abolition of the colonial regime and the conquest of political independence opened great prospects before Burma. The Burmese Government has taken a number of important measures with the object of restoring and developing the national economy, and industry in the first place: it has nationalized the property of a number of foreign companies with due compensation, bought some of the foreign enterprises paying cash on the spot, converted British mining and manufacturing companies into mixed Anglo-Burmese companies; it gives every encouragement to Burmese enterprise and it has launched a state economic sector which is being steadily expanded.

The state sector weakens the positions of the foreign companies and strengthens Burma's economic independence.

The policy of the Burmese Government which is intended to build up and strengthen the national economy provides an important precondition for Burma's economic progress and for strengthening her national independence.

НАРОДНОЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУНИСЕ И МЛАДОТУНИСЦЫ

Н. А. ИВАНОВ

В 1881 г. Тунис был захвачен французскими колонизаторами. Оккупация страны была совершена в интересах небольшой группы французских банкиров и капиталистов — представителей быстро развивавшегося финансового капитала. Слабая тунисская армия не смогла оказать серьезного сопротивления, а народное восстание, начавшееся летом 1881 г., оккупанты жестоко подавили. В Тунисе, превращенном в протекторат Франции, был установлен режим колониального террора.

Колониальное господство, расхищение природных богатств Туниса и всестороннее подчинение экономики страны французскими монополиями тяжело отразились на положении различных слоев тунисского народа, в особенности крестьянства, составлявшего большинство населения страны. Французская колонизация в Тунисе и аграрное законодательство правительства протектората привели к самым разрушительным для тунисской деревни последствиям. Правительство всячески поощряло колонизационное движение. Земельный закон 1 июля 1885 г., введший имматрикуляцию по системе Торренса¹, законодательство 1885—1905 гг. о хабусных (вакфных) землях, которое подрывало принцип неотчуждаемости хабусов в пользу колонистов, и организация официальной колонизации, в ходе которой государственные земли передавались колонистам, расчистили путь для захвата земель французскими колонистами. В результате колонизации в Тунисе образовалось крупное французское землевладение. Сотни тысяч гектаров земель, расположенных в наиболее плодородных районах Туниса, были захвачены колонистами. Если в 1881 г. французские колонисты владели 107 тыс. га, то в 1912 г. у них было — 882 286 га, а у прочих европейцев — 135 674 га². Таким образом, к началу первой мировой войны 1 017 960 га, или около 10% всей хозяйственно используемой площади Туниса, составляли собственность иностранцев.

Колонизация сопровождалась обезземеливанием и резким ухудшением положения тунисского крестьянства. Многие крестьяне были вынуждены уходить в засушливые районы степей Центра и Юга. В конце XIX — начале XX в. непрерывно уменьшалось число мелких землевладельцев и

¹ Имматрикуляция заключалась в публичной проверке прав собственности и регистрации земель с аннулированием прав, признанных недействительными. Была разработана Р. Торренсом в 1858 г. и впоследствии широко применялась в колониях как средство обезземеливания местных жителей.

² J.-L. de Lanessan. La Tunisie. Paris, 1917, p. 167.

сокращалась площадь мелких хозяйств. Усилился процесс парцелляризации крестьянского землевладения. В Сахеле, например, были «собственники», владевшие одним или несколькими оливковыми деревьями. Серьезно ухудшилось положение мелких арендаторов. Их разорению способствовало падение цен на тунисскую пшеницу на внешних рынках в 1880—1890 гг. при одновременном увеличении арендной платы вследствие колонизации. Большое недовольство крестьян вызвало запрещение в соответствии с декретом 15 декабря 1896 г. использовать для выпаса скота пезасейные земли, принадлежавшие колонистам. Значительно ухудшилось также положение полукочевого населения степей. Земельный закон 1885 г. и декреты 1890 и 1896 гг. ликвидировали общинное землевладение. Земли племен перешли в собственность правительства протектората. Общинники, жившие в рамках родо-племенной организации, стали пользователями своих бывших земель и обязывались платить ренту. При этом часть общинных земель под видом «земельных излишков» была отобрана у племен и передана в фонд колонизации.

Большая часть экспроприированных земель становилась собственностью французских земельных обществ и крупных колонистов. Вследствие такого характера колонизации захват земель не сопровождался заселением Туниса колонистами. На 1,5 млн. человек арабского сельского населения приходилось едва 16—17 тыс. колонистов (из них 12 тыс. итальянцев). Поэтому в первое время они были вынуждены приспосабливаться к существовавшим в Тунисе социальным условиям. Свою землю колонисты и земельные общества в большинстве случаев сдавали в аренду крупным арендаторам-тунисцам, которые вели хозяйство традиционными феодальными методами. Следовательно, были объективные условия для консервации отношений феодального типа на основе европейского землевладения. Феодальные методы эксплуатации сохранились также в имениях тунисских помещиков.

Помещики и арендаторы-откупщики имений широко использовали труд несвободных издольщиков, прикрепленных к земле. Наиболее многочисленной категорией несвободных издольщиков были хаммасы — люди, лишенные каких бы то ни было средств производства и средств существования, закабаленные помещиком и обязанные работать в его хозяйстве. В качестве вознаграждения они получали натурой $\frac{1}{3}$ урожая (хумс). Хотя формально личная зависимость и прикрепление к земле имели временный характер (до уплаты выкупа), получить личную свободу и уйти из имения было исключительно трудно. Господство империализма, который всемерно поддерживал своих феодальных союзников, безусловно, укрепляло отношения феодального типа. Да и сама колонизация, разоряя мелких арендаторов и землевладельцев, лишая их средств существования (при отсутствии спроса на рабочую силу в городе и неразвитости капиталистических отношений в деревне), косвенно способствовала распространению хаммасата. В первом десятилетии XX в. несвободные издольщики составляли уже $\frac{2}{3}$ тунисского сельского населения³. Декреты 4 апреля 1884 г. и 10 января 1885 г. значительно ухудшили лично-правовое положение хаммасов, в частности предоставили помещикам право заключать хаммасов в тюрьму за отказ от работы или попытку к бегству. Одновременно происходило снижение жизненного уровня несвободного крестьянства. Хронический голод приводил к истощению хаммасов, которые не могли выполнять тяжелые работы в течение длительного времени.

³ L. Milliot. L'Association agricole chez les Musulmans du Maghreb (Maroc, Algérie, Tunisie). Paris, 1911, p. 238.

Французская колонизация в Тунисе при консервации отношений феодального типа усилила разорение и обнищание тунисского крестьянства.

Подчинение страны французским финансовым капиталом тяжело отразилось на положении крестьянства и трудящегося населения городов. После установления протектората в Тунисе возникло много иностранных банков, которые, как правило, представляли собой филиалы и отделения французских банков метрополии. Банкиры и финансовые магнаты Франции, по существу, стали контролировать экономическую жизнь страны, получая огромные прибыли за счет ограбления тунисских трудящихся. Французский капитал эксплуатировал крестьян и ремесленников и через рынок, и путем организации кредита, и при помощи системы налогов. До 1907 г. не существовало никаких учреждений, которые могли бы предоставлять крестьянам кредит на сколько-нибудь сносных условиях. Пользуясь этим, ростовщики, которые поддерживали деловой контакт с банками, расширяли объем своих операций. Одним из крупных источников обогащения французских банкиров был тунисский долг (задолженность Туниса европейским банкирам, образовавшаяся до оккупации страны). На уплату процентов и платежей в погашение долга, составлявших первую и наибольшую статью расходов тунисского бюджета, ежегодно уходило 12—13 млн. франков, получаемых в виде налогов с тунисского населения. Только за первые 25 лет протектората налоги в расчете на душу населения увеличились в 1,8 раза.

Наводнение Туниса дешевыми товарами иностранного производства нанесло тяжелый удар по тунисскому ремеслу. Ремесленники, работавшие в условиях средневековой цеховой организации, разорялись, не выдерживая непосильной конкуренции. Резко уменьшилось число кузнецов, ткачей, гончаров и т. д. Даже ремесленники, занятые изготовлением национальных головных уборов — шеший, были вынуждены отказываться от своей профессии и подыскивать новые источники средств к существованию. В городе Тунисе за 25 лет число их сократилось с 6—7 тыс. до 2 тыс. человек⁴.

Разоренные ремесленники и обезземеленные крестьяне в большинстве случаев не могли найти применения своему труду. Политическое и экономическое господство колонизаторов задерживало промышленное развитие Туниса. Некоторый рост производства наблюдался только в тех отраслях, развитие которых отвечало интересам французских монополий. Превращая Тунис в источник сырья, иностранный капитал в первую очередь развивал добычу полезных ископаемых. Для удешевления экспорта сырья быстрыми темпами производилось железнодорожное и портовое строительство, которое преследовало также и стратегические цели. В течение 25 лет французского протектората было предоставлено 37 концессий на разработку горных богатств и построено 1121 км железных дорог⁵. Уже в первые годы оккупации начался вывоз свинцовых и цинковых руд. В 1885—1886 гг. в Тунисе были открыты богатейшие месторождения фосфатов. В 1899 г. фосфатная и железнодорожная компания Гафсы положила начало промышленной добыче фосфатов. В 1908 г. были вывезены первые партии железной руды. Большинство промышленных предприятий и рудников принадлежало французскому капиталу. Относительно крупные вложения делались также бельгийцами, итальянцами и немцами. Национальная буржуазия, не обладавшая достаточными капиталами, не имевшая опыта и связей в финансово-промышленных кругах, была оттеснена на задний план. Тунисцам принадлежали

отдельные мелкие предприятия, главным образом, по переработке сельскохозяйственного сырья (маслобойные заводы и т. д.).

В связи с некоторым развитием промышленности в Тунисе начал складываться рабочий класс. Условия жизни и труда рабочих были исключительно тяжелые. Рабочего законодательства не было. По своему национальному составу зарождавшийся рабочий класс был неоднороден. На мелких предприятиях работали почти исключительно тунисцы, а в горнодобывающей промышленности, в портах, на железных дорогах и в городском транспорте, наряду с тунисцами, работали также европейцы. Последние находились в привилегированном положении. За равный труд рабочие-тунисцы получали много меньше, чем европейцы. В трамвайной компании города Туниса, например, тунисские рабочие получали за десятичасовой рабочий день по 2,5—3,5 франка, а европейцы — 3,5—5 франков в день.

Захватив ключевые позиции в тунисской экономике, иностранный капитал подчинил себе внешнюю и в значительной мере внутреннюю торговлю. Европейские торговцы, открывавшие магазины в главных городах страны, вытесняли мелких тунисских торговцев. «Заточенные в суах⁶, где их крошечные лавки являются объектом любопытства для туристов, они находятся почти без дела», — говорил один из лидеров младотунисского движения⁷.

Тяжелое экономическое положение народных масс, национальный гнет, высокомерное отношение колонизаторов к национальным традициям и культуре Туниса вызывали в стране повсеместное недовольство режимом протектората. Крестьяне, ремесленники, рабочие, торговцы и тунисская интеллигенция выступали против колониального гнета. Основной движущей силой национального движения, особенно в тот период, являлось крестьянство.

* * *

Установление протектората и колонизация при сохранении отношений феодального типа, вызывавшие разорение и обнищание крестьянских масс, порождали сильное недовольство в тунисской деревне. В первую очередь оно направлялось против колонизации, этого непосредственно осязаемого зла, олицетворением которого были колонисты. Колонисты, ростовщики, иноземные солдаты были для тунисцев ненавистными «руми». Вторым злом была феодальная эксплуатация, которая по-прежнему сохранялась в тунисской деревне.

Против этих двух зол была направлена борьба крестьянских масс в конце XIX — начале XX в. Трудно было бы предполагать, чтобы в глухой и забитой тунисской деревне суеверные крестьяне, полные доверия к марабутам⁸, могли бороться против империализма и феодализма как осознанных общественных явлений. Они стихийно выступали против тех, кто олицетворял эти силы. Низкая сознательность, разобщенность крестьянских масс определяли методы и формы борьбы тунисских крестьян в тот период. Обычно это были отдельные выступления против колонистов и помещиков.

Относительно распространенной формой протеста крестьян против обезземеливания был самовольный захват выгонов и пастбищ, принадлежавших колонистам. Не признавая владельческих прав колонистов,

⁶ Сук — крытый базар восточного типа в городах Северной Африки.

⁷ «Congrès de l'Afrique du Nord», t. II, p. 448.

⁸ Марабуты — духовные феодалы, считавшие себя потомками мусульманских святых.

⁴ «Congrès de l'Afrique du Nord. Compte rendu des travaux», Paris, 1909, t. II, p. 453.
⁵ В 1909 г. железнодорожная сеть Туниса достигла 1375 км.

они использовали земли, перешедшие в руки европейцев, в соответствии со своими исконными правами. Несмотря на меры, которые принимались колонистами, и преследование туниССких судебных органов, отмечал в 1892 г. председатель Сельскохозяйственной палаты Севера де Каррьер, крестьяне упорно продолжали пасти свой скот на землях колонистов⁹. Тот же де Каррьер жаловался в 1908 г., что нередко были случаи, когда стадо какого-либо туниССа все ночи напролет в течение двух-трех месяцев паслось на лугу колониста, причиняя последнему большой ущерб¹⁰.

Крестьяне производили потравы, поджоги хозяйственных построек, захватывали зерно и скот, которые принадлежали колонистам. На заседании Консультативной конференции¹¹ 13 мая 1895 г. отмечалось, что «при теперешнем положении постоянно совершаются кражи скота, зерна, потравы, причиняемые охотой на засеянных землях и т. д.»¹². Подобные действия рассматривались крестьянами как смелые операции отважных людей, боровшихся против «руми». ТуниССы не считали их уголовными преступниками. Де Каррьер говорил в 1908 г.: «Когда кража совершается у руми, то к ним (совершившим кражу. — Н. И.) относятся так, как если бы они никогда не осуждались за кражу»¹³. Этих людей окружали ореолом славы борцов за народное дело. ТуниССкого араба, выходящего из тюрьмы после отбытия наказания за кражу у европейца, отмечал де Каррьер в своем выступлении на заседании Североафриканского конгресса, племя встречало во многих случаях с музыкой и развернутым знаменем¹⁴. Крестьяне, увидевшие скот, похищавшие зерно или совершавшие другие «противозаконные» действия против колонистов, находили сочувствие и поддержку окрестного туниССкого населения, которое не выдавало их колониальным властям.

Подобного рода крестьянские выступления нередко принимали массовый характер. Они росли по мере развития колонизации, охватывая целые районы. Таким, в частности, было антиколониССское движение 1893—1895 гг. в кандатах Бизерта, Матер, Беджа, Сук аль-Хамис и Сук аль-Арба, т. е. в плодородных районах по течению Меджерды, в которых колонизация проходила довольно интенсивно. В соседних кандатах и контрольных округах¹⁵, где колонизация только начиналась, царило, согласно докладу Фере, полное спокойствие¹⁶. В районах массового крестьянского движения в периоды его подъема подвергалось опасности не только имущество, но и сама личность колониста. На изолированных фермах европейцы жили в постоянном страхе. Фере отмечал в 1895 г., что в перечисленных выше кандатах колонисты «находятся в постоянном беспокойстве и вынуждены мучительнейшим образом быть начеку днем и ночью»¹⁷.

⁹ См. «Régence de Tunis. Procès-verbaux de la conférence consultative. 3 session». Tunis, 1892, p. 41.

¹⁰ См. «Congrès de l'Afrique du Nord», t. I, p. 506.

¹¹ Консультативная конференция, созданная в 1891 г., была некоторым подобием представительного собрания французского населения. Имела совещательные функции.

¹² «Régence de Tunis. Procès-verbaux de la conférence consultative. 8 session». Tunis, 1895, p. 71.

¹³ «Congrès de l'Afrique du Nord», t. I, p. 507.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Контрольный округ, или округ гражданского контроля, составляли один или несколько кандатов, находящихся под властью французского гражданского контролера. Институт гражданских контролеров был введен декретом 4 октября 1884 г. За исключением военных территорий, вся страна была разделена на 19 контрольных округов.

¹⁶ См. «Régence de Tunis. Procès-verbaux de la conférence consultative. 9 session». Tunis, 1895, p. 109—110. Фере был в это время заместителем председателя Сельскохозяйственной палаты Севера.

¹⁷ Там же.

АнтиколониССское крестьянское движение, затихая в одних районах, вспыхивая в других, продолжалось в течение длительного времени. Оно стало серьезно беспокоить колонистов и колониальные власти. Вопрос о «сельских преступлениях и правонарушениях», как квалифицировалось крестьянское движение в официальных источниках, был в 1890—1900 гг. животрепещущим вопросом, который волновал представителей французской колонизации. Они требовали принятия решительных мер для подавления крестьянских выступлений. Еще в 1884 г. туниССам было запрещено приобретать европейское оружие. Циркуляром 11 мая 1884 г. каидам предписывалось следить за тем, чтобы туниССкие арабы не покупали оружия европейского изготовления¹⁸.

Не надеясь на туниССкую жандармерию, которая не могла охранять отдельные фермы, разбросанные на большом пространстве, де Каррьер от имени колонистов потребовал в апреле 1892 г. разрешения иметь частную вооруженную охрану¹⁹. В период подъема движения в 1895 г. вопрос о безопасности колонистов был в центре внимания Консультативной конференции. В мае 1895 г. на восьмой ее сессии была создана Специальная комиссия Консультативной конференции для рассмотрения вопроса о репрессиях за «сельские правонарушения». Делегаты выдвинули требование о создании постов конной жандармерии. 13 мая 1895 г. Консультативная конференция заявила, что «совершенно необходимо создать в различных частях территории посты конной жандармерии как во внутренних районах страны, так и на побережье, особенно в центрах, населенных европейцами...»²⁰. На девятой сессии Консультативная конференция вновь рассматривала этот вопрос, потребовав от правительства усиления борьбы с крестьянским движением. В своем докладе 16 ноября 1895 г. Фере заявил: «Необходимо, чтобы эти богатые, некогда спокойные, области²¹ вернулись к своему прежнему состоянию спокойствия и безопасности»²².

Учитывая требования и пожелания колонистов, правительство протектората принимало меры по борьбе с «сельскими правонарушениями», но было бессильно совладать со стихийными массовыми выступлениями туниССкого крестьянства. 13 сентября 1893 г., 27 августа 1894 г., а затем в 1895 г. каидам районов, где происходили крестьянские выступления, были разосланы специальные циркуляры с требованием усилить борьбу с крестьянским движением. Наконец, были созданы мобильные команды, которые в течение длительного времени действовали в сельских местностях Туниса. Еще в первые годы правления генерального резидента Алянти (1906—1918) в сельских районах Туниса оперировало 13 мобильных команд²³.

Параллельно антиколониССскому развертывалось антифеодалное движение, которое росло по мере усиления закрепощения крестьянства. Феодалный произвол в различных его формах порождал лютую ненависть хаммасов к своим эксплуататорам. Один из лидеров национального и либерального движения в Тунисе Абдальджалиль аз-Заваш отмечал, что хаммасы пользовались каждым случаем, чтобы «отомстить» землевла-

¹⁸ M. Bompard. Législation de la Tunisie. Paris, 1888, p. 36.

¹⁹ «Régence de Tunis. Procès-verbaux de la conférence consultative. 3 session». Tunis, 1892, p. 41.

²⁰ «Régence de Tunis. Procès-verbaux de la conférence consultative. 8 session». Tunis, 1895, p. 70.

²¹ Имеются в виду кандаты Бизерта, Матер, Беджа, Сук аль-Хамис и Сук-аль-Арба.

²² «Régence de Tunis. Procès-verbaux de la conférence consultative. 9 session». Tunis, 1895, p. 109—110.

²³ R. Millet. La conquête du Maroc. La question indigène (Algérie et Tunisie). Paris, 1913, p. 205.

дельцу²⁴. Выступления хаммасов принимали приблизительно те же формы, что и крестьянские выступления против колонистов. Хаммасы расхищали зерно, выданное помещиком для посева, морили голодом быков, умерщвляя скот землевладельца, ломали инвентарь, принадлежавший их хозяину. «Саботаж» хаммасов, как расценивал эти действия аз-Заваш²⁵, был наиболее распространённой формой антифеодальной борьбы крестьянства. Вследствие разъединённости крестьяне не отваживались на открытую борьбу с помещиками. Хотя в ходе стихийных изолированных выступлений крестьяне не предъявляли четко сформулированных требований, основные цели крестьянского движения были ясны: прекращение колонизации и ликвидация феодального гнета. Пытаясь подавить крестьянские выступления и не полагаясь только на репрессии, правительство протектората в годы правления Аляпти сделало ряд уступок, которые в конечном счете были направлены на раскол крестьянства. Именно в это время и, безусловно, под влиянием крестьянского движения были приняты такие «меры успокоения», как создание тунисских обществ попечения (1907), юридическое признание общинных земель в качестве особой категории землевладения (1901—1909), отмена тюремного заключения за отказ от хаммасата (1910), отмена подушной подати «меджба» (1913). Правда, это были половинчатые меры. Тем не менее они явились положительным результатом крестьянского движения конца XIX — начала XX в.

Национальная тунисская буржуазия, хотя и выступила на политической арене, была еще слаба и шла в блоке с либеральными помещиками. На первых порах она, не рискуя выступать открыто против режима протектората, требовала лишь введения конституционного строя. Создание представительного собрания и выборных муниципалитетов, участие тунисских арабов в выборах, развитие национальной культуры и укрепление связей с арабскими странами, поощрение национальной промышленности и торговли, изменение аграрной политики — таковы главные требования, выдвигавшиеся в то время представителями национальной буржуазии.

Интересы национальной буржуазии и либеральных помещиков в тот период выражали партии и организации младотунисцев. Первые младотунисские организации и общества, ставившие своей целью борьбу против французов, возникли в 1895 г.²⁶ на основе культурных обществ и кружков, которые объединяли представителей тунисской интеллигенции, получивших европейское образование. В 1895—1905 гг. существовали разрозненные группы во главе с Али Баш-Хамба, Баширом Сафаром, Абдальазизом ас-Саалиби («национально-исламская партия») и другими. Они были еще слабы, не имели сколько-нибудь значительной опоры и занимались в основном просветительством: чтением лекций, публикацией статей, книг и т. п. Просветительская деятельность нередко сочеталась с движением за реформу ислама, которое возникло под влиянием мусульманской реформации в Египте. Большое впечатление в Тунисе произвела изданная на французском языке книга ас-Саалиби «Дух Корана», в которой он развивал аргументацию в защиту «истинного ислама». Широкую политическую борьбу младотунисцы начали позднее — в период пробуждения Азии, последовавший за русской революцией 1905—1907 гг. В это время национально-освободительное движение в Тунисе заметно

активизировалось. 24 марта 1906 г. впервые за время французской оккупации Башир Сафар публично выступил перед генеральным резидентом Стефаном Пишоном, сформулировав ряд требований тунисского народа. Открытая борьба началась. Младотунисцы провели массовые политические кампании, которые получили поддержку городского населения. В значительной мере удалось преодолеть разрозненность и разобщенность национальных организаций. В 1905 г. группа ас-Саалиби вошла в республиканскую партию и совместно с французскими республиканцами, которых возглавлял Дестре, развернула активную деятельность.²⁷ Тунисцы — члены республиканской партии вели пропаганду в пользу «национального дела» через французские газеты «Республикан», «Л'Ити Тюнизе» и другие.²⁸ Однако разногласия между французами и тунисцами вскоре привели к выходу сторонников ас-Саалиби из республиканской партии. Другие тунисские национальные общества объединились в 1907 г. в Тунисскую партию²⁹, во главе которой встали Али Баш-Хамба и Башир Сафар³⁰. Тунисская партия стала издавать еженедельную газету на французском языке «Ле Тюнизе», в которой сотрудничали видные младотунисцы Али Баш-Хамба, Абдальджалиль аз-Заваш, Хайраллах Мустафа и другие. В 1909 г. была достигнута договоренность между сторонниками Баш-Хамбы и группой ас-Саалиби, и последняя присоединилась к Тунисской партии. Младотунисцы стали издавать на арабском языке еженедельник «Ат-Туниси». И «Ле Тюнизе» и «Ат-Туниси» выступали за установление конституционного строя и признание самостоятельности Туниса.

Младотунисские лидеры, проводя пропаганду и агитацию среди населения (преимущественно в городах), все же не верили в возможности народного движения. Они стремились договориться с правящими кругами Франции, неоднократно (например, ас-Саалиби в 1912 г.) пытались установить контакт с «высшими сферами», чтобы склонить французское правительство на уступки. При этом, естественно, младотунисцы отказывались от некоторых своих требований. Но особенно большие надежды младотунисцы возлагали на помощь Турции, а впоследствии Германии. Во время первой мировой войны, полагаясь на «помощь» кайзеровской Германии и надеясь на содействие младотурок, младотунисские лидеры подготавливали антифранцузское восстание в Северной Африке. Надежды на помощь извне привели к недооценке сил и возможностей народного движения в стране и, следовательно, к отрыву от масс, в первую очередь от крестьянства.

1906—1912 гг. были временем подъема национально-освободительного движения в городах. Широкий размах движение приняло в связи с событиями триполитанской войны 1911 г., которые нашли исключительно большой отклик в Тунисе. Арабское население Туниса оказало значительную помощь народу Триполитании и Киренаики, боровшемуся против итальянских захватчиков. По всей стране проводилась кампания по привлечению средств в фонд помощи триполитанцам. Было собрано около миллиона франков. Патриоты посылали в Триполи медикаменты. Направлялись врачи для помощи раненым.³¹ В городах происходили столкновения между арабами и европейцами; в отдельных местах они перерастали в крупные политические демонстрации протеста против колониального произ-

²⁴ «Congrès de l'Afrique du Nord», t. II, p. 492.

²⁵ Там же.

²⁶ ٣٦٤ الجزء الثالث من (Амин Сауд. Объединенное арабское государство), ч. III, стр. 364.

²⁷ «Oriente Moderno», 1923, № 4, p. 200.

²⁸ Амин Сауд. Указ. соч., ч. III, стр. 75.

²⁹ Во французской литературе ее называют также эволюционистской партией.

³⁰ Ch.-A. Julien. L'Afrique du Nord en marche. Paris, 1952, p. 68; «Oriente Moderno», 1923, № 4, p. 200.

³¹ Амин Сауд. Указ. соч., ч. III, стр. 77, 336.

пола. Большую роль в истории национально-освободительной борьбы сыграли джаллязские события и бойкот трамвая.

Джаллязские события были вспышкой народного протеста против имматрикуляции³². Джалляз — мусульманское кладбище в Тунисе. В связи с проведением трамвайной линии муниципалитет решил произвести его имматрикуляцию. 7 ноября 1911 г. огромные толпы, численностью в несколько тысяч человек, собрались на кладбище. Гневно протестуя против имматрикуляции, они были полны решимости не допустить чиновников, прибывших для съемки плана. Власти вызвали полицию и войска, которые открыли огонь по безоружной толпе. Тунисцы, оборонявшиеся камнями и кулаками, были рассеяны. Но одновременно во всех частях города начались столкновения между арабами и европейцами. Волнения продолжались 8 ноября. Было убито восемь французов и итальянцев. Властям удалось арестовать 35 демонстрантов, из которых 7 были приговорены к смертной казни, остальные — к длительному тюремному заключению. Джаллязские события, происшедшие в напряженной обстановке итало-турецкой войны, усилили ненависть арабов к европейским завоевателям.

Достаточно было небольшой искры, чтобы борьба вспыхнула вновь. Несчастный случай, жертвой которого был арабский мальчик, понававший под трамвай 9 февраля 1912 г., послужил поводом для бурных антиевропейских выступлений, которые переросли в крупную политическую кампанию³³. Правление трамвайной компании оказывало предпочтение рабочим и служащим итальянцам. Это вызывало недовольство арабов. Группа тунисцев потребовала от компании прекратить дискриминацию арабов, принимать их на работу наравне с итальянцами и на те же должности и платить за равный труд и объем работы столько же, как и европейским рабочим и служащим. Когда администрация отказалась удовлетворить эти справедливые требования, население столицы начало бойкот трамвая.

Правительство, напуганное размахом движения, квалифицировало кампанию бойкота как «политический заговор», направленный на подрыв французского господства в стране. В Тунисе было введено осадное положение; были предприняты репрессии против национально-освободительного движения. Колониальные власти закрыли национальные газеты, требовавшие изменения колониальных порядков, установленных в Тунисе, запретили деятельность Тунисской партии и арестовали ее видных лидеров. В марте 1912 г. Али Баш-Хамба и Абдальазиз ас-Саалиби были высланы из Туниса. Али Баш-Хамба умер в эмиграции в 1918 г., ас-Саалиби удалось в сентябре 1913 г. возвратиться в Тунис и возобновить политическую деятельность. Репрессии временно ослабили национально-освободительное движение. Сравнительная легкость, с которой властям удалось расправиться с младотунисским движением, объясняется, очевидно, тем, что движение происходило лишь в некоторых городах (к тому же не имевших многочисленного организованного пролетариата) в известной изоляции от крестьянства.

Подъем национально-освободительного движения в городах в 1906—1912 гг. вынудил правительство протектората пойти на уступки, хотя еще довольно скромные. Декретом 2 февраля 1907 г. генеральный резидент Алянти расширил состав Консультативной конференции, включив в число ее членов 16 тунисских делегатов, назначавшихся правительством.

³² См. *مراة الاحتلال* (Горечь оккупации), стр. 13; A. Pellegrin. Histoire de la Tunisie depuis les origines jusqu'à nos jours. 4em. éd. Tunis, 1948, p. 186; Ch.-A. Julien. L'Afrique du Nord en marche, p. 69.

³³ См. «Горечь оккупации», стр. 14.

Правда, одновременно были урезаны права Консультативной конференции, которая получила совещательные функции только при обсуждении бюджета и не могла затрагивать другие вопросы. Вследствие отказа французских делегатов заседать вместе с арабами, которых они откровенно третировали как представителей низшей расы, правительство декретом 27 апреля 1910 г. разделило Конференцию на две секции: французскую и туземную. Тунисская секция Консультативной конференции была бесправна и, по существу, не являлась представительным собранием арабского населения Туниса; тем не менее сам факт ее создания характерен для политической обстановки в Тунисе накануне первой мировой войны.

В период подъема массового национально-освободительного движения в городах, особенно во время джаллязских событий 1911 г. — этой демонстрации протеста против имматрикуляции и аграрной политики колонизаторов вообще, выявилась общность задач, стоявших перед трудящимися города и деревни, и возможность их совместной борьбы на базе единых лозунгов и ближайших требований. Однако в конце XIX — начале XX в. национально-освободительное движение в городах, руководимое младотунисцами, еще не смыкалось с крестьянским движением против колонизации и колониального гнета. Крайне умеренная социальная программа младотунисцев не могла привлечь крестьянские массы. Умеренность младотунисской программы в аграрном вопросе объясняется тем, что национальная буржуазия была тесно связана с земельной собственностью. Чаяния тунисских крестьян не нашли в программе никакого отражения. Аграрная программа младотунисцев исходила из интересов либеральных помещиков и национальной буржуазии. Побуждаемые благоприятной конъюнктурой внешнего рынка в начале XX в., многие помещики (и колонисты) пытались поднять производительность труда в своих хозяйствах. Для этого необходимо было заменить малопродуктивный труд хаммасов более производительным трудом вольнонаемных батраков. Это стремление либеральных помещиков реорганизовать свое хозяйство на капиталистических началах и попытка отказаться от форм эксплуатации феодального типа нашли свое отражение в аграрной программе младотунисцев. Вместе с тем аграрная программа выражала известное недовольство младотунисцев результатами колонизации и захватом земель колонистами. По существу, аграрная программа состояла из следующих требований: преобразование хаммасата в свободную издольщину; сохранение хабусов в руках тунисских арабов; туземная колонизация.

Преобразование хаммасов в лично свободных издольщиков составляло основу младотунисского решения проблемы несвободного состояния крестьян. По плану Абдальджазиля аз-Заваша³⁴ предполагалось произвести освобождение крестьян без земли и без серьезного улучшения их экономического положения.

Кроме освобождения хаммасов без земли, младотунисцами не было выдвинуто ни одного конкретного предложения по крестьянскому вопросу. Лишь в самой общей форме они заявили о необходимости улучшить экономическое положение крестьян, не намечая при этом никаких реальных мероприятий, если не считать «постепенного ознакомления» крестьян с «методами современного земледелия». Крестьян не могло удовлетворить помещичье-колонистское решение проблемы хаммасата. Поэтому план аз-Заваша не нашел поддержки несвободного крестьянства.

³⁴ Абдальджазиль аз-Заваш в октябре 1908 г. выдвинул план, который предусматривал отмену ряда статей «Земледельческого устава» 1874 г. и других законов, ограничивавших «свободу воли» хаммасов.

Одно из центральных мест не только в аграрной, но и в общей политической программе младотунисцев занимало требование о сохранении хабусов в руках тунисских арабов. Выдвижение этого требования свидетельствовало об известной слабости тунисской национальной буржуазии, о компромиссе противоречивых интересов в рамках младотунисского движения. Выступление в защиту хабусной собственности, освященной шариатом, имело специфически мусульманский и, следовательно, по логике деятелей тунисского национального движения, национальный характер. Поэтому требование о сохранении хабусов находило поддержку мелкобуржуазных масс Туниса, пробуждавшееся политическое самосознание которых в то время еще не освободилось от известного влияния религиозного мировоззрения.

«Туземная колонизация» также была одним из основных пунктов аграрной программы младотунисцев. Оба еженедельника Тунисской партии — «Ле Тюнизьен» и «Ат-Туниси» — публиковали многочисленные статьи, в которых настаивали на принятии мер для развития туземной колонизации³⁵. «Естественное право» тунисской буржуазии приобретать государственные земли защищали младотунисские ораторы на заседаниях Североафриканского конгресса в 1908 г. Планы организованной продажи государственных земель тунисским арабам не затрагивали французской колонизации, которая продолжала бы развиваться. Полностью сохранилось бы также феодально-помещичье землевладение. Следовательно, лишь сравнительно небольшие площади государственных земель, еще не перешедшие в руки европейских колонистов, могли быть проданы арабам. Приобрести же земли даже на льготных условиях, аналогичных тем, на каких продавались участки французским колонистам, могли бы только люди состоятельные. Крестьяне ничего не получали. Естественно, поэтому они не доверяли лидерам младотунисского движения. До первой мировой войны это недоверие было настолько велико, что крестьянство не поддерживало руководимое младотунисцами национально-освободительное движение в городах. Деревня и город были еще разобщены. Только после первой мировой войны, когда начался общий подъем освободительной борьбы всех колониальных народов, антиимпериалистическое движение в городе соединилось с антиколониальной борьбой крестьянских масс в едином национально-освободительном движении.

RÉSUMÉ

The French colonial rule worsened the position of the peasantry in Tunisia. The resentment of the popular masses found expression in the struggle against colonialism. In the late 19th and early 20th centuries, this struggle acquired the form of isolated spontaneous revolts against individual colonists. In places which were intensively colonized peasant risings often acquired mass proportions. However, the Young Tunisian organizations, which had succeeded in acquiring a relatively strong mass support in the cities during the surge in the national movement (1906—1912), wielded no influence in the villages. That could be explained only by the moderate nature of the agrarian program of the Young Tunisians (reorganization of the Khammesat into free sharecropping, preservation of the habous (waqf) in the hands of the Arabs, native colonization), which had no appeal to the peasant masses.

³⁵ C. Fidel. Le mouvement intellectuel musulman de Tunis. «Correspondance d'Orient». Paris, 1911, № 55, p. 4.

КАЛИДАСА — ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ИНДИИ

В. И. КАЛЪЯНОВ

В ноябре прошлого года по решению Всемирного Совета Мира все прогрессивное человечество отмечало полуторатысячелетний юбилей известного всему миру великого индийского поэта и драматурга Калидасы, занимающего почетное место среди наиболее выдающихся деятелей своей эпохи. Индийское предание причисляет Калидасу к «девяти жемчужинам» (navaratna) двора Викрамадитьи, которыми считаются Дханвантари, Кшапанак, Амарасинха, Шапку, Веталабхатта, Гхатакарпара, Калидаса, Варахамихира и Вараручи.

О жизни Калидасы нет сколько-нибудь достоверных исторических данных, и она окутана многочисленными легендами. Только путем сложных рассуждений и хронологических сопоставлений можно отнести жизнь и творчество Калидасы к более определенной эпохе. По всей вероятности, он жил в V в. н. э., точнее, в первой половине или середине его, т. е. в эпоху индийской династии Гупта и, по-видимому, был современником Чандрагупты II Викрамадитьи или Кумарагупты I, или же их обоих¹.

Эпоха правления Гунтов была эпохой просвещения и высокоразвитой культуры. Это был блестящий период расцвета литературы и искусства. Творчество Калидасы трудно отделить от этих важных моментов эпохи Гунтов. Он жил и творил позднее Ашвагхоши и драматурга Бхасы. Ему были известны некоторые греческие термины, пракриты его драм представляются, несомненно, более поздними, нежели пракриты Ашвагхоши и Бхасы, и они не могли употребляться раньше эпохи Гупта².

Но если можно хотя бы приблизительно определить время, когда жил и творил Калидаса, то ничего определенного нельзя сказать о биографии великого поэта. Большинство легенд, которыми окутана личность Калидасы, говорит о том, что он был бедным пастухом и отличался крайней глупостью. В ту пору у некоего брахмана была дочь, которая слыла ученой женщиной. Она отказывала всем своим женихам под предлогом, что они не могут состязаться с ней в учености. Раздосадованный, что они не могут состязаться с ней в учености. Раздосадованный ее капризами отец поклялся выдать ее замуж за самого глупого и невежественного брахмана. И, действительно, выдал свою дочь за Калидасу, когда сам убедился в его исключительной глупости. Молодая супруга терпела недолго и вскоре прогнала его прочь из дому. Тогда Калидаса решил учиться. Однако учение было ему не под силу, а его глупость и

¹ См. С. Ольденбург. Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии. В кн.: Калидаса. Драммы. Пер. К. Бальмонта. М., 1916, стр. XII; Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи. История Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 92.

² См. А. В. Keith. A history of Sanskrit literature. London, 1953. p. 80.

мужество только потешали всех в школе. И вот сверстники Калидасы, чтобы позабавиться, уговорили его пойти в храм страшной богини Дурги (Кали), супруги Шивы, и провести там ночь. Калидаса согласился — глупость предохранила его от страха. В доказательство того, что он посетил храм, Калидаса вымазал свою руку пеплом и собирался приложить ее к изображению страшной богини, чтобы оставить отпечаток. Опасаясь оскорбления, богиня Дурга предстала перед ним в своем подлинном виде и обещала исполнить любую его просьбу, если он откажется от своего намерения. Калидаса пожелал сделаться самым мудрым человеком в мире. Богиня исполнила его просьбу и прибавила, что он может узнать содержание всех книг, которые успеет перелистать за ночь, и будет всегда победителем в диспутах.

Всю ночь Калидаса перелистывал книги, которые были в классе его учителя, и от усталости заснул. Пришедшие в школу товарищи нашли его спящим. Во время урока учитель сделал ошибку в санскритской речи, а сонный Калидаса, к изумлению всех, поправил его, сославшись на соответствующее место в знаменитой грамматике Панини, которую он до того никогда не читал. И тогда Калидаса рассказал обо всем случившемся с ним ночью³. Предание рассказывает далее, что Калидаса был тайно убит, став жертвой придворных интриг⁴.

Такова одна из наиболее распространенных легенд о Калидасе. Вполне возможно, что она возникла в связи с этимологическим толкованием его имени (Kālī-dāsa означает «раб богини Кали»). Из этого, а также по его произведениям, свидетельствующим о серьезном знакомстве Калидасы с упанишадами и философскими учениями санкхья и йога, можно предположить, что он был шиваитом⁵.

Калидаса является национальным поэтом всей Индии. «При изучении творчества Калидасы, — пишет Сардар Паниккар, — прежде всего бросается в глаза то, что он воспринимает всю Индию — от Гималаев до Рамешварам — как единое целое»⁶. Поэмы Калидасы свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с индийскими науками, с сандалом Кашмира, ловлей жемчуга в Тамрапарни (буддийский Цейлон), деодарами Гималаев, бетелем и кокосовыми пальмами Калинги (район Карамандельского побережья, севернее Мадраса) и песками Инда⁷. Основной отличительной чертой творчества Калидасы является его мастерство в изображении чарующей природы Индии и жизни современного ему индийского общества. Когда поэт воспеваает бурные стихии и величественные явления природы, горы, реки, деревья и цветы Мальвы, когда он рисует пленительную красоту других уголков Индии, отмечая их своеобразие, а также разнообразные стороны общественной жизни и быта, — во всем этом ярким пламенем светится его любовь к своей великой стране⁸. Из его поэм, где в описаниях индийской природы чувствуется особая любовь автора к каждому уголку мальвийской земли⁹, можно заключить, что Калидаса был уроженцем Мальвы.

Достоверно Калидасе принадлежат шесть произведений: две эпи-

³ См. С. Олденбург. Указ. соч., стр. XII—XIV.

⁴ См. там же, стр. XIV сл.; Р. Шор. Калидаса. «Литературная энциклопедия», т. V. М., Изд-во Коммунистической академии, 1931, стр. 59—60.

⁵ См. П. Г. Румтер. Облако-вестник (Megha-dūta). Древнеиндийская элегия Калидасы. «Сборник статей в честь В. П. Бузескула». Харьковское историческое общество, т. XXI. Харьков, 1913—1914, стр. 549.

⁶ Сардар Паниккар. Калидаса — наш бессмертный бард. «В защиту мира», 1956, № 59, стр. 82—83.

⁷ А. В. Keith. Указ. соч., стр. 80.

⁸ См. Сардар Паниккар. Указ. соч., стр. 82.

⁹ См. там же.

ческие поэмы — «Рагхуванша» (Родословная Рагху) и «Кумарасамбхава» (Рождение Кумары, бога войны), одна лирическая поэма — «Мегахадута» (Облако-вестник) и три драмы: «Малаявика и Агнимитра», «Викраморваши» (Мужеством добытая Урваши) и «Абхиджняна-Шакунтала» (Признания Шакунтала), которая считается шедевром индийской литературы. Некоторые исследователи в число произведений, созданных Калидасой, включают также поэму «Ритусамхару» (Времена года).

Поэма «Рагхуванша» (Raghuvamśa), состоящая из 19 песен, представляет собой легендарную хронику Солнечной династии Рагху, написанную в эпическо-панегирическом стиле¹⁰. Воспевая деяния различных царей, Калидаса яркими красками рисует чудесную природу различных уголков Индии. Весьма характерно, что поэма, начинающаяся с панегирика различным династиям, заканчивается описанием гибели царя Агнимитры, который предан чувственным наслаждениям, а своим подданным, когда они хотели видеть царя, показывал только ногу, выставляя ее из окна (XIX, I)¹¹.

В основу второй эпической поэмы — «Кумарасамбхава» (Kumārasambhava) положен мифологический сюжет. Она состоит из 19 песен, из которых первые десять посвящены горному богу Шиве, остальные, отличающиеся чрезмерной эротичностью, повествуют о женитьбе его на Парвати и о рождении Кумары. В поэме дается великолепное описание Гималайских гор — горы встречаются всюду, они поистине покорили воображение поэта¹². Как и первая поэма, «Кумарасамбхава» написана в стиле кавья (kāvyā), т. е. искусственной санскритской поэмы, и отличается изощренностью форм стихосложения, искусным подбором слов и аллитерацией (anuprāsa), различными стилистическими украшениями и поэтическими фигурами (alaṅkāra). Только знакомство с подлинником может дать полное представление о красоте стиха, который лишь частично поддается переводу. «Даже тем из нас, — говорит Дж. Неру, — кто изучал санскрит, не легко проникнуть в дух этого древнего языка и снова жить в его мире, давным-давно канувшем в вечность... Но для иностранцев, какими бы образованными они ни были, эти трудности возрастают. К несчастью, ученые и специалисты редко бывают поэтами, а для истолкования языка нужен ученый-поэт»¹³.

Лирическая поэма «Мегахадута» (Meghadūta) может быть названа элегией. Она состоит из 112—120 четверостиший и посвящена душевным переживаниям человека, томящегося в долгой разлуке с любимой. Героем поэмы является некий полубог, якша (yakṣa) из свиты бога богатства Куберы, подвергшийся за дурной проступок изгнанию на один год. Томясь в разлуке со своей возлюбленной, якша обращается с просьбой к облаку, плывущему с юга на север перед наступлением дождливого месяца, передать возлюбленной весть о своем здоровье и утешить ее, страдающую в одиночестве. И в этой поэме Калидаса, описывая сокровенные человеческие чувства, воспеваает красоту индийской природы. Приведем два четверостишия из второй части поэмы (Uttaramegha, 41, 42):

Ṣyāmāsv aṅgaṁ cakita-bharit-prekṣaṇe dr̥ṣṭiṅgātāṁ
vaktra-cchayaṁ caṣiṇi cikhināṁ barha-bhāreṣu keṣāṁ /
utpaṣyāmi pratanuṣu nadī-vīciṣu bhrū-vilāsān
hantai 'kasmin kvacid api na te caṇḍi sādṛṣyam asti /41/

¹⁰ См. П. Г. Румтер. Указ. соч., стр. 551.

¹¹ См. W. Ruben. Einführung in die Indienkunde. Ein Überblick über die historische Entwicklung Indiens. Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1954, S. 226.

¹² См. Сардар Паниккар. Указ. соч., стр. 82.

¹³ Дж. Неру. Открытие Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 170.

«Во вьющихся лианах я вижу твой стан, во взгляде испуганной серны — твой взгляд, в луне — красоту твоего лица, в пыльных хвостах павлинов — твои локоны, в волнах реки — игру твоих бровей, но нигде, о гневная, нет подобия тебе!»

Tvām ālikhya praṇaya-kupitāṁ dhāturāgāṁ cīlayām
ātmanāṁ te carapa-patitāṁ yāvād icchāmi kṛtum /
asrais tāvan muhur-upacitair dr̥ṣṭir ālupyate me
kr̥dras tasminn api na sahate saṅgamāṁ nau kṛtāntah /42/

«Я нарисовал тебя, притворно-гневную, на скале цветным камнем. Когда же я хочу изобразить себя, принавившим к твоим ногам, мой взор затуманивается ежеминутно набегающими слезами. Жестокая судьба даже и тут не терпит нашего соединения!»

Из драм Калидасы первой по времени обычно считается «Малаявика и Агнимитра» (Mālavikāgnimitra). Это подтверждается и ссылкой в прологе, где Калидаса противопоставляет себя более известным предшественникам — Бхасе, Саумилле и Кавипутре¹⁴. Она представляет собой бытовую, свободную от фантастики комедию, действие которой разыгрывается в придворной обстановке. Героем является царь Агнимитра, сын Пушьямитры — первый правитель Магадхи из династии Шунга, сменившей во II в. до н. э. династию Маурья. В центре пьесы — возвышенная любовь царя к прекрасной служанке Малаявике.

Драма «Викраморваши» (Vikramorvaśī, Iya) написана на мифологический сюжет. Она посвящена легенде о земном царе Пуруравасе и небесной деве Урваши. Сказание о Пуруравасе и Урваши, ставшей его супругой, относится к числу древнейших легенд Индии: оно встречается уже в одном из гимнов Ригведы (X, 95). Калидаса переработал этот сюжет, смягчив все грубые стороны сказания. В этой драме многое напоминает поэму «Мегхадута»: в обоих произведениях удивительно тонко переданы любовная тоска (autsukya) и переживания героев, разлученных со своими возлюбленными.

Наиболее совершенной из драм Калидасы является «Шакунтала», или, точнее, «Признанная [по кольцу] Шакунтала» (Abhijñāna-śakuntala). Эта драма справедливо считается жемчужиной индийской литературы. В основу ее положена старинная эпическая легенда, наиболее известная по «Махабхарате» (кн. 1, гл. 62—69)¹⁵. Здесь Калидаса, как и в предшествующей драме, смягчил все грубые стороны древнего сказания и разработал сюжет гораздо глубже и совершеннее. Могущественный царь Дурьянта полюбил дочь отшельника Шакунталу, простую девушку, которую случайно встретил в обители. Шакунтала тоже полюбила царя, и они тайно вступили в свободный брак. У Шакунталы в отсутствие царя родился сын Сарвадамана, прозванный Бхаратой — родоначальник прославленного рода бхаратов, именем которого и по сей день называется Индия. Когда Шакунтала вместе с сыном приходит к Дурьянте, он не узнает ее и отвергает, отягощенный проклятием отшельника Дурвасаса. Только увидя кольцо, которое он подарил ей в день их встречи, он обретает память и предается глубокой скорби и тоске. Лишь после длительных душевных страданий и мук он вновь соединяется со своей возлюбленной и с сыном.

Некоторые ученые склонны в «Шакуптале» усматривать сходство с эпической «Рамаяной» Вальмики, которая могла вдохновить Кали-

¹⁴ См. С. Ольденбург. Указ. соч., стр. XVII; П. Г. Руммер. Указ. соч., стр. 549.

¹⁵ См. «Махабхарата. Адипарва. Книга первая». Пер. с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, под ред. акад. А. П. Бараникова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 190—212.

дасу на создание этой драмы: в обоих произведениях главной темой является разлука двух любящих существ и их соединение¹⁶. Европа познакомилась с этой древнеиндийской драмой в 1789 г. в английском переводе Уильяма Джонса. «Это открытие, — пишет Дж. Неру, — вызвало нечто вроде смятения среди европейской интеллигенции...»¹⁷. Гёте, под впечатлением «Шакунталы», даже написал пролог к своему «Фаусту». Его появление он приветствовал известным четверостишием, которое приводится здесь в переводе К. Д. Бальмонта:

«Хочешь ли ранний расцвет, с плодами позднего года,
Хочешь ли то, что зовет, что чарует, и что утоляет,
Хочешь ли в слове одном постигнуть и Небо и Землю,
Мольно Сакунтала я, этим все сказано вдруг!»¹⁸.

Поэмы Калидасы написаны на классическом санскрите, драмы — на классическом санскрите и различных пракритах, т. е. народных языках. Из персонажей, участвующих в драмах, на санскрите говорят боги, цари, брахманы и кшатрии, на пракритах — женщины и мужские персонажи низшего общественного положения. Женщины говорят на пракрите шаурасени, а поют на пракрите махараштри, языке лирики. Остальные персонажи говорят на пракрите магадхи. Обилие в драмах пракритских мест — поэтических и прозаических — делает их язык особенно певучим и звучным.

Уже во времена Калидасы санскрит был литературным языком, доступным только для образованных людей. Смешение в драмах различных языков объясняется, очевидно, необходимостью сделать их более доступными для средних слоев населения. «Это был компромисс между литературным языком и требованиями народного искусства», — говорит Дж. Неру¹⁹. Все же нужно признать, что драмы Калидасы, как и другие произведения классической санскритской литературы, предназначались главным образом для искушенной аудитории. В этой связи интересно отметить, что в прологе к «Шакуптале» театральный директор, обращаясь к актрисе, говорит:

Arye abhirūpa-bhūyīṣṭhā pariśat... tat pratipātram ādhīyatāṁ yatnaḥ /

«О благородная, публика представлена в большинстве своем образованными людьми... Поэтому в каждой роли пусть будет приложено старание...» Kathayāmi te bhūtārtam / ā paritoṣād viduṣāṁ na sādhu manye prayoga-vijñānam / balavad api śikṣitānām ātmany apratyayaṁ cetah // «Скажу тебе по правде: пока зрители не удовлетворятся [игрою], я не считаю хорошим искусство представления. Даже могучий ум образованных людей недоверчив к себе» (Śakuntalā, I).

Теория поэтического творчества (alankāraśāstra), имеющая в Индии богатую и длительную традицию, выработала свои нормы, которым

¹⁶ См. W. Ruben. Указ. соч., стр. 228 сл., 234.

¹⁷ Дж. Неру. Указ. соч., стр. 162.

¹⁸ К. Д. Бальмонт. Любовь и ревность в творчестве Калидасы. «Восточный Альманах». М., Гослитиздат, 1957, стр. 219.

Willst du die Blüte des frühen, die Früchte des späteren
Jahres,

Willst du, was reizt und entzückt, willst du, was sättigt und nährt,
Willst du den Himmel, die Erde mit einem Namen begreifen,
Nenn'ich, Sakuntala, dich, und so ist alles gesagt.

¹⁹ Дж. Неру. Указ. соч., стр. 166.

должны были следовать истинные поэты. Калидаса потому и относится к разряду великих поэтов (mahākavi), что творения его признаются недостижимым образцом. Вот как говорит об этом знаменитый теоретик поэзии IX в. Анандавардхана в своем замечательном сочинении «Дхваньялока» (Dhvanyāloka — учение о тайном смысле поэтической речи):

Vastu-tattvaṃ niṣṣyandamānā mahatīm kavīnām [sarasvatī] lokāsāmānyaṃ pratibha-viṣeṣaṃ parisphurantam abhivyānakti / yenūsmīn ativicitra-kavi-parampaṛāyāhīni saṁsāre kālīdāsa-prabhbhāṭayo dvitrāḥ rāsaśā vā mahākavya itī gaṇyante /

«Щедро даруя сущность сюжета великим поэтам, Сарасвати (богиня красноречия. — В. К.) раскрывает такие своеобразные блестящие замыслы, которые не имеют ничего общего с обыденной действительностью. Вследствие чего в этом мире, порождающем целый ряд разнообразнейших поэтов, насчитывается только два-три или пять-шесть великих поэтов, таких, как Калидаса и другие»²⁰.]

Главными отличительными чертами творений Калидасы являются поэтическая фигура сравнения (upama) и скрытый смысл поэтической речи (dhvani), который доходит до читателя или слушателя только путем постепенного углубления, уподобляясь постепенно замирающему звуку, который слышится после звона колокола²¹. Этот тайный смысл поэтической речи — «дхвани» «отзвук» был несколько позже, в IX в., определен замечательным теоретиком индийской поэзии кашмирским поэтом Анандавардханой как сущность, душа поэзии (kāvyasya ātmā dhvanir iti)²².

В соответствии с требованиями теории индийского поэтического творчества, особенно важное значение придавалось чувству «раса» (rasa — букв. «вкус»), которое должно проникать в то или иное произведение и вызывать у читателя особое ответное чувство, или, другими словами, заставить его «вкусить», испытать соответствующее ощущение. Среди различающихся в индийской теории поэзии восьми «вкусов», или раса (которые соответствуют восьми основным чувствам, или аффектам — bhava), в творениях Калидасы преобладает «любовный вкус» (ṣṛṅgāra-rasa). В свою очередь это любовное чувство подразделяется на две степени: повышенную и пониженную — «любовь в наслаждении» (saṁbhoga-ṣṛṅgāra) и «любовь в разлуке» (vipralambha-ṣṛṅgāra)²³. У Калидасы с особенной силой и выразительностью переданы различные оттенки переживаний героев, любящих друг друга и страдающих в разлуке.

В творчестве великого поэта всюду отчетливо звучит тема дерзания и непокорности судьбе. Герои Калидасы — мужественные люди, отличающиеся высокими человеческими достоинствами и всегда готовые взглянуть в лицо любой опасности. Они полны решимости вступить в битву даже с богами. Так, в третьей песне «Рагхуванши» говорится о том, что Индра похитил у Рагху жертвенного коня. На требование Рагху вернуть ему коня владыка богов отвечает отказом и напоминает ему об участии сыновей Сагары, превращенных в пепел. Тогда бесстрашный Рагху смело бросает вызов сокрушителю городов (Индре):

²⁰ «The Dhvanyāloka of Ānandavardhanāchārya. With the commentary of Abhinavaguptāchārya (Kāvyamālā, 25)» Ed. by Paṇḍit Durgaprasād and Kāśnāth Pāṇḍurang Parab. Bombay, «Nirṇāya Sāgara» Press, 1891, p. 29.

²¹ См. Ф. И. Щербатской. Теория поэзии в Индии. «Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1902, июнь, ч. 341, отд. II, стр. 299—329; С. Ольденбург. Указ. соч., стр. IX—XI; В. Ларин. Учение о символе в индийской поэтике. «Поэтика». Временник отдела словесных искусств Государственного института истории искусств, кн. II. Л., 1927, стр. 29—44.

²² «The Dhvanyāloka of Ānandavardhanāchārya», p. 21.

²³ См. П. Г. Риттер. Указ. соч., стр. 554.

Grhāṇa cāstram yadi sarga eṣa te na khalv anirjītya raghuṃ kṛti bhavān //51//
«Бери оружие, если таково твое решение, ибо ты отнюдь не достигнешь своей цели, пока не победишь Рагху» (III, 51).

И он вступает в жестокую битву с Индрой, который восхищается его могуществом и силой. Здесь нет «никакой беспомощности и страха перед судьбой, никаких мыслей о тщете человеческих усилий»²⁴.

Сильными характерами и волей наделены и героини Калидасы. Они готовы смело вступить в борьбу за свое счастье, с какими бы трудностями это ни было сопряжено. Так, богиня Парвати в «Рагхуванше» не останавливается ни перед чем, чтобы завоевать свое счастье. Иравати в драме «Малика и Агнимитра» изображена решительной женщиной, которой побивается даже царь. Шакунтала в одноименной драме показана поэтом как нежно любящая девушка и верная супруга, и вместе с тем она обладает сильным характером и непреклонной волей. Когда царь Дутьянта отвергает ее, Шакунтала уже не робкая девушка, не послушная жена — она смело вступает в спор, чтобы защитить свои права, и перед всем двором доказывает неверность и несправедливость царя.

Яркое отображение в творчестве Калидасы нашло описание индийского общества. Благодаря силе поэтического вымысла в его творениях сплетаются воедино реальное с нереальным. Элементы фантастики, взятые из богатой индийской мифологии, чередуются с реальными картинами обыденной индийской жизни²⁵. Удивительно тонко описаны, особенно в поэме «Мегахдута» и драме «Шакунтала», различные стороны быта. С большой наблюдательностью и правдивостью сумел передать Калидаса в своей «Шакунтале» повседневную жизнь в отшельнической обители простой девушки Шакунталы и двух ее подруг — Анасуи и Приямвады, их незатейливые занятия. Проницательно сумел изобразить поэт их девический разговор и заветные мечты (первое действие). С неподражаемым искусством показана сцена охоты царя Дутьянты в сопровождении возницы (первое действие). Когда читаешь это место в драме, невольно переносясь в те отдаленные времена, явственно слышишь победные клики и конский топот.

В о з п и ц а: Едва я возжи отпустил,
Как кони понеслись,—
И точно жаждут перегнать
Уклончивую лань.
Как облако — за ними пыль
Летит, но не догнать.
Их шея вытянута впрямь,
Прижаты уши вполоть.
И на застывших головах
Не дрогнет их убор.
Они спешат, они летят;
Их словно ветер мчит.

Ц а р ь (радостно): Вперед и вперед колесница бежит,
Что малым казалось, то вдруг возросло.
Что было раздельным, слилось как пятно,
Что было кривое, вдруг стало прямым,
Что около было, вон там уж вдали,
Что было далеким, вот здесь предо мной.
(«Шакунтала», первое действие)²⁶.

²⁴ Сардар Паниккар. Указ. соч., стр. 83.

²⁵ См. М. Я. Калинович. Природа и быт в древнеиндийской драме. Киев, 1916 (Отт. из «Университетских известий»), стр. 19 и др.

²⁶ Калидаса. Драмы, стр. 100 сл.

В творениях Калидасы, как и в других произведениях классической санскритской литературы, зло никогда не торжествует над добром. Если в основе греческой драмы лежит трагедия, где выдвигаются вопросы, связанные с проблемой неотвратимости рока, то в индийских драмах трагическая развязка не допускается. В соответствии с требованиями теории поэтического творчества, герой пьесы никогда не должен умирать и сюжет всегда должен иметь счастливый конец²⁷. Обычно в индийских произведениях придерживались этих общепринятых шаблонов, которые определялись религиозно-философскими убеждениями, вытекающими из учения о перерождении, о карме, или возмездии, о причине и следствии²⁸. Поэтому в индийской драме нет тех яростных бурь, которые бушуют в греческой трагедии, и жизнь, вопреки действительности, представляется текущей тихо и безмятежно. Однако жизнь в изображении Калидасы глубоко человечна, и поэтому все его произведения являются жизнеутверждающими и гуманистичными. В «Рагхуванше» (IV, 64; XVI, 80) говорится о пощаде к пленным, о милосердии к врагу, сложившему оружие: «Честные люди не имеют никогда необузданного гнева против врага, склоняющего свою голову» (prahveṣṭv anirbandha-ruṣo hi santaḥ, XVI, 80). В «Мегахдуге» (I, 17) говорится о праве страждущего на убежище:

Na kṣudro'pi prathama-sukṛtāpekṣayā sañcrāyāya
prāpte mitre bhavati vimukhaḥ kiṁ punar yas tatho'ccaiḥ //17//

«Даже ничтожный, когда к нему пришел друг, ища убежища, не отворачивается из-за уважения к прежним его благодеяниям, а тем более тот, кто столь высок».

В шестом действии той же драмы с большой теплотой нарисован образ рыбака — простого человека, честного, бескорыстного и щедрого.

Творения Калидасы на протяжении пятнадцати столетий пользуются большой любовью среди многомиллионного индийского народа и переводятся на различные новоиндийские языки. Но Калидаса не только индийский поэт и драматург. Его имя стало всемирно известным, а произведения его, переведенные на многочисленные языки стран Востока и Запада, навсегда вошли в сокровищницу мировой литературы. Имя Калидасы, говорит Сильвен Леви, доминирует в индийской поэзии и блестяще резюмирует ее. Драма, санскритский эпос, элегия по сей день говорят о силе и глубине этого могучего гения. Он единственный из учеников Сарасвати (богини наук и искусств), который имел счастье создать подлинно классический шедевр, в котором Индия любит свое отражение, а человечество узнает себя. Гром рукоплесканий, приветствовавших рождение «Шакунталы» в Удджайини, прокатился после долгих веков с одного конца мира до другого, когда Уильям Джонс открыл эту драму Западу. Калидаса по праву занял место в той блестящей плеяде, где каждое имя воплощает целый период в развитии человеческого духа. Ряд этих имен составляют историю, или, вернее, они и есть сама история»²⁹.

Творения Калидасы вдохновляли не только поэтов и переводчиков, но также и композиторов. Известны две оперы: «Маялика» композитора Вейнгартена и «Урваши» Кинция, балет «Шакунтала» композитора Рейе, концертная увертюра «Шакунтала» композитора Гольдмарка и оратория

Юны

²⁷ См. «Шакунтала. Индийская драма Калидасы». Пер. с санскр. Алексея Путьты. М. 1879, стр. 5, 9; Дж. Перу. Указ. соч., стр. 167.

²⁸ См. Дж. Перу. Указ. соч., стр. 167.

²⁹ Там же, стр. 163.

«Шакунтала» Филиппа Шарвенки³⁰. Интересно также отметить, что драма «Шакунтала» была поставлена в Московском Камерном театре и более десяти лет не сходила со сцены.

Первое знакомство читателей нашей страны с творчеством великого Калидасы относится к последнему десятилетию XVIII столетия. В 1792 г. в Москве вышел русский перевод драмы «Шакунтала» (I и IV действия), сделанный Н. М. Карамзиным, под названием «Сцены из Шакунталы, индийской драмы». Творение прославленного поэта Индии вызвало восторженный отзыв Н. М. Карамзина. «Почти на каждой странице сей драмы, — писал он в предисловии к своему переводу, — находил я высочайшие красоты Поэзии, тончайшие чувства, кроткую, отменную, неизъяснимую нежность, подобную тихому Майскому вечеру — чистой, неподражаемую натуру, и величайшее искусство. Сверх того ее можно назвать прекрасною картиною древней Индии, так как Гомеровы Поэмы суть картины древней Греции, — картины, в которых можно видеть характеры, обычаи и нравы ее жителей. Калидас для меня столь же велик, как и Гомер. Оба они получили кисть свою из рук Натуры, и оба изображали Натуру»³¹. В 1879 г. в Москве вышел полный перевод драмы Калидасы «Шакунтала», сделанный непосредственно с санскрита Алексеем Путьтой.

Творчеством Калидасы интересовались не только востоковеды. В 1890 г. в Вологде появляется перевод трех произведений Калидасы: драмы «Шакунтала», эпической поэмы «Рагхуванша» и лирической поэмы «Мегахдуга», под общим названием «Санскритские поэмы». Этот перевод был исполнен с европейских изданий Н. В. Волоцкий, который не был знаком с санскритом³². Позднее, в 1916 г., в Москве вышел в свет замечательный по своим художественным достоинствам перевод всех трех драм Калидасы: «Маялика и Агнимитра», «Шакунтала» и «Мужеством добытая Урваши», сделанный с французского издания известным русским поэтом К. Д. Бальмонтом. Этот перевод считается лучшим из существующих на русском языке переводов драм Калидасы. Ему предпослан вступительный очерк акад. С. Ф. Ольденбурга «Несколько слов о Калидасе и его драмах и о сущности индийской поэзии»³³. Вот что писал К. Д. Бальмонт о драматическом творчестве Калидасы:

«Провести целую бурю к цели, не нарушая законов гармонии; показать все человеческое сердце в его любви и пытке, ни разу не оскорбив чувства чрезмерностью; явить отдельный замысел, который весь окрашен цветами и цветом, землею и небом данной страны, и в то же время завоевать восторженные сердца иных стран и всех веков; достичь высокой кульминации драмы, не прибегая ни к единому атому злых чар, темного колдования, сплетенного из ночи, яда и крови; превратить рыдание в музыку и боль в одно преобразование, — этого никто не достиг, кроме Калидасы в «Шакунтале».

Когда я думаю, чего достиг еще в Девятой Симфонии Бетховен, и во всей своей музыке и в мыслях о ней Скрябин, я думаю, что из соединения трех элементов гениального достижения Калидасы может возникнуть нечто, приближающее нас к высокому понятию Театра Юности и Красоты»³⁴.

³⁰ См. П. Г. Риттер. Указ. соч., стр. 551; П. Риттер. Хмара-вистун (Magha-dūta). Старо-индийская элегия Калидасы. Переклад з санскритської мови з вступною статтею й примітками. Харків, 1928, стр. 11.

³¹ «Московский журнал», 1792, ч. VI, стр. 126.

³² «Санскритские поэмы. Сочинение Калидасы. Шакунтала, Рагхуванша и Мегахдуга». Пер. Н. Волоцкий. Вологда, 1890.

³³ Калидаса. Указ. соч.

³⁴ К. Д. Бальмонт. Любовь и ревность в творчестве Калидасы. «Восточный Альманах», стр. 219.

Наряду с этими изданиями начали появляться переводы отдельных произведений Калидасы, сделанные непосредственно с санскрита. В 1914 г. в Харькове вышел стихотворный перевод лирической поэмы Калидасы «Облако-вестник» (Megha-dūta), исполненный харьковским санскритологом П. Г. Риттером. Переводу предпослан краткий, но весьма важный очерк «Калидаса, его время и произведения»³⁵. В 1928 г. появился его украинский перевод этой же поэмы — «Хмара-вістун (Megha-dūta)», сделанный совершенно заново. Помимо этого, П. Г. Риттером были переведены на русский язык две эпические поэмы Калидасы: «Кумарасамбхава» и «Рагхуванша», которые остались непечатанными³⁶. В последнее время над переводом отдельных глав «Рагхуванши» работал И. Д. Серебряков. В 1940 г. в журнале «Ленинград» им был опубликован краткий отрывок из этой поэмы³⁷. Наконец, следует отметить, что за последнее время у нас переизданы драма Калидасы «Сакунтала» в переводе К. Бальмонта³⁸ и сочинения Калидасы (однотомник), куда входят все три драмы в переводе К. Бальмонта и «Облако-вестник» в переводе П. Риттера. Сборник подготовлен И. С. Рабиновичем и снабжен вступительной статьей и примечаниями.

Произведениями Калидасы и его творчеством интересовались все выдающиеся русские санскритологи. Это нашло свое отражение и в отдельных работах акад. Ф. Аделунга, проф. И. П. Минаева, акад. С. Ф. Ольденбурга, акад. Ф. И. Щербатского, проф. П. Г. Риттера, М. Я. Калиновича, проф. Р. О. Шор, акад. А. П. Баранникова и других.

Кроме того, были подготовлены и изданы в оригинале отдельные драмы Калидасы и отрывки из них в санскритских хрестоматиях. Так, в 1846 г. в Петербурге проф. Ф. Боллензенем была издана драма «Викраморванша» на санскрите с немецким переводом и комментариями³⁹. Акад. Отто Бётлинг подготовил текст «Шакунталы», который был издан в Германии. В 1891 г. в Петербурге и в 1908 г. в Лейпциге профессор Киевского университета Ф. И. Кнауэр издал санскритскую хрестоматию со словарем (в виде приложения к учебнику санскритского языка), в которую вошла и драма Калидасы «Шакунтала» (первое действие)⁴⁰. По этой хрестоматии до настоящего времени изучается санскрит в университетах нашей страны.

Начиная с первой половины XIX в. творчество Калидасы и его произведения изучались во многих высших учебных заведениях России. Замечательные творения Калидасы освещались в лекциях об индийской литературе Р. Х. Ленца, читавшего недолго в С.-Петербургском университете, П. Я. Петрова, первого русского санскритолога, читавшего курс санскритской словесности в Казанском, а затем и Московском университете, в лекциях К. А. Коссовича и И. П. Минаева, читавших в Петербургском университете, Ф. И. Кнауэра — в Киевском университете, П. Г. Риттера — в Харьковском университете, А. И. Томсона, читавшего в

³⁵ П. Г. Риттер. Указ. соч.

³⁶ В настоящее время на Украине эти переводы подготавливаются к изданию.

³⁷ Калидаса. Потомки Рагху. Пер. с санскр. И. Серебряков. «Ленинград», 1940, № 15—16, стр. 22 сл.

³⁸ Калидаса. Сакунтала. Пер. К. Бальмонта. Вступительная статья и комментарий И. С. Рабиновича. М., Гослитиздат, 1955.

³⁹ «Vikramorvasi, das ist Urvasi, der Preis der Tapferkeit, ein Drama Kalidasa's in fünf Akten». Herausgegeben, übersetzt und erläutert von Dr. Friedrich Bollensen. St. Petersburg, 1846 (Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften).

⁴⁰ В. С. Миллер и Ф. И. Кнауэр. Руководство к изучению санскрита (грамматика, тексты, словарь). СПб., 1891; Ф. И. Кнауэр. Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Киев — Лейпциг, 1908.

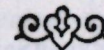
Одесском университете; в последнее время лекции о Калидасе читали профессор Р. О. Шор и М. Н. Петерсон в Московском университете.

Особенно тщательно творения Калидасы изучались в Ленинградском университете. С самого начала профессорской деятельности акад. Ф. И. Щербатского в этом университете, начиная с 1900 и по 1941 г., т. е. в течение сорока лет, чтение и подробное комментирование произведений Калидасы «Шакунтала» и «Мегахадута» составляли необходимое условие преподавания санскрита. Особенное внимание уделялось «Мегахадуте», которая читалась вместе со сложным комментарием Маллинатхи (Mallinātha). По установившейся традиции, эти сочинения Калидасы и по сей день являются необходимым звеном преподавания санскрита на Восточном факультете Ленинградского университета.

Полторы тысячи лет отделяют нас от того времени, когда жил и творил Калидаса — великий сын великого индийского народа. А его творения и теперь пленяют нас своей неподражаемой прелестью и глубиной поэтического замысла.

RÉSUMÉ

India's greatest national poet Kalidasa stands out for his masterly pictures of India's charming landscapes and Indian society of his time. Elements of fantasy borrowed from the rich Indian mythology alternate in his productions with real pictures of workaday life. From the viewpoint of the theory of poetry, Kalidasa's poems and dramas are recognized as superb examples. Kalidasa's productions, which are distinguished by great optimism and humanitarian ideals, have enjoyed the love of India's many millions over a span of fifteen centuries. But Kalidasa's significance as a poet and dramatist has transcended the national boundaries: his productions belong to the treasury of world literature. To the Russian public Kalidasa was introduced by M. M. Karamzin's translation of the «Sakuntala» in 1792. Kalidasa's productions have become traditional reading materials for students of Sanskrit at the universities of the USSR.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И ЧАСТИ РЕЧИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Н. А. БАСКАКОВ

1

Разрешение вопроса о составе и классификации частей речи в тюркских языках тесно связано с определением природы слова, с анализом слова с точки зрения лексического и грамматического его значения, с одной стороны, и с изучением структуры слова, определением его конструктивных компонентов и их функций — с другой.

В тюркских языках, которые относятся к языкам агглютинативным, структура слова является весьма сложной, но вместе с тем прозрачной, поддающейся более точному анализу, чем структура слова, например, в языках флективных. Это объясняется тем, что все словообразовательные категории реализуются и отлагаются в слове в виде отдельных аффиксов. Каким бы сложным по своему составу и количеству аффиксов слово ни было, оно легко выделяет свою основу и корень, который, как правило, в подавляющем большинстве случаев остается неизменным и сохраняет свой фонетический облик, независимо от того, в какой грамматической форме это слово выступает и какой аффикс эту форму выражает. Благодаря этому свойству агглютинативных языков представляется возможность не только проанализировать самый механизм агглютинации, но и установить специфику значения каждой образующейся в процессе словообразования основы слова, а также каждого присоединяющегося аффикса. В системе этих образующихся в процессе словообразования основ слова, обладающих вещественным и категориальным значением, формируются и части речи.

Таким образом, для определения природы и сущности частей речи необходимо произвести морфологический анализ различных основ слов и аффиксов, их образующих, установить типы этих основ и аффиксов и выяснить отношение их к тем или иным лексико-грамматическим и функционально-грамматическим категориям, в частности, к частям речи.

С точки зрения морфологии в слове можно выделить следующие основные структурные элементы:

1. Корень слова, который в тюркских языках может выступать в качестве самостоятельного слова, имеющего реальное вещественное значение и определенную грамматическую форму.

2. Первую основу, состоящую из корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования, определяющих главным образом лексическое значение слова, но вместе с тем и грамматическое отнесение слова к той или иной части речи.

3. Вторую основу, состоящую из корня или первой основы и аффиксов функционально-грамматического словообразования (формообразования)¹, которые придают слову определенную функционально-грамматическую форму.

4. Аффиксы словоизменения, указывающие на отношение данного слова к другим словам в составе словосочетания и предложения.

Таким образом, формой слова в широком значении следует считать материальное звуковое выражение лексического и грамматического значения слова, которое может совпадать по своему составу: а) либо с корнем, например *ат* 'лошадь'², здесь, кроме лексического значения — понятия 'лошадь', выражена также и грамматическая форма имени существительного *ат* 'лошадь' в основном падеже единственного числа; б) либо с первой основой слова, состоящей из корня и соответствующих аффиксов лексико-грамматического словообразования, например, *мин-гис-тур* 'заставить посадить на что-либо', где к корню *мин* 'садись на что-либо', присоединен аффикс дважды понудительного залога *-гис-тур*, относящийся к аффиксам лексико-грамматического словообразования и выражающий модифицированное, залоговое значение того же глагола; в) либо со второй основой слова, например, *тас-ла-т-қан* 'заставивший бросить', где к корню *тас* 'камень' присоединены аффиксы лексико-грамматического словообразования: *-ла-*, образующий глагол от имени, и *-т-*, образующий форму понудительного залога, и аффикс функционально-грамматического словообразования *-қан*, образующий атрибутивно-определятельную (адъективную) форму глагола — причастие; г) либо с наиболее полной формой слова — члена словосочетания или предложения, например, *кел-ис-пе-ген-лер-имиз-де-мен* 'я у тех из нас, которые не сговорились', где, кроме корня *кел* 'приходить', аффиксов лексико-грамматического словообразования, образующих первую основу: *-ис* (взаимный залог) и *-пе* (отрицательная форма глагола), и аффикса функционально-грамматического словообразования *-ген* (причастие прошедшего времени), имеются также аффиксы словоизменения: *-лер* (множественное число), *-имиз* (аффикс принадлежности 1-го лица множественного числа), *-де* (местный падеж) и *-мен* (аффикс I-го лица единственного числа).

Иначе говоря, при широком толковании, формой слова является не только собственно грамматическая его форма, выраженная либо самим корнем или основой слова, либо соответствующим аффиксом словоизменения или формообразования, но и выражение в слове его лексико-грамматического значения, которое также реализуется в языке самим корнем или основой слова с уточняющими это значение аффиксами лексико-грамматического словообразования.

2

Корнем слова в тюркских языках называется нечленимая часть слова, в которой заключено вещественное реальное значение слова. Корни могут быть первичные или производные, например, *ал-* 'брать, взять', *кел-* 'приходить', *мин-* 'садиться на что-либо', *от* 'огонь', *тас* 'ка-

¹ Морфологический анализ слова показывает, что в тюркских языках аффиксы словообразования неоднородны по своему значению. Некоторые из них, присоединяясь к корню или основе слова и придавая ему ту или иную лексико-грамматическую форму, в большей степени изменяют лексическое его значение, другие же, не изменяя существенно лексического значения слова, придают ему только иную грамматическую форму. Такие аффиксы словообразования выделены нами в особый разряд аффиксов функционально-грамматического словообразования.

² Все примеры в статье даны на каракалпакском языке.

мень', *кѳз* 'глаз', и вторичные, или производные, состоящие из первичного корня (корневого ядра) и мертвых непродуктивных в данном сочетании аффиксов лексико-грамматического словообразования, например, *жѳрек* 'сердце' (<*жѳр* + *ек*); *кызыл* 'красный' (<*кыз* + *ыл*); *азыра-* 'кормить' (<*аз* + *ыр* + *а*); *кара-уйг. кайла-* 'смотреть' (<*кай* + *ла*) и проч.

Корень слова в тюркских языках существенно отличается от корня слова, например, в русском языке тем, что он может выступать в составе предложения или словосочетания в качестве самостоятельного слова, выражающего не только лексическое значение, но и грамматическую форму, которые и характеризуют отношение данного слова к той или иной лексико-грамматической категории частей речи. Обладая такими особенностями, все корни слов в тюркских языках, выступающие в предложениях и словосочетаниях в качестве самостоятельных слов, могут быть, таким образом, отнесены к той или иной категории частей речи.

Так, корни *кел* 'приди', *ал* 'возьми', *мин* 'садись на что-либо' и проч. в качестве самостоятельных слов выражают значение динамического признака действия и состояния, т. е. категорию глагола и в данном своем оформлении соответствуют глагольной форме повелительного наклонения 2-го лица. Корни *тас* 'камень', *кол* 'рука' и т. д. в качестве самостоятельных слов обозначают название предмета и представляют собой лексико-грамматическую категорию имени существительного в основном падеже единственного числа. Корни *ак* 'белый', *сары* 'желтый', *кара* 'черный', *бийик* 'высокий', *джаксы* 'хороший' обозначают статический признак качества, являются лексико-грамматической категорией имени прилагательного и в данном своем оформлении соответствуют форме прилагательного в положительной степени. Корни *енди* 'теперь', *бурун* 'раньше' и т. д., в качестве самостоятельных слов обозначают признак признака и представляют собой лексико-грамматическую категорию наречий. Корни *бир* 'один', *еки* 'два', *уш* 'три', *тѳрт* 'четыре' и т. д. в качестве самостоятельных слов обозначают отвлеченное понятие числа и количественный признак и представляют собой лексико-грамматическую категорию имен числительных. Корни *мен* 'я', *сен* 'ты' и т. д. относятся к лексико-грамматической категории местоимений. Корни *вай!* 'ах, ох', *ынъ!* 'ох', *маа!* — подражание бляению овцы и т. д. — к междометиям и подражательным словам. Корни *ушын* 'для', *дейин* 'до' и т. д. относятся к служебной части речи — послелогам. Корни *чу* 'ведь', *-ма/-ме* 'ли' (частица вопросительная) и т. д. относятся к служебной части речи — частицам. Корни *хам* 'и', *бракъ* 'но' и проч. относятся к союзам.

Таким образом, все корни слов в тюркских языках могут выступать в предложениях и словосочетаниях в качестве самостоятельных слов, обладающих тем или иным лексическим и грамматическим значением, что отличает их от корней, например, в русском языке.

В составе каждой части речи, кроме слов, совпадающих по своей структуре с корнем слова, имеются также либо производные слова от данной или других частей речи, состоящие из корня и словообразующих аффиксов, либо слова, генетически относившиеся к другой части речи, но выделившиеся из ее системы и получившие другое значение и другую форму. Таким образом, окончательное категориальное значение в отношении частей речи слово получает только в качестве первой основы, в границах которой оно приобретает специфические лексико-грамматические показатели, характеризующие ту или иную часть речи.

Первой, или лексико-грамматической, основой слова является часть слова, выражающая конечный результат лексико-грамматического словообразования. Первая, или лексико-грамматическая, основа слова, в тех случаях, когда она является непродуцирующей, может совпадать с простым первичным корнем слова, например, *кол* 'рука', *сал* 'класть', со вторичным корнем, например, *айак* 'нога', *ата-* 'называть', а также представлять собой сочетание непродуцирующего или производного корня с различным рода аффиксами лексико-грамматического словообразования.

Аффиксы лексико-грамматического словообразования, формирующие первую основу слова, неоднородны по своему составу. Одни из них, присоединяясь к корню слова, придают слову различные оттенки значения и уточняют его в лексико-грамматическом плане, не изменяя отношение его к той или иной части речи, другие же меняют лексико-грамматическое значение корня и служат средством конверсии — перехода данного слова в другую часть речи. В соответствии с этим положением все аффиксы лексико-грамматического словообразования могут быть разделены на две группы.

Первую группу, которая определяется порядком следования агглютинирующих аффиксов, составляют аффиксы лексико-грамматического словообразования, обозначающие переход (конверсию) одной части речи в другую, осуществляющийся морфологическими средствами. Так, каждый корень, выражающий вместе с тем какую-либо именную часть речи, имеет свойство вербализации, т. е. перехода путем присоединения специальных аффиксов в соответствующую глагольную основу, точно так же как корень, выражающий лексико-грамматическую категорию глагола, имеет свойство номинализации, т. е. перехода посредством соответствующих аффиксов в разряд именных основ.

Таким образом, к первой группе аффиксов относятся:

А. Аффиксы, служащие средством вербализации имен:

-*ла/-ле* (с вариантами): *тас* 'камень', *тас-ла-* 'бросать'; *джакын* 'близкий', *джакын-ла-* 'приближаться, подходить'; *бир* 'один', *бир-ле-* 'быть в качестве одного'; *сен* 'ты', *сен-ле-* 'переходить на ты' и проч.;

-*а/-е*: *тил* 'язык', *тил-е-* 'просить'; *тѳн* 'ночь', *тѳн-е-* 'почевать' и проч.;

-*ык/-ы* (с вариантами): *джол* 'дорога', *джол-ык-* 'встречаться'; *бай* 'богатый', *бай-ы-* 'богатеть';

-*кар/-ар/-ай* (с вариантами): *бас* 'голова', *бас-кар-* 'управлять'; *ак* 'белый', *ак-ар-* 'побелеть' и другие.

Б. Аффиксы, служащие средством номинализации глаголов:

-*гын/-гын* (с вариантами): *уш* 'лететь', *уш-гын* 'искра'; *каш* 'убегать', *каш-гын* 'беглец';

-*гир/-гир* (с вариантами): *тап* 'находить', *тап-гир* 'находчивый, остроумный'; *бил* 'знать', *бил-гир* 'знаток';

-*как/-кек* (с вариантами): *ес* 'грести', *ес-кек* 'весло' и другие³.

Вторую группу аффиксов лексико-грамматического словообразования составляют аффиксы, модифицирующие корень или основу слова без преобразования их в другую часть речи. Аффиксы этой группы, после присоединения их к корню слова, сохраняя принадлежность этого слова к той же категории частей речи, придают им иное лексико-грамматическое значение, образуя особые, специфические для данной части речи грамматические категории. Поэтому аффиксы этой группы являются вместе с тем

³ Подробный перечень этих аффиксов и их классификацию см. Н. А. Васкаков. Каракалпакский язык, т. II. М.—Л., 1953, стр. 389—413.

признаками, определяющими главным образом такие части речи, как глагол и имя, поскольку некоторые из этих аффиксов могут быть присоединены только к глагольным корням и основам, а другие — только к именным корням или основам.

Итак, к этой группе относятся аффиксы двух типов:

1. Аффиксы, образующие лексико-грамматические категории глагола от глагольных корней и основ и являющиеся вместе с тем признаками, характеризующими данное слово как глагол. К этому типу аффиксов относятся все аффиксы, образующие залоговые и видовые формы глагола:

а) аффиксы залогов: взаимно-совместного — *-ыс/-ис/-ыш/-иш*, например, *күл-ис* 'смеяться вместе'; возвратного — *-лык/-лик: -ык/-ик, -к/-к, -ын/-ин, -и*, например, *соқ-лык* 'ударяться', *көр-ин* 'показаться'; пассивного — *-дыр/-дир, -ыт/-ит, -қыз/-кыз, -қар/-кер* (с другими вариантами), например, *джан-дыр* 'разжигать', *қорқ-ыт* 'пугать', *джүргиз* 'приводить в движение' и проч.;

б) аффиксы глагольного вида: многократного — *-қыла/-киле, -ыла/-гиле, -уала/-үеле, -мала/-меле*, например, *ат-қыла* 'постреливать', *үз-беле* 'рвать кусками'; неполного совершения действия — *-нқыра/-нқыре*, например, *аш-ынқыра* 'приоткрывать' и проч.⁴

2. Аффиксы, образующие лексико-грамматические категории имен от именных корней и основ и являющиеся вместе с тем признаками, характеризующими данное слово как имя. К этому типу относятся все аффиксы, образующие уменьшительные имена существительные от имен же существительных, а также аффиксы, образующие степени сравнения прилагательных и наречий от тех же частей речи.

а) Аффиксы уменьшительных форм существительных: *-қай/-кей, -ай/-ей, -й*, например, *ана-қай* 'матушка', *баба-й* 'дедушка'; *-қана/-кене*, например, *тамақ-қана* 'горлышко'; *-шық/-шик, -шақ/-шек; -ша/-ше, -ақ/-ек: қап-шық* 'мешочек', *келин-шек* 'невестушка', *джол-ша* 'дорожка', *қазған-ақ* 'ямка' и проч.

б) Аффиксы сравнительной и уменьшительной степени прилагательных и наречий: *-ылт/-гилт, -ша/-ше, -шыл/-шил, -ыш/-гилш, -ылым/-илтым, -ымтыл/-имтил, -ылтыр/-илтир, -лы/-ли, -рақ/-рек, -ырақ/-ирек, -зана/-гене*, например, *сар-ылт* 'желтоватый, русский', *ақ-ша* 'беловатый', *көк-шил* 'спиневатый', *қыз-гилш* 'красноватый', *қара-мыл/қаралым* 'черноватый', *тар-лы* 'тесноватый', *джақсы-рақ* 'получше', *ерте-рек* 'пораньше', *кишик-кине* 'маленький' и проч.

Особое положение занимают числительные, местоимения и междометия. Представляя собой лексико-грамматические разряды имен, они не могут иметь системы продуктивных аффиксов, которые позволяли бы производить их от других корней. Следовательно, критерием определения числительных, местоимений и междометий как частей речи могут быть только соответствующие им корни слов.

Итак отнесение слова к той или иной категории частей речи определяется в первой основе слова, которая либо совпадает с корнем слова, либо представляет собой сочетание корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования, реализующих дальнейшую семантическую дифференциацию данного слова и данной части речи или переход данного слова из одной части речи в другую.

Таким образом, аффиксы лексико-грамматического словообразования, границы которых определяются первой основой слова, формируют слово как лексико-грамматическую категорию, как определенную часть речи, характеризующуюся семантическими и грамматическими особенностями.

⁴ Н. А. Васкаков. Указ. соч., стр. 332—352.

Вместе с тем эти аффиксы являются и конкретными признаками-критериями, определяющими части речи. Так, например, аффиксы, реализующие переход одной части речи в другую, например, аффиксы образования глагола от имени: *-ла/-ле, -а/-е, -қар/-кер, -ар/-ер* и проч., могут быть присоединены только к именной основе и, напротив, аффиксы, образующие имя от глагола, например: *-қыл/-кил, -қан/-кен, -ақ/-ек, -к/-к* и другие, могут быть присоединены только к глагольной основе.

Следовательно, все аффиксы лексико-грамматического словообразования, с одной стороны, служат средством, модифицирующим и уточняющим семантику слова, а с другой — реализуют переход данного слова из одной части речи в другую, поскольку части речи, являясь лексико-грамматическими категориями, характеризуются не только грамматическими свойствами, но также и специфическими особенностями лексического своего значения.

Все лексико-грамматические категории частей речи являются грамматической абстракцией первой степени. Приобретая категориальное грамматическое значение, они вместе с тем еще в значительной мере сохраняют характер лексических обобщений, например, названий предмета, статического признака, признака признаков, количественного признака, динамического признака действия и состояния и проч. То же следует сказать и об аффиксах лексико-грамматического словообразования. Образующие различные лексико-грамматические категории, они преобразуют слово, изменяя его в большей степени в лексическом и в меньшей степени в грамматическом плане. Аффиксы же функционально-грамматического словообразования, формирующие вторую основу слова, придают ему в большей степени новую грамматическую форму, чем новое лексическое значение.

4

Второй, или функционально-грамматической, основой слова является часть слова, состоящая из корня, или первой основы слова, и аффиксов функционально-грамматического словообразования, которые выражают грамматические категории, более абстрактные, чем части речи.

Если аффиксы лексико-грамматического словообразования образуют свою систему форм и грамматических категорий, к которым в первую очередь могут быть отнесены части речи, а также и некоторые, более частные их грамматические категории: залогов и виды глагола, уменьшительные формы имен существительных, степени сравнения прилагательных и проч., то аффиксы функционально-грамматического словообразования образуют прежде всего общие по своему грамматическому значению для всех частей речи функционально-грамматические формы. К ним относятся: а) субстантивные формы, б) атрибутивно-определятельные (адъективные) формы и в) атрибутивно-обстоятельственные (адвербиальные) формы.

Эти формы по своему значению шире частей речи, так как части речи — лексико-грамматические абстракции первой степени — в большей мере являются вещественными, лексическими, чем грамматическими обобщениями.

Функционально-грамматические формы уже освобождены от вещественно-лексической основы обобщения. Они являются абстракциями более высшего, более обобщенного категориально-грамматического характера, выражающими такие обобщения, как субстанцию, атрибут субстанции и атрибут атрибута, т. е. категории языка, наиболее отвлеченные.

Являясь средством формирования второй основы слова, аффиксы функционально-грамматического словообразования вместе с тем выражают и более частные грамматические категории и формы, характерные для

вторых основ каждой части речи. Так, вместе с формированием общих функционально-грамматических категорий глагола — имен действия, причастий и деепричастий — образуются также и некоторые частные грамматические категории глагола — наклонение и время, различные категории имен существительных, прилагательных, числительных и проч.

Как первая основа слова может совпадать по своей материальной и формальной части с корнем слова, так и вторая основа может совпадать:

а) с корнем слова, ср., например, *ат* 'лошадь', где корень *ат* совпадает и с лексико-грамматической основой имени существительного и с функционально-грамматической основой субстантива, или *сен* 'ты' — местоимение в субстантивной форме;

б) с первой лексико-грамматической основой слова, например, *тара* 'требень', состоящей из глагольного корня *тара* + аффикс-*к* лексико-грамматического словообразования, образующий имя от глагола.

Но, кроме форм, совпадающих с корнем и первой основой слова, имеются также и более сложные, состоящие из корня, или первой основы слова + аффиксы функционально-грамматического словообразования. Сохраняя в общих чертах семантику слова и его лексико-грамматическую форму, по которой данное слово относится к той или иной части речи, эти формы вместе с тем приобретают новое функционально-грамматическое значение.

Формируя субстантивные и атрибутивные формы различных частей речи, аффиксы функционально-грамматического словообразования вместе с тем служат признаками или критериями, определяющими каждую часть речи. В соответствии с этим для каждой части речи имеются свои особые аффиксы функционально-грамматического словообразования:

1. Аффиксы, образующие субстантивные формы глагола (имена действия):

-*ув/-йв/-в*, например, *кел-йв* 'прихождение', *кыл-ув* 'делание', *қара-в* 'смотрение' и т. д.;

-*ис/-ис/-с*, например, *ат-ис* 'стрельба', *бер-ис* 'давание';

-*мақ/-мек*: *айт-мақ* 'называние' и проч.

Основным критерием для определения субстантивных форм служит их грамматическое оформление в словосочетаниях и предложениях: аффикс принадлежности в тех случаях, когда эти формы выступают в качестве определяемого; родительный или основной падеж в тех случаях, когда эти формы выступают в качестве определения, в последнем случае при определяемом является обязательным аффикс принадлежности 3-го лица.

2. Аффиксы, образующие атрибутивно-определятельные формы глагола (причастия):

-*ар/-ер* — аффикс причастия будущего времени, например: *кел-ер* 'предполагающий прийти', *ал-ар* 'предполагающий взять';

-*ан/-ген* — аффикс причастия прошедшего времени: *кел-ген* 'приходивший', *ал-ан* 'взявший' и другие аффиксы причастий.

Основными критериями, определяющими атрибутивно-определятельные формы глагола — причастия, являются (в противоположность первым — субстантивным формам) отсутствие формы родительного падежа при определении и аффикса принадлежности при определяемом в тех случаях, когда причастия выступают в качестве определения.

3. Аффиксы, образующие атрибутивно-обстоятельственные, адвербиальные формы глагола (деепричастия):

-*ып/-ып*, например, *ал-ып* 'взяв', *тур-ып* 'встав';

-*а/-е/-й*, например, *ал-а* 'беря', *кел-е* 'придя', *қара-й* 'смотря' и другие аффиксы деепричастий.

Атрибутивно-обстоятельственные (адвербиальные) формы глагола или

деепричастия, как правило, неизменяемы, они выражают динамический признак признака, выраженного глагольной, а не наречной формой.

Образование таких же форм функционально-грамматического словообразования возможно и от других частей речи. Если функционально-грамматические формы глагола представлены в языке категориями имен действия, причастий и деепричастий, то предметно-качественные имена соответственно представлены категориями существительного, прилагательного и наречия. Однако они отличаются от глагольных функциональных форм тем, что образуются не только морфологическим, аффиксальным, способом, но и лексическими средствами. Иначе говоря, функциональные формы предметно-качественных имен, как уже указывалось выше, могут совпадать по своему составу с корнем или первой основой слова — ср., например, слова *қол* 'рука', *тар* 'узкий', *енди* 'теперь', которые по своему составу являются простыми (*қол*, *тар*) или производными (*енди*) корнями. Наряду с подобного рода первичными по своему составу и лексико- и функционально-грамматическими формами существуют также и вторичные, производные формы. Так, от предметно-качественных имен, лексико-грамматические основы которых относятся к субстантивным формам (именам существительным), образуются адъективные, атрибутивно-определятельные формы, или вторичные прилагательные, и адвербиальные, атрибутивно-обстоятельственные формы, или вторичные наречия.

К аффиксам, образующим атрибутивно-определятельные формы предметно-качественных имен, или вторичные прилагательные, могут быть отнесены следующие:

1. Аффиксы, выражающие признак и отношение к данному названию предмета или лица. В современных тюркских языках некоторые из аффиксов этой группы, например *-шы/-ши* образуют слова, уже субстантивированные по своему значению:

-*шы/-ши*: *темир-ши* 'занимающийся железом, кузнец'; *балық-шы* 'занимающийся рыбой, рыбак, продавец рыбы';

-*шыл/-шил*: *сбз-шил* 'любитель слова, разговорчивый', *мен-шил* 'державший мою сторону';

-*шан/-шенг*: *ис-шенг* 'любящий труд, трудолюбивый' и другие коренные и заимствованные аффиксы этой группы, например, *-паз*, *-кеш*, *-дар*, *-ман*, *-хгор* и проч.

2. Аффиксы, выражающие соучастие, смежность и проч.:

-*лас/-лес*: *ой-лас* 'единомыслящий, единомышленник', *мийнет-лас* 'сотрудничающий, сотрудник';

-*дас/-дес*: *джол-дас* 'сопутствующий, спутник, товарищ'.

3. Аффикс обладания, выражающий имя обладателя, *-лы/-ли*: *тав-лы* 'имеющий горы, обладающий горами, гористый'; *қум-лы* 'обладающий песком, песчаный', *ат-лы* 'обладающий лошастью, всадник'.

4. Аффикс отсутствия данного предмета или признака:

-*сыз/-сиз*, например, *пайда-сыз* 'без пользы, бесполезный', *ат-сыз* 'без лошади, не имеющий лошади, безлошадный'.

5. Аффикс отношения:

-*гы/-ги*, *-қы/-ки*: *джаз-гы* 'относящийся к лету, летний', *тийкәр-ги* 'относящийся к основе, основной' и другие аффиксы.

К аффиксам, образующим атрибутивно-обстоятельственные формы предметно-качественных имен, или вторичные наречия, относятся:

-*ша/-ше*: *орыс-ша* 'по-русски',

-*ларша/-лерше*: *дос-ларша* 'по-дружески',

-*дай/-дей*: *қасқыр-дай* 'как волк', и другие.

От предметно-качественных имен, лексико-грамматические основы ко-

торых относятся к атрибутивно-определятельным формам (именам прилагательным), образуются субстантивные и атрибутивно-обстоятельственные формы, т. е. вторичные имена существительные и наречия.

К аффиксам, образующим первые, т. е. вторичные, имена существительные, могут быть отнесены следующие аффиксы:

-лык/-лик: *джас-лык* 'молодость', *кенг-лик* 'широта' (от *джас* 'молодой' и *кенг* 'широкий');

-шылык/-шилик: *тоқ-шылык* 'сытость' и другие.

Вторичные наречия образуются посредством аффикса -ша/-ше: *басқа* 'другой', *басқа-ша* 'по-другому, иначе' и т. п.

От наречий, представляющих собой в первой основе атрибутивно-обстоятельственные формы, чаще всего образуются вторичные прилагательные посредством аффикса -ы/-ги, -қы/-ки: *енди-ги* (от *енди*) 'теперешний', *бурун-ы* (от *бурун*) 'прежний' и проч.

Имена числительные, количественные формы которых относятся к атрибутивно-определятельным формам, точно так же как и местоимения и междометия, образуют все три функционально-грамматические формы. Так, к атрибутивно-определятельным формам числительных, кроме количественных, относятся порядковые, образующиеся посредством аффикса -ыншы/-инши, -ншы/-нши, например, *алты-ншы* 'шестой'. К субстантивным формам относятся собирательные числительные, образующиеся посредством аффиксов -ав/-ев/-в и -лык/-лик, например, *төрт-ев* 'четверо' и т. п. К атрибутивно-обстоятельным числительным относятся разделительные числительные, образующиеся посредством аффиксов: -дан/-ден, -ар/-ер, -сар/-сер, например, *бир-ер* 'по одному', *еки-сер* 'по два' и проч.

Соответствующие субстантивные и атрибутивные формы образуются и от других знаменательных частей речи. В некоторых случаях эти формы образуются также и от служебных частей речи. Таким образом, каждое знаменательное слово, входя в состав той или иной речи, образует своеобразные словообразовательные парадигмы функционально-грамматических форм.

Так, глагол *ал-* 'брать, взять' в системе функционально-грамматического словообразования представлен следующими формами:

а) субстантивными (имена действия)

ал-уе
ал-ыс
ал-мақ
ал-ғы } 'взятие' (с различными видовыми и модальными оттенками)

б) атрибутивно-определятельными, или адъективными (причастия):

ал-ған 'взявший'

ал-ар 'предполагающий взять'

ал-аджақ 'долженствующий взять' и проч.

в) атрибутивно-обстоятельными, или адвербиальными (деепричастия):

ал-ып 'взяв'

ал-а 'беря' и проч.

Предметно-качественное имя *түйе* верблюд в той же системе словообразования представлено следующими формами:

а) субстантивными (имена существительные):

түйе 'верблюд'

б) производными от него атрибутивно-определятельными, адъективными (вторичные имена прилагательные):

түйе-ли 'с верблюдом, обладающий верблюдом, имеющий верблюда',
түйе-сиз 'без верблюда, не обладающий верблюдом',

в) производными атрибутивно-обстоятельными, адвербиальными (вторичные наречия):

түйе-дей 'подобно верблюду'

түйе-ше 'как верблюд' и проч.

Имя числительное *төрт* 'четыре' в той же системе функционально-грамматического словообразования представлено следующими формами:

а) субстантивными:

төрт-ев 'четверо'

б) атрибутивно-определятельными:

төрт-инши 'четвертый',

в) атрибутивно-обстоятельными:

төрт-ер, *төрт-тен* 'по четыре' и проч.

В процессе развития языка некоторые словообразовательные и словоизменяемые формы различных частей речи семантически выделяются из системы соответствующих парадигм словообразования и словоизменения и переходят в систему других частей речи. Сравни, например, формы имени действия, перешедшие в систему имен существительных: *билим-лендир-уе* 'просвещение', *азарт-уе* 'образование', или надежные формы числительного *бир*: в дательном падеже *бир-ге* 'вместе' и в исходном падеже *бир-ден* 'сразу, вдруг', перешедшие в систему наречий.

Если в отношении функционально-грамматических форм глагола: имен действия, participий и деепричастий — не возникает вопроса о возможности смешения их с именами существительными, прилагательными и наречиями, так как первые выражают динамику, и им сопутствуют специфические грамматические категории — залога, вида, наклонения и времени, а вторые выражают статику также с сопутствующими характеристиками и отличиями от первых грамматическими категориями, то в отношении имен существительных, прилагательных, наречий, числительных, местоимений и междометий, с одной стороны, и их функционально-грамматических форм — с другой, возникает необходимость тщательной их дифференциации и установления точных критериев их классификации.

Именно в этом плане и возникает наибольшая путаница в определении частей речи. Смешение и неразличение вещественного и категориального значений слова ведет к тому, что в существующих грамматиках тюркских языков (да и не только тюркских) до сих пор остается неясным, почему, например, порядковые числительные с разделительными и причастия с деепричастиями остаются соответственно в составе числительных и глаголов, а субстантивные формы глагола — имена действия и атрибутивно-обстоятельные формы местоимений и некоторые другие функционально-грамматические формы данных частей речи отнесены: первые — к существительным, хотя они в одинаковой степени с причастиями имеют глагольные категории, а вторые к наречиям, хотя в лексико-грамматическом плане они остаются местоимениями.

Итак, если корни слов и первая основа являются базой, определяющей отношение данного слова к той или иной части речи, то вторая основа слова устанавливает отношение данного слова к той или иной функционально-грамматической его форме — субстантивной или к одной из атрибутивных. Аффиксы же функционально-грамматического словообразования, формирующие вторую основу и вместе с тем определяющие отношение данного слова к той или иной части речи, служат, таким образом, критериями для различения и частей речи, поскольку они составляют различные группы для каждой части речи, и функционально-грамматических категорий данной части речи, поскольку каждая такая форма образуется особыми аффиксами.

Аффиксы функционально-грамматического словообразования, как уже

отмечалось выше, образуя систему функционально-грамматических форм слова, не изменяют семантику слова, выраженную главным образом в корне и первой основе слова, — они придают слову только его функционально-грамматическую направленность для использования слова в словосочетании и предложении.

Вторая основа слова, образующая более абстрактную, грамматическую, форму слова, в меньшей степени сохраняет характер лексического обобщения, в ней в большей степени выражено грамматическое, чем лексическое значение. Таким образом, вторая основа завершает оформление слова в системе функционально-грамматического словообразования, придает слову окончательную словообразовательную форму, которая и выражает соответствующую часть речи и ту или иную сопутствующую ей лексико-грамматическую категорию (первая основа, состоящая из корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования), а также соответствующую функционально-грамматическую форму (вторая основа, состоящая из первой основы и аффиксов функционально-грамматического словообразования). Отношения же слов внутри словосочетаний и предложений выражают аффиксы словоизменения.

5

Наиболее полное оформление получает слово в связном контексте словосочетания или предложения. Если первая и вторая основы слова служат «строительным материалом для словосочетаний и предложений», то слово в контексте словосочетания или предложения приобретает уже полное грамматическое оформление.

В агглютинативных языках аффиксы, образующие ту или иную словообразовательную или словоизменительную форму, имеют определенную систему и порядок, причем излишние звенья в цепи агглютинации могут выпадать. Поэтому аффиксы словоизменения могут иногда присоединяться прямо к корню слова, если в нем выражены необходимые для слова-члена словосочетания или предложения лексико-грамматические и функционально-грамматические категории.

В соответствии с этим слово — член предложения, точно так же как первая или вторая основа, может совпадать: а) с простым непроизводным корнем, ср., например, *қол* 'рука' как определяемое в словосочетании, подлежащее или прямой объект в предложении (форма имени существительного в основном падеже единственного числа), или *ал* 'возьми' как сказуемое в побудительном предложении (форма глагола в повелительном наклонении 2-го лица единственного числа); б) с первой основой слова, ср., например, *бил-им* 'знание', *тас-ла-т* 'заставь бросить' (в тех же функциях в составе словосочетания или предложения); в) с второй основой слова, ср., например, *үш-ев* 'трое' — субстантивная форма числительного, *ал-ув* 'взятие' — субстантивная форма глагола (в функции определяемых в составе словосочетания или предложения); или *ал-гн* 'взавший' — атрибутивная форма глагола (в функции определения в определительных сочетаниях) и проч.

Функционально-грамматические формы различных частей речи выступают в предложении в определенных, закрепленных за ними функциях. Так, субстантивные формы выступают в предложении в функции дополнения, подлежащего и реже в особом грамматическом оформлении — определения; атрибутивно-определятельные формы — в функции определения и сказуемого и атрибутивно-обстоятельственные формы — в функции обстоятельств.

Для уточнения отношений слов в словосочетаниях и предложениях

функциональные формы различных частей речи, которые представляют собой конечный результат словообразования и детерминации слова в лексическом и грамматическом отношениях, приобретают соответствующие словоизменительные формы. Так, например, атрибутивно-определятельные формы различных частей речи в том случае, если они выступают в качестве определений, не имеют дополнительного оформления в словоизменительном плане, но те же формы, выступая в качестве сказуемого, снабжаются аффиксами лица.

Словоизменение — система грамматических форм, выражающих отношение слов в словосочетании и предложении, — представлено в тюркских языках четырьмя основными категориями: категорией числа (единственного и множественного), категорией принадлежности, категорией падежа и категорией лица. Все они являются высшей степенью грамматической абстракции. Если корень слова содержит максимум семантического и минимум грамматического значения, а первая и вторая основы слова, образуемые лексико-грамматическим и функционально-грамматическим словообразованием, характеризуются различными лексическими и грамматическими его модификациями, то аффиксы словоизменения завершают грамматическое оформление слова. Они выражают его отношение к другим словам в составе предложения или словосочетания, совершенно не изменяя лексического значения.

Аффиксы словоизменения, оформляющие отношения слов в словосочетаниях и предложениях, так же как и аффиксы словообразования, неоднородны по своему составу. Большинство из них может сочетаться только с субстантивными формами.

К этой группе относятся аффиксы числа, принадлежности и падежа. Оформляя атрибутивные формы частей речи, эти аффиксы вместе с грамматическим значением, присущим им, субстантивируют эти формы. Например, присоединяясь к причастию, аффиксы числа, принадлежности и падежа субстантивируют причастие: *ал-тан-лар* 'взавшие (люди)', *ал-тан-ға* 'взавшему (человеку)', *ал-тан-ым* 'взятие в прошлом'.

Аффиксы лица, напротив, исторически могли присоединяться только к атрибутивно-определятельной форме частей речи. Оформляя субстантивные категории частей речи, аффиксы лица атрибутивируют эти формы, например, *мен қарақалпақ (турур) пан* — 'я (есмь) каракалпак', где исторически между именем существительным *қарақалпақ* и аффиксом лица была связка *тур-ур*, представляющая собой причастие настоящего будущего времени от глагола *тур* 'стоять, быть, жить, существовать'.

Аффиксы словоизменения могут быть присоединены только к слову, в котором в нулевой форме или в виде специальных аффиксов выражены лексико-грамматические (первая основа) и функционально-грамматические (вторая основа) категории. Иначе говоря, все знаменательные элементы словосочетания и предложения, независимо от того, к какой части речи они относятся, должны выступать в той или иной функционально-грамматической форме.

К первой группе аффиксов словоизменения относятся аффиксы, сочетающиеся с субстантивными формами частей речи. К последним относятся: а) аффиксы множественного числа *-лар/-лер* (с вариантами); б) аффиксы принадлежности единственного числа: I-м, II-нг, III-ы/-сы; множественного числа: I-мыз, II-ңыз, III-ы/-сы (с вариантами) и в) аффиксы падежей: основной —, родительный *-ның*, винительный *-ны*, дательный *-ға*, местный *-да*, исходный *-дан* (с вариантами). Присоединяясь к атрибутивным формам частей речи, эти аффиксы субстантивируют их.

Ко второй группе аффиксов словоизменения относятся только аффиксы лица: I-ман/-мен, II-санғ/-сенғ, III —; I-мыз/-миз, II-сыз/-сиз, III —.

Таким образом, аффиксы словоизменения, кроме грамматических форм, образуемых ими, являются в то же время признаками; определяющими субстантивные и атрибутивные функционально-грамматические категории. Являясь наиболее обобщенными грамматическими абстракциями по отношению к лексико-грамматическим (частям речи) и функционально-грамматическим категориям, категории словоизменения формируют слова в контексте речи, в различных словосочетаниях и предложениях. Вместе с тем, как было сказано выше, они определяют, т. е. являются признаками или критериями для определения функционально-грамматических категорий (субстантивных, атрибутивно-определяющих или адъективных и атрибутивно-обстоятельственных или адвербиальных), более абстрактных, чем части речи. Что касается частей речи, то категории словоизменения не только не формируют их, но и не могут служить критериями для их определения, поскольку в тюркских языках категории множественного числа, принадлежности, падежа и лица характерны для функционально-грамматических форм всех частей речи. Иначе говоря, каждый член словосочетания и предложения в тюркских языках может быть выражен любой частью речи, которая в процессе словообразования приобретает соответствующие для этого грамматические формы.

6

Итак, морфологический анализ слова в тюркских языках показывает, что в структуре слова, выступающего в качестве члена словосочетания или предложения, выделяются, во-первых, наименее связанные с вещественным значением слова и наиболее обобщенные и абстрактные категории словоизменения, выражающие отношения слов в словосочетании или предложении. К категориям словоизменения относятся: категория числа, выражающая, наряду с другими отношениями, субъектно-предикатную связь подлежащего и сказуемого в предложении; категория принадлежности, выражающая атрибутивную связь определяемого и определения в словосочетаниях; категория падежа, выражающая объектно-предикатную связь дополнения и сказуемого, и категория лица, выражающая субъектно-предикатную связь подлежащего и сказуемого.

Далее за аффиксами словоизменения, ближе к корню слова, следуют аффиксы функционально-грамматического словообразования, формирующие вторую основу слова. Вторая основа слова образует субстантивные и атрибутивные категории, более чем категории словоизменения, связанные с вещественными значениями, но различающиеся между собой главным образом особым грамматическим значением.

Еще ближе к корню, непосредственно примыкая к нему, располагаются аффиксы лексико-грамматического словообразования, формирующие первую основу слова. Первая основа слова образует части речи — особые лексико-грамматические разряды слов, характеризующиеся и различающиеся между собой и вещественным и грамматическим значениями.

Наконец, ядром слова является непронизводный или производный корень, в котором в наибольшей степени выявляется вещественное значение, хотя каждый корень слова в тюркских языках, выступая самостоятельно в составе предложения, наряду с вещественным значением, содержит и определенную грамматическую форму.

Таким образом, в структуре тюркского слова наиболее абстрактные грамматические категории выражены в аффиксах, наиболее отдаленных от корня. Чем ближе к корню те или иные форманты, тем

больше вещественного, лексического заключено в категориях, ими выражаемых.

Образование частей речи — лексико-грамматических категорий, дифференцирующихся и по вещественному и по грамматическому признаку, — связано в слове главным образом с его корнем и первой лексико-грамматической основой. Уже сам корень, как это следует из фактического материала, содержит в себе идею той или иной части речи, признаки которой уточняются в первой основе слова, содержащей корень и аффиксы лексико-грамматического словообразования.

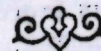
Что касается второй основы, где формируются более отвлеченные функционально-грамматические категории всех знаменательных частей речи, то аффиксы, образующие вторую основу слова, не формируют частей речи, а служат только признаками их различения, так как функционально-грамматические формы каждой части речи имеют свою специфику как в отношении своего значения, так и в отношении оформления.

Наконец, наиболее абстрактные категории словоизменения, независимые от вещественного значения слова, как это видно было из представленного фактического материала, еще в меньшей степени могут служить критериями для определения той или иной части речи.

Проблема частей речи, таким образом, может быть решена только при условии точной дифференциации структурных элементов слова и изучения всех лексико-грамматических и функционально-грамматических категорий, возникающих в слове в процессе словообразования и словоизменения.

RÉSUMÉ

The author is the first to approach the problem of parts of speech through the morphological structure of the word. The first component of the word is the derivative or non-derivative root, which possesses the greatest degree of material significance. It is at the same time the vehicle of a definite grammatical form, and should therefore belong to some part of speech. Lexico-grammatical affixes form the first foundation of the word which finally determines the relation of a given word to one of the parts of speech distinguished by material and grammatical meaning. Affixes of the functional word formations which constitute the second foundation of the word serve at the same time as media of expressing more specific grammatical forms within the given part of speech, and as criterions or signs defining some part of speech. Word-changing affixes are least of all connected with the material meaning of the word since they express the most abstract relationship of words in word compounds and in sentences.

ДВОРЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЯНДЖИКЕНТСКОГО ВЛАДЕТЕЛЯ

(К вопросу о хозяйственной жизни Средней Азии в VII—VIII вв.)

В. Я. СТАВИСКИЙ

Одной из наименее разработанных тем среднеазиатской истории является хозяйственная жизнь Средней Азии в древности и в раннее средневековье. Между тем изучение хозяйственной жизни и специфики отдельных хозяйств крайне необходимо как для решения вопросов социально-экономической структуры древней Средней Азии, так и для выявления конкретных путей ее феодализации.

Успешные работы наших археологических экспедиций в различных районах Средней Азии не только способствовали накоплению богатого археологического материала, отчасти используемого уже для решения вопросов социально-экономической истории, но и привели к открытию документов, написанных на древних среднеазиатских языках. Одним из первых открытий такого рода были находки в замке на горе Муг в Таджикистане в 1933 г. экспедицией, возглавляемой крупнейшим специалистом в области согдологии А. А. Фрейманом, 80 рукописных документов на коже, китайской бумаге и деревянных палках.

Дешифровка В. А. и И. Ю. Крачковскими одного из мугских документов, написанного по-арабски, послужившая ключом к осмыслению всех находок экспедиции А. А. Фреймана, позволила, в частности, установить, что замок на горе Муг был последним убежищем Диваштича, бежавшего в горы во время антиарабского движения согдийцев в 721—722 гг. Судя же по прочитанным А. А. Фрейманом документам, написанным по-согдийски, а также по сообщению ал-Мадаини, Диваштич был владельцем Пянджикента, центра одного из полунезависимых согдийских княжеств.

Раскопки городища древнего Пянджикента, начатые в 1947 г. Таджикской археологической экспедицией, дали богатый материал, характеризующий разные стороны жизни этого крупного населенного пункта, и скоро наступит, по-видимому, время, когда можно будет обрисовать хозяйственную жизнь среднеазиатского города VII—VIII вв. во всем ее богатстве и многогранности. Но и сейчас раскопки древнего Пянджикента позволяют коснуться ряда отдельных важных вопросов, в том числе вопроса о дворцовом хозяйстве пянджикентского владельца.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению интересующего нас вопроса, остановимся вкратце на том, каково было общественное положение Диваштича и какова была его роль в политической истории Согда первой четверти VIII в.

Судя по известным сейчас данным, Диваштич представлял собой весьма заметную личность. Так, в нескольких документах мугского архива он именуется царем (ихшидом) Согда — *sydyk MLK*¹, владельцем (афшином) Самарканда — *sm'rkndē MR'u*, т. е. самым высшим в Согде того времени званием, принадлежавшим в первой половине VIII в. лишь царю Гуреку и его предшественнику Тархуну. Тот факт, что этот титул употреблен здесь в применении к пянджикентскому владельцу, в нашей литературе получил два различных объяснения. Одно из них принадлежит А. А. Фрейману. Он отождествляет Диваштича с Тархуном, воцарившимся в 700 г. и, по сообщению ат-Табари, свергнутым с престола и покончившим самоубийством в 710 г., т. е. более чем за десять лет до гибели Диваштича. А. А. Фрейман предлагает считать сообщение ат-Табари о смерти Тархуна недостоверным. Тархун-Диваштич, по его мнению, удалился в 710 г. из Самарканда в Пянджикент, где и продолжал жить, сменив свой пышный титул царя Согда, владельца Самарканда, на скромное звание пянджикентского господина².

Иное толкование предложено О. И. Смирновой. По ее мнению, Тархун и Диваштич — разные лица. Совпадение же титула Диваштича с титулом правившего с 710 по 737 г. царя Согда Гурека объясняется тем, что в 721—722 гг. Диваштич возглавлял антиарабское движение непокорных согдийцев, и в среде его единомышленников именно он, а не заменивший им Гурек, имел право на звание царя Согда, неотделимое в то время от титула самаркандского владельца³. Гипотеза О. И. Смирновой более согласуется с известными сейчас данными и представляется исторически более обоснованной. Но в любом случае, даже принимая гипотезу А. А. Фреймана, можно считать твердо установленным, что по крайней мере в течение двух лет Диваштич действительно был признанным главой всего Согда. С этим фактом связано, видимо, и то, что владелец древнего Пянджикента, единственный из всех согдийских владельцев, отливал монеты с квадратным отверстием посередине, выпуск которых являлся прерогативой занимавших самаркандский престол царей Согда⁴.

Интересно отметить, что, в противовес Тархуну и Гуреку, сменившим на монетах герб своих предшественников, царей VII в. — Укара, Шишипра, Вахшумана и Тукаспадака, владелец древнего Пянджикента помещает этот герб на своих монетах, как бы подчеркивая тем самым какую-то связь с ними⁵. Характерно, что тот же знак, или герб, изображен и на каменной печати, найденной в тайнике, помещавшемся в сырцовом настиле пола одной из комнат жилой башни пянджикентского кухендиза⁶.

Говоря о связи пянджикентского владельца с высшими слоями согдийской знати и об его авторитете и значимости, нельзя не вспомнить прочитанного В. А. и И. Ю. Крачковскими письма Диваштича арабскому

¹ А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XVII. М.—Л., 1936, стр. 161—165.

² О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. «Советское востоковедение», VI. М.—Л., 1949, стр. 365 сл.; *см. же.* К хронологии Согда VII—VIII вв. «Бюллетень АН Узбекской ССР», 1945, № 6, стр. 28.

³ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. «Эпиграфика Востока», VI. М.—Л., 1952, стр. 10.

⁴ Этот факт, на мой взгляд, является еще одним свидетельством в пользу гипотезы О. И. Смирновой.

⁵ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 15. М.—Л., 1950, стр. 35; В. Я. Ставиский. Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владельца. Там же, стр. 97 и табл. 39.

эмиру ал-Джарраху, в котором упоминаются два малолетних сына царя Тархуна, как будто находящиеся при Диваштиче⁶.

Многое в родовых, династических и личных связях пиянджикентского владетеля нам еще не ясно и требует новых фактических данных, но его высокое общественное положение и наличие каких-то тесных связей с ихшидами Согда уже сейчас обозначаются в прочитанных документах достаточно рельефно.

Несколько слов следует сказать и об отношении Диваштича к завоевателям-арабам. Как уже отмечалось выше, в 721—722 гг. он возглавил антиарабское движение согдийцев. Однако его письмо ал-Джарраху, а также тот факт, что, будучи настигнут арабами в замке на горе Муг и получив заверение в личной неприкосновенности, он сдался арабам и бросил на произвол судьбы сто семей последовавших за ним пиянджикентцев⁷, ярко характеризуют его как типичного представителя дехканской знати, движимой в своих поступках отнюдь не патристическими побуждениями. В этом отношении Диваштич не был одинок. Как известно, точно так же вел себя и его соперник ихшид Согда Гурек, не раз переходивший от борьбы с арабами к покорности и даже союзу с ними. Так же вел себя Хорезмшах (владелец Хорезма), призвавший арабов для борьбы со своим братом Хурзадом, и согдийские кунцы, предоставившие в 696 г. деньги Умее ибн Абдаллаху, который отправлялся в поход на Мавераннахр. Весьма показательно, что в составе отряда, посланного арабами против Диваштича, упоминаются воины Хорезмшаха, владетеля Шумана и Ахаруна и, по-видимому, владетеля Бухары, а во главе этого отряда стоял Сулейман ибн Абу-с-Сари — лицо местного, среднеазиатского происхождения.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению дворцового хозяйства пиянджикентского владетеля. Для этого мы можем в настоящий момент использовать не только ценнейшие данные ряда документов «архива Диваштича», но и некоторые археологические материалы, добытые при раскопках замка на горе Муг экспедицией, возглавляемой А. А. Фрейманом, и при раскопках древнего Пиянджикента Таджикской археологической экспедицией.

К сожалению, характер и особенно степень изученности этих источников крайне затрудняют исследование. Так, чтение согдийских документов архива Диваштича, как это отмечает их издатель А. А. Фрейман, в ряде случаев все еще недостаточно ясно и имеет в известной мере предварительный характер. Не может еще считаться окончательно доказанной также связь ряда документов и других мугских находок с дворцовым хозяйством пиянджикентского владетеля, хотя предполагать последнюю, как мы увидим ниже, у нас есть достаточные основания.

Документы, найденные на горе Муг, принадлежали, на что указывал еще И. Ю. Крачковский, архиву или походной канцелярии Диваштича, брошенным «в разоренном замке после увода в плен его владельца»⁸. Как позволяют судить опубликованные документы, этот архив содержал деловую переписку Диваштича и приближенных к нему лиц, хозяйственные записи об израсходованных продуктах питания, расписки о выдаче кож, записи прихода денежных поступлений и т. п. Составлены эти документы в разное время: с шестого по четырнадцатый год

⁶ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. «Советский сборник». Л., 1934, стр. 55—56 и 69—70.

⁷ Ат-Табари, II, 1447; ср. перевод указанного отрывка в статье: С. Волин. К вопросу о замке на горе Муг. «Труды Таджикской базы АН СССР», т. IX, 1940, стр. 31; см. также В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 52—73.

⁸ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 66.

«господина Панча (т. е. Пиянджикента) Диваштича» и с первого по второй год «царя Согда, владетеля Самарканда Диваштича». Согласно гипотезе А. А. Фреймана, в первый и второй годы «царя Согда, владетеля Самарканда Диваштича» последний являлся действительным владетелем Самарканда. Таким образом, документы, датированные этими годами, следовало бы относить ко времени ранее 710 г. н. э. и связывать не с пиянджикентским дворцовым хозяйством, а с хозяйством самаркандского владетеля. Однако, как уже отмечалось выше, гипотеза А. А. Фреймана в настоящее время представляется гораздо менее обоснованной, чем гипотеза О. И. Смирновой. Согласно этой же гипотезе, Диваштич носил титул царя Согда, владетеля Самарканда в 721—722 гг., во время антиарабского восстания согдийцев, хотя фактически оставался по-прежнему всего лишь пиянджикентским владетелем. Таким образом (если принять гипотезу О. И. Смирновой), документы, датированные первым и вторым годами «царя Согда, владетеля Самарканда Диваштича», мы вправе будем считать составленными вне Самарканда. С другой стороны, не исключена возможность, что отдельные документы архива Диваштича могли быть составлены в последний период его деятельности (зима 721—весна и лето 722 гг.), когда он, покинув Пиянджикент, обосновался в замке на горе Муг. Очевидно, сведения, содержащиеся в подобных документах, следует отнести не к пиянджикентскому двору, а к мугскому замку, с которым прежде всего следует связывать и ряд найденных здесь предметов (куски кожи, части ткацкого станка, мотки ниток и т. п.). У нас, однако, есть основания предполагать, что замок на горе Муг, или крепость Абаргар, как, видимо, назывался замок в действительности⁹, не только был последним убежищем Диваштича, но и входил в состав его хозяйства. Во всяком случае ал-Мадаини, чьи сообщения о Диваштиче и связанных с ним событиях «даже в отдельных деталях блестяще оправдываются»¹⁰, называет Диваштича дикханом этой крепости¹¹.

Древний Пиянджикент являлся резиденцией и центром всех владений Диваштича. При исследовании этого городища Таджикская археологическая экспедиция, помимо раскопок шахристана, или собственно городского поселения, также и в кухендизе (т. е. замке, или цитадели), раскопала вела раскопки также и на высоком холме, господствующем над расположенным вне стен шахристана, на высоком холме, господствующем над древним городом, и над источником Кайнар-су, по сей день снабжающим питьевой водой все население Пиянджикента. Судя по сообщениям средневековых авторов, подобные кухендизы в древних среднеазиатских городах служили резиденцией местных владетелей. В силу этого А. Ю. Якубовский считал возможным полагать, что кухендиз древнего Пиянджикента также являлся жилищем пиянджикентского владетеля¹², местом, где помещался его дворец¹³. Позднее, правда, А. Ю. Якубовский примкнул к мнению М. М. Дьяконова, считающего «дворцом Диваштича» огромный объект III, расположенный на главной городской площади шахристана, напротив больших храмовых комплексов¹⁴. Но как бы то ни было, и даже в том случае, если пиянджикентский владетель имел свой дворец на территории шахристана, кухендиз древнего Пиянджикента все

⁹ С. Волин. Указ. соч., стр. 28—32.

¹⁰ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 73; ср. С. Волин. Указ. соч., стр. 32, прим. 3.

¹¹ Ат-Табари, II, 1447; С. Волин. Указ. соч., стр. 31.

¹² А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг., стр. 35—36.

¹³ Там же, стр. 33—35.

¹⁴ А. Ю. Якубовский. Древний Пиянджикент. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 258—264.

равно находился в его ведении, а расположенные на территории кухендиза постройки входили в состав его дворцового хозяйства.

Раскопками ТАЭ была затронута лишь небольшая часть каре, составляющего здание кухендиза, крайне незначительный участок внутреннего двора и остатки жилой башни¹⁵.

Представляет интерес состав зольных ям и куч во дворе кухендиза, служившем местом для сбрасывания мусора. Найденные здесь разбитые братины, чаши-ковши и масса костей, наряду со сценами пиров, открытыми на стенах зданий пиянджикентского шахристана, ярко характеризуют быт дехканской верхушки этого города. Крайне интересен тот факт, что среди найденных здесь костей большую часть составляют кости кабанов¹⁶. Судя по этому, пиянджикентский владетель и его приближенные часто занимались охотой на диких кабанов, что вполне понятно, так как они и по сей день водятся в ближайших горных окрестностях Пиянджикента¹⁷. О популярности же этого вида охоты среди знати раннего средневековья свидетельствуют изображения сцен охоты на кабана на так называемых «сасанидских» серебряных изделиях, в том числе на знаменитом блюде с «согдийским всадником»¹⁸. Но добыча знатных охотников, хотя и служила продуктом питания, не составляла, конечно, богатств дворцового хозяйства, и поступление и расходование ее не учитывались дворцовой канцелярией.

О том, что составляло богатства пиянджикентского дворцового хозяйства, мы можем судить на основании документов «архива Диваштича». В число этих богатств входили крупные запасы продуктов питания, расходование, а по всей вероятности, и поступление которых учитывались самым тщательнейшим образом. О том, как велся учет этих запасов, свидетельствует безымянный согдийский документ на коже (13B11), который содержит подробную запись овец и барашков, съеденных в Пиянджикенте с 30 числа девятого согдийского месяца по 8 число десятого месяца (всего за эти дни было съедено 12 овец и 2 барашка)¹⁹. Сходную запись по дням о расходовании продуктов в течение десяти последовательных дней (трех последних дней второго согдийского месяца и семи дней третьего месяца) представляет собой другой, еще неопубликованный документ, написанный на деревянной палке (45B2)²⁰.

Запасы продуктов питания в хозяйстве Диваштича отнюдь не ограничивались потребностями внутреннего потребления. Так, один из документов на коже (24A2), скрепленный печатью, содержит распоряжение Диваштича *rgm'nδr' wltw*²¹ выдать оседлым (или деревенским, точный перевод этого слова еще не ясен) людям 300 (3×100) мер²². Судя по другому аналогичному документу (25A3), речь идет о зерне; документ 25A3 содержит приказ Диваштича тому же *rgm'nδr' wltw* выдать 200 (2×100)

¹⁵ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг., стр. 33—35, 42—45; А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пиянджикента. «Труды СТАЭ», т. I, стр. 81—93; В. Я. Ставиский. Указ. соч., стр. 94—99.

¹⁶ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 89, 93.

¹⁷ Ср. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг., стр. 35.

¹⁸ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 3, ср. табл. 4 и 9; Н. Н. Забелина и Л. И. Ремпель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948.

¹⁹ А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, стр. 156.

²⁰ Там же, стр. 143, 159.

²¹ О значении этого термина см. ниже.

²² А. А. Фрейман. Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в Таджикистане. «Вестник древней истории», 1952, № 1, стр. 182—185.

мер для водяной мельницы²³. Мельница эта в документе 25A3 названа *twrgn*, т. е. «обладающая добрым фарром», «славная», а возможно, и «принадлежащая владельцу фарра», т. е. царю, «царская»²⁴.

Если перевод слова *twrgn* как «царская» правилен, то мельницу эту также следовало бы рассматривать как принадлежащую владельцу Пиянджикента и отсюда закладывать, что переработка зерна происходила внутри его дворцового хозяйства. К сожалению, точное значение слова *twrgn* нам не ясно, так как оно могло являться всего лишь отличительным названием мельницы, потока или даже местности. Во всяком случае мельница эта помещалась вне пределов кухендиза, так как местоположение последнего на высоком холме исключало возможность подачи сюда воды для вращения жерновов. В кухендизе, однако, как это установлено раскопками 1947 г., также существовало особое помещение для помола зерна; в этом помещении были найдены жернова от трех ручных мельниц²⁵.

На вскрытом участке были также обнаружены остатки пекарни, где найдено два тандыра, каждый из которых был изготовлен из большого хума без дна, который поставлен вниз горлом с небольшим наклоном²⁶.

В хозяйстве Диваштича производилась также и переработка продуктов животноводства, в частности, обработка кожи. Во всяком случае, в документе 6B5 упомянут склад кож, откуда *twšmryk*²⁷ взял 32 кожи, а затем еще 2 кожи и 2 узды, причем из последних *twšmryk* одну взял себе, а вторую отдал лицу, выдававшему ему все указанные выше предметы (документ этот представлял собою расписку, написанную Тураком по приказу *twšmryk*)²⁸. *twšmryk* вообще является одним из главных действующих лиц мугского архива. Так, в документе 30A8, датированном восьмым годом владения Панча Диваштича, говорится о получении им от упоминаемого выше *rgm'nδr' wltw* 43 кож «без изъяна» (видимо, кож отличной выделки)²⁹. С ним же связан документ 26A4, из которого следует, что *twšmryk* в течение пяти месяцев (от десятого месяца шестого года владения Панча Диваштича до третьего месяца следующего года) получил от некоего Акузера последовательно 70 самых отборных, 31 простую, 13 простых и 1 бычью; 3 простых и еще 1 бычью кожи³⁰. Судя по тому, что все упомянутые документы найдены в архиве Диваштича, ясно, что *twšmryk*, из года в год собиравший все эти кожи, действовал не как частное лицо, а как представитель дворцового хозяйства пиянджикентского владетеля.

При раскопках экспедицией А. А. Фреймана замка на горе Муг, в развалинах последнего, наряду с обтянутыми кожей предметами и собственными кожаными изделиями, были найдены также и полуобработанные

²³ Там же, стр. 185—186. Существование подобных мельниц в Согде в VIII в. н. э. засвидетельствовано в настоящее время и археологическими данными. См. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXIII, 1950, стр. 168.

²⁴ Толкование слова *twrgn*, равно как и других согдийских слов и терминов, в настоящей статье основано на этимологии, предложенной А. А. Фрейманом в упомянутых выше его работах.

²⁵ А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пиянджикента, стр. 83—84, 93.

²⁶ Там же, стр. 85, 93.

²⁷ О значении этого термина см. ниже.

²⁸ А. А. Фрейман. Согдийский рукописный документ на коже 6B5 из собрания документов с горы Муг. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 99—101.

²⁹ А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, стр. 140—141, 162.

³⁰ Там же, стр. 151—152; его же. Согдийский рукописный документ на коже 6B5, стр. 100.

кожи и простые кожаные заготовки³¹. Судя по этим находкам, в замке на горе Муг действительно существовало какое-то кожевенное производство, установить размеры которого, однако, мы еще не в состоянии. Не совсем ясно также, откуда поступало и кожевенное сырье. Однако у нас есть основания полагать, что сырье это или хотя бы часть его не поступало со стороны (в виде каких-либо налогов или поборов), а производилось в дворцовом хозяйстве. Об этом, возможно, свидетельствует написанный по-тюркски хозяйственный документ из архива Диваштича³². Во всяком случае, существование особого чиновника, занимавшегося специально кожей и кожаными изделиями (см. ниже), свидетельствует о том важном значении, которое придавалось этим предметам и, видимо, производству их в пиянджикентском дворцовом хозяйстве.

При раскопках замка на горе Муг были найдены также образцы различных тканей. О том, что какая-то часть этих тканей могла изготавливаться в самом замке, свидетельствуют найденные при раскопках деревянные части ткацкого станка, пучки ниток, необработанный хлопок и вата, войлок и мотки шерсти³³.

К сожалению, у нас нет еще достаточных данных, чтобы судить о том, где и кем были изготовлены найденные в замке на горе Муг и в пиянджикентском кухендизе деревянные, керамические и металлические изделия, но представляется вероятным, что хотя бы часть из них также была изготовлена внутри самого дворцового хозяйства. Во всяком случае, мы вправе, видимо, рассматривать дворцовое хозяйство пиянджикентского владетеля не только как потребляющее, но и как производящее.

Хозяйство Диваштича обладало и крупными денежными суммами. Так, в документе 35A13 «от пиянджикентского β^2k^m ³⁴ и от народа» содержится указание выдать упоминавшемуся уже нами rgm^nd^r $wltw$ 150 дирхемов, сумму по тому времени весьма значительную³⁵. До нас дошел также особый документ (6 пов), к сожалению, еще неопубликованный, содержащий запись — заприходование денежных поступлений в 10, 12 и 13-й годы царя Диваштича³⁶.

При раскопках на территории пиянджикентского шахристана и в кухендизе было обнаружено большое число бронзовых согдийских монет VII—VIII вв., свидетельствующих о развитом денежном хозяйстве. Для нас особый интерес представляет тот факт, что здесь впервые были обнаружены также монеты с легендой — «господин афшин (?) Палча...», документирующие существование в Пиянджикенте, вероятно при дворе владетеля, специального монетного двора.

³¹ Ср. И. А. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. «Согдийский сборник», стр. 25—26. Материал хранится в Государственном Эрмитаже, отделение Средней Азии.

³² А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. «Эпиграфика Востока», V. М.—Л., 1951; ср. ред. С. Е. Малова в «Известиях Академии наук СССР», отд. литературы и языка, 1954, т. XIII, вып. 2, стр. 197—198.

³³ Ср. И. А. Васильев. Указ. соч., стр. 26. Материал хранится в Государственном Эрмитаже, отделение Средней Азии.

³⁴ О значении этого термина см. ниже.

³⁵ А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане..., стр. 135—154; ср. прим. 1 к стр. 183 в «Вестнике древней истории», 1952, № 1. Правда, реальная стоимость денег в Средней Азии VIII в. нам неизвестна, но вряд ли она была намного меньше реальной стоимости денег в Ираке. О последнем же, со слов арабского географа Якута, мы знаем, что в середине VIII в. там на один дирхем можно было купить целого барана, 90 ритлей (36 кг) бычьего мяса, 60 ритлей (24 кг) бараньего мяса, 60 ритлей фиников, или, наконец, 10 ритлей меда; ягненка же стоил тогда две трети дирхема (см. А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Труды Историко-археологического института», т. 6, вып. III, ч. I. Л., 1932, стр. 8).

³⁶ А. А. Фрейман. Указ. соч., стр. 154 и 162.

Как уже отмечалось выше, приход и расход запасов дворцового хозяйства Диваштича учитывался самым тщательным образом, и канцелярский учет при дворе Диваштича находился на весьма высоком уровне. Наряду с учетными документами канцелярия ведала также хозяйственной и иной перепиской. Особо следует отметить, что документы мугского архива написаны не только по-согдийски, но и по-тюркски и даже по-арабски, причем, если арабский документ представляет собой письмо Диваштича арабскому эмиру, то тюркский — является, видимо, документом хозяйственного содержания. Дошедшие до нас документы архива Диваштича свидетельствуют о твердо установившемся канцелярском стиле. Лица, писавшие эти документы, прекрасно знали свое дело и являлись, несомненно, профессиональными писцами (высокое профессиональное мастерство этих писцов уже отмечалось В. А. и И. Ю. Крачковскими, анализирующими арабский документ — письмо ал-Джарраху, и А. А. Фрейманом, изучающим язык и письмо согдийских документов).

Счет лет велся в дворцовой канцелярии древнего Пиянджикента по годам правления отдельных владетелей. Обращение к адресатам строго регламентировалось их иерархическим положением. Так, обращение к Диваштичу всегда начинается с пышной фразы β^2w w^2w — богу-господину. С этой же фразы начинают свое обращение к rgm^nd^r $wltw$ все (кроме Диваштича) его корреспонденты. Диваштич же к своим адресатам обращается без употребления каких-либо пышных титулов³⁷.

Из документов архива Диваштича мы можем извлечь некоторые данные и для характеристики их главных действующих лиц — чиновников, ведающих дворцовым хозяйством пиянджикентского владетеля. Функции одного из них ограничивались, видимо, сбором шкур, кож и кожаных изделий. Во всяком случае, в известных пока что документах мы встречаем его лишь в связи с получением этих предметов. Его звание w^2wmg^k является производным от V^*x^2mag — счет и, по определению А. А. Фреймана, обозначает «счетчик»³⁸.

Звание другого — rgm^nd^r $wltw$ состоит из двух слов. Этимология первого из них не вызывает никаких сомнений — это «повелитель», «распорядитель», «начальник», т. е. лицо, имеющее право отдавать приказания — rgm^p , повелевать. Второе слово является, возможно, производным от w^2t — удел, область. В целом звание это предположительно переводится А. А. Фрейманом как «распорядитель (повелитель, начальник) уделов»³⁹. Функции лица, носящего это звание, заметно разнообразнее обязанностей «счетчика». Так, он выдает кожи из склада кож и ведает выдачей запасов зерна, он же получает крупные денежные суммы, ему чаще всего адресует свои распоряжения Диваштич, ему же пишут и другие корреспонденты.

Создается впечатление, что, в отличие от «счетчика», распоряжавшегося в одной определенной специализированной отрасли хозяйства, «распорядитель уделов» ведал всем дворцовым хозяйством или же какими-то землями или хозяйствами (уделами?), находившимися вне главной резиденции Диваштича. Очень соблазнительно было бы видеть в его лице своеобразного управляющего замком на горе Муг или каким-либо иным участком, входившим в состав хозяйства пиянджикентского владетеля.

Третий крупный чиновник называется β^2k^m ; с ним мы встречаемся лишь один раз в документе, где говорится о выдаче крупной денежной

³⁷ Ср. А. А. Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. «Согдийский сборник», стр. 13—14.

³⁸ А. А. Фрейман. Согдийский рукописный документ на коже 6B5, стр. 100.

³⁹ А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, стр. 141, прим. 1.

суммы (150 дирхемов). Первая часть этого слова — $\beta\zeta$ — обозначает «подать» или «палог», весь жетитул обозначал, по-видимому, «какое-то должностное лицо, притом имевшее отношение к денежным делам, финансам», т. е. нечто в роде «сборщика налогов». Крайне интересно, что все эти три крупных чиновника, ведавшие запасами и сокровищами дворцового хозяйства пиянджикентского владетеля и получавшие приказания непосредственно от Диваштича, а также имевшие право обращаться к нему и приказывать всем адресатам (кроме Диваштича, а возможно, и друг другу), выступают в документах лишенными собственных имен. Мы не можем даже утверждать, что перед нами в разновременных документах под тем или иным из этих служебных званий выступает одно лицо. Это тем более интересно, что даже те, которым они отдавали приказания и которые обращались к ним как к лицам, высоко стоящим на общественной лестнице, имеют, как правило, в мугских документах личные имена. Думается, что подобное явление скорее всего могло иметь место в том случае, если чиновники, носящие эти звания, не были выходцами из среды родовой знати. Не исключена, видимо, возможность, что все эти крупные чиновники являлись, подобно многим представителям служилой знати IX—X и последующих веков, выходцами из слуг или рабов пиянджикентского владетеля.

В литературе высказывалось мнение, что среднеазиатские владетели VI—VIII вв. совмещали в своем лице как светскую, так и духовную власть⁴⁰. В ряде случаев подобное явление, по-видимому, действительно имело место. Вероятно, в Согде так обстояло дело при ихшиде первой половины VII в. — Укаре, так как на его монетах стояла легенда, предположительно прочитанная как «ихшид Укар, старший жрец»⁴¹. Однако уже само подчеркивание этого свидетельствует скорее об исключительном случае, чем об обычной и привычной практике. Громадные же размеры храмовых комплексов древнего Пиянджикента с большим числом хозяйственных помещений и полное отсутствие в документах мугского архива каких-либо данных, позволяющих считать их хозяином пиянджикентского владетеля, дают основания рассматривать дворцовое хозяйство Диваштича как самостоятельную единицу. Думается, что это заключение можно распространить и на другие хозяйства крупной дехканской знати Средней Азии той эпохи.

RÉSUMÉ

One of the least investigated subjects of Central Asian history is the economic life of Central Asia in ancient times and in the early Middle Ages.

Fruitful work done by Soviet archeological expeditions in different parts of Central Asia produced a rich collection of materials and led to the discovery of documents written in ancient Central Asian languages. Among the first finds were 80 manuscript documents (written on leather, Chinese paper and wood) discovered in a castle on Mt. Mug, Tajikistan, in 1933 by an expedition headed by A. A. Freiman, an eminent Sogdologist. Excavations conducted on the site of Panjikent furnished rich materials for studying the court of the Panjikent ruler.

⁴⁰ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 270, 318—320.

⁴¹ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет..., стр. 22—23; *см. же.* Согдийские монеты собрания Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. «Эпиграфика Востока», IV, 1951, стр. 16—17.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ — ДРУГ ИНДИИ

А. И. ШИФМАН

Среди хранящихся в архиве Л. Н. Толстого пятидесяти тысяч писем, пришедших в Ясную Поляну со всех концов мира, особое место занимают письма патриотов Индии. Вместе со страстными, взволнованными, полными дружеских чувств ответами великого писателя они составляют яркую страницу в истории многовековой дружбы русского и индийского народов.

Отношение Толстого к Востоку и, в частности, к борьбе индийского народа за свободу и независимость носило на себе печать тех же глубоких противоречий, какие были свойственны всему мировоззрению и творчеству великого писателя. Толстой решительно осуждал правителей империалистических государств, которые держали Индию и другие страны Востока в тисках колониального рабства. Но вместе с тем он звал угнетенные народы не к активной борьбе против угнетателей, а к непротавлению злу насилем, к «неучастию» в политической борьбе, к пассивным формам противодействия колонизаторам.

Содержавшаяся в обращениях Толстого к Индии беспощадная критика колониализма и буржуазной цивилизации, несомненно, имела демократический характер и играла прогрессивную роль, поскольку она срывала маски с империалистических хищников.

Интерес к Индии сопутствовал Толстому на протяжении всей его жизни. Еще на заре своего творческого пути, в период первого индийского национального восстания 1857—1859 гг. писатель выразил сочувствие индийскому народу, восставшему против своих поработителей. Когда в марте 1858 г. до Петербурга дошло известие о жестоком подавлении восстания индийцев и занятии английскими войсками генерала Кампбелла, последнего оплота восставших — города Лакнау, Толстой заклеил в своем дневнике «бесчеловеч[ность] Англии»¹. Через неделю он с гневом отметил новый бесчеловечный акт усмирителей — расстрел капитаном Осборном 94 индийских патриотов. «Слава Богу, спокойно расстреляли 94 чел[овека]», — отметил Толстой с горькой иронией в записной книжке².

Особенно возрос интерес писателя к Индии в конце XIX — начале XX в., когда с наступлением эпохи империализма обострилась борьба за колонии в странах Востока. Великий русский писатель возвысил свой голос против колониального разбоя и захватнических войн. Он обрушился со страстной критикой на весь парящий в капиталистическом мире строй эксплуатации и насилия, на жестокое, бесчеловечное «рабство нашего времени»³.

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 11.

² Там же, стр. 74.

³ «Рабство нашего времени» — так называется один из самых ярких антикапиталистических и антиимпериалистических трактатов Толстого.

К этому периоду относится оживленная переписка Толстого с общественными деятелями Индии, видевшими в нем друга своей страны. К сожалению, далеко не все письма индийских патриотов к Толстому опубликованы, хотя они и представляют большой исторический интерес⁴. Остановимся на некоторых, наиболее важных из них.

Среди многочисленной почты, полученной в Ясной Поляне в конце мая 1908 г., оказалось письмо от индийского революционера Таракнатха Даса — видного деятеля национально-освободительного движения. Вместе с письмом были присланы номера журнала, издававшегося Таракнатхом Дасом, «Free Hindostan». На обложке журнала были начертаны девизы: «Противодействие нападению не только справедливо, но и обязательно»; «Непротивление вредит одинаково и альтруизму и эгоизму». Толстой с исключительным интересом отнесся к полученным материалам. Ярко выраженный революционный характер журнала, взволнованное письмо индийского публициста и были тем поводом, который заставил Толстого взяться за перо.

Письмо Таракнатха Даса, вызвавшее знаменитое ответное письмо Толстого, считалось до сих пор утерянным. П. И. Бирюков в книге «Толстой и Восток» жалеет о том, что его долгие поиски письма не увенчались успехом⁵. Письмо, однако, сохранилось в архиве Л. Н. Толстого, и только что опубликовано в примечаниях к собранию сочинений. Вот оно в переводе с английского языка:

Университетский городок, город Сизтль, штат Вашингтон. США. 24 мая 1908 года.

Графу Льву Толстому. Россия.

Дорогой сэр, Ваше имя известно теперь всем, кто трудится на пользу человечества. Ваши произведения, в которых Вы показали жизнь угнетенного русского народа, открыли глаза цивилизованному миру и вызвали глубокую симпатию к нему.

Ваша моральная сила ослабила даже самодержавную власть русского правительства, всегда противившегося всем либеральным взглядам — оно запугано Вашими произведениями и вынуждено молчать.

Русский народ действительно поработен, но он не является самым угнетенным народом, если сравнить условия его существования с положением народов Индии. В книге «Прцветающая Британская Индия» сэра Уильяма Диггеса признано, что за десять лет, с 1891 по 1900 г., от голода в Индии погибло 19 миллионов человек в то время, как за последние 107 лет, с 1793 по 1900 г., во всем мире от войн погибло всего пять миллионов человек. Вы ненавидите войну, но голод для Индии страшнее войны. Он происходит там не из-за недостатка продовольствия, а вызван ограблением народа и опустошением страны, которые проводит британское правительство. Разве это не позор, что миллионы людей в Индии голодают, а британские купцы вывозят оттуда тысячи тонн риса и других продуктов питания?!

Население Индии страдает до предела. Политика Британии в Индии представляет собою угрозу всей христианской цивилизации.

Своими произведениями Вы сделали огромное благо для России. Мы умоляем, если только у Вас будет время, написать статью и высказать свое мнение о бедственном положении Индии. От имени миллионов голодающих я обращаюсь к Вам — христианину с просьбой поддержать нас. Посылаю Вам отдельно два номера «Свободного Индостана» для просмотра и ознакомления.

Преданный Вам Таракнатх Дас.

Свой ответ на письмо индийского революционера Толстой писал с перерывами полгода. Писателю хотелось в предельно ясной форме высказать свой взгляд на положение

⁴ Часть писем некоторых деятелей Индии к Толстому опубликована П. И. Бирюковым. (P. I. Birukov. Tolstoi und der Orient. Leipzig, 1925). Однако они приведены неполностью и с большими сокращениями.

⁵ P. I. Birukov. Указ. соч., стр. 50.

народов Востока, осудить действия колонизаторов. Ответное письмо Толстого выросло в обстоятельную статью, которая принадлежит к лучшим образцам публицистики писателя. Статья под заголовком «Письмо к индусу» была напечатана во многих странах мира.

Свое «Письмо к индусу» Толстой начинает с указания на то, что бедственное положение угнетенных народов глубоко волнует его. Во всем мире, отмечает он, «происходит то удивительное явление, что большинство трудящегося народа подчиняется чужим праздным людям, распоряжающимся не только трудами, но и жизнью большинства». Это везде: и там, где угнетатели и угнетенные принадлежат к одной нации, и там, где, как, например, в Индии, — угнетатели принадлежат к другой — господствующей — нации.

«В Индии, — пишет Толстой, — это кажется особенно страшным, так как здесь более чем 200-миллионный, высокоодаренный и духовными и телесными силами народ находится во власти совершенно чуждого ему небольшого кружка людей, стоящих в религиозно-правственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют».

Причину этого всеобщего явления Толстой усматривает в том, что угнетенные народы ищут избавления от претерпеваемого ими угнетения не в своем национальном укладе, а в приобщении к тем «глубоко безнравственным формам общественного устройства, в которых живут теперь английский и другие мнимохристианские народы».

Чтобы показать, насколько губительны социальные основы современного общественного мира, Толстой анализирует историю человеческого общества и показывает, как угнетение, видоизменяя свои формы, всегда опиралось на насилие, которое в свою очередь зиждилось на вере угнетаемых людей в божественные права властителей.

Анализируя новые виды обмана, которые угнетатели культивируют теперь взамен старых, Толстой с особенной силой обрушивается на лженаучное «суеверие», которое, по его мнению, пришло на смену религиозному. К этому новому виду оправдания насилия писатель относит ряд господствующих буржуазных социологических теорий и в первую очередь «теорию» о том, будто угнетение одних людей другими является нерушимым историческим законом. К мнимонаучным истинам Толстой относит и мальтузианскую теорию борьбы за существование и различные теории буржуазного права, которые освящают мерзости собственнического мира.

Обращаясь к положению народов Индии, Толстой видит причину всех бед в том, что они проникаются лживыми и пагубными идеями буржуазной лжецивилизации.

«Торговая компания поработила 200-миллионный народ, — восклицает Толстой. — Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не поймет, что значат эти слова. Что значит то, что 30 тысяч людей, не силачей, даже скорее слабых и дурных людей, поработили 200 миллионов живых, умных, сильных, любящих свободу людей?»

Причина поработения, утверждает писатель, состоит в том, что индийцы покоряются угнетателям, ибо исповедуют ту же, что и они, «религию насилия». Если бы индийский народ последовал бы призывам своих древних мудрецов — не подчинялся бы насильникам и не участвовал бы в окружающем зле, то никакая сила в мире не была бы им покорить. «Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас» — таков совет писателя индийскому народу¹⁰.

В свете марксистско-ленинского учения и богатейшей истории национально-освободительной борьбы колониальных народов нетрудно увидеть ошибочность этого совета, как и всей социально-политической концепции Толстого. Опыт истории показывает, что одним лишь пассивным сопротивлением, а тем более непротивлением злу,

⁶ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 259.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 260.

⁹ Там же, стр. 268.

¹⁰ Там же, стр. 269.

⁷ Советское востоковедение, № 1

нельзя добиться освобождения от цепей колониализма и осуществления национальных чаяний поработенных народов.

Вместе с этим нельзя недооценивать прогрессивного значения могучей толстовской критики колониализма, содержащейся в его «Письме к индусу». Вопреки проповеди непротравления и самоусовершенствования, это «Письмо», как и другие письма и статьи Толстого, обращенные к народам Востока, сыграло в свое время большую активизирующую роль. Оно будило мысль закабаленных народов, раскрывало им глаза на господствующую несправедливость, подвергало жестокому осуждению колониальные порядки, звало к сопротивлению поработителей. Не случайно статьи Толстого, в том числе и его «Письмо к индусу», преследовались колониальными властями в ряде стран Востока наряду с революционной литературой, прямо призывавшей к мятежу.

* * *

«Письмо к индусу» было прочитано Ганди, жившим тогда в Южной Африке, и стало одним из поводов для начала переписки между Толстым и Ганди. Остановимся на ней более обстоятельно¹¹.

В мировой литературе переписку Толстого и Ганди до сих пор комментировали главным образом с точки зрения общей для обоих мыслителей идеи ненасильственного сопротивления. Именно в этом плане упоминали о ней в своих книгах Ромен Роллан¹², Стефан Цвейг¹³ и другие писатели Запада и Востока. Но не следует забывать, что эта переписка касалась в первую очередь реальных проблем национально-освободительной борьбы, и именно в этом, с нашей точки зрения, заключается ее непреходящий исторический интерес.

Первое письмо к Толстому Ганди написал 1 октября 1909 г. из Лондона, куда он прибыл для переговоров с членами английского правительства. Молодой адвокат Ганди возглавлял тогда борьбу индийского населения Трансвааля (Южная Африка) против так называемого «черного закона», поставившего индийцев в условия дискриминации и фактического рабства. Свое первое послание к Толстому Ганди и посвятил описанию жестоких репрессий, которым подвергалось индийское население Трансвааля.

«Британские индийцы, которым мы объяснили положение вещей, — писал Ганди, — согласились не подчиняться этому закону и предпочесть заключение в тюрьму или другие наказания, которые могут быть по закону наложены за его нарушение. Следствием этого получилось то, что почти половина всего индийского населения, не бывшая в силах выдержать напряжения борьбы и перенести страдания при заключении в тюрьму, предпочла выселиться из Трансвааля, нежели подчиниться унижению, по ее мнению, закону. Из другой половины почти 2500 человек, ради следования своей совести, предпочли тюремное заключение — некоторые из них до пяти раз»¹⁴.

Описав пережитый этой упорной борьбы и страданий своих соотечественников, Ганди попросил у Толстого разрешение перевести и распространить среди них знаменитое «Письмо к индусу». Одновременно он попросил разрешение опустить из текста «Письма» несколько слов, в которых содержится осуждение распространенной в Индии веры в перевоплощение душ. Эта вера, утверждал Ганди, близка широким массам индийцев и многих из них поддерживает в их полной лишений борьбе против колонизаторов.

Таким было содержание первого письма Ганди к Толстому.

Обращение неизвестного ему тогда индийца из далекого Трансвааля горячо зани-

¹¹ Переписка Л. Н. Толстого и М. К. Ганди опубликована в неполном виде на немецком языке П. И. Бирюковым в его книге «Толстой и Восток» и на русском языке с превосходными комментариями А. П. Сергеевко в «Литературном наследстве» № 37—38.

¹² См. — Ромен Роллан. Жизнь Толстого. Л., 1933.

¹³ См. Стефан Цвейг. Три певца своей жизни. Л., Изд. «Время», 1928.

¹⁴ «Литературное наследство», № 37—38, стр. 342.

пересовало писателя. «Письмо трансваальского индуса очень тронуло меня», — писал он в эти дни В. Г. Черткову¹⁵.

8 октября 1909 г. Толстой ответил на письмо Ганди дружеским посланием, в котором выразил искреннее сочувствие «нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале».

«Та же борьба мягкого против жесткого, смирения и любви против гордости и насилия, — писал он, — с каждым годом все более и более проявляется и у нас...»¹⁶.

Толстой одобрил намерение Ганди распространить среди его соотечественников «Письмо к индусу» и согласился на изъятие из него упоминания о перевоплощении душ.

Ободряющее письмо Толстого пришло в Лондон как раз в тот период, когда переговоры Ганди с английскими чиновниками закончились неудачей, и поэтому чрезвычайно обрадовало его. Он немедленно отправил в Ясную Поляну второе письмо, в котором продолжил описание борьбы трансваальских индийцев против властей.

Это — второе — письмо Ганди почти полвека до наших дней не было известно и вошло у нас ни в одну из публикаций переписки Толстого и Ганди. Оно лишь недавно найдено в одной из книг яснополянской библиотеки, благодаря чему мы имеем возможность восполнить досадный пробел в столь важной и интересной переписке¹⁷. Вот это письмо в переводе с английского языка:

«Отель «Вестминстер-Палас», 4
Виктория-страт, Лондон В. С.
10.XI 1909 г.

Дорогой сэр, сердечно благодарю Вас за Ваше заказное письмо, связанное с «Письмом к индусу» и теми вопросами, которых я касался в письме к Вам.

Я не писал Вам, не желая беспокоить Вас, так как узнал, что Вы больны, а письменное выражение моей благодарности является ведь простой формальностью. Но господин Эйльмер Моод¹⁸, которого мне удалось теперь встретить, заверил меня в том, что Вы вполне здоровы и регулярно по утрам занимаетесь корреспонденцией. Эти сведения очень обрадовали меня, и я решил снова написать Вам о делах, которые, я знаю, имеют величайшее значение с точки зрения Вашего учения.

Посылаю вместе с письмом книгу, написанную одним из моих друзей — англичанином, находящимся теперь в Южной Африке¹⁹. Книга эта имеет отношение к моей жизни и проливает свет на ту борьбу, с которой я связан и которой я посвятил свою жизнь. Так как мне очень хочется привлечь на нашу сторону Ваш интерес и симпатии, я подумал, что вы не сочтете присылку книги назойливостью.

По моему мнению, индийцы в Трансваале ведут сейчас величайшую борьбу в современной истории, поскольку она идеальна как с точки зрения поставленной цели, так и методов достижения этой цели. Я не знаю ни одного другого примера борьбы, в которой ее участники не стремились бы извлечь из нее какие-либо личные выгоды и в ходе которой половина участников подвергалась великим страданиям и испытаниям ради торжества принципа.

Я не имею возможности популяризировать нашу борьбу так широко, как мне хотелось бы этого. В наше время Вы пользуетесь, вероятно, наибольшим влиянием на

¹⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 89.

¹⁶ Там же, т. 80, стр. 110—111.

¹⁷ Письмо обнаружено научными сотрудниками музея-усадьбы Ясная Поляна Н. П. Пузыным и Е. П. Населенко. Автор статьи выражает им свою глубокую благодарность за предоставление этих материалов.

¹⁸ Эйльмер Моод — английский биограф Толстого, переводчик и издатель его сочинений.

¹⁹ Имеется в виду книга J. Doke. M. K. Gandhi. An Indian patriot in South Africa. London, 1909.

широчайшие круги общественности. Если Вас удовлетворяют факты, изложенные в книге мистера Дока, и если Вы сочтете, что эти факты оправдывают выводы, к которым я пришел, то не мог ли бы я просить Вас использовать Ваше влияние любым способом, который Вы найдете приемлемым, чтобы популяризировать нашу движение? Если оно поостережется, то это будет не только торжеством веры, любви и истины над неверием, ненавистью и ложью, но, весьма вероятно, послужит примером для миллионов людей в Индии и в других частях света, могущих подпасть под пяту угнетателей. Оно безусловно будет во многом способствовать поражению сторонников насилия, по крайней мере в Индии. Если мы будем держаться до конца, — а я думаю, что мы выдержим, — у меня нет ни малейшего сомнения в конечном успехе. Ваша поддержка, оказанная нам, может лишь укрепить нашу решимость.

Переговоры, предпринятые с целью урегулировать этот вопрос, практически провалились. Вместо со своим коллегой я возвращаюсь на этой неделе в Южную Африку, где меня ждет тюремное заключение. Могу добавить, что мой сын с радостью присоединился ко мне в этой борьбе и сейчас отбывает шестимесячный срок каторжных работ. Это уже четвертый раз, как он подвергается тюремному заключению в ходе борьбы.

Если Вы будете так добры ответить на это письмо, то я просил бы Вас писать на мое имя по адресу: г. Ногансбург, Южная Африка, почтовый ящик № 6522.

С надеждой, что мое письмо застанет Вас в добром здравии, остаюсь

Ваш покорный слуга М. Ганди.

Графу Льву Толстому, Ясная Поляна, Россия.

Неизвестно, по каким причинам (вероятнее всего, по болезни) Толстой не ответил на это письмо, хотя присланная одновременно с ним книга Дока о Ганди заинтересовала его.

Переписка возобновилась через пять месяцев, в апреле 1910 г., когда Ганди прислал Толстому новое — третье — письмо и вместе с ним свою книгу на английском языке «Indian Home Rule».

«Это мой собственный перевод с языка гуджарати, — писал Ганди Толстому об этой книге. — Любопытно, что правительство Индии конфисковало книгу на этом языке. Поэтому я поспешил с опубликованием перевода»²⁰.

Ганди просил Толстого прочесть его книгу и высказать свое мнение, которое будет для него весьма ценным. Вместе с письмом Ганди прислал Толстому и несколько экземпляров «Письма к индусу» со своим предисловием.

Как это ни странно, но и предисловие Ганди к знаменитой статье Толстого также до сих пор не переведено на русский язык. А между тем оно представляет известный интерес. Приведем из него некоторые выдержки.

«Статья, публикуемая ниже, — начинается Ганди свое предисловие, — является переводом письма Толстого, написанного в ответ на письмо издателя журнала «Свободный Индостан».

Письмо это переходило из рук в руки и, наконец, попало ко мне от одного друга, который спросил меня, как человек, очень интересующийся произведениями Толстого, считаю ли я письмо достойным опубликования. И сразу же ответил утвердительно и сообщил ему, что я сам перевел бы его на язык гуджарати и побуждал бы других переводить и издавать его на других индийских языках».

Далее Ганди излагает в духе учения Толстого вопрос о путях национального освобождения Индии. По его мнению, существуют два пути — путь ожесточенной насильственной борьбы, который он, вслед за русским писателем, отвергает, и путь непротивления злу насилием, который он считает единственно верным. Цитируя важнейшие положения «Письма к индусу», Ганди солидаризируется с Толстым в его призывах к индийцам не участвовать в органах государственного управления, не служить в английских войсках, не платить податей и т. д. Иначе, по его мнению, Индия перестанет

Westminster Palace Hotel,
4, Victoria Street,
LONDON, W.O.
10.11.1909.

Dear Sir:-

I beg to tender my thanks for your registered letter in connection with the letter addressed to a Hindu, and with the matters that I dealt with in my letter to you.

Having heard about your failing health I refrained in order to save you the trouble, from sending an acknowledgment, knowing that a written expression of my thanks was a superfluous formality, but Mr. Aylmer Maule, whom I have now been able to meet reassured me that you were keeping very good health indeed and that unfailingly and regularly attended to your correspondence every morning. It was very glad news to me, and it encourages me to write to you further about matters which are, I know, of the greatest importance according to your teaching.

I beg to send you herewith a copy of a book written by a friend — an Englishman, who is at present in South Africa, in connection with my life, insofar as it has a very bearing on the struggle with which I am so connected, and to which my life is dedicated. As I am very anxious to engage your active interest and sympathy, I thought that it would not be considered by you as out of the way for me to send you the book.

In my opinion, this struggle of the Indians in the Transvaal is the greatest of modern times, inasmuch as it has been idealised both as to the goal as also the methods adopted to reach the goal. I am not aware of a struggle, in which the participants are not to derive any personal advantage at the end of it, and in which 50% of the persons affected have undergone great suffering and trial for the sake of a principle. It has not been possible for me to advertise the struggle as much as I should like. You command, possibly, the widest public today. If you are satisfied as to the facts you will find set forth in Mr. Doke's book, and if you consider that the conclusions I have arrived at are justified by the facts, may I ask you to use your influence in any manner you think fit to popularise the movement? If it succeeds, it will be not only a triumph of religion, love and truth over irreligion, hatred and falsehood, but it is highly likely to serve as an example to the millions in India and to people in other parts of the world who may be down-trodden, and will certainly go a great way towards breaking up the party of violence, at least in India. If we hold out to the end, as I think we would, I entertain not the slightest doubt as to the ultimate success; and your encouragement in the way suggested by you can only strengthen us in our resolve.

The negotiations that were going on for a settlement of the question have practically fallen through, and together with my colleague I return to South Africa this week, and invite imprisonment. I may add that my son has happily joined me in this struggle, and is now undergoing imprisonment with hard labour for six months. This is his fourth imprisonment in the course of the struggle.

²⁰ «Литературное наследство», № 37—38, стр. 344.

If you would be so good as to reply to this letter,
may I ask you to address your reply to me at Johannesburg, S.A.
Box 6522.

Hoping that this will find you in good health, I remain

Your obedient servant,

mk Gandhi

Count Leo Tolstoi,
Yasna Polyana,
Russia.

быть «колыбелью великих верований» и ее постигнет печальная участь европейских стран, поддавшихся обманам буржуазной цивилизации.

В заключении предисловия Ганди пишет:

«Несомненно, в учении Толстого нет ничего нового. Но старая истина выражена у него с исключительной силой. Его логика неоспорима, а, главное, он старается проводить в жизнь то, что проповедует. Он проповедует, чтобы убедить. Он искренен и серьезен. Он привлекает внимание»²¹.

Новое письмо Ганди, его предисловие к «Письму к индусу» и, особенно, присланная им книга о колониальном режиме в Индии с еще большей силой привлекли внимание писателя к судьбе индийского народа. В течение ряда дней Толстой с интересом читал и книгу Ганди «Самоуправление Индии» и книгу Дока о Ганди, о чем отметил в своем дневнике. Об этих книгах и произведенном ими сильным впечатлении Толстой говорил со своими близкими. Домашний врач Толстого Д. П. Маковицкий записал в эти дни следующее:

«Ганди, — сказал Толстой, — автор книжки «The Indian Home Rule». Он — глава партии, борющейся против Англии. Он сидел в тюрьме. Прежде я получил книгу о нем. Эта книга в высшей степени интересна. Это глубокое осуждение с точки зрения религиозного индуса всей европейской цивилизации»²².

Об этом же Толстой писал и В. Г. Черткову 22 апреля 1910 г.: «Сейчас и вчера вечером читал присланную мне с письмом книгу (одну раньше) [Д. Дока], другую — после [«The Indian Home Rule»] одного индусского мыслителя и борца против английского владычества Gandhi, борющегося посредством Passive Resistance [пассивного сопротивления]. Очень он близкий нам, мне человек. Он читал мои писания и перевел на индусский язык мое письмо индусу, его же книга «Indian Home Rule» по-индусски была запрещена британским правительством. Он просит моего мнения об его книге. Мне хочется подробно написать ему»²³.

Свое намерение подробно ответить на письмо Ганди Толстой, однако, в эти дни выполнить полностью не смог. 25 апреля 1910 г. он отправил Ганди краткое письмо, в котором одобрительно отозвался о присланных ему книгах.

«Я прочел вашу книгу с большим интересом, — писал он, — так как я думаю, что вопрос, который вы в ней обсуждаете — пассивное сопротивление — вопрос важнейшей важности не только для Индии, но и для всего человечества»²⁴.

Одобрительно отозвался Толстой и о биографии Ганди, написанной Доком. «Напишу, как только мне станет лучше»²⁵, — заключил Толстой свое письмо.

Тем временем борьба индийских патриотов в Трансваале еще больше обострилась. Сотни семей индийцев, не пожелавших покориться колониальной администрации, оказались разоренными и лишенными крова. Чтобы спасти наиболее нуждающихся из них от голодной смерти, Ганди организовал на земле, предоставленной ему богатым другом Калленбахом, сельскохозяйственную колонию, названную им «Толстовской фермой». 1100 акров земли этой фермы были предоставлены индийским беглецам для заселения и обработки. Обо всем этом Ганди, а вместе с ним и Калленбах, написали Толстому 15 августа 1910 г.

Эти письма, а также присланный одновременно журнал Ганди «Indian Opinion», доставили Толстому большое удовлетворение. «Приятное известие из Трансваала о колонии непротестующих»²⁶, — отметил он в дневнике 6 сентября. 7 сентября он продиктовал ответ, который является последним письмом писателя к Ганди. Напомним, что это происходило уже за два месяца до ухода Толстого из Ясной Поляны.

²¹ Dr. Kalibas Nag. Tolstoi and Gandhi. Calcutta, 1950, p. 78—80.

²² Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки. Рукопись, хранящаяся в архиве Л. Н. Толстого.

²³ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 58, стр. 368.

²⁴ Там же, т. 81, стр. 248.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, т. 58, стр. 100.

В своем последнем обширном письме, занимающем важное место в публицистике Толстого, посвященной Индии, писатель вновь развернул всю аргументацию в пользу «учения любви», которое он считал главным законом жизни. Все несправедливости и бедствия человечества возникли и происходят, по его мнению, от того, что люди откалались от закона любви и заменили его законом насилия. И все же, утверждал он, сознание несправедливости господствующего строя жизни растет во всем мире и проявляется в многообразных формах борьбы угнетенных народов против их поработителей.

В заключение своего письма Толстой затронул самый главный из волновавших его в последние годы вопросов — о захватнических войнах и колониальном разбое. Он отметил вопиющее противоречие между доктриной любви и милосердия, которую на словах исповедуют власти современного мира, и признания «вместе с этим необходимости войн и вооружения для убийства в самых огромных размерах на войнах»²⁷.

«Противоречие это, — писал Толстой, — чувствуется всеми правительствами, как вашим британским, так нашим русским, и из естественного чувства самосохранения преследуется этими правительствами более энергично, как это мы видим в России и как это видно из статей вашего журнала, чем всякая другая антиправительственная деятельность. Правительства знают, в чем их главная опасность, и зорко стерегут в этом вопросе уже не только свои интересы, но вопрос быть или не быть»²⁸.

Письмо Толстого дошло до Ганди с большим запозданием. В этот период писатель уже находился на смертном одре. На этом, естественно, знаменательная переписка двух выдающихся деятелей оборвалась.

Впоследствии Ганди не раз воспроизводил письма Толстого на страницах своего журнала, каждый раз отмечая с благодарностью моральную поддержку, оказанную русским писателем индийцам в их борьбе за свободу и независимость.

В 1921 г. на поставленный ему одним из корреспондентов вопрос: «Каковы ваши отношения с графом Толстым?», Ганди ответил в журнале «Young India»: «Отношения преданного почитателя, который обязан ему во многом в жизни»²⁹.

* * *

Интерес Толстого к Индии проявился не только в переписке с ее выдающимися деятелями, но и в глубоком изучении индийской культуры. Яснополянская библиотека Толстого хранит множество книг и журналов об Индии с пометками писателя³⁰.

К серьезному изучению индийской философии Толстой приступил в тот период своей жизни, когда, отвергнув догматы официальной христианской религии, он выработывал основы собственного религиозно-нравственного мировоззрения. К этому времени относится чтение Толстым ряда книг о буддизме, а также начало работы писателя над очерком о Будде. Очерк этот, впрочем, остался незаконченным.

Углубившись в последующие годы в изучение индийской философии, Толстой изучил как самые древние философские системы Индии, так и ее позднейших философов.

Отношение Толстого к индийской философии и религии было противоречивым.

Несомненно, наиболее близки ему были идеалистические религиозно-философские системы, из которых писатель черпал аргументацию в пользу его собственного религиозно-нравственного учения о всеобщей любви и непротравлении злу насилием. Особенно близка ему была этика древнеиндийских философов, содержащая такие постулаты, как запрещение убийства, насилия и обмана, осуждение богатства и роскоши,

²⁷ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 82, стр. 140.

²⁸ Там же.

²⁹ Р. Роллан. Махатма Ганди. М., Изд-во «Сеятель», 1924, стр. 31.

³⁰ Обзор хранящейся в Яснополянской библиотеке литературы об Индии см. Н. М. Гальберг. Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии. «Советское востоковедение», 1955, № 4.

восхвалению физического, особенно земледельческого, труда, утверждение прав человека на милосердие и другие.

Вместо с этим Толстой далеко не все воспринимал в древних религиозных и философских системах Индии. Он отвергал в них все то, что приносило человека, объявляло его уделом страдания, вело к пессимизму и упадку. Жизнеутверждающий пафос Толстого, его глубокая вера в человека неизменно вступали в конфликт с этой стороной древних религиозных систем.

Писатели привлекало неисчерпаемое народное творчество индийцев, те замечательные, глубоко по мысли, поэтические сказания, легенды и правоучения, которые являются составной частью философских систем и олицетворяют многовековой опыт и мудрость индийского народа. В творчестве Толстого, в его знаменитом «Круге чтения», в его дневниках и письмах последних десятилетий можно найти десятки легенд и изречений, множество поэтических образов, почерпнутых им в памятниках индийской поэзии, философии и религии.

Высоко ставил Толстой и произведения древнего индийского искусства, которые он причислил к выдающимся творениям человеческого гения. По его мнению, они непоколебимо противостоят лживому современному буржуазному искусству.

«Индийские и греческие храмы, — писал он в дневнике 1896 г., — всем понятны... До того же (высокого уровня. — А. Ш.) дошло, в некотор[ых] своих проявлениях, искусство слова — в поучениях Будды, Христа, в поэзии Сакхамуни...»³¹.

Толстой стремился ознакомить русских людей с историей Индии, с ее искусством и философией. Для этого он многое сделал через близкое ему издательство «Посредник». 20 марта 1909 г. писатель обсуждал со своими сотрудниками план изданий на эту тему и в тот же день записал в дневнике: «Мы решили (издать. — А. Ш.): 1) Очерк Индии, ее истории и теперешнего положен[ия]; 2) Легенда Кришны и 3) Изречения Кришны. Можно потом 4) Изречения новейших — Рамакришны и Вивикананды»³². Большиство этих книг было в хороших переводах подготовлено и издано «Посредником»³³.

Ознакомление русской публики с индийской культурой Толстой мыслил и путем публичных лекций, об организации которых он не раз хлопотал.

В 1909 г. он поощрил известную русскую путешественницу А. А. Корсини, побывавшую в Индии, к чтению лекций об этой стране. В начале марта 1909 г. А. А. Корсини приехала в Ясную Поляну и привезла с собой множество фотографических снимков, сделанных ею в Индии. Лев Николаевич долго беседовал с ней, расспрашивая о жизни и быте индийцев, а также и об отношении англичан к ним. По совету писателя, путешественница выступила с лекциями об Индии в Москве, Петербурге и других городах России.

Живой интерес к индийской культуре, к ее литературе и философии, Толстой сохранил до самых последних дней своей жизни.

* * *

Сочувствие Толстого поработенной Индии, его глубоко раздумья об исторической судьбе народов Востока нашли свое отражение не только в статьях и письмах, но и в его дневниках и во множество устных высказываний, записанных его друзьями и близкими, но еще не увидевших света. Ценность этих высказываний заключается в той свободе — без оглядки на цензуру, — которая позволила писателю выразить свою мысль более прямо и непосредственно.

В своих непосредственных откликах на события, свидетельствующих о пробуждении народов Востока, в частности Индии, под воздействием первой русской революции, в своих устных высказываниях, в дневниковых записях, но предназначенных для печати, писатель часто отходил от догм своей религиозно-нравственной концепции и проявлял живейшее понимание актуальных проблем современности.

³¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 112.

³² Там же, т. 57, стр. 40.

³³ См. проспекты издательства «Посредник» за 1909—1910 гг.

В этих высказываниях, выражавших прямые переживания и чувства писателя, сквозит порою и терпение и даже досада на ту самую «неподвижность» и покорность, которые, с точки зрения ортодоксального учения Толстого, должны были служить народам Востока преградой против тлетворного духа Запада. Толстой как бы недоволен тем, что индийцы оказывают слабое сопротивление угнетателям — он хотел бы видеть в их борьбе больше активности, больше страсти, и тогда власть колонизаторов была бы быстрее свергнута.

Характерна в этом отношении запись в дневнике Толстого 1906 г. «Порабощение, — читаем мы, — гораздо труднее при неповиновении[и], чем при повиновении... Индия... Разве 50000 англи[чан] могли бы покорить 200 000 000, если [бы] эти 200 ми[ллионов] сами не вкладыв[али] голову в ярмо?»³⁴

В других дневниках Толстого мы читаем еще более резкие строки:

«Мы дожили до того, что человек просто добрый и разумный не может быть участником государства, т. е. быть солидарным, не говоря про нашу Россию, но быть солидарным в Англии с землевладением, эксплуатацией фабрикант[ов], капиталистов, с поряками в Индии — сечением, с торговлей опиумом, с истреблением народностей в Африке, с приготовлениями войны и войнами» (запись от 21 февраля 1895 г.)³⁵.

Осуждение политики империалистических государств является лейтмотивом всех высказываний Толстого о Востоке. Писатель решительно обличает колонизаторов как злейших врагов покоренных ими народов.

20 октября 1908 г. Л. Н. Толстой заговорил об Индии в связи с разбойничьей политикой австро-венгерской монархии в отношении славянских провинций Боснии и Герцеговины:

«Я по случаю этого, — сказал он, — прочел об Индии в лексиконе. Что там делается! Как англичане мошенничают! Раньше была в войске одна десятая часть англичан, теперь — одна треть... Земля принадлежала царькам, а теперь — английскому правительству. Ни один индус не имеет земли; должен за все платить англичанам»³⁶.

Русский писатель тяжело переживал доходящие до него вести о злодеяниях империалистов в странах Востока. Бесчисленные аресты и заточения патриотов Индии, бесчинства империалистов в Китае, истребление народов Африки — все это причиняло ему глубокие страдания. По поводу одного из зверств империалистов Толстой написал такие знаменательные строки:

«Ведь придет же время, и очень скоро, когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, искалеченные, измученные народы скажут своим правителям: да убирайтесь вы к дьяволу или к богу, к тому, от кого вы при[ш]ли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое»³⁷.

Вот каким языком умел говорить Лев Толстой! В этих словах перед нами не благостный старец, готовый, во имя своего учения, простить и «полюбить» врагов, каким иногда изображают Толстого на Западе, а гуманист, для которого интересы порабощенных народов превыше всего. Толстой выступает здесь, пользуясь ленинским выражением, как «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик»³⁸ капиталистического варварства, как выразитель чаяний измученных народов всего мира. И именно поэтому народы Востока, и в первую очередь народы Индии, видели в нем своего друга и защитника.

Толстой — мы в этом убедились — не сумел указать многострадальной Индии верный путь избавления от колониального рабства. Но в проповеди непротравления и

³⁴ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 360.

³⁵ Там же, т. 53, стр. 9.

³⁶ Д. И. Маковицкий. Яснополянские записки. Запись от 20 октября 1908 г. Руконись.

³⁷ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 195.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 205.

спрошения нуждались ее народы, ведя ожесточенную борьбу за свободу и счастье своей родины. Но моральная поддержка, оказанная борющейся Индии ее великим русским другом, имела для нее неоспоримое значение. Имя Толстого и по сей день — одно из наиболее любимых в Индии. Творчество писателя оказало влияние на творчество выдающихся индийских писателей. Публицистика Толстого — вопреки ее слабостям — учит патриотов Индии распознавать под личиной друзей и культуртрегеров их злейших врагов.

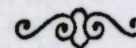
Неустанный интерес Толстого к индийской культуре, его горячее сочувствие национально-освободительной борьбе народов Индии были и остаются живым ориентиром тех чувств симпатии и дружбы, какие всегда испытывал и испытывает русский народ к своим индийским братьям.

RÉSUMÉ

L. N. Tolstoy's articles, letters and diaries show how great was the writer's interest in Indian culture, how deep was his sympathy with the Indian people's desire for freedom.

The article publishes for the first time the first letter written by Taraknatha Dasa, the editor of «Free Hindostan», which was responsible for the appearance of Leo Tolstoy's famous «Letter to a Hindu». M. K. Gandhi's second letter to Tolstoy found recently is also published for the first time.

Tolstoy's verbal statements about India, her philosophy, religion, letters and arts formerly unknown to the public are also cited in this article.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ÖTÜKÄN

Л. П. ПОТАПОВ

Открытие, а затем расшифровка древнетюркских орхонских надписей в конце XIX в., как известно, вызвали оживление в мировой востоковедной литературе, в результате которого появилось большое количество различных специальных исследований. Обсуждались и дискутировались не только историческое содержание открытых и прочитанных каменописных памятников, структура и особенности их языка, но и встречающиеся в них географические термины. Последним придавалось не меньшее значение, чем описываемым в памятниках наименованиям племен и народностей, историческим событиям и их датировке. Памятники древнетюркской письменности, найденные в степях Монголии и в бассейне южного течения Енисея, приобрели значение выдающегося исторического источника. Следовательно, выяснение и уточнение каждого географического наименования, зафиксированного в них, и сопоставление его с существующими в современной географии представляет большой интерес. Поэтому мы и позволили себе опубликовать некоторые новые историко-этнографические материалы, относящиеся к термину Ötükän-yiś, который означает собственное имя горного хребта, покрытого тайгой.

* * *

Термин Ötükän встречается в Малой надписи памятника в честь Кюль-Тегина и в надписи памятника в честь Тоньюкука¹. Кроме этих двух знаменитых памятников, слово Ötükän как наименование лесистой местности или гор в районе обитания древних уйгур в бассейне реки Селенги прочитано Г. Рамштедтом в уйгурской рунической надписи, относящейся к середине VIII в. Эта выдающаяся по своей научной ценности находка, обнаруженная в бассейне р. Селенги, близ небольшого озера Шингису, расположенного в районе водораздела рек Орхона и Селенги, известная также под названием «Селенгинский камень», представляет собой мемориальный камень с высеченной надписью, поставленный одному из уйгурских или огузских каганов².

В востоковедной научной литературе рассматриваемый нами древнетюркский географический термин дается в различной транскрипции: Ütükän, Ötükän, Ödügän.

¹ См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. Здесь дана довольно полная библиография по изданию и исследованию каждого памятника. См. также А. Н. Вернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.-Л., 1946.

² G. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nordmongolei. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXX, 1913. Более полный и точный перевод см. Г. Рамштедт. Перевод надписи «Селенгинского камня». Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. XV, вып. 1. СПб., 1914, стр. 40—47.

Мы предпочли наиболее распространенное написание Ötükän, которое принято и в новейшем издании памятников древнетюркской письменности, опубликованном С. Е. Маловым. Название Ötükän-yiś привлекло внимание исследователей более, чем все другие древнетюркские географические термины главным образом потому, что хребет Ötükän прославляется в надписях как родина древних тюрок, как центр тюркского каганата и резиденция тюркских каганов.

Еще до открытия и прочтения европейскими учеными древнетюркских надписей из Монголии, географическое имя Ötükän было известно восточным авторам. Махмуд Кашгарский (XI в.) упоминает о нем в своей работе «Собрание тюркских наречий» и поясняет его так: «наименование местности в татарских степях, неподалеку от уйгурского или»³. Этот географический термин известен и по труду Рашид-ад-дина (XIV в.) как наименование местности, где находились зимние стойбища племени Керант, и как название одной из рек, где обитали уйгуры⁴.

Со времени прочтения термина Ötükän в специальной литературе, посвященной орхон-енисейским памятникам древнетюркской письменности, высказано немало соображений о том, где следует искать этот хребет на современной карте. Приведем высказывания наиболее видных и авторитетных исследователей.

В. Радлов первым высказал мысль, что название Ötükän — собственное географическое имя и означает всю горную цепь к северу от истоков Орхона вплоть до озера Косогол⁵.

В. Томсен, которому принадлежит заслуга первой дешифровки орхонских надписей, в своих примечаниях к опубликованному им исследованию пишет: «Ötükän или Ütükän... всегда в комбинации с juś, лесистая гора... в единичном случае с jir, страна... То обстоятельство, что это слово употребляется исключительно в случаях, когда речь идет о местности, принадлежащей тюрам и являвшейся, по крайней мере вплоть до той поры, центром их державы и резиденцией кагана, — с несомненностью свидетельствует о том, что это собственное имя, этимология которого не ясна (по языку казанских татар ütkin, по-сагайски ötkün 'режущий', 'острый' (?). Поэтому я и толкую это слово как 'лес, страна Eutiken'. Без сомнения, это же имя в несколько более отдаленную эпоху мы встречаем в китайских источниках в форме Tou-kin, гора, где обитает тюркский каган (см. стр. 60, прим. 2, стр. 63). Кроме того, это должно быть тоже имя, которое в несколько более позднее время мы встречаем в более завершённой форме Wou-te-kien (или Ou-te-kien и т. д.)... После крушения тюркской державы в 745 г., каган уйгуров обосновал свою резиденцию между горами Wou-te-kien и рекою Коуп (т. е. Орхон); ... Так как этой резиденцией был Кара-Балгасун, то, следовательно, упомянутые горы должны быть или Хангай или, возможно, восточная часть Южного Алтая. Наконец, очевидно, что то же имя мы находим у Рашид-ад-дина в форме Utikan..., как наименование одной из десяти рек, где ранее обитали уйгуры из одного уйгурского племени (Bretschneider, I, стр. 259; Radloff «Das Kudatku Bilik, стр. XXVI Utigän»)».

В. Бартольд, оценивая историческое значение древнетюркских надписей, также затронул вопрос о местоположении Ötükän. Сославшись на цитированные нами выше мнения Радлова и Томсена, В. Бартольд замечает: «В более позднее время мы встречаем в китайских источниках название гор U-te-kien и Ju-tu-kün; по Паркеру» (а в книге

³ Цитировано по турецкому переводу труда Махмуда Кашгарского Divanü Lügati-t-Türk tercümesi. Ankara 1939—1943, т. I, стр. 138, строка 5-я. Ср. G. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. «Bibliotheca Orientalis Hungarica», I, Budapest — Leipzig, 1928, стр. 246.

⁴ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М.—Л., 1952, стр. 127 и 147.

⁵ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1895, S. 211.

⁶ V. Thomsen. Inscriptions de L'Orkhon déchiffrées. «Mémoire de la Société Finno-Ougrienne», V, Helsingfors, 1896, S. 152.

⁷ Имеется в виду работа E. Parker. A thousand years of the Tartars. Shanghai, 1895.

Томсена еще более явственно), мы имеем дело с двумя горными хребтами, из которых один расположен вблизи Орхона, другой же — севернее Кукунора, следовательно, южнее Большой пустыни. Местность между горами U-te-Kien и рекой Kun (Гунь, Орхон) считалась и позднее родиной тюркского народа. Горы, о которых говорит хан, во всяком случае находились к северу, а не к югу от Большой пустыни. В глазах тюркского кагана горы Ütüken являлись единственной областью, где могла существовать племенная общность. Отсюда предпринимает каган далекие военные походы: на восток в провинцию Шандун, почти что до моря, на юг вплоть до Токуз-Ерзен, почти за Тибет, на запад до Железных Ворот, на север до страны Пер-Байырку⁸.

Не обошел этого вопроса и Ф. Хирт, автор исследования надписи памятника в честь Тоньюкука. Он посвятил рассмотрению термина Ütükan большое примечание. Ф. Хирт прежде всего заявил, что необходимо «рассматривать все, что лежит к востоку от Орхона, как уже не принадлежащее к лесу Ütükan». Ссылаясь на де Гиня, он привлекает сообщения китайской летописи Танской династии, где говорится: «К востоку от Орду (ставки) уйгуров находится неводеланная равнина, на западе она лежит у гор Wu-tö-kien, на юге она упирается в реку Wu-kun (Орхон), на севере нужно идти 6—7 тыс. ли до реки Siën-ngo (Селенга)». По Танской летописи, в 744 г. Орду уйгуров «была расположена между Wu-tö-kien-schan и Орхоном». Отсюда Ф. Хирт делает вывод, что «с одной стороны Орду протекал Орхон, с другой простирался горный лес». Далее он ссылается на Г. Шлегеля⁹ и указывает, что Ütükan слева имел реку Орхон, а справа реку Толу, но полагает, что лучше вместо слов «справа» и «слева» говорить вообще об окрестностях. Таким образом, в окрестностях Ütükan протекали реки Орхон и Тола. Сам же Ф. Хирт отождествлял Ütükan с хребтом Хо-лин-шан или «Каракорумом» Юаньской династии, местоположение которого описывается в легенде, восходящей к монгольскому времени и опубликованной В. Радловым в предисловии к «Кудатку билиг»¹⁰.

Автор приводит сообщение Танской летописи о горе Jü-tu-kün, полагая, что местоположение ее можно приурочить к реке Орхону. Наконец, Ф. Хирт ссылается на В. Радлова, высказавшегося по поводу его соображений: «Я ничего не имею возразить», — пишет В. Радлов, — против того, чтобы горный край к западу от Орхона назывался Ütügän-tag, но я думаю, что Ütügän-jysch и Ütükan-jäg надписей обозначали не только этот горный хребет, но далеко простирающуюся горную страну, которая охватывала по меньшей мере всю речную систему Орхона (включая реку Толу). Это доказывает уже то обстоятельство, что страной Ütükan называется собственно резиденция тюркской династии и центр кочевого государства, и особенно то, что Тоньюкук после победы над огузами на реке Толе поселяется в Ütügän'e и мемориальный каменный памятник был воздвигнут, конечно, вблизи этого поселения, и находится к востоку от Толы»¹¹.

Выступивший в печати несколько позднее Ф. Хирта известный русский востоковед П. М. Мелиоранский, исследуя памятник в честь Кюль-Тегина, написал в своих примечаниях к тексту памятника: «„Ütükan jysch“ есть, несомненно, собственное имя той горной богатой лесом страны, которая в надписях выставляется центром турец-

⁸ W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. См. W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Pet., Neue Folge, 1897, S. 25—26. В. Бартольд в своей работе «Киргизы» на стр. 25 пишет, что Утуганом «называлась горная цепь, постоянно упоминаемая в орхонских надписях (по представлению автора надписей, это была настоящая родина турок, по-видимому, соответствующая Хангаю)».

⁹ G. Schlegel. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara-Balgassum. «Mémoire de la Société Finno-Ougrienne», IX. Helsingfors, 1896, S. 20.

¹⁰ W. Radloff. Das Kudatku Bilik. Bd. I, St. Petersburg, 1891—1910, S. L.

¹¹ F. Hirth. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk. См. W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, Zweite Folge, 1899, S. 33—34. Транскрипция в цитате В. Радлова.

кого царства и резиденцией хана турок. Вероятно, под этим названием разумеется местность между верхним течением Орхона и озером Косоголом»¹².

В последнем и лучшем переводе больших орхонских памятников — В. Томсена, изданном в 1924 г., вопросу о местонахождении Ütükan уделено внимание в введении. Там написано: «Центром восточных или северных тюрков и резиденцией их кагана была в это время, по китайским источникам, гора Tu-kin (или Jü-tü-kiün), местоположение которой неизвестно, разве только, что она идентична называемой позднее U-te-kien — тюркской Ütükan, вероятно, части современного большого горного хребта Хангай, около речной системы Орхона в Северной Монголии»¹³.

В словаре, приложенном к «Грамматике древнетюркского языка», А. Габэн под словом Ütükan сказано: «Гора близ Орхона, может быть часть Хангай»¹⁴. В упомянутой выше работе С. Е. Малова это слово объяснено как географический термин и к этому добавлено: «По китайским источникам гора Tu-kin в Северной Монголии, где теперь Хангайский хребет»¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что местоположение горно-таежного хребта Ütükan орхонских надписей принято относить к территории Монголии и связывать с бассейном реки Орхой. При этом нужно обратить внимание и на то, что ряд исследователей установили тождество географического термина Ütükan орхонских надписей с названием горы Tou-kin или Yu-tou-kin китайских династийных летописей, на которой, по китайским источникам, жил каган древних тюрков тугю. Это мнение разделяли не только В. Томсен и Ф. Хирт, но, например, и Э. Шавани, а позднее его окончательно подтвердил крупнейший французский синолог П. Пельо¹⁶. Последний в работе, изданной в 1929 г., опираясь на большой, тщательно изученный им филологический материал, заявил: «Идентичность горы Ю-ту-кин (Тукин в Souei-chou) и лесистой горы Ütükan (Ütükan yis или Ütükin yis) или страны Ütükan (Ütükan yer) орхонских надписей не вызывает никакого сомнения»¹⁷.

Еще большее внимание исследователей, чем определение горного хребта Ütükan на современной географической карте, привлек вопрос о значении слова Ütükan и этимологии этого термина. В. Радлов связывал слово Ütükan с уйгурским ötü(ödür, ötür), что значит «выбирать» или «избрать» и переводил как «любимый горный лес», а однажды даже, видимо, по недосмотру, как «густой горный лес»¹⁸. Однако В. Радлов не настаивал на этом и считал Ütükan прежде всего собственным именем. В. Томсен, как видно из приведенной выше цитаты, пытался объяснить этимологию этого термина при помощи слова ütkin, ötkin, что значит «режущий» или «острый» (в языке казапских татар и в сагайско-хакасском языке).

В. Банг в своих «Тюркологических письмах» предложил интерпретировать Ütükan как гора, имеющая проход, «проходная гора»¹⁹. Но решающее влияние на взгляды востоковедов на значение слова Ütükan оказали работы Б. Я. Владимирцова и П. Пельо, в 1929 г. одновременно выступивших в печати со специальными исследованиями.

¹² П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII. СПб., 1899, стр. 84.

¹³ W. Thomsen. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 78, Leipzig, 1924, S. 123. Перевод на немецкий X. Шедера с издания на датском языке, опубликованного в 1922 г.

¹⁴ A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 324.

¹⁵ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 408.

¹⁶ Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (turcs) occidentaux. St. Petersburg. 1903, p. 14, 96; P. Pelliot. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale, vol. XXVI. T'oung-Pao, 1929, p. 216—217.

¹⁷ P. Pelliot. Указ. соч., стр. 217.

¹⁸ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Lieferung, 1894, S. 100.

¹⁹ W. Bang. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Instituto, Bd. 2, Ungarische Jahrbücher, V. Berlin, 1925, S. 250.

Б. Я. Владимирцов в своем докладе, а затем в статье указывает на соответствие этого названия древнетюркскому орхонскому *Ötüken* в монгольском языке в форме монг.-писм. *ötügen*, *ötügen*, «Земли, Земли-владычица, божество земли». Он отмечает, что «слово это известно и некоторым живым монгольским наречиям, напр., халх.-пост. *otüγün*»²⁰. Он сообщает, что монгольское *ötügen* ~ *ötügen* является шаманским божеством, которое «обозначало — божество земли и землю, саму землю, рассматриваемую как божественную». Далее следуют этимологические изыскания монгольского термина «*ötügen*». Исследователь приходит к выводу, что «Орх. *Ötüken* и монг. *ötügen* — одно название местности, другое — название божественной земли, оба принадлежат области шаманских верований, представлений, шаманских наименований»²¹.

П. Пельо предложил свое толкование термина *Ötüken*. Исходным материалом для этого автор взял следующий текст китайской династийной летописи Чжоу-шу, приведенный в дословном переводе: «Каган жительствоует постоянно на горе *Yu-tou-kin*. Ежегодно он ведет благородных приносить жертву к пещере предков. Кроме того, в средней декаде пятой луны [люди] собираются на реке *T'o-jen*, чтобы приносить жертву богу Неба. В 400 или 500-х ли (соответ. в 500-х ли на запад) от *Yu-tou-kin* имеется высокая гора, которая возмывается внезапно; на ней нет ни травы, ни деревьев, ее зовут *Po-teng-ning-li*, что значит по-китайски «бог земли»²². Опираясь на это сообщение китайской хроники, П. Пельо отмечает три больших священных места у древних тюрков тугу: «одно, связанное с жертвоприношением предкам, — в пещере предков; другое, связанное с жертвоприношением богу Неба, — близ реки *Tojen*, третье, довольно удаленное на Запад от горы *Ötüken* была *Po-teng-ning-li*, имя которой означало «бог земли» и которой, весьма возможно, также приносили жертвы». Далее он пишет: «Несмотря на расстояние в 500 ли, исчисляемое от того места, где жительствовавший каган на горе *Ötüken*, вторично *Ötüken* упоминается именно в связи с горой божества земли. Гора *Ötüken*, как всегда считали, была в действительности цепью гор, и не исключена возможность, что гора *Po-teng-ning-li* (*Böd tängri*?) являлась отвесным контрфорсом этой цепи»²³.

Для выяснения значения слова *Ötüken* П. Пельо привлекает сравнительный материал. Он, так же как и Б. Я. Владимирцов, указывает, что монголы называют божество земли *Ätügen* или *Itügen*. По его мнению, эту же *Itügen* следует видеть в следующих наименованиях божеств, зафиксированных в XIII в. путешественниками-миссионерами: в *Ytoga* у Платона Карпини и в *Natigay* у Марко Поло²⁴. П. Пельо ссылается, конечно, и на параграф 113 «Сокровенного сказания»²⁵, где термин *Ätügen* переведен китайским словом «земли». Он обнаруживает этот термин в форме *Ötügen* в незаданной большой китайско-монгольской надписи 1362 г., а также в некоторых других монгольских материалах²⁶. Наконец, П. Пельо обращается к древним уйгурским надписям из

²⁰ Б. Я. Владимирцов. По поводу древнетюркского *Ötüken* уйш. «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 7, стр. 133.

²¹ «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 7, стр. 135.

²² P. Pelliot. Указ. соч., стр. 214—215. Ср. «В 500 ли от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни дерев, ни растений; называется она Боды-пили, что в переводе на китайский язык значит: дух — покровитель страны». И. Я. Вичурин (Накинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 231.

²³ P. Pelliot. Указ. соч., стр. 218—219.

²⁴ См. Платон Карпини. История монголов. Рус. пер. А. Маленна. СПб., 1911, стр. 10; Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 63 и 117.

²⁵ Ср. «Сокровенное сказание» Юань чао би ши. Пер. С. А. Козина, т. I. М.—Л., 1941, стр. 105, где Чингис-хан в своих словах, обращенных к Чикамухо, употребил эпитет «Земли-матери Этуген».

²⁶ Эта надпись в настоящее время издана. См. F. Cleaves. The Sino-mongolian inscription of 1362 in memory of Prince Hindu. «Harvard journal of asiatic studies», vol. 12, № 1, 1949.

Турфана, где в памятниках манихейского религиозного содержания встречается выражение: «*il Ötüken qutı*»²⁷, и толкует его как «богиня земли нации», т. е. как «национальное женское божество»²⁸. Отсюда автор приходит к выводу, что слово *Ötüken* означало в древнетюркском языке «богиня» и что такое же значение оно имело у орхонских тюрков. К этой концепции полностью присоединился турецкий ученый Х. Оркун — автор четырехтомного издания памятников древнетюркской письменности²⁹. В последующих работах современных востоковедов, в частности тюркологов, насколько нам известно, уже не уделяли специального внимания исследованию вопроса о древнетюркском *Ötüken*.

Следовательно, мы можем подвести некоторый итог. Исследователями выявлен и проанализирован обширный филологический материал, при помощи которого установлены все случаи и варианты употребления термина *Ötüken*, встречающиеся в древних и средневековых памятниках письменности тюркского и монгольского языков, в живых современных наречиях монгольского языка и в китайских династийных летописях. При этом признано, что древнетюркское *Ötüken* являлось названием горного хребта, находившегося на территории обитания древних тюрков, что эта территория, как говорится в орхонских надписях, была родиной древних тюрков и местопребыванием их каганов. На современной карте горный хребет *Ötüken* принято относить к району Орхона, в частности к Хангаю. Даже в новейших работах современных тюркологов (вышедших в свет более 50 лет спустя после того, как в востоковедной литературе началось обсуждение вопроса о термине *Ötüken*) отражена, как мы видели, точка зрения В. Радлова, высказанная им еще в конце XIX в., о том, что этот горный хребет находится близ Орхона. Сам термин получил определенное толкование — как «божество земли». Все это, конечно, мы должны иметь в виду при опубликовании новых историко-этнографических материалов и при изложении некоторых наших соображений по поводу термина *Ötüken*.

* * *

В связи с изложенным выше представляет существенный интерес одно обстоятельство. Саяно-Алтайская экспедиция Института этнографии Академии наук СССР обнаружила, что в современном тувинском языке сохранился древнетюркский термин «*Ütügen*» в качестве названия покрытого тайгой определенного горного хребта, находящегося в северо-западной части Тувы (по современному административному делению, в Тоджинском районе)³⁰. Этот хребет под таким названием известен и тувинцам соседних районов, в частности, жителям современного Тере-Хольского района, т. е. Восточной Тувы.

Хребет *Ütügen* расположен в верховьях Бий-Хема, или Большого Енисея, являющегося одним из истоков Енисея. На этом хребте берет начало река Баш-Хем, левый приток Бий-Хема, и, кроме того, по словам местного населения, речки Азас, впадающая в озеро Тоджи-Куль, и Пча-Баш. Этот хребет обозначен на некоторых картах, например, на карте, составленной и опубликованной Д. Каррутерсом³¹, под названием Хуку-Дайга, а на некоторых более поздних картах, изданных в наше время,

²⁷ A. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. Bd. III. Berlin, 1922, S. 34.

²⁸ P. Pelliot. Указ. соч., стр. 219; ср. A. Gabain. Указ. соч., стр. 324 (выражение «*il Ötüken qutı*» в словаре переведено, видимо, с учетом мнения П. Пельо, как «материнский дух — покровитель государства»).

²⁹ H. N. Orkun. Eski türk yazıtları, c. I—IV. Istanbul, 1936—1941. Мнение П. Пельо кратко изложено Х. Оркуном в т. IV, стр. IV—V. Ссылки на П. Пельо и Б. Владимирцова сделаны также в примечаниях к т. I, стр. 74.

³⁰ Экспедиция работает в составе автора настоящей статьи (начальник экспедиции), антрополога М. Г. Левина, этнографа Е. Д. Прокофьевой, археолога А. Д. Грача и этнографа П. И. Каралькина.

³¹ Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, т. I — Урянхайский край. Пг., 1914.

Кхуху-Тайга. Ни один из путешественников, в том числе и географов, проезжавших в районе этого хребта, не зафиксировал его настоящего наименования Ытүген. Объясняется это тем, что хребет Ытүген считается у местных тувинцев священной почитаемой горой — «Улуг-Тайга», собственное имя которой, согласно их религиозным воззрениям, нельзя было произносить в присутствии посторонних. Аналогичный факт широко известен у различных народностей Саяно-Алтайского нагорья и связан с культом гор, распространенным здесь и в Монголии³². Теперь этот запрет, как и ряд других о которых мы еще упомянем, почти исчез. Протяженность хребта, по данным местных жителей, небольшая. Вершина его голая, местами поросшая мелким кустарником, подъем крутой и каменистый. Местные тувинцы уверяют, что подняться на лошади на вершину этого хребта, представляющую собой небольшое плато длиной около 30 км, а шириной 15 км, невозможно, за исключением только одного прохода. Хребет представляет собой как бы неприступную природную крепость. Он со всех сторон окружен горной тайгой, отдельные участки которой имеют свои собственные названия (Ытү-Таш-Тайга, Кызыл-Тайга, Чүрек-Тайга).

Скажем коротко о почитании Ытүгена современными тувинцами³³. Память об этом у населения еще жива, хотя в настоящее время культовых действий по отношению к Ытүгену уже не производят. Как говорилось выше, тувинцы относят Ытүген к категории «больших священных гор». По словам бывшего шамана Шончу (из Терехольского района), все высокие горы, на вершинах которых ходят облака, относятся к категории священных. На хребте Ытүгене всегда находятся облака. Летом там остаются снежные пятна, которые не успевают растаять. Почитали Ытүген не только сёки (роды) Кара-Чооды, Ак-Чооды, живущие вблизи него, но даже живущие в Терехольском районе. Особенно чтили этот хребет шаманы. Когда шаман должен был делать шаманский бубен, он обращался к Ытүгену. Таким образом, Ытүген являлся родовой горой тоджинских шаманов. Раньше, по преданию, тувинцы устраивали обряд моления Ытүгену, который носил название *таҕыр* (ср. хакаские горные моления — *таҕыт* или *таҕы*, шор. — *шачы*)³⁴. При этом молении Ытүгену посвящали лошадь, к гриве которой привязывали цветные ленточки (ср. хакаский обряд посвящения горе лошади *ызыт*). По сообщению то же шамана Шончу, в старину посвященную Ытүгену лошадь будто бы оставляли живой у его подножья. Ытүген при молениях называли «отцом» и просили его о ниспослании благополучия и удачи в разведении скота и охоте. Кроме посвященной лошади, «хозяину» Ытүгена ставили на ночь на маленьком столике угощение в виде молока, сыра, арак и вареного мяса. Утром это угощение уносили в юрту и съедали. Между прочим, в состав ритуальной пищи не должна была входить сарана. Это свидетельствует о том, что культ горного хребта Ытүген зародился у скотоводов, каковыми и были древние тюрки, а не у мелких охотничьих — самодийскоязычных или кетоязычных — племен Саяно-Алтайского нагорья, в хозяйственной жизни которых собирание сараны и питание ею имело огромное значение. Запрещение включать в угощение сарану красноречиво говорит об этом.

Жители Терехоля угощение, приносимое Ытүгену, называли «пелек» (дар, подарок). По верованиям тувинцев, Ытүген имеет своего «хозяина», называемого Хам-Нами. Он похож на человека (кижи коберлинг), высокого роста, с бородой и носит круглую шапку.

³² См. об этом Л. П. Потанов. Культ гор на Алтае. «Советская этнография», 1946, № 2; Э. М. Мурзаев. Вулкан Дзодол-хан в Дариганге. «Землеведение» (сборник Московского общества испытателей природы), т. II (XLII), 1948.

³³ Материал об Ытүгене в Тоджинском и Терехольском районах собран по моему поручению и программе моим учеником и сотрудником П. И. Каралькиным, кумандицем по национальности.

³⁴ О некоторых горных молениях у сагайцев и шорцев см. Л. П. Потанов. Этнический состав сагайцев. «Советская этнография», 1947, № 3.

Видеть его может только шаман. Шаман Шончу из Терехольского района говорил, что Үтүген имеет своего хозяина, именуемого «саптак», причем это имя не собственное, а нарицательное. Каждая большая гора имеет своего «саптак» (у алтайцев — сезі), как имеет его и река, и озеро, только у рек и озер «хозяин» этот носит название «лус саптак». В Тодже записана небольшая легенда о сожительстве «хозяина» Үтүгена с девушкой из рода Кара-Чооды, которую мать послала однажды за оленями, ходившими вблизи Үтүгена. Дочь не вернулась, и ее не могли разыскать. Огорченная мать стала замечать, что по ночам начало убывать надоенное оленьё молоко, хранившееся в юрте в берестяной посуде. Она стала следить и выяснила, что дочь ее носит молоко Үтүгену, женой которого она стала. После этого мать перестала кочевать и жила вблизи хребта, чтобы быть ближе к дочери.

Упомянем еще о некоторых запретах, связанных с почитанием тувинцами Үтүгена. Раньше, например, запрещалось проезжать или проходить вблизи хребта в одежде красного цвета, ибо это вызывало гром, град и дождь. Верившие, подъезжая к Үтүгену, снимали с себя красное платье и прятали его. Нельзя было также находиться вблизи Үтүгена с непокрытой головой.

Таковы некоторые географические и этнографические сведения о горном тасжном хребте Үтүген и его почитании современными тувинцами, собранные нашей экспедицией лишь попутно. В программу нашей работы изучение этого вопроса не входило. К сожалению, мы не располагаем пока археологическими данными, так как в этой части Тувы раскопки еще не производились. Однако рекогносцировочные археологические наблюдения показывают, что северо-восточная часть Тувы — Тоджинский район — в древнетюркский период (VI—IX вв.) была населена. Памятниками этого времени являются ритуальные каменные накладки по долинам рек, диаметром от двух до трех метров, с инвентарем, характерным для древнетюркских ритуальных обрядов (обожженные кости животных — лошадиные зубы, ребра, угли, древесные остатки врытых столбов)³⁵.

Неоспоримым доказательством обитания древних тюрков в восточной части Тувы является находка С. И. Вайнштейном в 1952 г. каменного памятника с древнетюркской рунической надписью (пока еще не прочитанной) на берегу озера Тере-Холь. Горные степи в верховьях Енисея, расположенные в бассейнах его истоков Бий-Хема и Каа-Хема, входили в пастбищную территорию древних тюрков.

Все сказанное выше о существовании в северо-восточной части Тувы горного лесистого хребта, носящего имя Үтүген, и о почитании его тувинцами представляет серьезный интерес. Эти факты должны поколебать сложившееся мнение о том, что хребет находится в бассейне реки Орхон, и дают право отождествить древнетюркский Өтүкән с современным горным хребтом Үтүгән, находящимся в истоках Енисея. Предпологаемая гипотеза имеет больше фактических оснований, чем одни только филологические догадки и сопоставления. Значение этих новых материалов об Өтүкән'e возрастает в связи с тем, что они собраны у тувинцев. А последние, как известно, вместе с хакасами, алтайцами, шорцами более других современных племен и народностей сохранили этногенетические связи с древними алтайскими или орхонскими тюрками. Об этом говорят прежде всего лингвистические материалы, на что обратил внимание крупнейший советский тюрколог-филолог С. Е. Малов³⁶.

Современные тувинцы, как и алтайцы и хакасы, несмотря на их весьма смешанный этнический состав, представляют собой далеких потомков древних тюрков Саяно-Алтайского нагорья. Все эти народности в различной степени сохранили не только древ-

³⁵ Сообщено А. Д. Грачем.

³⁶ См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; Его же. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; Его же. Древние и новые тюркские языки. «Известия Академии наук СССР», Отд. литературы и языка, 1952, г. XI, вып. 2; Н. А. Васкаков. К вопросу о классификации тюркских языков. Там же.

нетюркские этнонимы в своем родоплеменном составе, не только древнетюркские элементы материальной культуры, известные нам по сообщениям китайской летописи и археологическим материалам, но и религиозные традиции и культы, о которых говорится еще в орхонских надписях (культ гор и вод — *Пер-су*, почитание неба — *Тенгри* и женского божества — *Умай*)³⁷. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тувинцы сохранили до наших дней древнетюркское название *Сүкән* в применении к тому же самому реально существующему горному хребту, покрытому тайгой, который носил это имя и в эпоху, когда древние тюрки обитали в Саяно-Алтайском нагорье. О нем же вспоминали переселившиеся на Орхон тюркские каганы в надписях VIII в., высеченных на камнях, как о горном хребте, находившемся на их родине, где зародилась слава тюркского эля, откуда предпринимали они свои походы³⁸.

* * *

Мы хотели бы также, основываясь на этнографических материалах, собранных у современного тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья, высказать некоторые соображения о значении слова *Сүкән* в связи с концепцией Б. Я. Владимирцова и П. Пельо. Как было показано, эти ученые выступили в печати со сходными взглядами.

Нам кажется, едва ли можно отрицать, что Б. Я. Владимирцову и П. Пельо удалось установить связь древнетюркского термина *Сүкән* с его более поздними формами как в тюркских, так и в монгольских языках, а также выяснить семантику, отражающую древнетюркские религиозные представления о женском божестве или духе — покровителе земли. Однако в их концепции отсутствует попытка объяснить, как и почему географический термин *Сүкән* древнетюркских орхонских надписей превратился в термин, означающий общеплеменное или общенародное божество земли уйгурских рукописей и памятников монгольского языка как письменного, так и современных живых наречий. Мы хотели бы обратить внимание именно на эту сторону вопроса, а также попытаться восполнить отмеченный пробел. С этой целью позволим себе еще раз сослаться на нашу работу «Культ гор у алтайцев», посвященную изучению культа гор у современных алтайцев, этногенетическая связь которых с древними алтайскими или орхонскими тюрками не вызывает сомнения.

В названном исследовании показано, что бытовавший до недавнего времени у современных алтайцев культ гор относится к весьма древнему, предшествовавшему шаманизму культу местной природы, который обозначается у алтайцев термином *Пер-су*, и, конечно, соответствует древнетюркскому культу *jār-sub* или *jir Sub*, упоминаемому в орхонских надписях³⁹. Почитание гор у алтайцев носило совершенно конкретный характер: родом или племенем почитались всегда горы, находящиеся в определенной местности и имеющие собственные имена. Такое почитание реально существующих, точно определенных гор, что подтверждено большим фактическим материалом, является отражением в сознании алтайцев их родовой или племенной собственности на ту или иную территорию. Родовая общинная собственность на территорию являлась основной экономической связью членов рода. Сознание этого было настолько сильно, что род, или сеок, неразрывно связывал свое существование с находящимися на этой территории горами, считая их за своих мифических предков-покровителей. Отсюда вытекает важный вывод, который нам неоднократно удавалось проверить на фактическом материале: если тот или иной род почитает определенную гору как священную родовую, это является достоверным указанием на то, что данная гора входит или входила в прошлом в состав родовой территории этого рода.

³⁷ См. Л. П. Потанов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

³⁸ См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 34.

³⁹ П. М. Мелиоранский. Указ. соч., стр. 66; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 388.

Мы считаем, что результаты, полученные при изучении культа гор у современных алтайцев, помогают выяснить вопрос о почитании древнетюркского *Өтүкән*. В Малой Азии памятник в честь Кюль-Тегина *Өтүкән* характеризуется как наиболее надежная в смысле защиты от врагов территория древних тюрков, которую тюркский каган выбрал поэтому для своей резиденции⁴⁰. Стало быть, *Өтүкән* был почитаемым горным хребтом, находящимся на особенно ценной тюркскими каганами территории, которая составляла общеплеменную собственность древних тюрков или, возможно, собственность рода тюркских каганов. Здесь происходили их родовые моления своим предкам, горам и небу, как это показал, на основании свидетельств китайских источников, П. Пельо. Одна из священных вершин этого хребта — Бодын-Шили — называлась, судя по китайскому переводу, «божество земли» (по переводу Иакинфа: «дух — покровитель страны»). Не говорит ли все это о том, что вначале *Өтүкән* был родоплеменным священным горным хребтом только тех древних тюрков, которые обитали в этих местах, и рода каганов, избравших это место для своей резиденции? Позднее, когда основное ядро древних тюрков, во всяком случае их каганский род и его ближайшее окружение, покинуло эти места и стало кочевать в степях Монголии (в частности, в бассейне Орхона), *Өтүкән*, несомненно, продолжал считаться их родоплеменным (или общенародным) божественным покровителем, к которому они продолжали обращаться с молениями и просьбами. Мы не можем, к сожалению, подтвердить это фактическим материалом, относящимся непосредственно к древним орхонским тюркам, так как такого рода факты не отражены в дошедших до нас источниках. Но в этом нас убеждают другие, более поздние аналогичные материалы.

Попытаемся обосновать наше мнение, опираясь на факты живучести религиозных традиций у современного тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья, традиции, которые идут от древних тюрков, причем проявляются нередко в тех же религиозных формах и образах. К числу таких древних традиций можно отнести, кроме культа местной природы *Пер-су*, культ женского божества *Умай*, упоминаемого в орхонских надписях и сохранившегося у алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев, а также культ почитания неба — *Тенгри*, имя которого прочитано в орхонских памятниках. Древние тюркские моления горам и рекам, специальное моление небу сохранялись вплоть до Октябрьской революции, особенно у различных групп хакасов (сагайцев, кабынцев, качинцев). Следовательно, вполне позволительно предположить, что многие из дошедших до нас традиционных религиозных представлений и культов, молений и обрядов у современных тюркоязычных народностей Алтая и Саяна уходят своими корнями в древнетюркскую эпоху и являются остатками или пережитками культов и обрядов древних тюрков, почитавших *Өтүкән*.

Пользуясь методом ретроспективного сравнительного этнографического анализа, допустимо предположить, что *Сүкән*, находящийся в верховьях Енисея, продолжал оставаться священным горным хребтом и у орхонских тюрков, так как переселение на другую территорию не могло вытеснить из их сознания представление о своем родоплеменном божестве или духе-покровителе. Подтверждение этому мы находим в соответствующих этнографических материалах алтайцев. У них нередко при переселении рода или племени священная родовая гора, находящаяся на старой территории, продолжала считаться родовым покровителем, и к ней они продолжали обращаться со своими молениями. Приведем некоторые факты из жизни современных хакасов-сагайцев, являющихся в значительной части потомками шорцев, которые несколько столетий тому назад переселились в бассейн Абакана из Горной Шории, точнее из бассейна рек Мрассы и Кондомы⁴¹. Сагайцы, принадлежащие к сеоку Кобый, раз в три года устраивали летом большое общественное моление горам (*таг-таиш*) в долине ручья Имчек-Карасу, у небольших холмов Имчек-Таг, прося ниспослать благополучие чле-

⁴⁰ П. М. Мелиоранский. Указ. соч., стр. 60, 61, также прим. автора на стр. 86—87.

⁴¹ Подробнее об этом см. Л. П. Потанов. Этнический состав сагайцев. «Советская этнография», 1947, № 3.

нам сеока Кобый, чтобы у них рождались дети, была удачной охота на зверя, хорошо разводился скот и вырастал хороший урожай. Моление производили два шамана и несколько стариков.

Основным моментом горного моления было принесение жертвы родовой горе сеока Кобый — Каратагу, находящейся за несколько сот километров от места моления — в Горной Шории, в бассейне реки Мрассы. Так как путь в Шорию был долгим и утомительным, два шамана шаманили поочередно. Любопытно, что при угощении родовой горы нельзя было употреблять молоко. Это указывает на то, что почитание кобыльцами Каратага возникло именно тогда, когда их предки жили в системе реки Мрассы, где молочного скота никогда не разводили и где до нашего времени многие поколения не знали вкуса коровьего молока. Шаманы в сеоке Кобый получали свое призвание и шаманские бубны от своей родовой горы Каратага. Именно гора Каратаг определяла пригодность шамана к служению, назначала ему определенное количество бубнов в течение его жизни, которым определялся и срок жизни на земле шамана. Когда шаман «ставил» изыха, т. е. посвящал духам лошадь в какой-либо семье из сеока Кобый, то душу («кут») этой лошади он вел в Шорию и показывал родовой горе Каратагу, которая и определяла ее пригодность в качестве изыха.

Сагайцы сеока Карга также устраивали горное моление через каждые три года, собирались для этого в верховьях реки Теи (левый приток Абакана). Центральным моментом этого родового моления было обращение к родовой горе Падын-Тагу, находящейся в Шории, в районе течения Мрассы, и угощение ее вином, абырткой (брагой из ячменного толокна) и мясом, причем и здесь запрещалось употреблять молоко в качестве угощения или жертвы родовой горе. Ввиду дальности расстояния до родовой горы от места моления, у каргишцев также шаманили поочередно два шамана. Каргишские шаманы находились в такой же зависимости от родовой горы Падын-Таг, как кобыльские шаманы от Каратага. Такого рода материалы мы собрали и в отношении сагайского сеока Сор, который устраивал родовые горные моления в верховьях реки Теи, в логу Тиренг-Кол, а обращался с просьбой и посылал через шамана жертву родовой горе Мустагу, находящейся в Шории, в истоках реки Телбес, притока Кондомы⁴².

Если учесть все сказанное выше и то, что саяно-алтайские народности в той или иной степени являются потомками древних тюрков, а древнетюркские религиозные традиции сохранились в среде этого населения до нашего столетия, то можно с достаточным основанием объяснить, почему родоплеменной покровитель древних тюрков священный горный хребет Ötükän продолжал почитаться и той частью древнетюркских племен и родов, которые перекочевали в Монголию. Здесь, в новых географических условиях, в условиях оторванности населения от реально существующего в верховьях Енисея горного хребта Ötükän, последний постепенно стал осознаваться не как конкретный горный хребет, а как абстрактное общетюркское божество земли. В почитании этого хребта отразилось сознание единства происхождения тюркоязычных племен и родов, связанных не только в настоящим, но и в прошлом, общностью языка, территории, культуры и памятью о тасжном горном хребте Ötükän, находившемся на их старинной родоплеменной территории в Саяно-Алтайском нагорье. Вот каким путем, представляется нам, собственное имя конкретного горного хребта Ötükän, расположенного в верхнем течении Енисея и являвшегося священной родовой горой древних тюрков, превратилось в нарицательное имя общетюркского абстрактного «божества земли».

Как известно из исследований Б. Я. Владимирцова и П. Нельо, Ötükän стал божеством земли не только у древнеорхонских тюрков, но и у монголов. Каким же образом это могло произойти? Здесь, конечно, возможны только предположения. Основной причиной было, видимо, участие в этногенезе монголов некоторых древнетюркских

⁴² Подробнее об этом см. Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. «Советская этнография», 1947, № 3.

племен и родов, ассимилировавшихся в монголоязычной среде. Отдельные древнетюркские племена и роды, восприняв монгольский язык, не могли не внести в монгольскую среду своих различных, веками сложившихся элементов культуры и быта и особенно своих древних религиозных культов и традиций, тюркское происхождение которых со временем было забыто. Именно так могло появиться и сохраниться у монголов название Ötükän в несколько измененной фонетической форме, очевидно, более соответствующей монгольскому языку, но с древнетюркским смысловым значением «богини земли». Почитание же этого горного хребта, находящегося в Саяне, как и собственное его имя, сохранили поколения тех племен и родов, которые продолжали обитать в его окрестностях и далекими потомками которых являются современные тувинцы. Любопытно отметить, что почитание горного хребта Ötükän было воспринято также теми иновязычными, в частности самодийскоязычными, родами и племенами, которые ассимилировались в тюркоязычной среде, усвоив тюркский язык, и вошли в состав современных тувинцев. Это можно усмотреть из анализа названия «хозяина» Утүгена у некоторых родов тувинцев Толжинского района. Представители родов Ак-Чооды и Кара-Чооды называют «хозяина» Утүгена «Хам-Нами». Первая частица этого термина означает название шамана (хам или кам), а во второй нельзя не узнать имени самодийского верховного божества Нума. Вероятно, здесь произошло примерно то же, что и у монголов. В среду этого народа древние тюрки принесли термин Ötükän со значением «божества земли», а самодийскоязычные племена, вошедшие в этнический состав современных тувинцев, сохранили память о своем божестве Нуме, слив представление о нем с образом «хозяина» священного горного хребта тюрков Ötükän.

Заканчивая рассмотрение древнетюркского географического термина Ötükän, мы хотели бы обратить внимание и на то обстоятельство, что наши новые материалы и соображения по этому вопросу, если они могут быть признаны убедительными, расширяют аргументацию для выводов об этногенетической связи современных народностей Саяно-Алтайского нагорья (в частности, тувинцев) с древними тюрками, оставившими каменнописные памятники, которые получили в научной литературе наименование орхонских.

RÉSUMÉ

In ancient Turkic inscriptions the term Ötükän was the name of a mountain range: its location is associated by all investigators with the Khangai range. The Sayan-Altai expedition of the Ethnography Institute (Academy of Sciences of the USSR) has discovered that the Tuvinians use the name with reference to a range located in the upper Yenisei area. Describing the worship of this sacred mountain by the Tuvinians, the article proves that in the ancient Turkic inscriptions the name Ötükän was definitely used in application to this very range. The discovered worship of mountains by the contemporary Turkic-speaking peoples in the Sayan-Altai highlands leads the author to advance a new concept which explains how and why the ancient Turkic Ötükän has changed among the ancient Turkic and even Mongol peoples into a generally adopted tribal or national name for the deity of the Earth.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И КИТАЕМ

М. И. СЛАДКОВСКИЙ

Среди великих стран мира только Советский Союз и Китайская Народная Республика имеют такую протяженную общую границу между столь обширными и богатыми территориями. Особое географическое положение наложило отпечаток и на характер торговых путей, соединяющих эти два соседних государства.

Торговые пути в прошлом. В китайских и европейских источниках¹ упоминается, что не менее, чем две тысячи лет назад, уже существовали торговые связи Китая со среднеазиатскими народами, проживавшими в районах Ташкентского оазиса, Песчан-Кули, Балхана. Торговые связи между русскими и китайскими народами возникли позднее, после установления общей государственной границы в районе Забайкалья.

Русско-китайские сухопутные торговые пути на Забайкальской границе в XVII и XVIII столетиях. Установлению первых торговых связей между Россией и Китаем относится к середине XVII в. К этому времени в состав России вошли забайкальские территории, и, таким образом, Россия и Китай стали соседями. Первый русский караван с товарами направился в Китай в 1654 г. вместе с послом русского царя Федором Байковым. Последующие русские посольства в Китай (Перфильев — в 1658 г., Спафарий — в 1675—1677 гг.) и, наконец, заключенное в 1689 г. Нерчинского договора положили начало постоянным торговым связям между Россией и Китаем.

В силу ряда исторических причин² русско-китайская торговля в начальный период своего развития осуществлялась главным образом в Пекине или на пути следования торговых караванов между Пекином и Нерчинском. Инициатива и организация караванной торговли выпала на долю России. С русской стороны монополия на торговлю с Китаем принадлежала казне. Поскольку в Сибири тогда еще не было более или менее крупных мануфактур и торговых центров, русскому правительству приходилось направлять товары в Китай из европейских городов России, главным образом из Москвы. В Москве был учрежден Сибирский приказ, на который была возложена организация торговых караванов, направлявшихся в Китай. Правительством Петра I были приняты меры по строительству дорог в восточной части Европейской России и в Сибири по направлению к Китаю.

¹ Записки китайского путешественника Чжан Цзин (жившего около 160—140 гг. до н. э.), исторические труды Паньиня (23—70 гг. н. э.), Цзюлэмом и Ариана (II в. н. э.).

² Маньчжурская династия, воцарившаяся в Китае в 1644 г., в течение XVII в. начало XVIII столетия вела завоевательные войны против монгольских народностей, которые поселились на территории, прилегающей к Сибири; в этот период маньчжуры не разрешали китайским купцам торговать на границе с Россией.

Протяженность караванного пути из Москвы до Пекина, по одним данным, составляла 8832, а по другим — 8139 верст³. Из Москвы в Сибирь караваны двигались сухим путем — через Ярославль, Вологду, Устюг, Соликамск, Перхотурье, Туринск, Тюмень до Тобольска, а в летнее время товары следовали к Приуралья по рекам Москво, Оке, Волге и Каме. Позднее, с открытием Макарьевской ярмарки, сухопутный торговый путь из Москвы стал проходить через Муром и Нижний Новгород. До создания сибирского сухопутного тракта товары переправлялись на Тобольск на пароходах в трех направлениях: а) вверх по Иртышу до города Тары и через Томск или Забайкальскую степь до Красноярска; б) вниз по Иртышу до Оби и затем вверх по ней до Нарыма и далее волоком до Енисея и в) вниз по Иртышу и Оби до Обской губы, и оттуда через Мангазейский волоком до Енисея. Выбрав одним из трех путей к Енисею, караваны двигались затем по Ангаре, Байкалу и Селенге к русско-монгольской границе — городу Кяхте. До открытия Кяхты (около 1730 г.) от Байкала товары направлялись сухопутным до Шилки и по этой реке до Нерчинска.

С русской границы в Китай главный путь торговых караванов пролегал через Уру (Улан-Патор) на Калган и далее на Пекин. Протяженность этого маршрута составляла около 1700 верст.

До установления прямого сухопутного сибирского тракта путь торговых караванов из Москвы до Пекина и обратно занимал от двух до трех лет, а с открытием тракта он сократился до полутора-двух лет. На дорогу по монгольской и китайской территории уходило около шести месяцев (и оба конца).

С 1756 г., когда русские торговые караваны уже не направлялись в Пекин, и торговля сосредоточилась на границе — в Кяхте, перевозка товаров от Кяхты до Пекина перешла в руки китайских купцов.

Несмотря на примитивность и растянутость торговых путей, связывавших Россию с Китаем в XVII—XIX вв., русско-китайская торговля успешно развивалась. С 1607 по 1850 г. она возросла в стоимостном выражении с 52 тыс. до 14 573 тыс. руб. в ценах соответствующих лет, или с 848 тыс. руб., если стоимость этой торговли исчислять по золотому содержанию современного рубля, исходя из стоимости золота в соответствующие годы⁴.

Среднеазиатские торговые пути. В новое время торговые связи между народами России и Китая через Среднюю Азию установились в конце XVIII века. 25 марта 1797 г. русским правительством был издан указ⁵ о «западении торговых сношений» между жителями Вухтарминского края⁶ и прилегающих районов Западного Китая⁷. На жителях Вухтарминской крепости торговля велась с китайскими городами Чугучаком (расстояние 446 верст) и с Кульджой (расстояние 731 верста). По мере расширения торговых связей с Западным Китаем торговля в этом районе стала проводиться с русской стороны на Семипалатинска, Петропавловска и Троицка, являвшихся на рубеже XVIII и XIX вв. приграничными городами Российской империи. Путь от Семипалатинска до Чугучака и Кульджи на переломках занимал около двух месяцев. Караваны обычно находились на Семипалатинске в августе и направлялись на Кульджи и марто следующего года, т. е. через шесть-семь месяцев. Примерно такое же время требовалось и для караванов, отправлявшихся в Джунгарию на Петропавловска и Троицка через степь, несмотря на то, что путь по этим направлениям был длиннее, чем по степи.

³ А. Трубецкой. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882, стр. 78.

⁴ 1 золотник золота стоял в 1607 г. — 1 руб., в 1850 г. — 3 руб. 50 коп. и в 1955 г. — 10 руб. 32 коп.

⁵ Императорский указ 25 марта 1797 г. «Полный свод законов Российской империи», т. XXIV, № 17880.

⁶ Под Вухтарминским краем имеются в виду территории по реке Вухтарма, в центральном Вухтарминском крае.

⁷ Западные области Китая — Кангария и Джунгария в 1876 г. были преобразованы в провинцию Синцзянь.

торговыми центрами России, поставившими товары в Китай через среднеазиатскую границу и потреблявшими китайские товары, были Казань и Нижний Новгород.

Отдельные китайские товары, как, например, чай, шелковые ткани, играли большую роль в русско-китайской торговле на среднеазиатской границе, доставлялись в Кульджу и Чугучак на центральных районах Китая через Маньчжоу — Хами — Урумчи на расстоянии 5—6 тыс. км, на что требовалось от шести до двенадцати месяцев.

Значение Сибирской железной дороги и КВЖД для развития русско-китайской торговли. С середины XIX в. русско-китайская торговля переживала острый кризис. Особенно чувствительный удар был нанесен торговле России с Китаем тем, что в 1842—1843 гг. Англия, а перед ней и другие капиталистические страны Запада навязали Китаю неравноправный торговый режим и «открыли» для иностранной торговли главные морские китайские порты.

Экспорт России в Китай в 1850—1893 гг. сократился с 7127 тыс. до 4087 тыс. руб., в том числе через Кяхту с 6016 тыс. до 936 тыс. руб., т. е. в 7,3 раза. Для России торговли с Китаем в это время приняла исключительно односторонний, импортный характер, причем импорт из Китая состоял в основном из чая.

Поскольку западные капиталистические страны уже пользовались паровым морским флотом, да к тому же контролировали китайскую внешнюю торговлю на юге и в центре Китая, Россия, доставлявшая товары в Китай из центральных городов по дорогостоящему и дальнему сибирскому пути, не могла выдержать конкуренции с ними. Упавок русского экспорта в Китай, в частности хлопчатобумажных тканей, при резко выраженном дефиците для России в русско-китайской торговле, наряду с другими причинами, явился немаловажным фактором, объясняющим заинтересованность русской буржуазии в строительстве Транссибирской железной дороги.

Начавшееся в 1891 г. сооружение Транссибирской железной дороги одновременно в двух направлениях — от Миасса до Челябинска и из Владивостока в сторону Николаевка-Уссурийского (Порошило) — продвигалось довольно быстро. Дальнейшее развитие событий привело к тому, что царское правительство, добившись от Китая концессии на строительство железной дороги от Забайкальской границы через Маньчжурию в направлении Николаевка-Уссурийского (Русско-китайский договор 1896 г.) и Дальнего (Русско-китайская конвенция 1908 г.), выбросило строительство Сибирской железной дороги на территории Амурской области и вошло в сооружение КВЖД. Строительство КВЖД было начато 28 августа 1897 г. и окончено 1 июля 1903 г.

Сооружению Транссибирской железной дороги, соединившей центральные промышленные города России с Маньчжурией, и КВЖД сыграло большую роль в развитии русско-китайской торговли, в частности русского экспорта в Китай. С 1902 по 1913 г. русско-китайский товарооборот возрос с 61 402 тыс. до 104 453 тыс. руб., в том числе русский экспорт в Китай с 9315 тыс. до 28 799 тыс. руб. Новые железные дороги дали также толчок сравнительно быстрому развитию экономики Сибири, русского Дальнего Востока и Маньчжурии.

Морские и речные торговые пути. Вплоть до 80-х годов прошлого столетия было лишь несколько эпизодических посещений Шанхай кораблями «Российско-Американской компании» для распродажи пушнины и закупки продовольствия. Морская русско-китайская торговля в этот период была крайне незначительной.

Начиная с 1880 г., когда русским обществом «Добровольный Флот» были установлены регулярно морские рейсы между Одессой и Владивостоком с заходом в китайские порты, русско-китайская морская торговля стала развиваться.

Развитие русско-китайской торговли морским путем приняло, однако, резко выраженный односторонний характер. При общей стоимости китайского ввоза в Одессу в начале 90-х годов XIX в. в 13—14 млн. руб., стоимость русского ввоза в Китай по этому направлению составляла всего лишь 30—35 тыс. руб., причем, как и в Кяхте, русский ввоз из Китая в Одессу состоял почти исключительно из чая. Такой односторонний характер русско-китайской морской торговли не способствовал созданию прочной основы для ее развития. Как только было закончено строительство сибирской железной дороги, а затем и КВЖД, торговля между портами Китая и Европейской России

стала быстро сокращаться. В 1914 г. стоимость товаров, ввезенных из Китая в Европейскую Россию морским путем составила до 4,5 млн. руб., а вывоз из России в Китай этим путем не превышал 1 млн. руб.

Вместе с тем заметно возрастает роль морского грузооборота между тихоокеанскими портами России и портами Китая. В 1914 г. русско-китайский товарооборот по этому маршруту составил около 4,8 млн. руб., в том числе ввоз в русские порты — примерно 3,6 млн. руб., а вывоз — 1,2 млн. руб. Рыба, лес, уголь, пушнина, морская капуста, трюфели и другие товары становятся постоянными статьями русского дальневосточного экспорта в Китай. Главной статьей русского ввоза из Китая в тихоокеанские порты России являлось продовольствие.

Особое значение торговля между тихоокеанскими портами России и Китая приобрела в годы первой мировой войны. В 1914—1917 гг. русско-китайский среднегодовой товарооборот по этому направлению равнялся приблизительно 45 млн. китайских таможенных линов, или около 68 млн. руб., что составляло примерно 60% русско-китайского товарооборота этого периода. Таким образом, русско-китайская морская торговля постепенно складывалась как торговля Китая с русским Дальним Востоком, а морская торговля между китайскими и европейскими портами России была незначительной и не занимала сколько-нибудь заметного места в общей торговле России с Китаем.

По мере роста населения, городов и промышленности в дальневосточных районах России возрастала роль и речных перевозок по Амуру, Уссури и Сунгари. По этим приграничным рекам, в соответствии с Айгунским договором, заключенным между Россией и Китаем в 1858 г., разрешалось плавать лишь судам России и Китая, а «всех же прочих иностранных государств судам» — говорилось в статье II договора, — по ним рекам плавать не должно.

Ко времени заключения Айгунского договора по Амуру уже плавали нити пароходов, принадлежавших русскому правительству. В 1871 г. для эксплуатации амурского бассейна русскими фирмами было создано «Товарищество Амурского пароходства», а в 1898 г. на станции Иман Уссурийской железной дороги был собран первый пароход (названный «Первый») для плавания по реке Сунгари. Большую роль в развитии судоходства и амурском бассейне сыграла Сунгарийская речная флотилия КВЖД, грузовые перевозки которой достигали 120 тыс. тонн в год. В 1914 г. русско-китайский товарооборот через амурские речные порты составил примерно 12 млн. руб., в том числе ввоз в Россию — около 11,2 млн. рублей.

Смежность границ и удобство путей сообщения позволили России и Китаю поддерживать торговые отношения между собой даже в военные годы, когда нарушились торговые связи между многими странами и морская торговля резко сократилась.

Русско-китайские торговые связи не прекращались также и в годы гражданской войны в Советской России, несмотря на то, что значительная часть территории страны подвергалась нашествию империалистических государств и главные торговые пути были парализованы.

Современные пути сообщения и торговле между Советским Союзом и Китаем. После Великой Октябрьской социалистической революции в России империалистические государства, пытавшиеся превратить Китай в колонию, стремились прервать торговые связи, установившиеся между Китаем и Россией, и изолировать китайский народ от народов нашей страны. В 1918—1920 гг. империалистические государства восстановили контроль над сибирскими дорогами и КВЖД и вплоть до 1924 г. мешали восстановлению нормальных отношений Китая с Советским Союзом. После 1931 г. империалистическая Япония оккупировала Маньчжурию и создала там марионеточное государство Маньчжоу-го, преградившее прямой путь на СССР в Китай. Новая попытка изолировать Китай от Советского Союза была предпринята в 1946 г. гоминдановской банкой, развязавшей с помощью империалистических кругов США гражданскую войну в Китае.

* Речные пути сообщения и подный транспорт в Маньчжурии. Юбилейный сборник Харбинского биржевого комитета. Харбин, 1923, стр. 287.

Вопреки советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г., чанкайшисты парализовали работу КВЖД и прервали железнодорожное сообщение с Советским Союзом.

Китайский народ решительно стал на путь укрепления связей с советским народом. Уже к концу 1946 г. и в начале 1947 г. была восстановлена железнодорожная связь Северо-Востока Китая с Владивостоком и Чितой, начались (в летнюю навигацию 1947 г.) речные перевозки по Сунгари и Амуру, возобновилась морская торговля через Дальний Восток между китайскими народно-демократическими внешнеторговыми организациями Ляодунского полуострова и советскими внешнеторговыми объединениями, вновь открылось автомобильное движение на трассе Алма-Ата — Кульджа и по мере освобождения и укрепления народно-демократических приграничных районов Китая стали функционировать и некоторые другие торговые пути.

Однако лишь после победы народно-демократической революции и образования Китайской Народной Республики были устранены все искусственные препятствия, чинимые реакционной гоминьдановской кликой и международной империалистической реакцией на пути установления и развития дружественных, взаимовыгодных и равноправных отношений двух великих соседних государств — Советского Союза и Китая.

Объем внешней торговли между СССР и КНР уже с первых месяцев после заключения политических и экономических договоров 1950 г. (Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, Соглашение между правительством СССР и Центральным народным правительством КНР о предоставлении кредита Китайской Народной Республике, Торговое соглашение и другие) значительно увеличился. С той и с другой стороны в оборот были включены огромные массы самых разнообразных товаров. Запросы Китая уже не могли быть удовлетворены за счет ресурсов и производства Дальневосточного края и Сибири. Перед советскими внешнеторговыми организациями возникла сложная задача доставки оборудования и промышленных материалов из отдаленных центральных промышленных районов Советского Союза. В свою очередь и КНР пришлось поставлять в СССР не только традиционные товары Северо-Востока и Северо-Запада Китая, но и товары из далеких южных и юго-западных провинций: цветные металлы, кожевенное сырье, растительное волокно, цитрусовые, бананы и многие другие товары, ранее совсем не ввозившиеся или ввозившиеся в Советский Союз в ограниченном количестве.

Советско-китайский грузооборот с 1950 по 1955 г. возрос почти в пять раз.

Для обеспечения быстро возрастающего советско-китайского грузооборота потребовалось использование всех средств транспорта и всех традиционных торговых путей: среди них и водных магистралей по Амуру, Или и Черному Иртышу. За семь лет, прошедших со времени образования КНР, решающую роль в советско-китайском грузообороте играли железные дороги, связывающие Советский Союз с Китайской Народной Республикой. На железнодорожные перевозки приходилось от 81 до 85% общего тоннажа грузов, на морские — от 10 до 15%, речные — от 0,1 до 3,5% и на перевозки автотранспортом — от 2 до 3%.

Несомненно, что некоторое влияние на распределение грузооборота по отдельным направлениям, в частности на ограничение морских перевозок, оказывали война в Корее, напряженное положение у острова Тайвань и пиратские налеты чанкайшистов на суда КНР, а иногда и на суда СССР в районах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Однако решающая роль железных дорог в советско-китайском товарообороте объясняется смежностью протяженных сухопутных границ и удобством железнодорожных коммуникаций.

Железные дороги. До 1 января 1956 г. Советский Союз был связан двумя железнодорожными линиями с Китаем: через станции Маньчжурия — Отпор, с выходом в Забайкалье, и через станции Суйфыхе — Гродеково, с выходом к Владивостоку. Несмотря на то, что приграничная станция Суйфыхе расположена несравненно ближе к крупнейшим промышленным центрам и районам произрастания основных сельскохозяйственных культур Северо-Востока, чем вторая станция — Маньчжурия, грузооборот через Суйфыхе — Гродеково примерно в три раза меньше, чем через Маньчжурию — Отпор.

Это объясняется тем, что железнодорожная линия, проходящая через Суйфыхе — Гродеково и далее на Владивосток и Хабаровск имеет для Советского Союза местное, краевое значение, тогда как линия Маньчжурия — Отпор, выходящая на транссибирскую магистраль, будучи до 1 января 1956 г. наикратчайшим железнодорожным путем из Китая к промышленным центрам Советского Союза, имела для советской стороны общегосударственное значение.

Из китайских грузов через Суйфыхе — Гродеково завозится в СССР около 20% соевых бобов, закупаемых в Китае, мясо и мясопродукты (10—15%), рис (15—20%), цитрусовые (40—50%), яблоки (20—25%), цемент (40—50%), уголь (70—80%), чугун (20—25%) и некоторые другие товары.

Из грузов, ввозимых в Китай, через Гродеково — Суйфыхе транспортируются главным образом нефтепродукты, получаемые из сахалинской нефти, прокат черных металлов, трубы и некоторые другие товары, производимые предприятиями Советского Дальнего Востока. Советские перевозки по этой линии в летнее время значительно снижаются, поскольку некоторую часть нефтепродуктов и проката черных металлов легче целесообразнее перевозить по Амуру и Сунгари.

Через станции Маньчжурия — Отпор проходят грузы самой разнообразной номенклатуры. До открытия прямого железнодорожного сообщения Наушки — Улан-Батор — Цзинин, из Китая через Маньчжурию — Отпор ввозились все цветные металлы (кроме тех, которые поступают из провинции Синьцзян), все количество чая, шелка-сырца, растительного волокна, табака, большая часть риса, мяса, цитрусовых, яблок, чугуна, шелковых и шерстяных тканей, кустарно-художественных изделий и много других товаров.

Из экспортируемых из Советского Союза товаров через станции Отпор — Маньчжурия перевозятся все промышленное оборудование, автомашины, сельскохозяйственные машины, аппаратура, химическая и фармацевтическая продукция, 70—80% нефтепродуктов, около 80—90% черных металлов и многие другие товары.

Наличие одной железнодорожной магистрали, по которой совершалась большая часть советско-китайского грузооборота, в известной мере сдерживало развитие торговли между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Ввод в эксплуатацию с 1 января 1956 г. новой железной дороги Улан-Батор — Цзинин, давшей выход через Наушки — Улан-Удэ на транссибирскую магистраль, явился важным этапом в дальнейшем развитии советско-китайского грузооборота. Улан-Батор — Цзининская железная дорога сооружена в соответствии с тройственным соглашением между правительствами СССР, МНР и КНР, подписанным 15 сентября 1952 г. Строительство железнодорожной линии на территории Монгольской Народной Республики производилось силами и средствами паритетного советско-монгольского общества «Улан-Баторская железная дорога», которое уже эксплуатирует железную дорогу Улан-Батор — Наушки, а на китайской территории — силами и средствами Китайской Народной Республики.

Длина железной дороги Улан-Батор — Цзинин 1051 км, в том числе на территории КНР (Эрлян — Цзинин) — 338 км и на территории МНР — 713 км. Ширина колеи дороги — 1524 мм, т. е. такая же, какая принята в Советском Союзе, что дает возможность направлять грузы из СССР в прямом сообщении до станции Цзинин, также доставлять с этой станции китайские грузы без перевалки. Новая железнодорожная магистраль Улан-Удэ — Наушки — Улан-Батор — Эрлян — Цзинин, протяженностью 1709 км, примерно на тысячу километров сокращает путь из Пекина и Тяньцзиня до Улан-Батора и на полторы-две тысячи километров из провинций Ганьсу, Цинхай, Сычуань до Улан-Удэ. Помимо сокращения пути, в результате чего на 10—15 дней ускоряется доставка грузов и уменьшаются транспортные расходы, новая железнодорожная магистраль дает возможность значительно увеличить перевозки советско-китайских грузов.

Сейчас уже имеются две железные дороги, выходящие на центральную транссибирскую магистраль и, следовательно, часть грузов, ранее перевозившихся через станции Отпор — Маньчжурия, представилось возможным переключить на новую железнодорожную дорогу Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин. Разумеется, ни для советской, ни

для китайской стороны перационально переключать весь грузооборот забайкальского направления на новую железную дорогу. Дело в том, что некоторые китайские товары поставляются в Советский Союз преимущественно из северо-восточных или северных провинций Китая, тяготеющих к Северо-Восточной дороге Китая (бывшая КЧЖД) и, с другой стороны, эти районы Китая являются одними из главных потребителей советского оборудования и значительного количества других товаров.

Следовательно, Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзининская железнодорожная магистраль будет обслуживать главным образом грузооборот между центральными, северо-западными, южными и юго-западными провинциями Китая и районами Советского Союза, расположенными западнее Забайкалья.

Опыт перевозок 1956 г. показывает, что с вводом в эксплуатацию новой железной дороги, советско-китайский грузооборот по железным дорогам распределяется следующим образом: Отпор — Маньчжурия — около 40%, Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин — около 40%, Гродеково — Суйфынхе — около 20%.

Новая железнодорожная магистраль имеет не только узкотранспортное значение для советско-китайского грузооборота. Не говоря уже о МНР, для которой железная дорога Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин играет весьма важную народнохозяйственную роль, эта дорога будет иметь большое значение также и для развития экономики китайских районов, тяготеющих к железной дороге. Богатейшие северо-западные провинции: Ганьсу, Нинся, Цинхай, автономные районы Внутренней Монголии, располагающие огромными ресурсами продукции животноводства и ранее удаленные от внешних рынков, становятся надежно связанными с промышленными центрами Сибири.

Роль новой железнодорожной магистрали возрастет еще более после того, как она вольется в общую железнодорожную сеть Юго-Западного и Северо-Западного Китая.

Речные пути. Главной речной артерией в советско-китайском грузообороте является великая дальневосточная река Амур с притоками Сунгари, Уссури и Зеи. В летнее время этот удобный и дешевый путь связывает советские города Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Благовещенск, Свободный, а с китайской стороны — Айгунь (Хэйхэ), Фугдин, Цзямусы, Сапсин, Харбин и (при половодье) Гирин.

Наибольшее значение водная система Амура имеет для перевозки в Китай сахалинской нефти и нефтепродуктов, проката черных металлов из Комсомольска-на-Амуре, а из Китая коксующегося каменного угля из Хейганского угольного бассейна (район Цзямусы) и зерновых продуктов из районов Фугдина и Цзямусы. В будущем, особенно при осуществлении совместного советско-китайского использования энергетических ресурсов Амура, товарооборот по Амуру и его притокам возрастет.

Для советско-китайской торговли через границу Синьцзянского Уйгурского автономного района немалое значение имеют перевозки грузов по рекам Черный Иртыш и Или. Черный Иртыш, берущий начало в пределах Китая и впадающий в озеро Зайсан, — удобный и дешевый торговый путь, связывающий удаленные от железных дорог и шоссейных магистралей северо-восточные районы Синьцзяна с Иртышом (через озеро Зайсан) и далее с железными дорогами Советского Союза.

Большим недостатком этого речного пути является кратковременность навигационного периода. Навигация по Черному Иртышу от пристани Тополев Мис на озере Зайсан до пристани Бурчум (332 км) начинается во второй половине мая и кончается при большой воде в начале августа, а при малой воде — в начале июля. В последние годы в связи с увеличением добычи руд цветных металлов в Западном Синьцзяне грузооборот по Черному Иртышу возрос и составил 30—35 тыс. тонн.

Река Или, вытекающая с китайской территории и впадающая в озеро Балхаш, имеет значительно лучшие навигационные условия в сравнении с Черным Иртышом. Транспортировка советско-китайских грузов по реке Или совершается на участке между пристанью Илииск (у железнодорожной станции) и пристанью Сандахецза (372 км) с конца марта до начала ноября. Пристань Сандахецза находится вдали от основной шоссейной дороги Хоргос — Урумчи, и, следовательно, многие китайские грузы целесообразнее направлять автомобильным транспортом непосредственно до Хоргоса,

чем подвозить автомашинами до Сандахецзы и далее переваливать на суда. Перевозка советско-китайских грузов по реке Или могла бы значительно возрасти, если бы проход судов был возможен до пристани Куре, находящейся вблизи Кульджи — крупного торгового центра Синьцзяна. В последние годы грузооборот по реке Или равняется 25—35 тыс. тонн.

Автомобильные перевозки. Большая часть грузооборота через северо-западный участок советско-китайской границы осуществляется автотранспортом. Когда прекращается навигация на реках Или и Черный Иртыш, этот вид транспорта на западной границе является единственным, если не считать авиатранспорт, используемый преимущественно для перевозки пассажиров, почтовой корреспонденции и почтовых посылок. Главное направление, по которому совершается около 50% грузооборота, на западной советско-китайской границе (в других пунктах границы грузовых автоперевозок нет) — шоссейная дорога от станции Сары-Озек Туркестано-Сибирской железной дороги через пограничный советский пункт Хоргос (235 км) и китайский пункт Чазы (2,5 км от Хоргоса) и далее на Кульджу (101 км от Хоргоса) и до Урумчи (655 км от Хоргоса).

Вторым по объему грузооборота является автомобильный маршрут от железнодорожной станции Рыбачье Туркестано-Сибирской железной дороги до пограничного пункта Туругарт (376 км) и по китайской территории до Кашгара (175 км от Туругарта).

Меньшее значение имеют автоперевозки от станции Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги через пограничный пункт Бахты (183 км) и далее до Чугучака (20 км от Бахты), а после закрытия навигации на Черном Иртыше также путь от Тополева Миса до Май Копчегая (156 км) и по территории Китая до Бурчума (116 км).

Из общего объема грузовых автоперевозок на западной советско-китайской границе 70—80% грузооборота приходится на вывоз из СССР и 20—30% на ввоз в СССР.

Морские торговые пути. Как отмечалось выше, перевозки морем в советско-китайском грузообороте занимают сравнительно небольшое место — 10—15%. Главную роль в настоящее время играет дальневосточное направление, имеющее перспективы как абсолютного, так и относительного роста объема товарооборота. Для обширных приморских советских территорий торговля с Китаем имеет весьма важное значение, причем наикратчайшим и самым дешевым путем доставки грузов из Китая в эти районы является морской путь. Из Китая поставляются морем на Дальний Восток рис, оны являются морской путь. Из Китая поставляются морем на Дальний Восток рис, свеклы и консервированные фрукты, яйца, соль, цемент и прочие товары, а в Китай — сахалинская нефть, бумага, морская капуста и другие товары.

По европейскому направлению из Советского Союза в Китай ввозятся морем, как правило, нефтепродукты, а из Китая отдельные партии соевых бобов, арахиса, масличных семян, растительного масла. Общий объем советско-китайских морских перевозок по обоим направлениям в последние годы составлял 500—800 тыс. тонн.

Перспективы развития советско-китайских торговых путей. При оценке перспектив дальнейшего развития советско-китайских торговых путей нужно иметь в виду не только состояние самих путей, их техническую оснащенность и пропускную способность, но прежде всего экономические факторы, предопределяющие существование и развитие того или иного торгового направления.

Для советской стороны решающее значение в советско-китайской торговле ближайшего будущего будет иметь намеченное шестым пятилетним планом промышленное строительство в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке. Из опыта прошлого известно, что большая часть русских товаров направлялась в Китай из отдаленных промышленных районов России. Транспортировка товаров на расстояние около 10 тыс. км вызывает большие расходы.

В ближайшие годы все основные товары советского экспорта в Китай будут, как правило, поставляться не из удаленных от советско-китайской границы промышленных центров СССР, а из Сибири, Дальнего Востока, Казахстана. В районах Сибири в шестой пятилетке вводится в строй первая очередь крупнейшей в мире Братской гидро-

электростанции, мощностью в 3200 тыс. квт и начнется строительство такой же мощности Красноярской гидроэлектростанции; будут построены три алюминиевых завода, два нефтеперерабатывающих завода (Омск, Иркутск). В течение двух-трех пятилеток на создаваемой в Сибири металлургической базе выход чугуна достигнет 15—20 млн. тонн в год. Крупнейшие машиностроительные центры Сибири смогут производить разнообразные виды машин, механизмов, аппаратуры и приборов. В Казахской ССР, граничащей с Китаем на западе, в течение шестой пятилетки валовая продукция промышленности увеличится примерно в 2,2 раза, в том числе производство проката — в 2,1, минеральных удобрений — в 2, цемента — в 8,8 раза. Весьма важное значение для советского экспорта в Китай будут иметь вводимые в действие в шестой пятилетке нефтепроводы: Туймазы — Омск и Уфа — Омск — Новосибирск — Иркутск.

Несомненно, что увеличится также доля использования в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке завозимых из Китая товаров.

Крупное промышленное строительство разворачивается в КНР: в провинциях Шаньси, Ганьсу, Цинхай, в автономном районе Внутренняя Монголия и в Северо-Восточном Китае, т. е. на территориях, прилегающих к железнодорожным линиям, ведущим к границам с Советским Союзом. На Северо-Востоке и Северо-Западе Китая поднимаются значительные площади целинных земель. Это позволит резко увеличить сельскохозяйственное производство, в том числе и для экспорта.

Приближение к советско-китайским границам промышленных центров СССР, которые смогут поставлять большую часть необходимых Китаю товаров и потреблять основную массу товаров, завозимых из КНР, а также экономическое развитие приграничных с Советским Союзом районов Китая приведут к значительному сокращению транспортных издержек в советско-китайской сухопутной торговле и сделают эту торговлю экономически более рентабельной, чем морская торговля между европейскими портами СССР и портами Китая.

Перспективы дальнейшего развития советско-китайского экономического сотрудничества ставят задачу совершенствования старых и строительства новых торговых путей, которые бы при всяких обстоятельствах надежно и прочно связывали бы территории КНР и СССР. Важным шагом в этом направлении является достигнутая договоренность между правительствами СССР и КНР (Советско-китайское коммюнике от 12 октября 1954 г.) и последовавшее затем (7 апреля 1956 г.) подписание соглашения между правительствами СССР и КНР о строительстве железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата. Участок железной дороги от Ланьчжоу до советско-китайской границы у Джунгарских ворот (перевал Алашан), протяженностью около 2600 км, будет строиться силами КНР; Советский Союз окажет помощь в строительстве линии на участке Урумчи — Джунгарские ворота, поставит оборудование, материалы и командиров советских специалистов. Строительство линии от Джунгарских ворот до Актогай (около 310 км) производится Советским Союзом. Вся линия от Актогай до Ланьчжоу должна быть закончена в 1959 г., и в 1960 г. откроется прямое железнодорожное сообщение.

Таким образом, после сооружения дороги Ланьчжоу — Актогай Советский Союз будет связан с Китайской Народной Республикой четырьмя железными дорогами. Строящаяся железная дорога соединит богатейшие районы Северо-Западного Китая со среднеазиатскими республиками и явится наиболее коротким торговым путем между центральными районами Китая и европейскими промышленными районами Советского Союза.

Такие китайские товары, как шерсть, кожевенное сырье, шелк, изделия, поставляемые в Советский Союз преимущественно из северо-западных провинций Китая и перерабатываемые нашей промышленностью главным образом в центральных и западных районах СССР, можно будет перевозить по железной дороге Актогай — Ланьчжоу. Многие советские товары, производимые в европейских районах СССР и предназначенные для северной или северо-западной части Китая, также будут выгоднее направлять по этой железной дороге.

Железная дорога Актогай — Ланьчжоу будет иметь огромное значение для всего Китая, так как она пройдет по нефтеносным районам страны. Эту железную дорогу вправе назвать «нефтяной дорогой Китая», поскольку по ней будут перевозиться нефть и нефтепродукты из Синьцзяна, Ганьсу и Цинхай, т. е. из главных районов добычи и переработки нефти в Китае.

Дорога даст возможность ускорить освоение огромных площадей целинных земель Синьцзянского Уйгурского автономного района и увеличить сбор зерновых, хлопна и масличных, расширить животноводство, шелководство, садоводство и другие отрасли народного хозяйства этого края. Железная дорога Актогай — Ланьчжоу окажет самое благотворное влияние и на развитие среднеазиатских советских республик.

Можно полагать, что даже без учета технических усовершенствований на действующих железных дорогах, соединяющих СССР и КНР, после вступления в строй железной дороги Актогай — Ланьчжоу и использования на проектную мощность железной дороги Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин, тоннаж советско-китайского грузооборота по железным дорогам сможет быть увеличен по крайней мере в два-два с половиной раза по сравнению с 1955 г.

Большое развитие могут получить в будущем речные пути на Дальнем Востоке. Ученые Советского Союза и Китая выдвигают проекты изменения транспортно-географического положения Амура. В одном из таких проектов предлагается соединить нижнее течение Амура каналом с Татарским проливом (14—16 км), что даст возможность морским судам проходить из Татарского пролива до Комсомольска-на-Амуре, минуя мелководный лиман и устье Амура. По другому проекту намечается соединение Амура через реку Уссури, озеро Ханка, реки Ляфу и Суйфын с Японским морем в районе Владивостокского порта. Развитие водной системы Амура, по мнению китайских ученых, может быть дополнено созданием выхода к теплоту Желтому морю. Для решения этой задачи выдвигаются планы соединения реки Сунгари каналом с рекой Ляохэ, впадающей в Ляодунский залив.

Предложенные проекты, несомненно, заслуживают внимания, так как осуществление их может создать удобные и экономичные пути сообщений на Дальнем Востоке. Река Амур получит выход к трем морям — Охотскому, Японскому и Желтому, в результате чего транспортное значение этой великой речной системы неизмеримо возрастет.

* * *

Прошло уже почти триста лет, с тех пор как первые русские торговые караваны посетили Пекин и затем на основе Нерчинского договора было положено начало систематическим торговым связям между Россией и Китаем. Удаленность торговых и промышленных центров России от границ Китая потребовала создания протяженных караванных путей, идущих через территории Северо-Востока Китая, Монголии и Северо-Запад Китая, провоз груза по которым из центральных городов России до Пекина занимал в один конец до полутора лет.

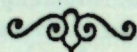
В новых условиях, когда свободные народы Советского Союза и Китайской Народной Республики строят свои отношения на принципах равноправия и братского сотрудничества, оба государства имеют возможность в полной мере воспользоваться географическими преимуществами, вытекающими из их соседства, и на основе многовекового опыта установить вполне надежные и экономичные торговые пути между собой.

По старым караванным тропам проложены и прокладываются современные железнодорожные магистрали, связывающие все важнейшие жизненные центры СССР и КНР. Ныне из Москвы до Пекина груз может быть доставлен менее чем в десять дней, а по мере совершенствования железнодорожного транспорта и этот срок будет сокра-

щен. Два великих государства — Советский Союз и Китайская Народная Республика — имеют прочные транспортные связи, гарантирующие осуществлению крупного грузооборота между ними, независимо от каких-либо возможных внешних помех и затруднений.

RÉSUMÉ

Trade between Russia and China has for ages been flowing mainly along caravan routes, the searoutes playing only a secondary role. Today the USSR and the CPR are using reliable and economically advantageous trading routes running over land, rivers and seas. New railways under construction will guarantee the uninterrupted flow of goods in both directions, regardless of any outside interferences.

К ВОПРОСУ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПРИАНА С ИНДОНЕЗИЕЙ

И. Ф. БУЛЫГИН

Проблема Западного Приана привлекает внимание широких кругов международной общественности. На Гаагской конференции «круглого стола»¹ голландские колонизаторы, будучи уже не в силах удерживать в своих руках власть над всей Индонезией, народ которой поднялся на борьбу против колониального гнета, решили закрепиться на одном из наиболее крупных островов бывшей Нидерландской Индии — Приане (Новая Гвинея). Опираясь на поддержку некоторых кругов США, Голландия до сих пор незаконно удерживает за собой западную часть Приана, используя ее как сырьевую базу и военный плацдарм.

Определенные круги США, поддерживая Голландию в ее стремлении не допустить воссоединения Западного Приана с Индонезией, рассчитывают установить свое господство на этом стратегически важном и богатом природными ресурсами острове, превратить его в военную базу, в очаг военных провокаций в этой части земного шара.

* * *

Приан — крупнейший после Гренландии остров (площадь его около 806 тыс. кв. км) — отделен от Северной Австралии Торресовым проливом шириной в 150 км. Уже много сотен лет тому назад западная половина Приана рассматривалась как часть Индонезии. Она входила в состав средневекового индонезийского государства Маджапахит.

Раздел Приана европейскими колонизаторами начался в 1824 г., когда Голландия заявила свои права на западную часть этого острова. В 80-х годах XIX в. восточная часть острова была поделена между Англией и Германией. Впоследствии Англия передала свою часть Приана Австралии, а после поражения Германии в первой мировой войне Лига Наций передала Австралии мандат на управление германской частью Приана.

Таким образом, в настоящее время Приан делится на две части — западную, контролируемую Голландией, и восточную, которой владеет Австралия. Площадь голландской части острова составляет 382 140 кв. км, а с прибрежными островами — 397 202 кв. км. Население западной части Приана составляет около миллиона человек.

Приан богат различными полезными ископаемыми. Здесь есть нефть, каучук, медь, каменный уголь и т. д. Эти естественные богатства стали объектом грабежа монополий. Еще в 1935 г. была образована компания по разработке нефтяных месторо-

¹ Конференция «круглого стола» — голландско-индонезийская конференция, состоявшаяся в 1949 г. в Гааге. Конференция проходила под сильным давлением со стороны империалистических кругов Голландии и США, пытавшихся полностью подчинить Индонезию интересам империалистических держав.

ждений Западного Приана — «Недерландехе Ниу Гуинеа петролеум маатхашип» (ННГПМ) с капиталом в 1 млн. гульденов, 40% акций этой компании принадлежат концерну «Ройял датч петрол», 40% — американской «Стандард вакуум ойл компания» и 20% — другой американской монополии — «Стандард ойл оф Калифорния».

Конференция «круглого стола» в 1949 г. не разрешила вопроса об Приане; было лишь определено, что Западный Приан останется в руках голландцев в течение еще одного года, после чего должны быть проведены переговоры о его будущем статусе.

Уже первые дни после окончания конференции «круглого стола» показали, что Голландия не собирается возвратить Приан Индонезии ни к 1951 г., ни к какому-либо иному сроку. Для закрепления своего господства в Западном Приане голландские власти стали предпринимать различные меры. В январе 1950 г. они отдали приказ всем индонезийским чиновникам и служащим немедленно покинуть территорию Приана. Это распоряжение грубо нарушало решения конференции «круглого стола». Затем на острове появились новые отряды голландской армии, вооруженные современной техникой. Был увеличен численный состав вооруженных сил из местного населения и местной полиции.

В апреле 1950 г. голландцы инспирировали восстание на Целобесе под руководством своего агента Анди Азиса, направленного против центрального индонезийского правительства. В этом же месяце голландские агенты в Восточной Индонезии провозгласили марионеточную «Республику Южных Молуккских островов», «правительство» которой заявило об отделении этой «республики» от Индонезии. В октябре 1950 г. голландские агенты организовали вооруженное восстание против Индонезийской республики на о. Амбонна. Закрепившись на Приане, голландцы открыто помогали сепаратистам продовольствием и оружием.

Цель этих антииндонезийских выступлений сепаратистов была ясна. Импералистические круги с помощью сепаратистов ставили задачу создать «предмостное укрепление» между Индонезией и Прианом, ослабить Индонезию и еще прочнее закрепить на Западном Приане.

За последние годы Приан стал объектом особого внимания американских империалистов. В американских планах в отношении Приана на первое место выдвигается соображение военно-стратегического порядка. Общеизвестно, что политика правящих кругов США направлена на подавление национально-освободительного движения азиатских народов. Соединенные Штаты пытаются укрепить свои позиции в Юго-Восточной Азии, соорудив на подступах к ней цепь авиационных и морских баз. В систему этих баз Пентагон стремится включить и Приан с окружающими его мелкими островами. Отсюда понятен интерес американских монополий к Приану. Американский журналист Л. Финкельштейн в статье «Приан и политика Индонезии» писал: «...представляется весьма привлекательной идея опеки ООН над этой территорией (Западного Приана, — Н. Б.), включая, возможно, объединение Приана с Австралийским Ниуа и с той частью Новой Гвинее, которая находится под опекой Австралии»¹.

Заклученный в сентябре 1951 г. между США, Австралией и Новой Зеландией военный союз, так называемый пакт АНЗЮС, преследовал цели создания военных баз США в южной части Тихого океана, в том числе и на Западном Приане. Голландское правительство согласилось предоставить Соединенным Штатам право строительства военных баз на Западном Приане.

Индонезийский кабинет и его премьер-министр Натемира — член партии Машуми проводили нерешительную политику в прианском вопросе. Правительство Натемира не включило в правительственную программу пункт о воссоединении Приана с Индонезией, хотя индонезийский народ все более настойчиво требовал разрешения прианского вопроса.

Демократические партии и организации, и в первую очередь Коммунистическая партия Индонезии, резко выступили против политики правительства Натемира, кото-

¹ «Merdeka», 18 апреля 1951 г.

рое в угоду иностранным монополиям пренебрегало требованиями широких кругов индонезийской общественности.

В Джакарте был создан комитет выходцев из Приана, выступивший за воссоединение Приана с Индонезией. Комитет заявил, что в случае проведения референдума 90% населения Приана проголосовали бы за воссоединение с Индонезией².

Под давлением народных масс Индонезии правительство Натемира все же было вынуждено вести переговоры с Голландией по вопросу о возвращении Западного Приана. В декабре 1950 г. в Гааге состоялась голландско-индонезийская конференция по вопросу о Западном Приане. Еще до начала конференции, 27 ноября 1950 г. в Гаагу прибыл из Вашингтона посол США в Индонезии Мэри Кохрен. Он имел неофициальную встречу с министром иностранных дел Голландии Стиккеном и главой индонезийской делегации — министром иностранных дел Индонезии Румом. Обещая свою поддержку в той и другой стороне, госдепартамент США рассчитывал раздуть конфликт в прианском вопросе, чтобы затем предложить правительствам Индонезии и Голландии свои «добрые услуги» и таким путем продиктовать свою волю.

Правительство Натемира, тесно связанное с иностранными монополиями, не могло выступить против интересов этих монополий, но рискуя потерять их поддержку. Вот почему предложение индонезийской делегации на Гаагской конференции по сути дела состояло из серьезных уступок голландскому правительству и голландским монополиям. Так, например, первое из этих предложений гласит: «В рамках сотрудничества между Индонезией и Нидерландами в области экономики правительство Индонезии признает существующие права и концессии и уделяет особое внимание интересам Нидерландов в вопросах предоставления новых концессий и размещения капитала.

В ходе дальнейшего развития источников природных богатств Западного Приана голландским интересам в этом районе будет уделено особое внимание, в том числе в области развития добычи полезных ископаемых и лесных богатств. В общем и целом правительство Индонезии готово развивать Западный Приан в экономическом отношении, уделяя самое серьезное внимание интересам Нидерландов в области торговли, экономического освоения промышленности»³.

Как видно из приведенной статьи, правительство Натемира готово было на условиях формальной передачи Западного Приана Индонезии полностью сохранить прежнее экономическое господство голландских монополий на этом острове.

Эти уступки правительства Натемира показались голландскому правительству недостаточными. Оно настоятельно отказалось принять эти предложения. Тогда индонезийская делегация 23 декабря 1950 г. внесла следующие предложения: 1) обе стороны согласны на передачу Нидерландским королевством суверенитета над Западным Прианом Индонезийской республике; 2) эта передача состоится в установленный срок в середине 1951 г.; 3) до дня передачи будет проведена конференция для выработки специальных соглашений.

Однако голландское правительство поспешило отклонить и эти предложения. 26 декабря 1950 г. голландское правительство предложило Прианом оставить в руках Прианом Голландско-индонезийскому союзу, а управление Прианом перейти в руки Голландии. Это предложение заменило старую колониальную политику новой вывеской «совместного суверенитета», но оно было отклонено индонезийской делегацией. 27 декабря состоялось последнее заседание конференции, на котором стороны даже не работали совместного коммюнике, и в печать были переданы два отдельных коммюнике.

Вся индонезийская общественность была возмущена отказом Голландии передать Западный Приан Индонезии. В Макассаре была проведена демонстрация протеста с участием 70 тыс. человек; на острове Целобесе бастовало 50 тыс. рабочих. В Сурабае

² «Merdeka», 26 апреля 1950 г.

³ «Merdeka», 4 января 1951 г.

произошла демонстрация, в которой приняло участие не менее 40 тыс. человек; демонстранты несли лозунги, гласившие: «Отменить соглашения конференции „круглого стола!“, «Соглашения конференции „круглого стола“ — ярмо на шею народа!»

Демонстранты требовали также отставки кабинета Натсыра и сформирования правительства национального единства. Они настаивали на отмене решений конференции «круглого стола», на воссоединении Западного Ириана с Индонезией.

Перед лицом всеобщего возмущения индонезийского народа правительство Натсыра не смогло уклониться от обсуждения вопроса об Ириане в индонезийском парламенте. В своем заявлении парламенту относительно результатов конференции в Гааге Натсыр старался обелить политику своего правительства и свалить всю ответственность за провал конференции на «неуступчивость» голландцев.

Представители демократических партий, выступавшие в прениях, требовали воссоединения Ириана с Индонезией и разрыва соглашения конференции «круглого стола». Представители правых партий во главе с партией Машуми высказывались против разрыва союза с Голландией и за продолжение переговоров. Так, один из руководителей партии Машуми — Юсуф Вибисоно заявил, что его партия выступает против разрыва союза с Голландией, ибо в рамках соглашения конференции «круглого стола», по его мнению, скорее может быть достигнуто соглашение по ирианскому вопросу⁵.

В ходе обсуждения в парламенте представителем Национальной партии Куснаном был выдвинут проект резолюции, предлагавшей правительству ликвидировать Голландско-индонезийский союз, пересмотреть другие соглашения, заключенные на конференции «круглого стола», и выяснить, могут ли быть продолжены эти соглашения в связи с последними действиями Голландии⁶.

Проект резолюции Куснана, вместо требования о немедленной отмене всех казначейских соглашений конференции «круглого стола», предлагал правительству лишь «пересмотреть» эти решения. Отмечая этот недостаток проекта Куснана, коммунистическая фракция парламента все же призывала все партии голосовать за него. Принятие этого проекта означало бы поражение правительства Натсыра.

Лидеры правых социалистов, заявившие, что они «не желают ответственного кризиса» в этот напряженный момент, помогли провалиться проекту Куснана, за который было подано 63 голоса (Компартия, Национальная партия и ряд левых группировок) против 66 голосов. Из 224 депутатов парламента в голосовании приняли участие лишь 129 депутатов. Знаменательно, что среди воздержавшихся было много депутатов от партии Машуми, не пожелавших поддерживать политику руководителей своей партии. Этот факт свидетельствовал о том, что внутри партии Машуми не было единства. В марте 1951 г. правительство Натсыра вынуждено было уйти в отставку.

* * *

Провал Гаагской конференции 1950 г. по вопросу об Ириане означал временный успех империалистов. После этого голландские власти принимают ряд мер, чтобы упрочить свое господство на Ириане. В Западный Ириан усилилось проникновение и американских монополий.

Летом 1951 г. голландцы создали компанию по изучению рудных богатств Ириана и их эксплуатации. Голландское правительство выдало голландским и американским компаниям концессии на изучение и разработку месторождений никеля и хрома в районе Циклон (в северной части Западного Ириана). В этом же районе были обнаружены также медь, цинк, асбест и мрамор. Были открыты также новые нефтяные источники; добыча нефти возросла до 300 тыс. тонн в год.

Голландское правительство укрепляло Ириан и в военном отношении: увеличивался ввоз оружия на Ириан. В конце 1951 г. индонезийские власти конфисковали

Танджунг — Приоке большую партию оружия, которую два голландских парохода везли на Западный Ириан.

Возмущение индонезийской общественности политикой Голландии, направленной на отрыв Западного Ириана от Индонезии, достигло в конце 1951 г. такого предела, что сменивший правительство Натсыра кабинет Сукимана поставил перед голландским правительством вопрос: на каком основании Голландия намеревается официально включить Ириан в состав Голландской колониальной империи?

В результате переговоров Голландия, наконец, согласилась на то, чтобы вопрос о Западном Ириане был включен в повестку дня предстоявшей конференции Голландско-индонезийского союза. В Голландию была направлена индонезийская делегация под руководством Супомо, которая вела переговоры с голландским правительством с января по март 1952 г. В связи с падением правительства Сукимана переговоры были прерваны, и делегация во главе с Супомо вернулась в Индонезию, так ничего и не добившись.

Пришедший к власти летом 1952 г. кабинет Вилопо потребовал возобновить переговоры по ирианскому вопросу, но голландское правительство заявило, что дальнейшие переговоры с Индонезией относительно статуса Западного Ириана бесполезны. «Передача или ограничение суверенитета, или передача мандата на Западный Ириан, — не входит в план переговоров», — в заявлении голландского правительства, — не входит в план правительства. В заявлении указывалось далее: «Суверенитет над Западным Ирианом как де-юре, так и де-факто остается в руках Нидерландского королевства»⁷.

1953 г. не принес никаких перемен в ирианский вопрос. По-прежнему голландские власти отвергали все предложения Индонезии о мирном урегулировании этого вопроса. Так, голландский посол в Австралии Випкельман заявил 29 марта 1953 г., что Голландия «не намерена обменять Западный Ириан на хорошие отношения с Индонезией»⁸. Випкельману вторил и министр иностранных дел Голландии Лунс, который заявил, что Голландия твердо намерена удерживать Ириан в своих руках.

В эту кампанию провокаций и клеветы против Индонезии включились и австралийские реакционеры. В апреле 1953 г. австралийское правительство заявило, что оно вновь усилило австралийские посты на Восточном Ириане, чтобы «противодействовать проникновению туда индонезийцев»⁹.

В июле 1953 г. Австралию посетил министр иностранных дел Голландии Лунс для переговоров о заключении голландско-австралийского «оборонительного» союза. Несмотря на то, что голландское и австралийское правительства отрицали наличие тайного сговора по вопросу об Ириане, целый ряд фактов опровергает эти утверждения.

Во время голландско-индонезийских переговоров, состоявшихся летом 1954 г., вопрос о Западном Ириане не был решен, и правительство Индонезии внесло его в повестку дня 9-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Американские представители обещали удовлетворить требования Индонезии о воссоединении Западного Ириана при условии, если индонезийское правительство примет участие в военном блоке СЕАТО. Но Индонезия категорически отказалась участвовать в этом блоке. 10-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН по требованию правительства Индонезии снова обсуждала вопрос о Западном Ириане, но безрезультатно. Он остался не решенным до сих пор.

Справедливая борьба индонезийского народа за воссоединение Западного Ириана с Индонезией встречает горячее сочувствие и поддержку среди всех миролюбивых народов. Состоявшаяся в апреле 1955 г. в Бандунге конференция 29 стран Азии и Африки поддерживала требования Индонезии в вопросе о Западном Ириане.

В марте 1956 г. индонезийское правительство во главе с лидером Национальной партии Али Састроамиджой снова потребовало, чтобы территория Западного Ириана была возвращена его законному владельцу — индонезийскому народу.

⁵ «Merdeka», 4 января 1951 г.

⁶ «Merdeka», 3 января 1951 г.

⁷ «Merdeka», 31 октября 1952 г.

⁸ «Merdeka», 31 марта 1953 г.

⁹ «Merdeka», 7 апреля 1953 г.

Выражая чувства индонезийского народа, президент Сукарно заявил в своей речи на объединенном заседании обеих палат конгресса США 17 мая 1956 г.: «Возвращение Западного Ириана остается для нас все еще неосуществленной частью наших национальных политических устремлений... Мы видим наших братьев, присоединившихся к нам в провозглашении нашей общей независимости, все еще в цепях, поэтому наша собственная свобода не является полной. Мы не можем полностью насладиться нашей свободой до тех пор, пока вся Индонезия не объединится вновь и не обретет свободы, которая является первородным правом всех людей»¹⁰.

Индонезийское правительство вновь поставило вопрос о Западном Ириане перед Организацией Объединенных Наций. Этот вопрос включен в повестку дня 11-й сессии Генеральной Ассамблеи.

RÉSUMÉ

The Indonesian territory of Western Irian is unlawfully held by Holland to this day. After Indonesia had acquired national independence negotiations were conducted with Holland concerning the reunion of Western Irian with Indonesia, but the Dutch authorities refused to surrender to Indonesia Western Irian and converted it into their military base.

The question of the return of Western Irian has been raised repeatedly by the Government of Indonesia before the United Nations. It is on the agenda of the Eleventh General Assembly.

ПРОНИКНОВЕНИЕ США В ТУРЦИЮ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В. М. ПОЦХВЕРИЯ

Американское проникновение в Турцию началось в первой половине XIX в. В стране создавались миссионерские, филантропические и просветительские организации, деятельность которых должна была облегчить экономическую экспансию Соединенных Штатов Америки в Турции. Капиталисты США «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства»¹.

Буржуазные, в частности турецкие и американские, авторы подчеркивали, что разбросанные по всей стране миссионерские и просветительские учреждения занимались проповедованием «американского образа жизни и производства»². Морис Перно писал, что американские миссионеры преследовали «экономические и даже политические интересы своей страны», что «американские товары пришли вслед за ними в Турцию»³.

Первые религиозные миссии были основаны в Турции в 20-х годах XIX в., т. е. до установления дипломатических отношений между США и Турцией (дипломатическая миссия США в Турции была открыта в 1831 г.). В 1869 г. уже имелась 21 основная миссия. В них сотрудничали и местные жители. К началу XIX в. относится также создание первых американских «благотворительных» и «просветительских» учреждений в Турции⁴. Русский путешественник А. М. Коллюбакин, хорошо знавший Турцию второй половины XIX в., отмечал наличие в стране широкой сети миссий и значительного числа всякого рода американских учебных заведений⁵.

«Просветительская» деятельность американцев активизировалась с 60-х годов XIX в. В 1869 г. в Турции было 185 американских школ⁶. До кемалистской революции единственным турецким высшим учебным заведением был Дом наук (Дар уль-Фюну) в Стамбуле с богословским, медицинским и правовым факультетами.

В 1863 г. в Константинополе был открыт «Роберт колледж» — высшее учебное заведение, которое и в настоящее время играет значительную роль в подготовке проамерикански настроенных деятелей и агентуры США на Ближнем Востоке. «Роберт колледж» — первый американский колледж, основанный за границей⁷. В 1866 г. был создан аме-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 348.

² L. J. Gordon. American relations with Turkey 1830—1930. An economic interpretation. London — Philadelphia, 1932, p. 244; C. Price. The rebirth of Turkey. New York, 1923, p. 34; Ahmed Emin. Turkey in the world war. New Haven, 1930, p. 36—37.

³ M. Pernot. La question turque. Paris, 1923, p. 265.

⁴ См. И. И. Голобородько. Турция. 2 изд. б. м. и г., стр. 230.

⁵ См. А. М. Коллюбакин. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции. «Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества», т. IX, приложения, вып. I. Тифлис, 1887, стр. 104.

⁶ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 244.

⁷ L. V. Thomas and R. N. Frye. The United States and Turkey and Iran. Cambridge. Massachusetts, 1951, p. 141.

¹⁰ Сукарно. Индонезия обвиняет. М., Изд-во иностр. лит-ры 1953, стр. 340.

риканский университет в Бейруте, в 1871 г. открылись женские колледжи в Константинополе и Смирне, в 1879 г. — американский мужской международный колледж в Смирне, в 1887 г. — колледж в Тарсусе. Основывались и другие учебные заведения — начальные и средние школы, например, женская школа в Адане в 1884 г. В 1891 г. американцы создали при «Роберт колледже» отделение Ассоциации христианской молодежи. В 1899 г. в Константинополе было основано исполнительное отделение этой организации. Для пропагандистской работы среди молодежи ассоциация использовала всевозможные средства (спортивные и другие клубы, организация лекций и дискуссий).

Особенно широко развернулась деятельность американских организаций в Турции перед первой мировой войной⁸. К этому времени в Турции насчитывалось 70 основных религиозных миссий и 256 филиалов. В 1910 г. было уже 430 учебных заведений, в том числе 6 высших с 1219 учащимися, 29 средних школ и пансионов, в которых обучалось 3012 человек, и 395 начальных школ с 19 234 учащимися⁹. В 1914 г. в американских учебных заведениях было 25 тыс. человек¹⁰.

Американские организации в Турции финансировались как частными лицами, так и правительством США.

Гордон, автор книги об американо-турецких отношениях, считал, что на миссионерскую, просветительную и филантропическую деятельность в Турции США затратили большие средства¹¹. С 20-х годов XIX в. до окончания первой мировой войны американские организации израсходовали в Турции около 100 млн. долл.¹²

В пропагандистской работе большое значение придавалось печати¹³. В Константинополе находилась типография, печатавшая книги на шести языках. Она выпускала ежегодно тысячи книг¹⁴. Перед пропагандистскими организациями США в Турции стояли задачи: «воздействия на наиболее здравых и разумных турецких лидеров», подготовки «ведущих административных и хозяйственных деятелей Ближнего и Среднего Востока»¹⁵. В основанных американцами школах учились дети христианских и других народов, населивших Турцию. Среди них были дети турецких чиновников, купцов, помещиков и высокопоставленных лиц, в частности брат Энвера-паши, дети шейх-уль-ислама, префекта Константинополя, Халиде Эдиб (Адывар) — известной писательницы, убежденной сторонницы установления американского мандата на Турцию после первой мировой войны. Халиде Эдиб сама окончила в 1901 г. американский женский колледж в Константинополе. Немало турок обучалось и проходило в США практику после окончания в Турции специальных торговых, технических и других факультетов. Например, Ахмед Эмин (Ялмап), убежденный американофил, учился в Колумбийском университете и получил диплом доктора философии.

В результате многолетней филантропической деятельности в Турции было создано проамериканское течение, особенно среди буржуазной интеллигенции. Восхваляя аме-

⁸ «Papers relating to the foreign relations of the U. S.» (в дальнейшем — FR) 1917, supplement II, vol. I, p. 451; H. Morgenthau. *Secrets of the Bosphorus*. London, 1918, p. 73.

⁹ F. Ross. *The Near East and american philanthropy*. New York, 1929, p. 156.

¹⁰ В Турции были также учебные заведения других держав, в частности, к 1914 г. около 300 французских школ с 59 414 учащимися (*Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции, т. I. М., Изд-во НКВД, 1929, стр. 313). Американские учебные заведения были лучше оборудованы и располагали большими средствами.

¹¹ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 246.

¹² E. G. Mears. *Modern Turkey*. New York, 1924, p. 361—362. Мирс указывает, что с начала «филантропической» деятельности по 1923 г. американские организации истратили в Турции около 180 млн. долл. Более половины этой суммы было израсходовано до и во время первой мировой войны.

¹³ L. V. Thomas and R. N. Frye. Указ. соч., стр. 141.

¹⁴ А. М. Колубакин. Указ. соч., стр. 106.

¹⁵ E. M. Mears. Указ. соч., стр. 118; «Asia», March 1923, p. 232.

риканскую «просветительную» деятельность в Турции, Гордон писал, что выпускники американских школ предпочитали иметь дело с американскими купцами¹⁶. Президент США Тафт в послании конгрессу 7 декабря 1907 г. отмечал рост престижа США в Турции благодаря влиянию школ, университетов, миссий. В отчете американской комиссии генерала Гарборда, обследовавшей Турцию в 1919 г. с целью выяснения возможностей для установления мандата США, отмечалось, что американские миссии и школы в течение столетия провели в Турции большую работу¹⁷.

Правительство США всегда проявляло большой интерес к деятельности филантропических организаций. По свидетельству А. М. Колубакина, американские миссии на Востоке пользовались поддержкой послов США в Константинополе и Тегеране¹⁸. Из мемуаров посла США в Турции в 1913—1916 гг. Моргентау и других источников следует, что дипломатические и консульские представители США в Турции руководили миссионерскими и другими американскими учреждениями. В Турцию из США регулярно приезжали различные официальные лица для инструктажа миссий.

Сотрудники американских филантропических и миссионерских организаций, будучи хорошо осведомленными о положении в стране, являлись в сущности советниками дипломатических представителей США и консультантами для приезжающих из США лиц. Американская делегация на Парижской мирной конференции 1919 г. часто привлекала к участию в работе президентов «Роберт колледжа», Бейрутского университета и других сотрудников американских филантропических учреждений¹⁹.

Филантропические организации американцев в Турции активизировались во время первой мировой войны, когда турецкие власти закрыли миссионерские и просветительные учреждения стран, против которых Турция воевала на стороне Германии. В это время усилилась американская пропаганда в Турции. В многочисленных беседах с турецкими государственными деятелями американские дипломаты убеждали турок в необходимости сохранения американо-турецкой «дружбы». В то же время правительство США решительно протестовало против аннулирования турками капитуляций и повышения таможенных тарифов. После вступления США в войну против Германии государственный секретарь США предложил американскому послу в Турции Элькусу подчеркнуть в личной беседе с Энвер-пашой необходимость поддерживать дружественные отношения между США и Турцией²⁰. Усилия американских дипломатов были направлены на дальнейшее обеспечение всех прав и привилегий американских миссионерских и просветительных организаций в Турции, несмотря на отмену капитуляций. Правительство США в инструкциях своим представителям подчеркивало необходимость сохранения принципа экстерриториальности американцев в Турции. В 1916 г. США добились от турецкого правительства указания местным властям избегать трений с американцами, а все споры передавать в правительство на обсуждение с послом США²¹.

Во время войны правительство США совместно с организациями, ведавшими оказанием помощи и работой просветительных учреждений, специально обсуждало филантропическую деятельность в Турции.

Англия выражала протесты против деятельности американцев в Турции, мотивируя их тем, что помощь США облегчает туркам борьбу против Антанты. В действительности же англичане понимали, что материальный эффект этой помощи не так уж велик, но они боялись укрепления в Турции престижа США за счет Англии.

¹⁶ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 244—245.

¹⁷ FR, 1919, vol. II, p. 874.

¹⁸ А. М. Колубакин. Указ. соч., стр. 104.

¹⁹ Особенно часто встречаются имена сотрудников американских филантропических учреждений в XI томе публикаций «Papers relating to the foreign relations of the U. S., Paris Peace Conference, 1919» (vol. I—XIII, Washington, 1942—1948, в дальнейшем — PPC), посвященном заседаниям американской делегации.

²⁰ FR, 1917, supplement II, vol. I, p. 17.

²¹ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 199.

Американцы не скрывали истинной цели оказания помощи Турции. Государственный секретарь США в ответе на одну из английских нот указывал, что в определенных рамках помощь целесообразна, так как материальные выгоды турецкого правительства не могут сравниться с моральной и политической пользой для «нашего дела»²².

Военно-торговый совет США разрешил филантропическим организациям в Турции оказать помощь подвластным Турции народам, выделив 1,4 млн. долл. с ноября 1917 г. до марта 1918 г.²³ Президент Вильсон распорядился 18 марта 1918 г., по совету государственного секретаря Лансинга, использовать на «помощь» в Турции 150 тыс. долл. в месяц²⁴, причем из них 50 тыс. на индивидуальную помощь и 100 тыс. главным образом на пропагандистскую деятельность. Уделяя особое внимание работе среди христианских народов Османской империи, американцы тратили в Армении и Сирии значительно большие суммы, достигавшие, по сообщению Лансинга Вильсону 8 мая 1918 г., 1—2 млн. долл. в месяц²⁵. Из заявления члена сенатской комиссии по иностранным делам Гардинга в сенате США 13 мая 1920 г. следует, что в последний год войны США расходовали в Армении по 1 млн. долл. в месяц²⁶. После Великой Октябрьской социалистической революции Армении придавалось большое значение в борьбе против Советской России и национально-освободительного движения в Турции, что, конечно, было серьезной причиной увеличения американских затрат в Армении.

После победы национально-освободительного движения турецкого народа и провала планов подчинения Турции американским монополиям правительство США выдвинуло требования о возмещении «убытков», якобы понесенных их торговыми и филантропическими организациями в Турции во время первой мировой войны. Только Американское бюро уполномоченных зарубежных миссий исчисляло свои претензии к турецкому правительству в сумме около 2,5 млн. долл.²⁷

Созданная в Турции проамериканская агентура открыто и настойчиво требовала после первой мировой войны установления мандата США на Турцию. Среди буржуазной интеллигенции, особенно Константинополя, имелась группа приверженцев идеи американского мандата. К ним принадлежали, в частности, некоторые видные деятели кемалистского движения — Халиде Эдиб (Адывар), Ахмед Эмин (Ялман), Бекир Сами бей, Хюсен Реуф бей, Рефет бей и другие. Они пытались навязать Турции эту идею вопреки воле большинства сторонников национально-освободительного движения.

* * *

В своей деятельности в Турции американцы опирались на капитуляционный режим, распространения которого на американских граждан правительство США добились еще в начале XIX в. США стремились обеспечить права экстерриториальности и для бывших турецких подданных, которые натурализовались в США, вернулись на родину и стали ревностными проводниками американского влияния. Турция по соглашалась на такое расширительное толкование смысла капитуляций.

По мнению американцев, капитуляции обеспечивали им широкую свободу деятельности в Турции, благодаря им «сотни американских религиозных благотворительных и просветительных учреждений находились как бы на американской террито-

²² FR, 1918, supplement II, p. 550—551.

²³ Там же, стр. 526.

²⁴ Там же, стр. 529.

²⁵ FR, The Lansing papers. 1914—1920, vol. I—II. Washington, 1939—1940, vol. II, p. 125.

²⁶ «Congressional records», vol. LIX, pt. 7, p. 6978.

²⁷ F. K. Nielsen. American-Turkish claims settlement. Washington, 1937, p. 674. Американская комиссия по иностранным долгам сообщила 20 октября 1923 г., что Армения должна США более 14 млн. долл. («Current history», December 1923, p. 359).

рии и видели в американском посольстве своего защитника²⁸; капитуляции давали им возможность «прокладывать дорогу для своей деятельности»²⁹.

В целях поддержки американских филантропических учреждений в Турции правительство США неоднократно оказывало давление на Турцию³⁰, в частности, посылало в турецкие воды американские военные корабли под предлогом «обеспечения безопасности жизни и имущества» миссионеров. В 1830 г., например, командир средиземноморской эскадры США принимал участие в американо-турецких переговорах³¹ по вопросу о распространении на США капитуляционных прав, предоставленных европейским странам. В 90-х годах XIX в. официальные представители США приняли энергичные меры к защите прав всех американцев в Турции. К берегам Турции посылались военные корабли США «для эффективной демонстрации силы»³². В 1900 г. в Константинополь был отправлен военный корабль США «Кентукки», чтобы воздействовать на правительство Турции, отказавшееся возместить ущерб, нанесенный американским миссионерам во время армянских погромов 1894—1896 гг.

В августе 1914 г. консулы США в Турции потребовали постоянного присутствия в турецких водах американских военных судов³³. Вскоре туда прибыли американские военные корабли «Теннесси» и «Северная Каролина». Государственный секретарь США трактовал это мероприятие как гарантию защиты американских интересов.

Военные корабли США не покидали турецких вод и в период первой мировой войны и значительное время после ее окончания, несмотря на протесты турецких властей, безуспешно ссылавшихся на Гаагские конвенции, на международное право и т. д. Еще 5 марта 1915 г. посол США в Турции Моргентау, сообщая государственному секретарю о вербальной ноте турецкого правительства с требованием ухода американских военных кораблей, писал, что «не следует соглашаться с этим требованием»³⁴.

Правительство США не шло на какое-либо ослабление режима капитуляций, считая его закрепленным навеки. В беседе с Энвер-пашой Моргентау говорил, что США «никогда не могли бы отказаться от капитуляционных прав и передать турецкой юрисдикции американские школы и колледжи»³⁵.

Отмена Турцией капитуляций 9 сентября 1914 г. была встречена решительным отказом великих держав согласиться с этим решением. В резком протесте правительства США действие Турции было объявлено «незаконным».

Моргентау в своих протестах подчеркивал, что США не признают одностороннего действия турецкого правительства. В инструкции от 15 декабря 1914 г. на имя Моргентау государственный секретарь США предлагал продолжать протестовать против какого-либо изменения первоначальных привилегий или капитуляций, на основании которых были созданы американские учреждения в Турции, и против пренебрежения ими³⁶. Государственный департамент утверждал в ноябре 1915 г., что «турецкое правительство не может без согласия американского правительства лишить США предоставленных им на территории Турции некоторых прав суверенитета»³⁷.

И в дальнейшем США занимали непримиримую позицию в вопросе о капитуляциях. Одной из главных причин отклонения сенатом США американо-турецкого договора, подписанного в 1923 г. в Лозанне, было недовольство упразднением капитуляционного режима в Турции.

²⁸ H. Morgenthau. Secrets of Bosphorus, p. 73.

²⁹ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 354.

³⁰ Там же, стр. 353.

³¹ G. B. Ravndal. Turkey, commercial and industrial handbook. Washington, 1926, p. 229.

³² L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 235.

³³ Там же, стр. 18.

³⁴ FR, 1915, supplement, p. 954; FR, 1917, supplement I, p. 603.

³⁵ H. Morgenthau. Указ. соч., стр. 75.

³⁶ См. FR, 1914, supplement, p. 767, 777.

³⁷ FR, 1916, p. 963.

Экономическая экспансия США в Турции развивалась одновременно и с помощью пропагандистских, миссионерских и филантропических организаций. В 1811 г. американцы создали торговый дом в Смирне и добились урегулирования американо-турецкой торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования.

США придавали большое значение развитию американо-турецкой торговли. Президент Тафт указывал в послании конгрессу в 1911 г. на возможность установления «широкого и взаимно выгодного обмена товаров» между США и Турцией³⁸.

Заявление Тафта отражало проводившуюся правительством США политику развития американского экспорта в Турцию, особенно активизировавшуюся в самом конце XIX в. В это время генеральный консул США в Турции способствовал установлению прямой паровой линии между США и Турцией (до этого паровое сообщение осуществлялось при посредстве европейских паровых компаний). Он же основал Американо-восточное агентство, охватывавшее более ста американских экспортеров и импортеров. Агентство рекламировало американские товары и способствовало развитию торговли. Генеральный консул издавал торговые бюллетени. Американо-турецкая торговля пропагандировалась и на ежегодных собраниях купцов.

Консул США в Харпите организовал в 1901 г. агентство для Восточной Турции с целью облегчения сбыта американских сельскохозяйственных машин. На должность управляющего агентства был назначен турок, окончивший Массачусетский сельскохозяйственный колледж и прошедший в США практику на сельскохозяйственной станции.

В 1911 г. была создана Американская торговая палата для Турции (прежде подобная палата была только в Париже). Отделения торговой палаты были открыты в Салониках, Измире, Бейруте и других городах. Менее чем через два года она имела уже 429 членов и была переименована в Американскую торговую палату для Леванта. Палата добивалась создания условий для проникновения американских монополий в Турцию, где уже господствовал европейский капитал, опиравшийся на банки, концессии, Управление оттоманского долга и т. д. О целях палаты свидетельствует ряд пунктов ее программы, а именно: учреждение отделений американских банков на обслуживаемой территории; стимулирование вложения американских капиталов для развития естественных ресурсов и предприятий общественного пользования в ближневосточных странах; открытие торговых агентств американских фирм; пересмотр тарифных сеток с целью «уничтожения некоторых помех в торговле» (снижение и без того низких таможенных пошлин)³⁹.

США проводили политику сохранения низких таможенных пошлин на товары, ввозившиеся в Турцию. Попытки правительства Турции повысить таможенные пошлины обычно встречали противодействие со стороны США. В частности, в 1875 г., когда турецкое правительство объявило о намерении поднять ввозные пошлины с 8 до 11%, все державы заявили Турции резкий протест. Американское правительство в свою очередь опротестовало правомочность Турции решать этот вопрос без США и предъявило ей ряд требований, принятием которых обуславливалось согласие США на изменение пошлин. Американское правительство не признало введенный турецким правительством в 1916 г. новый таможенный тариф, основанный на специфических пошлинах, которые заменили существовавший до этого адвалорный тариф, и поднявший пошлины. Новый тариф в какой-то мере ограждал турецкий рынок от засилья иностранных товаров. В ноте посольства США турецкому правительству это решение было квалифицировано как «незаконное»⁴⁰.

Усилия США, направленные на развитие американо-турецкой торговли, привели к ее росту, причем в американском ввозе в Турцию преобладали промышленные изде-

³⁸ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 58.

³⁹ Там же, стр. 156.

⁴⁰ FR, 1916, p. 975.

лия, а вывоз из Турции состоял в основном из сельскохозяйственного и промышленного сырья.

Американский импорт из Турции увеличился с 590 тыс. долл. в 1862 г. до 8,9 млн. долл. в 1902 г. и 19 млн. долл. в 1912 г. Главными статьями турецкого экспорта в США в 1902—1912 гг. были табак, необработанная шерсть, ковры, солодовый корень, фрукты и орехи, кожа, шкуры и меха, лекарственные и красящие вещества.

Американский ввоз в Турцию составлял в 1862 г. 490 тыс. долл., а в 1882 г. уже 1829 тыс. долл.; в дальнейшем импорт Турции из США уменьшился до 206 тыс. долл. в 1892 г.; в 1912 г. снова произошел подъем до 3,8 млн. долл. Основными предметами ввоза в 1902—1912 гг. были хлопчатобумажные и шерстяные ткани, кожаные товары и различные масла, резиновые и металлические изделия, сельскохозяйственные орудия, машины и электрические приборы⁴¹.

В 1892 г. США занимали десятое место по вывозу из Турции и тринадцатое место по ввозу в Турцию.

С 1900 по 1914 г. американо-турецкая торговля возросла в 2,9 раза, причем постепенно увеличивалась доля экспорта США в Турцию. Турция имела активный баланс в торговле с США: в 1900—1905 гг. США вывозили из Турции в 12—13 раз, в 1910 г. — в 7 раз, а в 1912—1914 гг. в 5—6 раз больше, чем ввозили в нее.

Импорт в Турцию американских промышленных товаров затруднялся конкуренцией со стороны европейских держав, которые имели в Турции давно установившиеся политические и экономические позиции. Внешняя торговля страны, и в значительной степени внутренняя, находилась в руках европейцев и связанной с ними компрадорской буржуазии. Вывоз сырья в США не встречал значительных препятствий. Промышленники США рассматривали Турцию не только как рынок сбыта промышленных товаров⁴², но и как источник сырья. Торговля с Соединенными Штатами Америки в те годы была относительно выгодна и для Турции.

В Турции имелись отделения американских компаний «Стандард ойл», «Сокоин-вакуум», «Мак Андриус энд Форбс К^о» (имела свои фабрики по переработке солодового корня, занимала монопольное положение на турецком рынке), фирмы швейных машин «Зингер К^о» и другие. Имелись два паровых общества: «Америкен—Левант лайн» — линия между Турцией и США и «Америкен — Архипелаго Стимини» — линия между Турцией и Грецией⁴³.

Первая мировая война привела к сокращению американо-турецкой торговли, а после разрыва в апреле 1917 г. дипломатических отношений между США и Турцией — к резкому спаду. В 1914 г. американо-турецкая торговля выражалась в сумме 24,2 млн. долл., в 1915 г. уже 13,2 млн. долл., а в 1916 г. — 900 тыс. долл. и в 1917—1918 гг. в среднем 500 тыс. долл. в год.

После подписания 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия американцы воспользовались ослаблением европейских государств и развалом турецкой экономики и пытались захватить турецкий рынок. Уже в 1919 г. наблюдался значительный подъем американо-турецкой торговли в основном за счет увеличения американского ввоза в Турцию; в денежном выражении она составила 62 млн. долл., при этом импорт США в Турцию превышал экспорт в 1,4 раза. По торговле с Турцией США отставали только от Англии и Италии⁴⁴.

⁴¹ L. J. Gordon. Указ. соч., стр. 49, 51, 66.

⁴² Там же, стр. 158.

⁴³ E. G. Mears. Указ. соч., стр. 346; F. Nielsen. Указ. соч., стр. 87, 118, 128, 145, 154, 196, 323, 368, 369, 715, 778; Мустафа Кемаль. Указ. соч., стр. 366; A. Toynbee and K. Kirkwood. Turkey. New York, 1927, p. 138.

⁴⁴ В 1920 г. оборот торговли США с Турцией достиг наивысшей суммы — 82 млн. долл., причем турецкий внешнеторговый баланс был пассивным («Foreign policy reports», November 1, 1944, p. 208). Американцы ввозили в это время в большом количестве керосин, муку, сахар, ткани, консервы.

Наряду с борьбой за турецкий рынок американские монополисты перед первой мировой войной пытались получить концессии на строительство железных дорог и на разработку природных богатств Турции, особенно нефтяных источников Месопотамии. Среди монополий и обществ, претендовавших на получение концессий в Турции, были «Стандард ойл компани оф Нью-Йорк», Нью-йоркская торговая палата, «Н. Г. Вейт корпорейшн», «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и другие. Европейские державы препятствовали американским монополиям вторгнуться в «их» сферу влияния, что мешало осуществлению планов американцев.

Еще в 1900 г. контр-адмирал Честер заручился предварительным согласием султана предоставить американцам концессии на строительство железных дорог, которые должны были проходить по нефтеносным районам Месопотамии. В 1908 г. Честер начал переговоры с турецким правительством уже как представитель Нью-йоркской торговой палаты о концессиях на строительство железных дорог, портов, разработку месторождений руд и нефти и другие работы в Турции⁴⁵.

В 1909 г. в США была организована «Оттоман-американ девелопмент компани», для которой и был подготовлен министром общественных работ Турции проект концессии. Железная дорога и ее ветки должны были проходить по нефтеносным районам Месопотамии, при этом концессионерам предоставлялось право эксплуатации природных богатств на расстоянии 20 км с каждой стороны дороги. Проект концессии Честера несколько лет пролежал в турецком парламенте, но так и не был рассмотрен, в основном из-за противодействия европейских держав. Не помогли и энергичные действия США, которые неоднократно посылали специальных представителей в Турцию и обращались с нотами к турецкому правительству, требуя одобрения концессии Честера. США обещали турецкому правительству благоприятно рассмотреть вопросы о повышении ввозных пошлин в Турцию и об изменении капитуляционного режима в случае одобрения концессии⁴⁶. Вместе с тем правительство США пыталось добиться благоприятного отношения европейских держав к проекту концессии. Европейские державы, особенно Англия и Германия, решительно воспрепятствовали предоставлению концессии Честеру. Германский посол в Турции Маршалль фон Биберштейн, сыгравший важную роль в осуществлении строительства Багдадской железной дороги (концессия 1903 г.), заявил, что Германия не допустит строительства Честером железных дорог в Турции.

Английское министерство иностранных дел в note государственному департаменту США подчеркивало, что Англия занята обеспечением своих интересов в районе южного участка Багдадской железной дороги и не может одобрять какие-либо уступки в вопросе о добыче нефти в Мосуле и Керкуке.

После бесплодных попыток получить концессию, несмотря на помощь американской дипломатии, концессионеры — компаньоны Честера отказались от участия в концессии.

Английские и немецкие монополии создали в 1912 г. «Тёркиш петролеум компани», которая получила 28 июня 1914 г. концессию на разработку нефти в Мосульском и Багдадском вилайетах. 50% акций компании имел английский «Нейшнл банк оф Тёрки», 25% — «Ройял-Датч Шелл» и 25% — «Дейче банк». Американцы не признавали концессии «Тёркиш петролеум компани», мотивируя это тем, что она не была ратифицирована турецким меджлисом⁴⁷.

Перед первой мировой войной велись переговоры о предоставлении Турции американского займа. В декабре 1913 г. Талаат-паша в беседе с Морганом предложил пригласить американских финансовых экспертов для обследования турецких финансов. Вслед за этим министр торговли и сельского хозяйства Турции Бустани эфенди вы-

разил желание, чтобы американцы предоставили Турции заем и взяли за реорганизацию турецких финансов. Однако приехавший в Турцию для ведения переговоров о займе американский миллионер Биллингс ничего не добился. По свидетельству Моргантау, известие о том, что американцы собираются оказать финансовую помощь Турции, вызвало сильное волнение в посольствах в Константинополе⁴⁸. Французы поспешили завершить проходившие в это время переговоры с турецким правительством о предоставлении Турции займа, в результате чего в 1914 г. в обмен на заем в 800 млн. франков французские монополисты получили концессию на строительство пяти железных дорог и портов в Восточной Анатолии. Противодействие европейских держав привело к тому, что американские капиталовложения в Турцию перед первой мировой войной не достигали и 2% иностранного капитала, вложенного в Турцию.

* * *

Во время первой мировой войны дипломатия США вынашивала планы подчинения Турции Соединенным Штатам Америки. Американские дипломаты рассчитывали воспользоваться поражением Германии, финансовой экономической разрухой в Турции для расширения и укрепления позиций американского капитала в Турции. Американские монополисты полагали, что европейские державы не смогут конкурировать с США в оказании «помощи» Турции для «восстановления ее экономики», а турки «надеются только на американскую помощь»⁴⁹. Государственный департамент США подчеркивал необходимость сохранения «дружбы» с Турцией для укрепления позиций Соединенных Штатов в стране.

После того как США вступили в войну против Германии, державы Антанты, и особенно Англия, настаивали на объявлении Соединенными Штатами Америки войны Турции⁵⁰. Но правящие круги США не пошли на это. Государственный секретарь США в меморандуме председателю сенатской комиссии по иностранным делам от 6 декабря 1917 г. указывал, что объявление войны нанесет ущерб «интересам» Соединенных Штатов Америки в Турции. С другой стороны, США не хотели связывать себя никакими обязательствами по отношению к политике держав Антанты в Турции, с тем чтобы обеспечить себе свободу действий после войны⁵¹. По этим же причинам правительство США считало, что турецкие подданные не должны рассматриваться как подданные враждебного государства и не следует предпринимать каких-либо действий по отношению к турецкой собственности в США, которые могли бы вызвать контрмеры в Турции, так как турецкие «интересы» в США весьма малы по сравнению с американскими «интересами» в Турции⁵².

Во время войны дипломатия США развила большую активность в вопросе о судьбе Османской империи. Между Англией и США в 1916—1918 гг. велись переговоры по турецкому вопросу. Во время переговоров, а также в заявлениях президента Вильсона, государственного секретаря Лансинга, Хауза, ряда политических деятелей США, в официальных документах выдвигались требования расчленить Османскую империю, ограничить территорию Турции пределами Анатолии, судьба которой должна определяться Мирной конференцией, «интернационализировать» магистральные железные дороги Турции, изгнать турок из Европы и «нейтрализовать» и «интернационализировать» Константинополь и проливы, установить протекторат над Арменией, Сирией и другими частями Османской империи⁵³.

⁴⁵ H. Morgenthau. Ambassador Morgenthau's story. New York, 1918, p. 38, 39.

⁴⁶ PPC, vol. I, p. 45; «Lansing papers», vol. 1, p. 787.

⁴⁷ «Lansing papers», vol. II, p. 222, 225, 227, 229, 232.

⁴⁸ FR, 1917, supplement II, vol. I, p. 449.

⁴⁹ FR, 1918, supplement II, p. 253, 272.

⁵⁰ FR, 1915, supplement, p. 964; FR, 1918, supplement I, vol. 1, p. 412; PPC, vol. I, p. 33, 43, 45, 52; Lansing. The peace negotiations. London, 1921, p. 195—196; M. Perrot. Указ. соч., стр. 263.

⁴⁵ S. H. Longrigg. Oil in the Middle East. London, New York, Toronto, 1954, p. 28.

⁴⁶ E. G. Mears. Указ. соч., стр. 501

⁴⁷ «Political science quarterly», June 1924, p. 266.

Соединенные Штаты Америки выдвинули тезис непризнания тайных договоров о разделе Турции, заключенных державами Антанты во время войны. При обсуждении турецкого вопроса США не возражали против установления на территории Османской империи протектората Англии и Франции, обремененного в дальнейшем в форму мандатов, но при этом США требовали обеспечения на всех этих территориях принципа «открытых дверей» и «равных возможностей». Вместе с тем США были против раздела собственно турецкой территории. Этим программа США отличалась от программы европейских держав в турецком вопросе, проводивших политику раздела Анатолии на «зоны влияния».

Политика США определялась намерением подчинить Турцию экономически и политически исключительно себе. В меморандуме от 22 декабря 1917 г. «О целях войны и условиях мира», подготовленном Бюро по изучению вопросов для мирной конференции, отмечалась необходимость освободить турок от экономической и политической зависимости от европейских держав, дать Турции деньги для развития просвещения и капитализма, восстановления экономики, установления на железных дорогах дружественной державам администрации⁵⁴. Одновременно выдвигалось требование восстановить капитуляции.

Все это имело целью создать условия для подчинения Турции влиянию монополий США, особый интерес для которых представляла месопотамская нефть. Требуя провести интернационализацию Константинополя, проливов и железных дорог, США стремились использовать Турцию в качестве плацдарма для экспансии США на Ближнем Востоке, на Балканах и в районе Черного моря.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России антисоветская направленность политики США проявилась в попытках создать так называемую «независимую» Армению в составе Русской и Турецкой Армении, а также интернационализировать проливы и ввести в них регулирование навигации.

С окончанием войны значительно активизировалась пропаганда идеи установления над Турцией американского мандата, проводившаяся американскими филантропическими организациями и многочисленными официальными и неофициальными представителями и комиссиями. Под нажимом американской дипломатии на Парижской мирной конференции в мае 1919 г. был выдвинут проект установления мандата США над Турцией, отвергнутый вскоре Англией и Францией, разработавшими план раздела Турции без учета «интересов» США.

Американская экспансия в Турции в XIX—начале XX в. не была успешной, несмотря на энергичную деятельность многочисленных филантропических организаций, торговых и промышленных фирм, поддерживаемых правительством США. Европейские державы, имевшие решающие позиции в политической и экономической жизни Турции, особенно Англия, Германия и Франция, не допустили внедрения американского капитала в Турцию. Только после второй мировой войны США, используя свою возросшую экономическую мощь и ослабление экономических и политических позиций европейских держав, в значительной мере подчинили Турцию интересам американского империализма.

RÉSUMÉ

The article contains a brief historical survey of the penetration of Turkey by the United States of America beginning with the first half of the 19th century, and until the end of the world war of 1914—1918. It illustrates the methods of penetration and the subsequent activities of American capital in Turkey.

Showing how the United States was trying to preserve the capitulations in Turkey, the article discloses its expansionist plans with regard to Turkey (the demand of a mandate for Turkish Armenia, the «internationalization» of the straits) during the first world war.

⁵⁴ РРС, vol. I, p. 33, 43, 45, 52.

ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМПЕРИАЛИСТАМИ ТЕРРИТОРИИ ИРАНА КАК ПЛАЦДАРМА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(1917—1920 гг.)

Л. И. МЕЛЬНИКОВ

В период гражданской войны в России империалистические державы использовали для осуществления вооруженной антисоветской интервенции территории граничащих с Россией государств, их материальные и людские ресурсы. Среди стран, превращенных в плацдармы для проведения вооруженной интервенции в Советскую Россию, особое место принадлежит Ирану.

Выбор Англией Ирана в качестве плацдарма для вооруженной интервенции в Советскую Россию объясняется прежде всего заманчивостью для английских империалистов прилегающих к Ирану областей России как возможных объектов захвата и эксплуатации. Зависимое положение Ирана, наполовину оккупированного англичанами, позволяло Англии перебросить к советским границам свои войска, сосредоточенные в Месопотамии и в Индии. Серьезную роль при выборе плацдарма играли также факторы, как выгодное стратегическое положение Ирана, а также концентрация в конце 1917 г. на юго-востоке России главных сил российской контрреволюции. Англичане рассчитывали также на поддержку со стороны части находившихся в Иране русских войск, руководимых царскими офицерами

* * *

Подготовка плацдарма для вооруженной интервенции в Советскую Россию включала в себя следующие мероприятия: оккупацию северных провинций Ирана; организацию интервенционистских войсковых групп в Северном и Северо-Восточном Иране; строительство стратегических дорог и организацию линий коммуникаций, связывающих английские войсковые базы в Месопотамии и Индии с интервенционистскими группами в Северном Иране и Хорасане; организацию снабжения оккупационных и интервенционистских войск продовольствием из местных ресурсов и военными материалами из Индии и Месопотамии.

В 1917 г. почти вся территория Ирана была оккупирована войсками Англии и царской России. В конце декабря 1917 г. после подписания договора о перемирии с Германией и Турцией в Брест-Литовске советское правительство приступило к выводу русских войск из Ирана. Вывод русских войск из Хорасана закончился в феврале, а из всего Северного Ирана в апреле — мае 1918 г. В Иране осталась лишь часть реакционного офицерского состава экспедиционной армии во главе с генералом Баратовым и казачий отряд полковника Бичерахова, перешедшего на службу к англичанам.

Вслед за уходящими русскими частями в Северный Иран из Месопотамии и Индии двинулись английские войска. Английское правительство решило воспользоваться этим случаем и захватить северную часть Ирана, ранее входившую в сферу влияния

царской России. Оккупация северных областей была необходима англичанам также и для подготовки интервенции в Закавказье и Среднюю Азию.

Уже в конце января 1918 г. в Каинате и Хорасане появились первые отряды английской армии. 3 марта англо-индийские войска вступили в Мешхед, а к концу месяца оккупация Северо-Восточного Ирана была завершена. Английские гарнизоны заняли города Бирджед, Гунабад, Турбет-и-Хайдарие, Руи-Хаф и Кучан. Командовал оккупационными войсками в Восточном Иране бригадный генерал Дейл.

В Мешхеде под руководством английского генерального консула в Хорасане полковника Грей началось формирование интервенционистской военной миссии, которую летом 1918 г. возглавил генерал Маллесон¹.

Оккупация западных областей Ирана началась в первые дни 1918 г. В середине декабря 1917 г. английский посол в Иране Чарльз Марлинг предложил командующему английской армией в Месопотамии генералу Маршаллу, ввиду предстоящего ухода русских войск, взять на себя «защиту» дороги Ханекин — Хамадан². В начале января в районе перевала Пай-Так появился первый отряд английских оккупационных войск под командованием полковника Мэтьюса. К концу марта части 36-й бригады генерала Томсона, штаб которого находился в Каср-и-Ширине, оккупировали районы, прилегающие к дороге Ханекин — Хамадан. Английские гарнизоны разместились в Сар-и-Пуле, Пай-Таке, Сорхе-Дизе, Кериде и Керманшахе.

В Хамадане формировалась интервенционистская военная миссия генерала Денстервилля³. К июню 1918 г. англичане оккупировали Казвин, Зенджан, Миане⁴ и районы Сенне и Биджара. Штаб миссии Денстервилля перебазировался в Казвин. В конце мая по приказу начальника британского генерального штаба было прекращено наступление на месопотамском фронте с тем, чтобы развить «в максимально доступной степени» активность группы Денстервилля в Северном Иране. В июне началась массовая переброска в Северный Иран английских войск из Месопотамии.

Учитывая удаленность Закавказья и Туркестана от войсковых баз в Месопотамии и Индии, британское командование придавало первостепенное значение строительству дорог и организации линий коммуникаций. К началу лета 1918 г. было закончено строительство железнодорожной ветки Мирджаке — Доздаб и дороги Доздаб — Бирджед — Мешхед протяжением около тысячи километров. Для перевозки войск и военных материалов из Месопотамии англичане построили шоссейную дорогу Багдад — Каср-и-Ширин и железнодорожную ветку до Ханекина. От Каср-и-Ширин в Северный Иран английские войска перебрасывались по дорогам, построенным русскими концессионерами еще до мировой войны.

Испытывая недостаток в войсках, английское командование решило сформировать из иранского населения наемные полицейские части. Уже в декабре 1917 г. английским консулом в Керманшахе Кеннином были созданы первые наемные отряды из курдов пограничных районов. Эти отряды охраняли дорогу от Каср-и-Ширин до Керманшаха. В апреле 1918 г. офицерами миссии Денстервилля были сформированы отряды так называемых охотников — два в Хамадане и один в Казвине. Каждый отряд состоял из 600 человек.

Кроме отрядов «охотников», создавались также отряды так называемых партизан. «Партизанские» отряды составлялись из кочевников-курдов и шахсевен. Два таких отряда численностью в 600 человек каждый (один эскадрон кавалерии и две роты пехоты) под командой английских офицеров были организованы Денстервиллем в:

апреле — мае 1918 г. в районе Хамадана и Казвина. В мае началась вербовка «партизан» в районах Биджара и Зенджана. Из ассирийцев, которые бежали от преследования турок из Урмии в Хамадан, и из армян была создана «Урмийская бригада»⁵. В Хорасане наемные войска формировались из буджурдских курдов и берберов. Формировавшиеся англичанами отряды наемников были предназначены для подавления антианглийских выступлений местного населения и для охраны передвижения английских войск и гарнизонов в городах.

Появление английских войск в Иране сопровождалось установлением неприкрытого оккупационного режима. В каждом городе, в котором размещался английский гарнизон, назначался английский военный губернатор, начальник военной полиции и другие должностные лица, которые осуществляли полный административный контроль, не считаясь с местными иранскими властями. Английская военная полиция устанавливала слежку за всеми иранцами, проявлявшими недовольство хозяйничаньем оккупантов. Во всех крупных городах была организована перлюстрация иранской частной и административной корреспонденции.

О том, как много внимания уделяли английские военные власти в Иране «поддержанию порядка» в оккупированных районах, можно судить по признанию Денстервилля. «Когда пришло время броситься в пучину бакинских событий, — пишет он, — оказалось, что большая часть офицеров была занята в Персии, выполняя такие задания, что увод их из Персии грозил гибелью всем нашим достижениям. Значительный штат людей работал по управлению персидских городов (курсив мой. — Л. М.), немало офицеров требовалось для вербовки и обучения охотников и партизан, разведка и интеллигентство поглощали также немало...»⁶.

Английская военная полиция арестовывала и бросала в тюрьмы всех недовольных. Наиболее серьезных политических противников английские власти высылали в Месопотамию и Индию. Так, в марте 1918 г. англичане арестовали в Керманшахе и выслали в Багдад депутата иранского меджлиса, лидера демократической партии Сулеймана Мпрузу. В июне они арестовали и выслали из Хамадана губернатора города, лидера местных демократов Фериде эд-Доуле.

Аресту, по словам Денстервилля, подвергались все «виновные». Денстервилль признает, что термин «виновность» по-настоящему не применим к жителю нейтральной страны, который имеет скромное желание предпочитать одну нацию другой, но в дни войны, заключает он, виновным приходится считать всякого, кто не с тобой⁷.

Руководствуясь таким методом определения лояльности иранского населения, органы английской контрразведки и военная полиция посадили за решетку тысячи иранских патриотов.

Так действовали англичане в Иране — в стране, независимость которой торжественно признавалась во всех английских дипломатических документах. Английский меморандум, адресованный иранскому правительству 12 марта 1918 г., тоже начинался с заверений в «незыблемости английской политики уважения независимости Ирана», а оккупация северных провинций Ирана прикрывалась «необходимостью» охраны границ Иранского Азербайджана от вторжения турецких войск⁸. Англия предъявила Ирану требование немедленного официального признания южноперсидских стрелков (эспаров) в качестве иранской национальной воинской силы⁹. За дружественное от-

⁵ «Месопотамская кампания», т. IV, стр. 206. Бригада состояла из четырех батальонов (двух ассирийских и двух армянских) четырехротного состава.

⁶ Денстервилль. Британский империализм в Баку и Персии (1917—1918). Тифлис, 1925, стр. 122. О перлюстрации англичанами корреспонденции в Хамадане и Казвине см. Денстервилль. Указ. соч., стр. 51, 58 и 132.

⁷ Денстервилль. Указ. соч., стр. 162.

⁸ М. Хелладж. История (конституционного) движения в Иране. Тегеран, 1933, стр. 112—113; P. Sykes. History of Persia, vol. II. London, 1930, p. 500—501.

⁹ В 1916 г. на юге Ирана под руководством генерала Перси Сайкса было организовано наемное войско, так называемый корпус южноперсидских стрелков (South-Persian

¹ Условно миссия Маллесона называлась «Мальмис» (Malmiss—Malleeson's Mission).

² «History of the Great War based on official documents. The campaign in Mesopotamia, 1914—1918» (в дальнейшем — «Месопотамская кампания»), vol. IV. London, 1927, p. 98.

³ «Денстерфорс» (Dunsterforce), или «Засекреченная армия» (Hush-Hush Army).

⁴ Английские войска пытались проникнуть в Тавриз, но их успели опередить турецкие захватчики. В июне турецкие войска оккупировали Тавриз и все западные пограничные районы Азербайджана.

ношение к Англии Ирану была обещана финансовая помощь, а также аннулирование и без того уже потерявшего силу англо-русского соглашения 1907 г.

Опубликование английского меморандума вызвало взрыв народного возмущения. Повсеместно на собраниях выносились резолюции, требовавшие прекращения вмешательства Англии во внутренние дела Ирана. На пятидесяти тысячах митингах на площади Топхана жители Тегерана приняли резолюцию протеста против действий Англии¹⁰.

Правительство Мустоуфи-оль-Мемалека в ответной ноте отказалось удовлетворить английские требования. В ноте было указано, что правительство рассматривает южно-персидских стрелков как иностранную военную силу, угрожающую независимости и целостности Ирана. Иранское правительство выражало надежду на то, что Англия предоставит Иран самому себе и разрешит ему самостоятельно провести необходимые реформы¹¹.

Отказ кабинета Мустоуфи-оль-Мемалека удовлетворить требования англичан имел своим последствием правительственный кризис. Под давлением англичан Мустоуфи-оль-Мемалек 20 марта 1918 г. подал в отставку¹². Но и новый кабинет, сформированный Самсам-эс-Салтано, отказался признать отряды южноперсидских стрелков как национальные иранские части и заявил протест против нарушения Англией нейтралитета Ирана.

Англия продолжала наводить страну своими войсками, не считаясь с волей иранского народа. Летом 1918 г. английские войска осуществляли контроль почти над всей страной. Англичане жестоко расправились с антианглийским восстанием племени сенджаби в пограничном районе Западного Ирана, с восстанием в Ширазе; подавили мятеж южноиранских стрелков и в течение всего лета 1918 г. вели войну с восставшими племенами кашкайцев и казерунцев в Фарсе.

Готовясь к интервенции в Советскую Россию, англичане стремились поставить у власти в Иране такое правительство, которое полностью подчинялось бы их воле и помогало бы им удерживать в повиновении иранский народ. Правительство Самсам-эс-Салтано не могло в этом смысле удовлетворить англичан, и через несколько дней после опубликования заявления об отмене капитуляций начался кризис кабинета, вызванный протестами английских дипломатов.

Иранский историк Хелладж пишет, что энергичные мероприятия Самсам-эс-Салтано, который «старался использовать благоприятный момент, когда влияние колониальных держав в Иране пошатнулось», заставили «корыстных иностранцев (т. е. англичан. — Л. М.) и внутренних врагов добиваться всеми средствами свержения кабинета Самсам-эс-Салтано»¹³.

Самсам-эс-Салтано долго сопротивлялся английскому нажиму и не подавал в отставку, но в конце июля указом Ахмед-шаха был отстранен от власти, а формирование

Rifles, или SPR) численностью в 8 тыс. человек. Рядовой состав корпуса рекрутировался из местного иранского населения, а младший и старший офицерский состав — из англо-индийских войск. В начале 1917 г. это наемное английское войско было признано правительством Восуга-эд-Доуле в качестве национальной иранской воинской силы, но последующие правительства, в частности и кабинет Мустоуфи-оль-Мемалека, не признавали законности «южноперсидских стрелков».

¹⁰ «Касбий», 24 марта 1918 г., № 55.

¹¹ М. Хелладж. Указ. соч., стр. 113. В английском меморандуме говорилось, что после окончания войны «оба правительства будут обсуждать вопрос о создании единой воинской силы для всего Ирана».

¹² А. Мустоуфи в своей книге «Моя жизнь или социальная история каджарской эпохи» (Тегеран, 1945, т. II, стр. 714) пишет, что кризис кабинета был вызван недовольством народа политикой правительства и вопросе снабжения хлебом. На самом деле это был лишь повод, которым воспользовались англичане для устранения правительства Мустоуфи-оль-Мемалека.

¹³ М. Хелладж. Указ. соч., стр. 102.

нового кабинета министров было поручено Восугу-эд-Доуле¹⁴. В состав нового кабинета, пришедшего к власти 7 августа 1918 г., кроме Восуга, вошли и другие не менее видные проанглийские деятели: Фируз Мирза Носрет-эд-Доуле, Саарем-эд-Доуле и Мирза Хасан-хан Монар-оль-Мольк. Таким образом, к началу интервенции в Россию англичанам удалось поставить у власти в Иране послушное им правительство.

* * *

Вооруженная интервенция в Россию с территории Ирана началась в августе 1918 г. В июле произошел подготовленный миссией Маллесона государственный переворот в Анхабаде. Закаспийское эсэро-белогвардейское правительство, по договоренности с Маллесоном, призвало на помощь «союзников-англичан», а в начале августа 1918 г. английские войска вторглись в советский Туркестан. С помощью английских войск белогвардейцы захватили всю Закаспийскую область от Красноводска до Мерва.

Интервенция в Закавказье началась одновременно с вторжением английских войск в Закаспий. В июне 1918 г. англичанам с помощью белогвардейского отряда Бичерахова удалось разбить дженгелийцев¹⁵ и оккупировать Решт. После неудачных боев с англичанами в Реште руководители дженгелийского движения пошли на переговоры с английским командованием. Англичане потребовали немедленного прекращения сопротивления, освобождения пленных и удаления немецких и турецких инструкторов. Комитету «Эттехад-е Ислам» предоставлялось право назначить в Решт своего губернатора и распространить свое влияние на Гилян. Английское командование заявило также о готовности приобретать необходимое для армии продовольствие только через администрацию, назначенную комитетом «Эттехад-е Ислам».

Комитет принял предложенные англичанами условия мира, и 25 августа 1918 г. Кучек-хан и Денстервилль подписали договор. После подписания мирного договора большинство членов комитета занялось коммерческими делами, связанными с поставкой английской армии риса и других продуктов. Большая часть «партизан» разошлась по домам.

Заключив мирный договор с руководителями дженгелийского движения, англичане фактически стали полновластными хозяевами Гиляна. Гилян был превращен в базу английских войск и главный источник снабжения этих войск продовольствием.

Получив известия о свержении советской власти в Баку, англичане 3 августа ввели свои войска в Энзели, арестовали членов военно-революционного комитета¹⁶. В тот же день на захваченных в порту пароходах был отправлен в Баку первый отряд войск под командой полковника Стокса. Через два дня из Энзели в Красноводск выехала английская военная миссия во главе с полковником Баттином.

¹⁴ Малек-ош-Шоара Бехар, Мохаммед Таги. Краткая история политических партий Ирана. Тегеран, 1944, стр. 31—32.

¹⁵ Первые отряды дженгелийцев (от персидского слова «дженгель» — лес) были организованы в Гиляне еще в 1912 г. для ведения борьбы с войсками царской России, посланными в Северный Иран с целью подавления революционного движения. Партизанские отряды дженгелийцев состояли главным образом из крестьян Гиляна, а также из мелких торговцев и ремесленников. Дженгелийцы пользовались поддержкой националистически настроенных купцов и части помещиков и духовенства. Во главе движения стоял мелкобуржуазный националист Мирза Кучек-хан, ранее принимавший участие в иранской революции.

¹⁶ Энзелийский военно-революционный комитет состоял из представителей русской революционной армии в Иране и официально именовался «Военно-революционным Комитетом Восточно-Персидского фронта». Военно-революционный комитет осуществлял руководство эвакуацией русских войск из Энзели в Баку и Туркестан. Летом 1918 г. комитет завершил работу по эвакуации войскового имущества. Арестованных членов энзелийского военно-революционного комитета Челяпина, Бабуха и Лазарева англичане отправили через Багдад в Индию.

После ареста энзелийского ревкома англичане стали полновластными хозяевами города. Военным комендантом Энзели был назначен майор Броун, и «через несколько дней, — пишет Денстервилль, — Энзели стали походить по своим задачам и целям на настоящий английский порт»¹⁷.

В сентябре 1918 г., после сдачи Баку туркам, в Энзели были сосредоточены английские войска, которые готовились к захвату Закавказья. Из Месопотамии в Энзели бесконечным потоком шли военные эшелоны с войсками и оружием. В порту Энзели под руководством членов военно-морской миссии Норриса производилось переоборудование захваченных англичанами в результате первой бакинской экспедиции судов Каспийского коммерческого флота и оснащение их английскими морскими орудиями, доставленными из Багдада. В Энзели находился штаб североперсидской группы войск, которую возглавлял генерал Томсон¹⁸.

Через две недели после капитуляции Турции английские войска были вновь переброшены из Энзели в Баку. Англичане оккупировали весь Азербайджан и Дагестан. Вооруженные англичанами коммерческие суда и захваченные ими у денкинцев военные корабли Каспийской флотилии контролировали летом 1919 г. все Каспийское море. Английская флотилия опиралась на базы в Энзели, Баку, Красноводске и Петровске.

Английские империалисты провели серьезную подготовку к интервенции в расчете на долговременную оккупацию Закавказья и Закаспия. Однако интервентам не удалось закрепиться на советской земле. Революционный подъем в Европе, рост национально-освободительного движения в колониях, революционные выступления в армии и на флоте, в частности, в войсках, находившихся в Советской России, заставили империалистов Антанты отказаться от интервенции силами своих войск и перейти к прикрытой интервенции. Весной 1919 г. английские войска были выведены из Закаспия, в июле началась эвакуация войск из Закавказья, а в августе англичане приступили к передаче кораблей Каспийской флотилии денкинцам.

Вывод оккупационных войск с Кавказа и из Закаспия и передача военного флота Деникину не означали отказа Англии от интервенции. Английские войска были отведены на исходные позиции в Северном Иране: по-прежнему в Мешхеде находился штаб Маллесона, а в Казвине — штаб североперсидской группы войск. Численность английских войск в Северном Иране не уменьшалась. Через Энзели англичане поддерживали связь с Красноводском, Петровском и Гурьевом; энзелийской базой пользовался денкинский флот. Несмотря на вывод английских войск, интервенция с иранского плацдарма продолжалась еще долгое время.

* * *

В период подготовки и осуществления англичанами вооруженной интервенции в Советскую Россию с территории Ирана иранские правящие круги занимали антисоветские позиции. Вопреки национальным интересам Ирана реакционное правительство Восуг-эд-Доуле, шедшее на поводу у британских колонизаторов, отвергло миролюбивые предложения советского правительства, отказалось от установления дипломатических и экономических отношений с Советской Россией и тем самым поддержало империалистическую политику дипломатической изоляции Страны Советов.

Правительство Восуг-эд-Доуле отказалось признать полномочия первой советской дипломатической миссии во главе с И. О. Коломийцевым, направленной в Иран летом 1918 г., и вступить с ней в переговоры, а осенью того же года, при прямом попустительстве тегеранских властей, советская дипломатическая миссия подверглась бандитскому налету, организованному английскими военными властями и русскими бело-

¹⁷ Денстервилль. Указ соч., стр. 187.

¹⁸ В сентябре 1918 г. генерал Денстервилль был отозван из Ирана, а командование интервенционистской группой войск было возложено на генерала Томсона. С сентября 1918 г. североперсидская группа войск стала именоваться «Норперфорс» (Norpersforce — North — Persian Force).

гвардейцами. В результате нападения шайки казаков шахской дивизии, возглавляемой белогвардейскими офицерами, члены советской миссии и их семьи подверглись избиению, а затем были арестованы и переданы английской военной администрации. Избежал ареста только советский посол И. О. Коломийцев¹⁹.

Летом 1919 г. советское правительство предприняло еще одну попытку установить добрососедские отношения с Ираном. С этой целью в июле 1919 г. в Иран была направлена из Москвы чрезвычайная дипломатическая миссия, которую опять возглавил И. О. Коломийцев. Он должен был вручить иранскому правительству ноту Народного комиссариата по иностранным делам, в которой были подробно изложены принципы советской политики по отношению к Ирану. Иранскому правительству предлагалось вступить в переговоры с Советской Россией с целью окончательного уничтожения следов империалистической политики русского царизма в Иране²⁰.

В июле 1919 г. Советская Россия была совершенно отрезана от Ирана армиями белых генералов и войсками английских интервентов на Кавказе и в Закаспии, а Каспийское море контролировалось английским и денкинским флотом. В связи с такой обстановкой путь в Иран, избранный советской дипломатической миссией, был не совсем обычным. Миссия Коломийцева отправилась из Астрахани на небольшой моторной лодке, пересекла Каспийское море и высадилась в Ленкорани²¹, откуда Коломийцев надеялся наладить связь с Ираном.

В Ленкорани Коломийцев встретился с иранским консулом, который заверил его в том, что миссия может без всяких опасений ехать в Тегеран. Иранский консул дал Коломийцеву письмо, в котором иранским пограничным властям предписывалось оказывать всяческое содействие беспрепятственному проезду миссии в Тегеран²².

В последних числах июля началась эвакуация Ленкорани, осажженной со всех сторон белогвардейцами и бандами мусаватистов. Коломийцев эвакуировался вместе с красноармейцами на остров Ашур-Аде²³.

Через несколько дней после прибытия Коломийцева на Ашур-Аде остров подвергся артиллерийскому обстрелу с кораблей английской флотилии «Биби-Эйбат» и «Орленок» и бомбардировке с воздуха. Коломийцев и часть находившихся на Ашур-Аде красноармейцев вынуждены были уйти из-под обстрела по Потемкинской косе на иранскую территорию, где их встретили пулеметным огнем казаки шахской дивизии. И. О. Коломийцев был схвачен и 14 августа без суда и следствия расстрелян в окрестностях Бендер-Гиза начальником штаба казачьей дивизии полковником Филипп-

¹⁹ И. О. Коломийцеву после трехмесячных скитаний в горах Северо-Западного Ирана удалось пробраться в Баку, а оттуда летом 1919 г. через Астрахань в Москву. Члены советской миссии и их семьи, в том числе и жена Коломийцева, были отправлены в Месопотамию, а затем в Индию. Подробное изложение событий, связанных с разгромом советской миссии в Тегеране в ноябре 1918 г., можно найти в статье «Страница из истории красной дипломатии» («Новый Восток», 1925, № 8—9) и в брошюре Б. Шумяцкого «На посту советской дипломатии» (Л., 1926).

²⁰ В ноте НКВД от 26 июня 1919 г. было заявлено, что Советское правительство отказывается от всех концессий царской России в Иране и о передаче всего имущества этих концессий в собственность иранского народа. Все платежи Ирана по обязательствам царской России аннулировались. Советское правительство отказывалось от консульской юрисдикции и всякого вмешательства во внутренние дела Ирана. Каспийское море объявлялось открытым для плавания судов под персидским флагом. Нота НКВД содержала положения, которые легли затем в основу советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г. («Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях», М., 1946, стр. 65—67).

²¹ Летом 1919 г. на юго-западном побережье Каспия существовала Муганская советская республика с центром в Ленкорани.

²² М. Левилов. Чья рука? М.—Л., 1926, стр. 34.

²³ Остров Ашур-Аде, расположенный у входа в Астрабадский залив, принадлежал России.

новым. Взятые в плен красноармейцы были переданы англичанам, а англичане отвезли их в Петровск²⁴ и отдали на расправу денкинцам.

В свое время правительство Восуг-эд-Доуле постаралось замести следы совершенного по его указанию преступления и сфабриковало «документы», которые всю ответственность за убийство советского посла возлагали на полковника Филиппова. В иранской и английской исторической литературе убийство Коломийцева и все события, связанные с этим преступлением, замалчиваются или представляются в ложном свете.

Через тридцать три года после событий на Ашур-Аде был опубликован документ, который проливает свет на действительную роль иранских реакционных правителей и английского командования в совершении преступления. Таким документом является телеграмма английского посла в Иране Перси Кокса Керзону от 19 августа 1919 г. В ней говорится: «В начале августа около четырехсот большевиков высадилось... в Астрабаде. По настоянию персидского правительства британский коммодор (Д. Норрис.—Л. М.), поддержанный с суши, разгромил базу большевиков на Ашур-Аде и захватил корабли, орудия и пленников» (курсив мой.—Л. М.)²⁵.

Таким образом, правительство Восуг-эд-Доуле в равной мере с английскими интервентами и русскими белогвардейцами несет ответственность за убийство на иранской территории советского посла И. О. Коломийцева.

В своей антисоветской деятельности иранское правительство, возглавляемое Восуг-эд-Доуле, не ограничивалось тем, что активно поддерживало английских интервентов и русских белогвардейцев, а также английскую политику дипломатической изоляции Страны Советов. Иранские реакционеры сразу же после окончания мировой войны решили воспользоваться тяжелым положением Советской России, скованной кольцом контрреволюционных фронтов, и расширить территорию Ирана за счет аннексии сопредельных с ним областей Закавказья и Средней Азии.

В меморандуме, подготовленном иранским правительством для своей делегации на «мирную» конференцию в Париже, наряду со справедливыми требованиями отмены консульских судов и ликвидации других привилегий империалистических держав, было включено также и требование передачи Ирану значительной части территории Закавказья и Средней Азии²⁶.

Иранскую делегацию на Парижской конференции возглавил министр иностранных дел Али Голи-хан Ансари (Мошавер-оль-Мемалек).

Посылку иранской делегации в Париж поддержала американская дипломатия. Государственный секретарь США Роберт Лансинг заверил иранского поверенного в делах в Вашингтоне в том, что правительство Соединенных Штатов одобряет идею полного участия иранской делегации в работе мирной конференции²⁷. При этом США преследовали своекорыстные цели. Они рассчитывали использовать поддержку со стороны иранской делегации в своей борьбе против английских соперников. На приеме, устроенном иранской делегацией, Лансинг сказал: «Иран имеет необыкновенную историю и его нужно вновь поднять на ту высоту, на которой он был в древние времена. Никто во всем мире, — заявил он, — так не печется о благополучии Ирана и иранцев, как президент Вильсон»²⁸.

²⁴ D. Norris. Caspian Naval expedition. «Journal of the Central Asian Society», 1923, vol. X, p. 235.

²⁵ «Documents on British foreign policy, 1919—1939», First-series, vol. IV. London, 1952, p. 1137, № 729.

²⁶ «История дипломатии», т. III. М., 1945, стр. 33; «Papers relating to the foreign relations of the United States, 1919. Paris Peace Conference», vol. I. Washington, 1942, p. 260; H. Temperley. A history of Peace Conference of Paris, vol. VI. London, 1924, p. 210.

²⁷ «Papers relating to the foreign of the United States, 1919. Paris Peace Conference», vol. I, p. 261.

²⁸ X. Макки. Краткий очерк политической жизни султана Ахмед-шаха Каджара. Тегеран, 1944, стр. 75—77.

Посылка иранской делегации была одобрена также и Англией. Однако по прибытии в Париж иранская делегация неожиданно для себя встретила сильнейшее противодействие со стороны официальных представителей Англии. Усилиями членов английской делегации — премьер-министра Ллойд Джорджа и министра иностранных дел Бальфура иранская делегация не была допущена на заседания мирной конференции.

Такая позиция Англии объясняется довольно просто. Английские дипломаты вели двойную игру. Англия поддержала идею посылки иранской делегации в Париж только с тем, чтобы отвлечь внимание своих империалистических соперников в Иране — США и Франции от того, что делалось ею в этой стране. В то время как иранская делегация безуспешно обивала пороги Версальского дворца, Англия вела тайные переговоры с правительством Восуг-эд-Доуле.

Основой для переговоров, которые от имени английского правительства вел посол Перси Кокс, служила программа, утвержденная Восточным комитетом Военного кабинета Великобритании 30 декабря 1918 г. Автор программы лорд Керзон настаивал на продолжении оккупации Ирана английскими войсками²⁹. Иранское правительство следует заверить, предлагал Керзон, в уважении Англией независимости и неприкосновенности Ирана и согласиться на отмену англо-русской конвенции 1907 г. и тайных соглашений 1915 г. и предложить иранскому правительству английских офицеров для реорганизации армии и финансовых советников. В общем мы должны взять на себя, говорил Керзон, «роль твердого, хотя и либерального протектора»³⁰.

В те дни, когда английские интервенты вместе с иранскими реакционерами организовали налет на остров Ашур-Аде, в Тегеране велись последние приготовления к подписанию англо-иранского соглашения. Соглашение было подписано 9 августа 1919 г. британским послом в Иране Перси Коксом, а от имени иранского правительства — премьер-министром Восуг-эд-Доуле, министром иностранных дел принцем Фирузом Носрет-эд-Доуле и принцем Акбаром Саарем-эд-Доуле.

В статьях соглашения нашли свое отражение основные пункты программы англо-иранских переговоров, изложенной Керзоном на заседании Восточного комитета в декабре 1918 г. и предусматривающей установление английского протектората над Ираном³¹.

Соглашение 1919 г. было направлено не только на закабаление самого Ирана, оно имело еще и совершенно определенную антисоветскую направленность. Англо-иранское соглашение должно было способствовать превращению Ирана в постоянный плацдарм антисоветской интервенции. Статья пятая позволяла Англии использовать иранскую рабочую силу и материальные ресурсы для строительства стратегических дорог, ведущих к границам Советского Союза. Статья третья соглашения разрешала Англии создать необходимую ей армию, которая, будучи под полным контролем британских офицеров, могла бы быть использована как для закрепления позиций англий-

²⁹ H. Nicolson. Curzon. The last phase. London, 1934, p. 132—133.

³⁰ Там же. Никольсон, касаясь мотивов пребывания английских войск в Иране, пишет, что после окончания мировой войны оно не могло иметь иной цели, чем «создание в нейтральной стране фронта против Красной России».

³¹ «Agreement between His Britannic Majesty's Government and the Persian Government signed at Teheran. August 9, 1919». London, 1919. Текст основного соглашения и содержание двух писем П. Кокса Восуг-эд-Доуле помещены в сборнике «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях», ч. II. М., 1926, стр. 340—341, № 139. Перед подписанием соглашения английское посольство перевело на текущий счет Восуг-эд-Доуле 200 тыс. туманов, принцу Фирузу — 100 тыс., принцу Акбару — 100 тыс. и 100 тыс. туманов были распределены между другими членами кабинета Восуга. Этот факт считается в Иране вполне доказанным. Хосейн Макки приводит в подтверждение факта подкупа правительства Восуг-эд-Доуле документы. В 1926 г. это же обвинение было выдвинуто против Восуг-эд-Доуле доктором Мохаммедом Мосаддыком на заседании меджлиса. X. Макки. Указ. соч., стр. 99—100, 140.

ского империализма на иранском плацдарме, так и для военных действий против Советской России.

В конце 1919 г. в соответствии с условиями соглашения была создана смешанная англо-иранская военная комиссия под руководством генерала Диксона³². Комиссия разработала программу мероприятий по реорганизации (под контролем английских офицеров) и увеличению численности иранской армии, строительству военных и военно-воздушных баз в северных районах Ирана и военно-морских баз на иранском побережье Каспийского моря.

Английские колонизаторы не ограничились установлением протектората над Ираном. После вывода британских войск из Азербайджана и Грузии английские правящие круги изыскивали новые пути экспансии в Закавказье. В осуществлении новых планов экспансии британского империализма в Закавказье серьезную роль должны были играть правящие круги Ирана. В октябре 1919 г. «гостивший» в Англии иранский министр иностранных дел Носрет-эд-Доуле по поручению английского правительства вел переговоры с делегацией мусаватистов. В результате переговоров была создана смешанная ирано-азербайджанская комиссия, которая на заседании 29 октября 1919 г. выработала соглашение о союзе между Ираном и мусаватистским Азербайджаном.

В первых двух статьях соглашения говорилось о «независимости» Азербайджана и об окончательном отделении его от России. По смыслу третьей статьи внешняя политика мусаватистского Азербайджана подчинялась Ирану: оба правительства признали «желательным объединение деятельности персидского и азербайджанского правительств в области внешних дел»³³. В заключительной статье соглашения отмечалось, что «Азербайджанская Республика нуждается в действительной помощи Англии в целях признания независимости Азербайджанской Республики, обеспечения ее от всяких посягательств на ее целостность и независимость и развития ее политических, экономических, культурных и военных сил в том виде, в каком эта помощь оказывается Персии»³⁴.

Иными словами, «помощь» Англии означала установление английского контроля над экономикой, политикой и вооруженными силами Азербайджана или распространение условий англо-иранского соглашения 9 августа 1919 г. на мусаватистский Азербайджан. Во внешнеполитической унии Ирана с Азербайджаном, предусмотренной третьей статьей соглашения, Иран должен был играть руководящую роль.

Для завершения начатых в Лондоне ирано-азербайджанских переговоров была сформирована в Тегеране иранская «чрезвычайная» правительственная делегация во главе с известным реакционером, ставленником Англии Сеид Зия-эд-Дином Таба-Табак. 1 декабря 1919 г. делегация была торжественно встречена в Баку мусаватистскими властями, а в середине декабря в Баку открылась «персидско-азербайджанская конференция», на которой обсуждались вопросы создания ирано-азербайджанской конфедерации под протекторатом Англии³⁵.

Сеид Зия-эд-Дин развил кипучую деятельность по пропаганде в Азербайджане англо-иранского соглашения. К моменту завершения переговоров между иранской делегацией и мусаватистским правительством в бакинских газетах была опубликована большая статья, озаглавленная «Новая эпоха в истории Персии». Автор статьи «чрезвычайный посланник и председатель персидской миссии в Закавказье» Сеид Зия-эд-Дин рекламировал англо-иранское соглашение как «договор свободы и возрождения Персии». В статье даже утверждалось, что благодаря англо-иранскому договору 1919 г.

³² До декабря 1919 г. бригадный генерал Диксон был генеральным инспектором восточноперсидской линии коммуникаций.

³³ «Известия АзГНИИ», Историко-этнографическое и археологическое отд., т. I, вып. 1. Баку, 1930, стр. 87—88.

³⁴ Там же.

³⁵ В прямой связи с планами создания ирано-азербайджанской унии находится и последовавшее в январе 1920 г. официальное признание Верховным Советом союзников независимости мусаватистского Азербайджана (конечно, независимости его от России).

Еще якобы достиг «всех своих сокровенных желаний и вожделений», не предоставив Англии взамен, кроме моральных, никаких выгод...». Статья Сеид Зия-эд-Дина была издана в Баку отдельной брошюрой на азербайджанском и русском языках³⁶. После завершения переговоров с мусаватистским правительством иранская делегация должна была отправиться в Тбилиси и начать с правительством меньшевистской Грузии переговоры о заключении ирано-грузинского союза, аналогичного ирано-азербайджанскому. Однако Сеид Зия-эд-Дину не удалось попасть ни в Грузию, ни вернуться в Азербайджан. Свержение мусаватистского правительства восставшим пролетариатом Баку 28 апреля 1920 г., вступление в Баку Красной Армии и восстановление в Азербайджане советской власти свели на нет всю работу иранской агентуры британского империализма.

Успешное наступление Красной Армии в прикаспийских районах и флота на Каспийском море заставило белогвардейцев искать убежища в Северном Иране. В Иранский Азербайджан уходили банды мусаватистов, в Хорасан — разбитые отряды генерала Толстова, Ораз-Сардара и других белогвардейцев. Значительная часть белогвардейских войск из Дагестана, Азербайджана и Закаспия эвакуировалась в Энзели. Там же под защитой англичан нашла прибежище и вся денкишская Каспийская флотилия. Из Северного Ирана англичане рассчитывали в удобный момент возобновить интервенцию в Россию.

Однако уже в мае 1920 г. англичанам пришлось расстаться с энзелийской базой. 18 мая в Энзели высадился десант советских войск, и англичане покинули Энзели и Ршту, оставив в Энзели уведенные белогвардейцами корабли Каспийской флотилии и огромное количество вывезенных ими из России военных материалов.

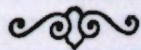
* * *

Изгнанием английских интервентов из Гиляна было положено начало ликвидации английского антисоветского плацдарма в Иране. Весной 1920 г. поднялась волна антиимпериалистических выступлений в Иране, приведших к падению ненавистного народу кабинета Восуг-эд-Доуле. Новое правительство, которое возглавил видный националистический деятель Мушпир-эд-Доуле, отказалось от неблагоприятной политики своего предшественника.

Учитывая заинтересованность всех слоев населения Ирана в установлении дипломатических отношений с Россией и в восстановлении жизненно необходимых для Ирана экономических связей, новый кабинет вступил на путь мирных переговоров. 26 февраля 1921 г. советско-иранские переговоры завершились подписанием договора. Иранское правительство обязалось не допускать пребывания на территории Ирана вооруженных сил враждебных Советской России государств, а Россия по договору получила на будущее время право ввести свои вооруженные силы в Иран для ликвидации угрозы интервенции в случае, если Иран своими собственными силами не сумеет отстоять свою независимость.

RÉSUMÉ

In 1917—1920, Britain organized an armed attack from the territory of Iran, using that country as a base for war against Soviet Russia. That intervention came to grief. The Soviet-Iranian Treaty of 1921 guarantees the security of the Soviet borders, as well as the independence and territorial integrity of Iran.

³⁶ «Азербайджан», 15 апреля 1920 г., № 73. Сеид Зия-эд-Дин Таба-Табак. Новая эпоха в истории Персии и англо-персидский договор. Баку, 1920, стр. 20 и 17. Полный текст статьи Сеид Зия-эд-Дина был опубликован также в виде специального приложения к № 89, выходившей в Тбилиси газеты «Слово».

Большое место «Ат-Тарик» отводит переводам произведений прогрессивных писателей и поэтов: Лу Синя, Назыма Хикмета, Пабло Неруды и других. В журнале публиковались также переводы рассказов и повестей А. М. Горького, М. Шолохова, Л. Леонова, И. Эренбурга, Н. Тихонова, Б. Горбатова и других советских писателей. Среди переводов самое значительное место занимают произведения А. М. Горького. Не случайно сирийский писатель Лиян Дейрани в ответ на анкету журнала «Ат-Тарик» о значении литературы в дни войны писал в 1943 г. в редакцию, что «Мать» Горького — самая любимая книга, ... самая правдивая литература и самое драгоценное, что может создать писатель. В журнале были опубликованы отрывки из романа «Мать», «Песня о буреви́стнике», «Песня о соколе», политический памфлет «С кем вы, мастера культуры?» и другие. В приложении к журналу «Ат-Тарик» напечатана «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, а в самом журнале опубликована повесть К. Симонова «Сражающийся Китай» и многие другие произведения советских писателей.

Борясь за прогрессивную реалистическую литературу, журнал «Ат-Тарик» выступает в последнее время с критическими статьями по вопросам литературы, а также публикует рецензии на отдельные произведения. Высокую оценку дал журнал повести сирийского писателя Ханна Мина «Синие лампы», вышедшей в Бейруте в конце 1954 г., а также большому роману египетского писателя Аш-Шаркави «Земля». Оба произведения, как правильно отмечает «Ат-Тарик», являются крупной победой прогрессивной реалистической арабской литературы. Немалое влияние на развитие реалистического направления в литературе Сирии, Ливана и других арабских стран оказали печатавшиеся в журнале статьи советских писателей и литературоведов по вопросам теории литературы.

* * *

Прошло пятнадцать лет со дня основания журнала «Ат-Тарик». Тяжелым и тернистым был его путь, ибо всегда справедливыми и гуманистическими были его устремления. Реакционные круги Ливана не раз подвергали преследованиям честных патриотов — сотрудников журнала во главе с бессменным его издателем — крупным общественным деятелем Антуаном Табетом. Всего лишь на три месяца в 1951 г. ливанским властям удалось закрыть «Ат-Тарик», но сила общественного мнения победила, и журнал начал выходить вновь. Многочисленные сборы средств среди читателей не раз спасали журнал от экономических мер преследования со стороны реакционных властей.

Журнал «Ат-Тарик» немало сделал для успеха борьбы арабских народов с фашизмом, их борьбы за мир и независимость. Он неуклонно продолжает выполнять свою благородную миссию и в настоящее время. Журнал решительно поддерживал действия Египетского правительства, национализировавшего Компанию Суэцкого канала. «Ат-Тарик» и впредь, несомненно, будет в авангарде борцов за лучшие идеалы свободолюбивого арабского народа.

RÉSUMÉ

The «At-Tarik» was called into existence fifteen years ago as the organ of the Syrian Lebanese League against Fascism, which was founded by the well-known Lebanese author Omar Fakhuri. A truly inestimable service was rendered by the magazine in the struggle against Hitlerism and fascist agencies in the countries of the Arab East, as well as in the struggle of the Arab countries for independence, against imperialist slavery, for the withdrawal of foreign troops from Syria, the Lebanon and Egypt.

From the very outset the «At-Tarik» has been working for friendship with the Soviet Union, recognizing it as a reliable defender of the small nations. Its activities on behalf of the cause of peace among nations gained the «At-Tarik» an award of the Gold Medal of Peace.

РЕФЕРИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ

В. А. РУБИН

В ноябре 1952 г., по постановлению Президиума АН СССР, при Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН) в Москве и Библиотеке Академии наук (БАН) в Ленинграде были созданы группы китаистов, которые приступили к реферированию китайской литературы по общественным наукам. В сборниках «Современная китайская литература по общественным наукам» печатаются рефераты, обзоры и списки поступивших из Китая книг по гуманитарным наукам. С января 1953 г. по декабрь 1955 г. сборники выходили ежеквартально, а с января 1956 г. выходят раз в два месяца. Они рассылаются по институтам Академии наук, библиотекам, издательствам и другим учреждениям.

Из 190 материалов, напечатанных в сборниках в 1953—1955 гг., 169 (т. е. 88%) представляют собой рефераты на книги. Они, следовательно, являются основным источником информации. Особенно серьезное внимание в рефератах обращается на те главы, в которых содержатся сведения, не известные еще из имеющейся на русском языке литературы.

В реферативных сборниках используются различные виды информации: тематические обзоры, обзоры номеров журналов и рефераты на отдельные статьи. Эта работа приобретает большое значение в связи с основанием в 1954—1955 гг. таких новых научных органов, как 歷史研究 («Исторические исследования»), 經濟研究 («Экономические исследования»), 哲學研究 («Философские исследования»), 近代史資料 («Материалы по новой истории»). В 1953 г. был помещен один обзор статей, в 1954 г. — семь, а в 1955 г. было напечатано тринадцать информационных материалов, характеризующих научные журналы.

Для освещения печатаемой в журналах литературы в реферативных сборниках чаще всего применяются тематические обзоры. Эта форма дает возможность сконцентрировать внимание на основных проблемах, занимающих китайских ученых, и показывать, какие взгляды высказываются при обсуждении этих проблем и в каких направлениях развивается дискуссия. Обзоры номеров журналов призваны дать читателю представление об основных установках и целях выходящих журналов, о характере помещаемых в них материалов. Таковы обзоры первых номеров журналов «Исследования истории» (№ 7)¹ и «Материалы по новой истории» (№ 8).

Следует остановиться и на таком специфическом виде информации, как обзор обсуждений отдельных книг в печати. До сих пор было помещено два таких обзора [обсуждения первого тома исправленного и дополненного издания «Краткого курса истории Китая» Фань Вэнь-ланя (№ 9) и «Общего курса истории Китая» под редакцией Шан Юэ (№ 12)]. Рассказывая об отклике китайской научной общественности на от-

¹ Реферативные сборники имеют сплошную нумерацию. В скобках мы ссылаемся на номера сборников.

дельные труды, обзоры показывают читателю, какие вопросы привлекли внимание китайских ученых, что в этих книгах они считают передовым и что отсталым.

В качестве приложения в сборниках даются списки поступивших в БАН и ФБОН книг. В 1953—1955 гг. в этих списках зарегистрировано 740 книг. С начала 1955 г. референты расписывают статьи из журналов 科學通報 («Вестник науки»), 新建設 («Новое строительство»), 學習 («Учеба»), 歷史研究 («Исследование истории»), 近代史資料 («Материалы по новой истории»), 中國語文 («Китайский язык»), 文史哲 («Литература, история, философия») и 經濟研究 («Исследование экономики»). Списки статей этих журналов помещаются в приложениях вместе со списком книг. В отдельных случаях даются тематические списки статей и за предшествующие годы. Так, в восьмом номере помещен список статей по вопросам реформы китайской письменности из журнала «Китайский язык» за 1952—1954 гг.

Ведущее место среди реферируемой литературы занимает историография. В сборниках нашли отражение также такие крупные труды в области древней истории, как книги Го Мо-жо «Эпоха рабовладения» (№ 3) и «Бронзовый век» (№ 7), «История древнекитайского общества» Хоу Вай-лу (№ 3), первые два тома «Курса истории Китая» Цзянь Бо-цзяня (№ 3, 12) и уже упомянутый первый том исправленного и дополненного издания «Краткого курса истории Китая» Фань Вэнь-лани (№ 5). Изложение точек зрения, которые проводятся в этих книгах, дает возможность составить достаточно полное представление о взглядах, существующих в китайской науке на проблемы древней истории Китая.

В области изучения средневекового Китая в настоящее время наибольший интерес китайских ученых привлекает история крестьянских восстаний. В рефератах отражается эта сторона деятельности китайских историков. В четырнадцатом номере помещен реферат на «Сборник статей по истории крестьянских войн в Китае» Чжао Лянь-ша и Гао Шао-и, в шестнадцатом — на составленный редакцией журнала «Преподавание истории» «Сборник статей о крестьянских восстаниях в Китае». Освещаются и другие работы по истории средних веков. Назовем, например, книгу Тан Чан-жу «Очерки по истории Китая при династиях Вэй, Цзинь и в эпоху Северных и Южных династий» (№ 14) и труд Ян Чжицзю «Очерк истории Суй, Тан и Пяти династий» (№ 16).

Рефераты отражают также большую работу по изучению новой истории Китая, которую проводят китайские историки. Наряду с трудами [т. I «Новой истории Китая» Фань Вэнь-лани (№ 2), книги Лю Эр-гана «Материалы по истории Тайпинского государства» (№ 2), «Сборник материалов по разоблачению фальсификации истории Тайпинского государства» (№ 8), «Тайпинский идеал государства» (№ 6) и т. д.], в сборниках систематически освещаются многочисленные собрания документальных материалов, издаваемые Обществом по изучению истории Китая и посвященные революционным выступлениям китайского народа, а также основным этапам его национально-освободительной борьбы на протяжении XIX — начала XX вв.: во втором номере помещено обозрение сборника «Восстание Ихэтуань», в четвертом и пятом — собрания материалов по истории восстаний мусульманских народов, в пятом — «Тайпинского государства», в шестом — «Восстания няньцзюнь», в седьмом сборнике помещен реферат о конституционных реформах 1898 г.

В сборниках помещены обзоры статей по проблеме периодизации новой истории Китая. Дискуссия на эту тему развернулась после появления статьи Ху Шэна в первом номере журнала «Исследование истории» за 1954 г. (№ 7).

Оживленные споры среди китайских историков вызвала проблема образования китайской нации. Помещены рефераты на статью Фань Вэнь-лани, посвященную этому вопросу и напечатанную в третьем номере журнала «Исследование истории» за 1954 г. (№ 9), а также на статью Цзэн Вэнь-цзиня (№ 11), напечатанную в первом номере этого же журнала за 1955 г., в которой автор полемизирует со взглядами Фань Вэнь-лани.

Реферирование китайской литературы по гуманитарным наукам расширяется из года в год. В 1954 г. в сборниках было помещено 56 материалов, в 1955 г. — 77, в первую половину 1956 г. — 48 материалов.

ОБЩЕСТВО «МОКУЭКАЙ» И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ЯПОНИИ

С. С. ВУЛАТОВ

Передовые деятели японской культуры стремятся широко ознакомить свой народ со всем прогрессивным, что имеется в национальной науке, литературе, искусстве, а также с лучшими достижениями в области культуры других народов.

Огромное значение в этом большом и благородном деле имеет книга. Многие демократические издательства Японии печатают переводы трудов классиков марксизма-ленинизма, произведения прогрессивных японских, советских, а также других зарубежных авторов.

Видную роль в издании всей этой литературы играет общество «Мокуэкай» (木口會), возникшее в июне 1952 г. в Токио. Общество ставит своей целью содействовать борьбе за свободу и независимость Японии, борьбе за мир. Оно объединяет несколько независимых друг от друга издательств, координирует их деятельность и распространяет издаваемую ими литературу. В 1955 г. к Обществу примыкало 19 японских издательств: Аоки сётэн (青木書店) и ряд других; 18 из них находятся в Токио и одно — в Киото. Тесно примыкают к нему, хотя и не являются его членами, еще девять издательств — «Издательский комитет Токийского университета» [Токе дайгаку сэнпанкай (東京大學出版會)], издательство «Народная библиотека» [Кокумин бункося (國民文庫社)] и другие.

Общество «Мокуэкай» поддерживает тесные связи с различными демократическими организациями страны: с Ассоциацией демократических ученых Японии, Обществом японо-советской дружбы, Обществом изучающих СССР, Японо-советской библиотекой, Обществом японо-китайской дружбы и другими прогрессивными культурно-просветительными учреждениями.

Книжные магазины многих городов Японии на договорных началах с Обществом распространяют книги, публикуемые его издательствами. Оно издает «Сводный каталог демократических изданий» (民主出版総合圖書目録). Каталог снабжен краткими аннотациями, которые, помимо раскрытия содержания книги, дают некоторые сведения и об ее авторе.

Судя по каталогу, Общество распространяет книги в основном по гуманитарным наукам, а также художественные произведения. Политическая, научная и другая литература представлена следующими изданиями:

Произведениями классиков марксизма-ленинизма — собрания сочинений, избранные произведения и отдельные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина; работами руководителей Коммунистической партии Советского Союза и советского государства.

Произведениями политических и государственных деятелей стран народной демократии (Мао Цзэ-дун, Ким Ир Сен, Лю Шао-ци, Г. Димитров, В. Пик), руководителей братских коммунистических и рабочих партий капиталистических стран (М. Торез, Ж. Дюкло, У. Фостер, Г. Поллит, П. Тольятти).

Работами русских дореволюционных и советских ученых, деятелей искусств. Здесь следует отметить перевод «Учебника политической экономии», работ М. М. Розенталя, Ф. В. Константинова (по философии); А. С. Макаренко, И. Т. Огородникова и П. Н. Шимбирева (по педагогике); А. М. Горького, Н. Островского, В. Маяковского, И. Эренбурга, К. Симонова (по литературоведению); трудов К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина, В. Р. Вильямса, А. И. Опарина, И. Е. Глущенко; К. С. Станиславского, В. И. Качалова, С. В. Образцова, В. И. Пудовкина (по искусству); художественных произведений М. Горького, А. Толстого, К. Федина, Н. Фурманова, А. Фадеева, Б. Горбатова, Б. Полевого и других.

Трудами Общества по распространению политических и научных знаний СССР и отдельными статьями из второго издания Большой советской энциклопедии.

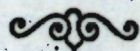
Произведениями ученых и писателей стран народной демократии. В основном это труды ученых Китайской Народной Республики: Го Мо-жо и Ху Хуа (по истории); Ай Сы-ци (по философии); Лу Сянь, Чжоу Яна, Мао Дуня (по теории литературы); художественные произведения Мао Дуня, Ба Цзиня. Есть также переводы книг А. Зегерс и других писателей и поэтов.

Трудами передовых, демократических ученых и художественными произведениями прогрессивных писателей зарубежных капиталистических стран: У. Фостера, П. Датта (по истории); Ж. Полицера, Х. Селзама (по философии); Р. Роллана (по литературоведению); А. Мортонна, Д. Файва (по естествознанию); Ж. Лаффита, Л. Арагона, А. Стиля, П. Элюара, П. Неруда, Г. Фаста (художественные произведения).

Наряду с этим издательства Общества «Мокуёкай» публикуют большое количество произведений японской прогрессивной, демократической литературы, работы руководителей коммунистической партии и рабочего движения Японии (Катаяма Сэн, Итикава Сёити, Токуда Кюити). Изданы материалы Коммунистической партии Японии (в двух томах), выпущенные к ее 30-летию. К юбилею центрального органа ЦК КПЯ «Анахата» выпущен в четырех томах альбом подпольного издания «Анахата» — «Сэки». Кроме того, опубликованы документы и материалы прогрессивных рабочих, крестьянских и молодежных организаций Японии: «Теория мирной экономики Японии» — программный документ Генерального совета профсоюзов Японии (Соха); сборник стихов «Голос железных дорог», составленный культотделом профсоюза государственных железных дорог.

Большое место в изданиях Общества занимают работы японских ученых — коммунистов и членов Ассоциации демократических ученых Японии, посвященные проблемам науки и культуры Японии, зарубежных стран, а также произведения писателей-коммунистов и членов общества «Новая японская литература». Выпущены в свет труды Норо Эйтаро и Хирано Еситаро — по экономике и истории; Токунага Сунао и Ватанабэ Дзюндзо — по философии; Кикутти Кэити, Еспока Кэити и Токуда Митоси — по агробиологии и генетике; работы Кубаяси Такидзи, Цубои Сигэдзи, Курахара Корахито, Токунага Сунао — по теории литературы и их художественные произведения.

Деятельность общества «Мокуёкай» имеет большое значение в воспитании сознательности народных масс Японии и для развития культурных связей и дружбы между народами. В частности, деятельность Общества способствует дальнейшему укреплению культурных связей между народами Советского Союза и Японии.

ПЕРВЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В ИРАНЕ

В. Н. ЗАХОДЕР

Настоятельная потребность в создании библиографического органа ощущается в Иране давно. Попытка создать иранскую библиографию была сделана два года назад тегеранским филологом и библиографом Иредж Афшаром, составившим реестр вышедшей печатной продукции за 1332 г. иранского летосчисления, т. е. с марта 1953 по март 1954 г. Реестр этот был выпущен автором под названием «Библиография Ирана» (کتابشناسی ایران) и по справедливости должен считаться одной из первых систематических библиографий в иранской литературе.

Осенью прошлого года в Тегеране появился новый периодический орган, содержание которого не может не привлечь внимания всех интересующихся современной иранской книгой. Орган этот, именующийся «Книги за месяц» (کتابهای ماه), выпускается Обществом книгоиздателей (انجمن ناشرین کتاب) и предназначен к бесплатному распространению среди любителей книг. В нашем распоряжении находятся пять номеров этого интересного издания: № 1 — месяца шахривар 1334 г. (23 августа — 22 сентября 1955 г.); № 2 месяца мехр и абан 1334 г. (23 сентября — 21 ноября 1955 г.); № 3 — месяца дей и бахман 1334 г. (22 декабря 1955 г. — 19 февраля 1956 г.); № 4 месяца эсфенд 1334 г. (20 февраля — 20 марта 1956 г.) и, наконец, № 5 — месяца фарвардин 1335 г. (21 марта — 20 апреля 1956 г.).

Задуманный с самого начала в качестве бюллетеня, предназначенного содействовать книготорговле, журнал уделяет достаточно много места рекламе вновь изданных и предполагаемых к изданию книг. Но, несмотря на такой практически-торговый характер, вряд ли было бы правильным оценивать новый журнал только с этих позиций.

Родина одной из самых древних письменностей на Востоке — Иран и по сегодня не утратил остроты любви к письменному слову. Наряду со статьями любителей книг, в первых номерах журнала введены специальные разделы, где собраны высказывания о книге представителей литературы и науки различных стран и народов, — во втором номере среди этих высказываний имеется высказывание М. Горького. Журнал объявил конкурс на лучшее стихотворение о книге.

Торговый интерес издателей и широкие культурные потребности иранского читателя не всегда гармонически сочетаются в журнале. Рецензируемый журнал не представляет собой органа, в котором все уже устоялось, приобрело законные традиционные формы. Журнал находится в поисках этих форм. Если первые номера представляют собой в значительной части собрание преysкурантов отдельных издательских фирм, то начиная с третьего номера делается попытка придать журналу более строгий в структурном отношении характер. С этого номера содержание журнала делится на три раздела (بخش): 1) тематический каталог книг, вышедших за месяц; 2) аннотированный преysкурант отдельных издательств; 3) книжная хроника, или книжная летопись (اد کتاب). Четвертого номера открывается в журнале специальный критический раздел.

بحث وانتقاد خوانندگان). В том же номере начато печатание руководства «Как читать книгу». В пятом номере открыт раздел, который мы назвали бы «Трибуна читателя». От номера к номеру рекламы на книги уступают место подробным критическим разборам, появляются общие заметки о текущей литературе, задачах издательства и т. д. Журнал обнаруживает тенденции роста, стремления превратиться в журнал научной библиографии. Для советского читателя рецензируемый журнал представляет несомненный интерес, потому что дает возможность ближе узнать такую интересную страницу современной иранской культурной жизни, как книгоиздательская деятельность и книжный рынок. Интерес к этому рода деятельности не пов в советской иранистике. Живший в Иране в 1925—1926 гг. известный советский иранист Ю. Н. Марр составил в 1927 г., по личным впечатлениям, обстоятельную статью о типографиях современного Ирана¹.

Согласно опубликованной в пятом номере журнала статье «Книга в прошлом году», в Иране в 1334 г. иранского летосчисления (что соответствует марту 1955 г. — марту 1956 г.), вышло около полутора тысяч названий новых книг. Большую часть этой продукции составляют иностранные романы, в первую очередь американо-английские, затем французские, на четвертом месте находятся переводы русских классиков. Среди изданных произведений персидской литературы особым успехом пользуется классическая поэзия на персидском языке; среди деятелей «Новой поэзии» (شعر نو) особым успехом пользовались Форуз Фаррох-заде, собрание стихов которой под общим названием «Пленики» (اسیر) в продолжение двух месяцев выдержало два издания, и Носратуллах Рахмани, также двоекратно переиздававшийся в течение короткого времени.

В этом же номере журнала (стр. 211) коротко сообщается о премиях за лучшие книги. Таких премий установлено несколько, из них наиболее крупные (трех разрядов) были установлены шахским двором, так называемые جوایز دربار или جوایز سلطنتی. Лауреаты этой премии получают лично от шаха премию и особый сертификат-указ (دستخط). Кроме того, были установлены премии журнала «Слово» (سخن). Министерство юстиции решило также премировать лучшие книги по юридическим наукам. Согласно списку, опубликованному на страницах рецензируемого журнала, в настоящее время в Тегеране насчитывается до десятка издательских фирм; каждое издательство занято одновременно и книготорговлей. В издательских книжных магазинах продаются книги самого разнообразного содержания; наряду с новыми книгами богато представлены старые литографии и даже рукописи, рядом с местными изданиями — европейские. Впрочем, для последних имеются и специальные книжные магазины, из них французскими книгами торгует один магазин, английскими — четыре, немецкими — один магазин.

«Книги за месяц» приводят краткие истории двух старинных издательских предприятий. Первое из них, называемое «Лига, или клуб образованности» «Ма'рефат», было основано в Ширазе Мохаммедом Таги. Название фирмы «Ма'рефат» («Образованность», или «Просвещение»), сообщает та же заметка, было выбрано издателем на основании широко распространенного и по настоящее время в Иране гадания по стихам Хафеза. Избранное для фирмы название стало формальным прозвищем владельцев издательства. Имевшись по началу ширазским предприятием, фирма полтора десятка лет тому назад перенесла центр своей деятельности в Тегеран. В настоящее время владельцами фирмы в Тегеране и Ширазе являются сыновья упомянутого выше Мохаммеда Таги — Хасан и Хусейн Ма'рефат. Другая издательская фирма, описанная на страницах рецензируемого журнала, принадлежит семейству Эгбаль и насчитывает более полсотни лет своей издательской и книготорговой деятельности. Издательство, принадлежащее в настоящее время двум сыновьям Хаджи Мохаммеда Хосейн Эгбаль — Джаваду и Джафару, широко известно своими изданиями классической литературы на персидском языке, книг религиозного содержания и ежегодников - календарей.

¹ Ю. Н. Марр. Статьи и сообщения, т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 270—285.

Тематический перечень книг, изданных за месяц (فهرست موضوعی کتابهای ماه), делит иранскую книжную продукцию на следующие разделы: 1) Книги общего характера (کتابهای عمومی و کلی), этот раздел содержит рубрики «Библиотечковедение, библиография» и «Словари, энциклопедии»; 2) Философия; раздел, содержащий рубрики: «Философия», «Логика», «Психология»; 3) Религия; раздел делится на рубрики: «Религиозные вопросы», «Мистика»; 4) Право, политические и общественные науки; раздел содержит рубрики: «Политические проблемы», «Исследования по правовым и административным вопросам», «Экономика» и «Финансы», «Педагогические науки», «Воспитательные-образовательные организации»; 5) Точные науки; 6) Практические знания; 7) Медицина и ветеринария; 8) Литература; раздел делится на рубрики: «История литературы и критики», «Издание старых текстов (поэзия и проза), рассказ и новелла» (داستان و داستان کوتاه), современная поэзия, сатира и юмор, языкознание, грамматика и учебники (دستور زبان); 9) Искусства; 10) История; отдельным разделом выделены переводы иностранной литературы. Приведенная выше рубрикация тематического перечня книг составлена нами по четвертому номеру журнала.

Самый беглый и общий просмотр как приведенных тематических каталогов, так и всего материала журнала «Книги за месяц» показывает значительное разнообразие современной персидской книжной продукции. Издания и переиздания старых поэтических и прозаических текстов составляют сегодня значительную часть книжной продукции. Это уже не литографированные издания, какими отличалась иранская филология в недавнем прошлом, с примечаниями и дополнениями на полях, в подражание старой рукописи. Современные типографские издания находятся на уровне европейской филологической техники. Иранская филология обладает кадрами, прошедшими хорошую европейскую школу, вооруженными соответствующими техническими навыками. Изданные учеными, для которых персидский язык — родной язык, памятники письменности иранского средневековья тегеранского издания становятся таким реальным научным фактом, вне учета которого невозможно в настоящее время вести работу ни по иранской филологии, ни по иранской средневековой истории. Любовь к художественному слову характеризует и современную иранскую культуру. В трех тематических списках, опубликованных в третьем, четвертом и пятом номерах рецензируемого журнала, мы насчитали свыше четырех десятков имен различных писателей и поэтов, журнала, мы насчитали свыше четырех десятков имен различных писателей и поэтов, опубликовавших свои произведения. Лишь немногие из этих имен — М. А. Джамаль-заде, С. Ходайят, Х. Нагмаи и другие — относятся к поколению литераторов, уже известных многими опубликованными произведениями, большинство встреченных нами имен принадлежит более молодым деятелям современной иранской прозы и поэзии.

Другой чертой этой книжной продукции является просветительство, ведущее свое происхождение еще от XIX столетия. Иранские издательства охотно предоставляют место для издания переводов с различных языков на персидский язык книг научного и литературно-художественного содержания. Нельзя, конечно, не приветствовать издание переводов лучших произведений европейской литературы. Для нас, советских людей, особенно приятно издание в персидском переводе многих сочинений русских великих писателей — А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Горького. В числе переводов на персидский язык произведений научной литературы мы не нашли, к сожалению, ни одного перевода с русского, что, на наш взгляд, является совершенно очевидной лакуной в иранской издательской деятельности.

Наконец, последнее, что можно отметить в суммарной характеристике иранской книжной продукции: иранский книжный рынок оказался не свободным от вредных для культуры и требований прогресса влияний. Мы имеем в виду издание полицейских и порнографических романов и тому подобной литературы. Насколько все это чуждо самому духу старинной иранской культуры, говорить не приходится. Будем надеяться, что эти неземные вредные влияния — явление временное в издательском деле в Иране. Иранской литературе есть что хранить и что развивать, исходя из собственных национальных интересов.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ АЛФАВИТОВ В СССР

Ш. САРЫБАЕВ

В статье А. К. Боровкова «К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР», напечатанной в четвертом номере журнала «Советское востоковедение» за 1956 г., поднят очень важный вопрос, который требует безотлагательного решения. Автор статьи правильно указывает на недопустимость использования разных букв для обозначения одинаковых по природе звуков в тюркских языках.

Как известно, практика отказа от дополнительных букв не оправдала себя. Об этом свидетельствует обнародование алфавитов каракалпакского и киргизского языков. Теперь на повестке дня стоит вопрос об унификации знаков, выражающих специфические звуки тюркских языков. В результате того, что при разработке тюркских алфавитов на основе русской графики не было достаточной согласованности, большинство одинаковых специфических звуков тюркских языков в алфавитах стали обозначаться различно, причем количество вариантов графического изображения одного и того же звука иногда достигает трех-четырех. Например, для аффрикативного ж (дж) существуют изображения: җ (азерб.), җ (уйгур., туркм., татар.), җ (хакас.). Для обозначения заднеязычного носового согласного существуют изображения ң (казах., кирг., уйгур., башк., тувин., каракалп., татар.), ң (хакас.), ң (алт.) и т. д.

Все это затрудняет чтение литературы на родственных языках и создает неудобства в полиграфической практике. Таким образом, предложение А. К. Боровкова об унификации специфических знаков весьма своевременно, но с некоторыми его предложениями трудно согласиться. В первую очередь это касается предложения относительно введения диакритических знаков. Вот что пишет А. К. Боровков по этому поводу: «Принятие в настоящее время диакритические знаки, связанные с буквами, — вертикальные и горизонтальные черточки и «хвостики» — во всех отношениях неудобны, однако здесь же предлагает начертания — Җ, Җ, Җ и т. д., которые снабжены теми же неудобными вертикальными и горизонтальными черточками. Неудобство предлагаемых А. К. Боровковым знаков будет особенно ощутимо при слитном написании, где диакритические знаки едва уловимы.

Нам кажется, не следует заново создавать графемы для обозначения специфических звуков. Тюркские алфавиты богаты знаками, нужно только умело выбрать один из всех имеющихся вариантов. При этом необходимо учитывать распространенность того или иного знака в тюркских алфавитах, в первую очередь имея в виду его удобство. Например, если в алфавитах большинства тюркских языков для обозначения губно-губного 0 (ö) принят знак 0 (кирг., якутск., уйгур., башк., тувин., татар.), то нет смысла переходить на начертание 0̇ (хакас., алт.). К тому же передача 0̇ через 0, а 0̇ через 0̇ при письме неудобна: несвязанные диакритические знаки задерживают, тормозят письмо.

Из всех знаков, которыми передается заднеязычный носовой звук, следовало бы отдать предпочтение распространенному во многих тюркских алфавитах знаку ң.

гораздо удобнее, чем хакасская диграмма ңь. А для обозначения глубокозаднего Җ из существующих знаков Җ (казах., хакас., уйгур.), Җ (якутск.) целесообразнее принять Җ как наиболее распространенную графему. Одним словом, при передаче заднеязычных согласных следует использовать «хвостики» — Җ (вместо Җ, Җ), Җ (вместо Җ, Җ), Җ (вместо Җ).

Несколько слов о знаке Һ. Как известно, этой буквой в казахском языке обозначается глухой гортанный спирант. Этот звук в исконно казахских словах не встречается, в международных терминах и советизмах его вовсе нет. В большинстве случаев он присутствует в словах арабского и персидского происхождения, причем слов с этим звуком немного (около 10—15). Поэтому знак Һ можно безболезненно изъять из казахского алфавита, передав его функцию букве Җ, в крайнем случае, его можно заменить начертанием Җ, как это принято в узбекском языке.

Следует также унифицировать порядок расположения букв в алфавите. В одних тюркских алфавитах (казах., татар., уйгур. и др.) знаки специфических звуков расположены в конце русского алфавита, в других (алт., тув., башк., якутск., хакас., кирг. и др.) специфические буквы расположены после соответствующих букв русского алфавита, но их графическому сходству.

Последний порядок расположения букв нам кажется более правильным, так как алфавит того или иного тюркского языка является национальным и расположение специфических букв в конце алфавита логически не оправдывается. Гораздо целесообразнее включить их в общую систему алфавитного порядка и расположить эти специфические знаки рядом с графически близкими знаками русского алфавита, например: Җ—Җ, Җ—Җ, Җ—Җ и т. д.

Вопрос о дополнительных буквах к русскому алфавиту требует самого детального, всестороннего обсуждения. В этом вопросе необходима согласованность. Поэтому прежде чем передавать его на рассмотрение Совета Национальностей Верховного Совета СССР, нам кажется, необходимо созвать координационное совещание по унификации тюркских алфавитов, инициативу по созыву которого должен взять на себя сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР.

RÉSUMÉ

This contribution is a response to A. K. Borovkov's article («Sovietskoye Vostokovedenie» 4, 1956) which brought up for discussion the need of unifying the Turkic alphabets in the USSR. Considering that A. K. Borovkov's unification proposal is quite timely, the author of the article makes concrete suggestions. He sees no need for inventing new graphemes for indicating specific sounds in the Turkic languages, saying that any of the existing system of signs will do. The main criterion for the choice should be the convenience in writing and the widespread use of the sign.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ БОРЬБЕ ЕГИПТА ПРОТИВ АГРЕССОРОВ

В Институте востоковедения Академии наук СССР 3 декабря 1956 г. состоялось заседание Ученого совета, посвященное борьбе египетского народа против империалистической агрессии, за независимость и мир. На заседании присутствовали ученые Москвы, студенты, представители печати, радио. На сессию прибыли дипломатические представители арабских стран, аккредитованные в СССР: чрезвычайный и полномочный посол Египетской республики Мухаммад аль-Куни, чрезвычайный и полномочный посол Сирийской республики Джемааль ад-Дин Фарра, чрезвычайный и полномочный посол республики Судан Мухаммад Хамад ан-Нил, временный поверенный в делах Ливанской республики Ихсан Марраш и ответственные сотрудники посольств арабских стран.

В краткой вступительной речи директор Института д-р исторических наук В. Г. Гафуров от имени присутствующих выразил сочувствие героическому египетскому народу, борющемуся за независимость, свободу и мир.

Доклад проф. Е. А. Беляева «Египет в борьбе за независимость» был посвящен истории движения египетского народа против колониализма, за укрепление независимости страны. Докладчик охарактеризовал основные этапы освободительной борьбы народа Египта: отражение французской агрессии в конце XVIII в., борьбу против английского вторжения в 1807 г., восстание против иностранного засилья в 1881 г., восстание 1919 г. и т. д. Он подчеркнул, что в условиях свободного независимого развития, как об этом свидетельствует вся история страны, египетский народ достигал больших успехов во всех областях экономики и культуры. Агрессия Англии, Франции и Израиля, нарушившая мирный труд египетского народа, сказал далее Е. А. Беляев, встретила суровое осуждение мировой общественности. «Мы, — заявил он, — твердо верим в окончательное торжество египетского народа, который неоднократно наносил поражение агрессорам и захватчикам».

Канд. ист. наук. А. Ф. Султанов в своем докладе «Новый Египет» осветил те сдвиги, которые произошли в Египте после революции 1952 г. и установления в стране республиканского строя. Египетская революция ликвидировала власть земельной аристократии, проведен ряд мероприятий, направленных на ликвидацию экономической отсталости страны, развернулось строительство предприятий тяжелой промышленности, дорог и т. д., проводится земельная реформа, в соответствии с которой среди безземельных и малоземельных феллахов распределяют земли помещиков. Значительно расширена сеть просветительных учреждений и больниц. Египет после революции взял твердый курс на упрочение своей национальной независимости. Одним из важнейших мероприятий была национализация компании Суэцкого канала. Надежды агрессоров при помощи силы восстановить свои привилегии в Египте и на всем Ближнем Востоке не оправдались. Перед лицом агрессии еще более укрепилась решимость народов Востока ликвидировать остатки колониализма.

Вопросу древней египетской культуры и ее значения для мировой цивилизации был посвящен доклад проф. В. И. Айдиева. Докладчик указал, что в Египте возникли первые формы алфавитного письма, которые оказали заметное влияние на создание финикийского, а через посредство последнего — греческого алфавита, легшего в основу современной европейской системы письма. Большое значение для развития мировой культуры имели достижения древнего Египта в области математики, астрономии, техники, медицины, искусства и других отраслей знания. Докладчик подробно остановился на изучении культуры древнего Египта в России. Работы видных русских ученых В. С. Голенищева, Б. А. Тураева и других получили всемирное признание. Глубокий интерес советских людей к культуре древнего Египта содействует укреплению дружбы между СССР и Египтом.

Канд. эконом. наук И. П. Беляев осветил в своем докладе солидарность народов арабских стран в борьбе против империализма. Политика египетского правительства, его выступление против Багдадского пакта и национализация компании Суэцкого канала встретили одобрение всех арабских народов. Народы арабских стран заявили о своей полной поддержке Египта в его борьбе против агрессии Англии, Франции и Израиля. Правительства арабских стран оказали Египту моральную и материальную поддержку. Тысячи патриотов из арабских стран заявили о своей готовности вступить в ряды добровольцев. Крепнущая солидарность арабских народов указывает на полный провал империалистической политики «разделяй и властвуй», направленной на сохранение в арабских странах колониальных порядков. Рост и укрепление этой солидарности являются залогом дальнейших успехов арабских народов в их борьбе против колониализма.

С краткой речью выступил тепло встреченный присутствующими посол Египетской республики Мухаммад аль-Куни, который от имени дипломатических представителей арабских стран выразил глубокое удовлетворение созывом научной сессии, посвященной борьбе египетского народа. «Я хочу поблагодарить докладчиков за те ценные высказывания, — заявил аль-Куни, — которые мы выслушали, и за те теплые слова, которые были сказаны в адрес Египта, за то ценное исследование истории народов Востока, которое имеется в их докладах». Мухаммад аль-Куни заявил, что огромная помощь, оказываемая Советским Союзом народу Египта, является выражением принципов политики СССР, который выступает за свободу и независимость народов, за невмешательство во внутренние дела других государств и оказывает поддержку народам в их борьбе за независимость. Политика Советского Союза, указал аль-Куни, вызывает глубокую признательность египетского народа. «В эти трудные исторические дни, которые переживает Египет, египетский народ узнал своих подлинных друзей в лице Советского Союза». Все арабские народы едины с народом Египта и в своей борьбе против империализма и в своей любви к Советскому Союзу, в своем стремлении укрепить дружеские связи с советским народом. В заключение посол поблагодарил присутствующих за дружеские чувства к египетскому народу и пожелал дальнейших успехов в работе советских ученых в области изучения арабских стран и укрепления дружбы между советскими и арабскими народами.

Заседание Ученого Совета прошло в атмосфере искреннего сочувствия и уважения к египетскому народу. Присутствующие неоднократно поддерживали аплодисментами высказывания докладчиков о симпатии к арабским народам, о желании советских людей крепить дружеские связи с арабскими народами.

Некоторые доклады были прочитаны на арабском языке.

ДЕВЯТАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ БИРМЫ

3 января 1957 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института востоковедения Академии наук СССР совместно со Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей в честь девятой годовщины со дня провозглашения независимости Бирмы.

Во вступительном слове директор Института д-р исторических наук Б. Г. Гафуров подчеркнул ценный вклад правительства и народов Бирмы в дело мира во всем мире, в дело борьбы против колониализма, за независимость и свободу всех народов. Он рассказал далее о симпатиях, которые питают народы Советского Союза к народам Бирмы, и о плодотворном сотрудничестве между двумя странами, основанном на взаимной выгоде, равноправии и уважении суверенитета каждой страны. Это сотрудничество укрепилось особенно после пребывания г-на У Ну в СССР в октябре 1955 г. и ответного визита в Бирму руководителей Советского Союза Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Свое выступление Б. Г. Гафуров закончил здравицей в честь бирмано-советской дружбы и от имени всех присутствующих горячо приветствовал находившегося на заседании Чрезвычайного и Полномочного Посла Бирманского Союза в СССР г-на У Чин.

С кратким содержательным докладом о героической борьбе бирманского народа против английских захватчиков выступил д-р ист. наук И. М. Рейснер. Он особо отметил, что передовые русские люди всегда с глубокой симпатией и сочувствием относились к освободительной борьбе бирманского народа. В частности, он остановился на высказываниях видного русского востоковеда второй половины XIX в. И. П. Миллера, который в своих замечательных дневниках дал яркую и правдивую картину колониального разбоя и вторжения пресловутой британской цивилизации в Бирму в 1885—1886 гг. И. М. Рейснер рассказал собравшимся о научных проблемах, над решением которых работают советские востоковеды, занимающиеся изучением Бирмы.

В своих выступлениях председатель Советского Комитета сторонников мира Н. С. Тихонов и канд. хим. наук Д. А. Кузнецов поделились с присутствующими личными впечатлениями о посещении ими Бирмы.

Затем слово было предоставлено Чрезвычайному и Полномочному Послу Бирманского Союза в СССР г-ну У Чин.

В кратком слове, остроумном по форме и глубоком по содержанию, посол поблагодарил от имени Бирманского правительства Институт востоковедения АН СССР и ВОКС за организацию данного заседания. Господин У Чин рассказал об успехах достигнутых бирманским народом за годы независимости. Он коснулся также и трудностей в строительстве новой Бирмы. Страстным желанием бирманского народа, сказал далее посол, является мир во всем мире. Народ Бирмы верит, что мирное существование и международное сотрудничество являются единственной основой, на которой должны строиться отношения между странами, и правительство Бирмы придерживается этой мирной политики. Затем он остановился на развитии культурных и экономических связей между СССР и Бирмой, подчеркнув непрерывное расширение этих связей.

Свое выступление г-н У Чин закончил здравицей в честь независимой Бирмы, в честь дальнейшего развития и укрепления советско-бирманской дружбы.

Б. Васильев

СЕДЬМАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ

25 января 1957 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института востоковедения АН СССР, посвященное седьмой годовщине со дня провозглашения Республики Индии. На заседании присутствовали главы дипломатических представительств, а также сотрудники посольств и миссий государств Азии и Африки, участвовавших в Бандунгской конференции. Среди почетных гостей находился Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон.

Заседание открыл кратким вступительным словом директор Института д-р ист. наук Б. Г. Гафуров. Образование республики Индии, отметил он, было завершено в результате героической национально-освободительной борьбы, которую народы Индии вели в течение многих десятилетий. За последние семь лет народы Индии достигли больших успехов в развитии своего хозяйства и национальной культуры. Советские люди высоко ценят усилия Индии по сохранению и укреплению мира. Б. Г. Гафуров напомнил о незабываемых днях визита Дж. Неру в Советский Союз и ответного посещения Индии Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым.

Советские востоковеды, сказал Б. Г. Гафуров, упорно работают над изучением Индии, а также многовековых культурных и экономических связей между Индией и нашей страной. В 1957 г. намечено, в частности, выпустить в свет три больших сборника: О великом индийском демократе-патриоте Б. Г. Тилаке, К столетию индийского национального восстания 1857—1859 гг. и К десятилетию независимости Индии. Большая работа проводится индологами-филологами.

В заключение Б. Г. Гафуров пожелал народам дружественной Индии новых успехов в развитии экономики и культуры, а также в укреплении независимости своей страны.

Д-р ист. наук И. М. Рейснер выступил с докладом «Свободолюбивые традиции народов Индии в их борьбе за независимость». Подчеркнув, что раздробленность феодальной Индии была главной причиной ее поражения в борьбе с английскими захватчиками, докладчик проследил процесс образования антимпериалистического единства индийского народа. Распространение на все народы Индии колониального гнета после разгрома колонизаторами феодальных государств вызвало мощный взрыв народного сопротивления — Индийское национальное восстание. Отсутствие ясной национальной и демократической программы у восставших и измена, за немногим исключением, их феодальных руководителей определили поражение восстания. И тем не менее это восстание укрепило традиции вооруженной борьбы за независимость, развело ореол непобедимости англичан и расшатало основы колониального режима.

Во второй половине XIX в. в результате развития капитализма в Индии складываются индийский пролетариат и национальная буржуазия. В период революционного подъема 1906—1908 гг. рабочие, ремесленники, передовая часть крестьянства и национальная буржуазия поднимаются на борьбу за национальное освобождение и элементарные гражданские права. Демократическое направление индийского патриотического движения было представлено группой великого индийского патриота Б. Г. Тилака.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап освободительной борьбы народов Индии. Партия индийской буржуазии — Индийский национальный конгресс, превращенный усилиями М. К. Ганди и его соратников из верхушечной организации имущих классов в массовую антимпериалистическую организацию, проводит огромную работу по созданию единого национального фронта под руководством национальной буржуазии.

Разгром агрессивного фашистского блока во второй мировой войне нанес колониализму сокрушительный удар. В новой международной обстановке массовое национально-патриотическое сопротивление во главе с Национальным конгрессом и отдельные вооруженные выступления против колонизаторов заставили последних отступить. С образо-

ванием суверенной Республики Индии в мире появилось новое великое государство, завоевавшее огромный авторитет своей борьбой против колониализма, за мирное существование стран независимо от их общественного и социального устройства.

Канд. ист. наук Н. М. Гольдберг прочел доклад «Русско-индийские связи в XVII в.». Основываясь на материалах, собранных сотрудниками Центрального государственного архива древних актов, докладчик приводит данные о большом объеме торговых операций индийских купцов в Русском государстве. Вопреки установившемуся мнению, что эта торговля получила большое развитие уже в середине XVII в., можно утверждать на основании новых источников, что она достигла подлинного расцвета лишь в последней четверти XVII в. Обосновавшись в Астрахани, индийские купцы взяли в свои руки значительную часть транзитной торговли по Волге и дальше — через Каспий — в Закавказье и Иран. Таможенные документы свидетельствуют, что торговые обороты исчислялись весьма крупными по тем временам суммами в десятки тысяч рублей. Русская казна, взимавшая с индийских купцов большие пошлины, была весьма заинтересована в развитии их торговой деятельности в России.

Русско-индийские связи не ограничивались торговлей. Московское правительство приглашало индийских ремесленников. Направляя в Индию ряд своих посольств, Москва стремилась установить прямые политические и экономические связи с государством Великих Моголов.

Д-р ист. наук К. А. Антонова выступила с докладом «Английское завоевание Индии и его последствия». В середине XVIII в., когда английская Ост-Индская компания приступила к захватам в Индии, Англия стояла уже накануне промышленного переворота, Индия же еще не исчерпала возможностей развития феодального способа производства. Распад Могольской державы не означал крушения феодализма. До конца XVIII в. два молодых феодальных государства — маратхский союз княжеств и Майсур — находились в зените своего могущества и являлись серьезными противниками английских захватчиков. Однако большая разнида в уровне социально-экономического развития Англии и Индии облегчила английским колонизаторам завоевание страны, хотя героическое сопротивление индийского народа растянуло процесс завоевания на целое столетие.

После военного ограбления страны англичане монополизировали всю внутреннюю торговлю. При введении новых земельных систем — постоянного заминдарства и райотари — английские власти, используя индийскую феодальную систему государственной собственности на землю, узурпировали титул получателя феодальной ренты. С начала XIX в., когда колониальная политика Англии стала определяться интересами английских фабрикантов, Индия была превращена в рынок сбыта английских товаров и источник сырья для английской промышленности.

С середины XIX в. в Индии стала развиваться, пусть уродливо и односторонне, капиталистическая промышленность, появляются индийские фабрики. С самого начала интересы молодой индийской буржуазии вошли в противоречие с интересами английских колонизаторов, стремившихся задержать экономическое развитие Индии. Чем дальше, тем больше проявлялись задерживающие устремления колонизаторов, все более обнаруживалось расхождение между коренными экономическими интересами колонии и метрополии.

Независимой Индии приходится преодолевать тяжелые последствия векового колониального гнета. Усилиям Индии в этом направлении охотно оказывает бескорыстную помощь Советский Союз.

Канд. филол. наук Е. П. Чельшев в докладе «Отражение борьбы за национальную независимость в литературе народов Индии» отметил, что в первых рядах борцов за независимость родины всегда шли писатели-патриоты, отдававшие все свои силы служению народу. Эти традиции идут от народного эпоса, творений великих поэтов прошлого. История новой индийской литературы неразрывно связана с национально-освободительным движением. Пробуждение национального самосознания народов Индии после восстания 1857—1859 гг. нашло свое отражение в творчестве Д. Митра, М. М. Дотто, В. Ч. Чоттопадхайя, В. Харичандра, Дж. Прасада и

многих писателей и поэтов, которые внесли в литературу идеи борьбы за независимость. Традиционный подъем начала XX в. выдвинул как властителей дум гордость Индии — Р. Тагора и великого поэта Икбала, с вдохновенной силой призывавших к национальному освобождению. В 20-х годах XX в. с появлением Прем Чанда и его последователей, наряду с антиимпериалистическими мотивами, в литературе все сильнее звучит протест против социальной несправедливости. Современная индийская литература, развивая гуманистические традиции прошлого, решительно выступает за мир и дружбу между народами.

Тепло встреченный собравшимися Посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. М. поблагодарил Ученый совет и выступавших за выражение искренних чувств народам Индии, за изучение ее прошлого, культуры и современных достижений. Посол выразил надежду, что в будущем индо-советские отношения еще более будут развиваться и крепнуть.

В. П.

В ОТДЕЛЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Из года в год крепнут научные связи между Польшей и СССР, об этом свидетельствуют, в частности, участвовавшие в последнее время взаимные визиты польских и советских востоковедов. В конце прошлого года Советский Союз посетил крупнейший ориенталист, председатель Комитета востоковедения Польской Академии наук проф. А. А. Зайончковский. Находясь в Москве, он выступил в Институте востоковедения Академии наук СССР с докладом на тему: «Некоторые избранные работы в польском востоковедении в области тюркологии, арабистики и иранистики».

Среди собравшихся были научные сотрудники и аспиранты Института, профессора и преподаватели вузов Москвы, востоковеды — работники издательств и другие специалисты. Многочисленность и разносторонность аудитории свидетельствовали о живом интересе, проявляемом советскими учеными к работе польских востоковедов.

Заседание открыл заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения проф. Б. Н. Заходер, сердечно приветствовавший главу востоковедения Польши. Затем слово было предоставлено А. А. Зайончковскому. Кратко остановившись на истории польских востоковедческих учреждений, докладчик рассказал о традиционном объединении трех филологий Ближнего Востока, в результате которого часто трудно размежевать работы польских ученых по тюркологии, арабистике и иранистике. Далее он познакомил слушателей с наиболее выдающимися трудами польских востоковедов, написанными или увидевшими свет в последние годы. Среди них почетное издание готовившегося в течение тридцати лет исследования по древнебедуинской поэзии и монографии о «Шах-наме» проф. Т. Ковальского, а также труд по сравнительной фонетике и морфологии тюркских языков проф. В. Котвича — работа, которая отличается от аналогичных исследований тем, что использует данные не только тюркских, но также монгольского и тунгусского языков.

Говоря о научных устремлениях польских востоковедов, А. А. Зайончковский отметил, что многие из них уже не ограничиваются изучением средневекового периода. Внимательное наблюдение за развитием современной науки и культуры в странах Востока позволило, например, арабистам «переломить мост от старой бедуйской поэзии к новой литературе и современной прогрессивной прессе».

Большой интересу присутствующих вызвало сообщение докладчика о том, что польские востоковеды при издании восточных литературных текстов отказываются от подстрочников, предпочитая давать художественные переводы (сам А. А. Зайончковский

является автором близкого к оригинальному тексту перевода на польский язык газет (Хафиза).

Докладчик рассказал далее о серьезной работе, проводимой в настоящее время коллективом Института востоковедения Польской АН. Лексикографический кабинет Института готовит кыпчакский словарь на основе арабских материалов, большая группа востоковедов занята составлением каталога восточных рукописей, наконец, ведутся работы по истории польского востоковедения.

Сообщение о последних значительных трудах ученых Польши в области тюркологии, арабистики и иранистики позволяет судить не только о широком научном диапазоне отдельных польских востоковедов, но и о большом размахе всей научной работы в области востоковедения. Объем ее характеризуется, в частности, приведенной А. А. Зайончковским цифрой: в период с 1945 по 1955 г. польскими востоковедами создано около тысячи исследований (к этому числу относятся только труды, написанные по первоисточникам на восточных языках).

После того как А. А. Зайончковский ответил на ряд вопросов, выступил проф. А. Ф. Миллер, который говорил о симпатиях, питаемых советскими учеными к польскому востоковедению, и выразил свое удовлетворение в связи с возможностью установить личный контакт с одним из наиболее выдающихся его представителей.

Закрывая заседание, профессор Б. Н. Заходер отметил, что советская научная общественность по достоинству оценивает достижения польского востоковедения, и выразил пожелание об установлении еще более тесного сотрудничества с востоковедами Польши. Это пожелание было единодушно поддержано всеми присутствующими.

Л. А. Аганина

ДИСКУССИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Сектор истории и экономики Индии и стран Юго-Восточной Азии Института востоковедения АН СССР провел в 1956 г. дискуссию по вопросу об экономических и политических позициях национальной буржуазии в странах Востока. На семи заседаниях были заслушаны четыре доклада и тридцать выступлений.

В своем вступительном слове канд. ист. наук В. В. Балабушевич, говоря об отставании советского востоковедения в разработке проблем современного Востока, отметил, в частности, что в работах советских востоковедов было допущено много ошибок в оценке экономических и политических позиций национальной буржуазии в колониальных и зависимых странах. В ряде старых и более новых трудах советских востоковедов имеются правильные характеристики позиции различных категорий национальной буржуазии на определенных этапах национально-освободительного движения. Но и в этих работах высказаны такие положения, о которых в свете новых данных востоковедной науки можно прямо сказать, что они были ошибочными. В частности, в некоторых старых работах недооценивалась острота противоречий между империализмом и буржуазией колониальных и зависимых стран. При характеристике Ганди зачастую игнорировалась его положительная роль в национально-освободительном движении. Недостаточно полно выявлена и роль Тилака в национально-освободительной борьбе. Задачей дискуссии, заявил В. В. Балабушевич, является правильное освещение всех перечисленных проблем на основе современного состояния востоковедной науки.

Доклад об экономическом содержании понятия «национальная буржуазия» (на примере Индии до второй мировой войны) сделал канд. экон. наук А. И. Левковский. Докладчик считает, что понятие «национальная буржуазия» имеет политическую и экономическую сторону, но ведущее, определяющее начало в этом понятии принадлежит

экономическому содержанию. Категория «национальная буржуазия» — часть буржуазии колониальной или зависимой страны, в которой сохранились сильные пережитки докапиталистических форм эксплуатации, в первую очередь феодальных. За основу определения национальной буржуазии следует брать самостоятельное капиталистическое предпринимательство. Национальная буржуазия — это та часть местной буржуазии (промышленники, торговцы и банкиры), которая выражает развитие национального капиталистического производства, и последнее является основой ее бытия. Национальная буржуазия представляет местный промышленный капитал в широком смысле этого слова.

Национальная буржуазия появляется вместе с развитием в стране капиталистического способа производства. Представители индийской национальной буржуазии вышли из торговцев-посредников, торговцев-ростовщиков, части помещиков и местной интеллигенции. Процесс формирования национальной буржуазии был длительным, трудным, и прошел через несколько этапов. Сперва у отдельных представителей местных имущих классов появились определенные черты, характерные для национальной буржуазии, т. е. происходило накопление количественных изменений. Качественный скачок происходит тогда, когда большая часть доходов начинает поступать от капиталистического производства. Рост национальной буржуазии означает в то же время сокращение деятельности другой части буржуазии — торгово-ростовщической, в частности компрадорской. По мере развития индийского капитализма уменьшился удельный вес компрадорских операций, а после кризиса 1929—1933 гг. наметилась тенденция и их абсолютного сокращения.

Для национальной буржуазии характерно, с одной стороны, наличие тесных связей с иностранными монополиями и помещиками, а с другой стороны — серьезных противоречий с ними. По мере развития местного капитализма эти противоречия усиливались, оказывая влияние на все стороны жизни индийского общества. Национальная буржуазия неоднородна. По типу хозяйственной капиталистической деятельности она делится на три группы: крупную, среднюю и мелкую. Крупная национальная буржуазия — это владельцы крупных капиталистических предприятий (заводов, торговых заведений, банков и т. д.), средняя владеет такими же предприятиями, но более мелкими и хуже оснащенными современным оборудованием. Мелкая национальная буржуазия состоит из владельцев мануфактур, мелких лавок и аналогичных капиталистических заведений. Величина капитала и характер капиталистической деятельности не всегда совпадают, но в данном случае критерием отнесения того или иного капиталиста к определенной группе следует брать источник основного дохода, учитывая при этом и размеры капитала. Индийская монополистическая буржуазия представляет подгруппу крупной национальной буржуазии. Между различными группами индийской национальной буржуазии существуют серьезные противоречия, которые осложняются кастовыми, религиозными и национальными моментами; но в целом национальная буржуазия как класс противостоит как империализму, так и помещикам, поскольку империализм и феодальные пережитки сковывают ее деятельность, сокращают доходы. Поэтому национальная буржуазия выступает против империализма, борется за самостоятельное развитие своей страны.

Одновременно с формированием национальной буржуазии происходило развитие рабочего класса, рост классовой борьбы. Особенности становления национальной буржуазии — это в значительной мере особенности развития капитализма в данной стране. Наиболее общей идеологией национальной буржуазии в Индии был гандизм и важнейшей партией, выражавшей ее основные интересы, — Индийский национальный конгресс, основная масса рядовых членов которого принадлежала к мелкой буржуазии, крестьянству и отчасти к рабочим. Специфика гандизма, особенности Национального конгресса являлись отражением и конкретным выражением в области идеологии и политики своеобразия индийской национальной буржуазии.

Канд. ист. наук Г. И. Левинсон в своем докладе «Национальная буржуазия на Филиппинах» указал на ряд недостатков в определении понятия «национальная буржуазия», данным А. И. Левковским. Нельзя абстрагироваться от политических критериев на том основании, что политические позиции национальной буржуазии нестабильны. Г. И. Левинсон считает, что национальная буржуазия это такая буржуазия, классовые интересы которой в данный исторический период совпадают с интересами общенациональными, т. е. с интересами экономического и социального прогресса страны, но при этом надо иметь в виду, что совпадение интересов национальной буржуазии и нации никогда не может быть полным, гармоничным — оно не упускает деления на классы, не снимает классовых противоречий. В современных условиях национальная буржуазия в указанном смысле может существовать только в колониальных и зависимых странах.

Политическая позиция той или иной группы буржуазии определяется не размером ее капитала, а сферой его приложения. На Филиппинах наиболее острые противоречия с империализмом имеются у предпринимателей, производящих предметы потребления и конкурирующих с американскими монополиями главным образом на внутреннем рынке. Кроме того, к этой категории следует отнести и таких крупных предпринимателей, как Марсело (стальная корпорация), Гарсия (владелец химического треста). Эта группа буржуазии выступает против «свободной торговли» с США, требует разрешения торговли со странами социалистического лагеря, выступает против установленных для американцев налоговых и таможенных привилегий. Другая часть буржуазии тесно связана с империализмом и выступает как сила антипатриотическая, капитулинтская, соглашательская — это главным образом экспортно-импортные торговые дома, предприятия по расфасовке импортных товаров, многие средние, мелкие и мельчайшие маклеры, лавочники, скупщики экспортных товаров, владельцы посреднических предприятий. Иногда они заняты также производством (крупные филиппинские монополистические объединения — Элисалде, Мадригаль, Мареман, Сориано), но посредничество дает им основную массу дохода. Они производят на экспорт (пеньку, сахар, руды) или обслуживают внешнюю торговлю. К ним примыкают предприниматели, находящиеся в зависимости от американского беспощадного рынка — (сахарозаводчики — группа Арането и др.).

Канд. ист. наук Т. Ф. Девяткина остановилась в своем докладе на вопросе о Ганди и гандизме. Ганди — представитель индийской национальной буржуазии в широком смысле, т. е. всех трех ее основных групп. Ганди отражал своеобразие экономического и политического развития Индии в XX в. После первой мировой войны в Индии произошли изменения: укрепилась национальная буржуазия, рабочий класс стал выступать в качестве передовой, хотя и не руководящей силы, разоряющиеся ремесленники, мелкие торговцы представляли горючий материал в антиимпериалистической борьбе; крестьянство, измученное военными поборами, выступало стихийно в различных частях страны. Нарастало широкое недовольство иностранным господством в Индии. Индийская буржуазия искала пути для освобождения от экономической зависимости иностранных монополий, однако, являясь эксплуататорским классом, боялась решительных действий народных масс. Гандизм стал идеологией национальной буржуазии в период борьбы за независимость.

Партия Индийский национальный конгресс возглавила национально-освободительную борьбу народных масс.

Прения развернулись главным образом по докладу А. И. Левковского. В своем выступлении д-р ист. наук А. М. Дьяков указал, что если применить целиком мерки первого этапа общего кризиса капитализма к сегодняшнему положению, то можно сделать очень много серьезных ошибок. Недостатком дискуссии является то, что докладчики ограничились в основном периодом до второй мировой войны. Поэтому дискуссию надо считать только началом, и вслед за ней, может быть, несколько позднее придется осветить и послевоенный период и только тогда мы будем иметь более ясное представление о позиции буржуазии в странах Востока. В частно-

сти, сейчас уже можно сказать, что роль компрадорской буржуазии в таких странах, как Индия, свелась до минимума. Востоковеды располагают некоторыми материалами в отношении разных слоев буржуазии к мероприятиям по укреплению экономической независимости стран Востока, завоевавших суверенитет. Эти материалы следует использовать при изучении современных проблем стран Востока. Неправильно утверждение докладчика А. И. Левковского, что новые данные об экономическом и политическом положении буржуазии стран Востока после второй мировой войны ничего принципиально нового не вносят в определение понятия «национальная буржуазия». Происходят существенные сдвиги не в том смысле, что буржуазия стала социалистической и что она, установив связи с Советским Союзом и странами народной демократии, стала сочувствовать коммунизму, а в том смысле, что буржуазия имеет сейчас — в виду нового соотношения сил между мировыми системами социализма и капитализма — возможность успешно бороться за экономическую независимость.

Аспирант Л. И. Рейснер отметил, что доклад А. И. Левковского в основном правильно ставит и разрешает вопросы данной проблемы. Недостатком доклада он считает то, что докладчик абстрагировался от вопроса о складывании местных национальных рынков в таких районах, как Бенгалия, Махараштра, в общендийском национальном рынке. Понятие национальная буржуазия всегда связывается с понятием национального рынка. Это подтверждается примером Индии. Если взять хлопчатобумажную или сахарную промышленность, которые к концу рассматриваемого в докладе периода в основном завоевали национальный рынок, то из этого следует, что целая группа торговцев, которые раньше в качестве компраторов ввозили сахар и хлопчатобумажные товары из-за границы, сейчас обслуживают своими операциями индийские национальные предприятия. Понятие «национальная буржуазия» надо связать не только с развитием самостоятельного капиталистического предпринимательства, но и с более широким процессом складывания местных и общендийского национального рынков. Мало внимания уделено в докладе делению национальных районов. А у местных групп буржуазии имеются большие противоречия как между собой, так и с общендийской. Эти противоречия проявляются в вопросе о развитии сахарной промышленности в районах, где господствуют крупные индийские и английские предприниматели, в вопросе о железнодорожных тарифах.

Канд. ист. наук Л. Р. Гордон поддержала основные положения доклада А. И. Левковского. Наиболее интересным она считает определение различных групп буржуазии и включение в национальную буржуазию также и индийской монополистической буржуазии. К недостаткам доклада, по ее мнению, следует отнести отсутствие характеристики индийской буржуазии на современном этапе и то, что историческое развитие уделено недостаточное место. В целом утверждение докладчика, что Национальный конгресс отражает интересы всей национальной буржуазии как класса, является правильным. Тем не менее, следует рассматривать Национальный конгресс на различных этапах его деятельности. В первый период Национальный конгресс отражал интересы не только национальной буржуазии, но и части класса помещиков, которые были представлены в его руководстве. Это были помещики, которые в той или иной степени переходили на капиталистический путь развития, как и те, которые были недовольны существующим колониальным режимом и находились в оппозиции к нему. На первом этапе деятельности Конгресса разделение между национальной буржуазией и компрадорской не достигло еще той четкости, как на последующих этапах. Это дальнейшее развитие национальной буржуазии происходит после Великой Октябрьской социалистической революции, и гандизм является проявлением осознания индийской национальной буржуазией своих особых интересов, характерных для всех ее прослоек — крупной, средней и мелкой. Важным является также опущенный в докладе вопрос о том, какая часть буржуазии связана с общендийским рынком и какая с местными национальными рынками. Крупная национальная буржуазия, как правило, связана с общендийским

рынком, а средняя и мелкая — с местными национальными рынками. Передно отмечается, что руководство Конгресса и его местные комитеты занимают различные позиции. Но это не означает, что местные комитеты Конгресса не отражают интересов буржуазии. Местные комитеты Конгресса, как и Конгресс в целом, являются организациями буржуазии, но основное различие состоит в том, что местные комитеты обычно более непосредственным образом являются выразителями интересов буржуазии, связанной с отдельными национальными рынками.

Л. Р. Гордон считает печетким деление докладчиком национальной буржуазии на крупную, среднюю, низшую, при выделении в отдельную прослойку мелкой буржуазии. В докладе нет характеристики позиции мелкой национальной буржуазии — владельцев мелких промышленных предприятий, мануфактур, а также той части мелкой буржуазии, которая выделяется медленно, в уродливых формах, индийской деревней. Докладчик не показал связи с национальной буржуазией крестьянства как класса-сословия и ремесленников. Между тем низшая прослойка национальной буржуазии в целом тесно связана, с одной стороны, с ремесленниками, которые в условиях ограниченного развития капитализма в колониальной Индии еще не распались полностью на мелких буржуа и пролетариев, и с крестьянством, которое в Индии представляет собой класс-сословие. Гандизм — идеология буржуазии. Но из этого не следует, что гандизм выражает интересы крестьянства как класса-сословия. Интересы индийской национальной буржуазии на определенном этапе совпадают с общенациональными интересами в антиимпериалистической борьбе, но в силу своей природы она не выступает и не может выступить последовательным борцом против феодально-помещичьего землевладения.

Канд. ист. наук *Е. С. Троицкий* остановился на некоторых особенностях формирования и нынешнего положения филиппинской буржуазии. В XIX в. на Филиппинах происходил процесс формирования национальной торговой буржуазии и зародилась местная промышленная буржуазия, которая в основном формировалась из среды торговцев и ростовщиков, помещиков и плантаторов. Важным источником накоплений филиппинской буржуазии было государственное кредитование, в частности, через Национальный банк, который был основан в 1916 г. Государственно-капиталистическая деятельность усилилась после провозглашения независимости Филиппин в 1946 г. Но в отличие от ряда других слаборазвитых стран Азии иностранный капитал (американские монополии) оказывает более сильное влияние на развитие государственного сектора, замедляя процесс освобождения Филиппин от экономической зависимости США. Обостряются противоречия между филиппинской буржуазией и монополиями США.

Аспирант *М. А. Кочерган* считает, что после 1947 г. вместо понятия «индийская национальная буржуазия» правильнее будет употреблять термин «индийская буржуазия», включая в это понятие три основные ее группы — крупную, среднюю и мелкую. Не следует резко отделять компраторскую буржуазию от индийской крупной буржуазии. Происходит процесс сращивания компраторской буржуазии с национальной. Между крупной национальной и компраторской буржуазией больше общего, чем различий. По существу, между ними больших противоречий не было, и в дальнейшем общие черты будут усиливаться. При подразделении индийской буржуазии нужно исходить из количественной стороны — суммы доходов. Крупная буржуазия — это та буржуазия, которая получает доходы свыше 100 тыс. рупий, средняя — до 100 тыс. рупий, а мелкая буржуазия — лица, получающие право на ведение предприятий, освобожденные от налогов и имеющие доходы до 10 тыс. рупий.

Аспирант *И. Л. Баранов* в основном согласен с докладом А. И. Левковского, однако считает неправомерным постановку в общем плане вопроса о связи группы национальной буржуазии с иностранной монополистической буржуазией и помещиками-князьями. Необходимо раскрыть экономическое содержание этих связей и их значение для национального капиталистического производства. Экономически национальная буржуазия связана с помещиками и князьями по трем основным линиям: по линии капиталовложений, получения ренты и ростовщического процента, причем у крупной

буржуазии эти связи идут главным образом по линии капиталовложений. Мелкой по двум другим линиям. Отсюда два вывода: 1) вся национальная буржуазия в какой-то мере участвует в эксплуатации индийского крестьянства феодальными методами; 2) эти методы являются побочными и не имеют прямого отношения к местному капиталистическому производству. Что касается экономической борьбы с иностранным монополистическим капиталом, то национальная буржуазия прибегает не только к капиталистическим методам — снижению издержек производства на основной и переменный капитал, — но и для усиления накопления к разного рода феодальным и полуфеодальным методам эксплуатации.

Д-р ист. наук *И. М. Рейснер* полностью солидаризируется с положениями доклада А. И. Левковского о том, что всякое развитие национального капитализма в любой его форме — явление исторически прогрессивное в колониальных и слабых странах и что большая часть индийских монопольных объединений может быть включена в понятие «национальная буржуазия». Эти выводы окажут положительное влияние на развитие исторической и экономической науки в отношении Индии. И. М. Рейснер считает, что при определении понятия «национальная буржуазия» нельзя абстрагироваться от процессов, которые происходят в Индии после завоевания независимости, а равным образом и от деревенской буржуазии, индийского кулачества. Необходимо также показать участие национальной торговой буржуазии в борьбе на ранних этапах национально-освободительного движения. При анализе деятельности индийских монополий обнаруживается их двойственный характер. Монополии, будучи представителями таких форм капитализма, которые и в условиях Индии обнаруживают загнивание и паразитизм, тормозят капиталистическое развитие, а в то же время они являются носителями весьма значительного национального промышленного предпринимательства. И. М. Рейснер призывает критически подходить к вопросу о расколе национальной буржуазии. Раскола между революционной и соглашательской буржуазией не было — по крайней мере раскол не принял формы политического размежевания, если не считать таких событий, которые не оказывали существенного влияния на ход национально-освободительного движения. Утверждение, что в 1925 г. произошел политический раскол между соглашательской и основной частью национальной буржуазии, не подтверждается действительным развитием событий. Надо пересмотреть это положение И. В. Сталина и некоторые другие догмы, в частности неверное определение Ганди как агента и пособника империализма.

Канд. ист. наук *В. И. Павлов* подчеркнул, что при определении, относится ли буржуазия к антиимпериалистической или к проимпериалистической, необходим равномерный анализ политических и экономических факторов. В. И. Павлов отмечает, что, анализируя лишь экономическое положение индийской буржуазии, он издает термин «национальная буржуазия». В эпоху общего кризиса капитализма в колониальной Индии происходило как результат развития капитализма в этой стране, с одной стороны, сокращение абсолютного объема компраторских операций, а с другой стороны, в еще большей степени — падение удельного веса этих операций в экономике Индии. Эти процессы усиливались тенденцией компраторов переводить свои капиталы в промышленность, так как они не находили в компраторстве, особенно после кризиса 1929—1933 гг., достаточно широкого поля для расширенного воспроизводства своего капитала.

После завоевания независимости коренным образом меняется сама суть внешней торговли Индии — из средства колониальной эксплуатации она постепенно все более и более превращается в один из рычагов реконструкции народного хозяйства и укрепления экономической независимости страны. Смешанные компании — это не только форма соглашения с иностранными монополиями, но и проявление тенденции к самостоятельному развитию капиталистического предпринимательства. Поэтому в современной Индии компраторство сводится к узкой сфере деятельности, к продвижению импортных потребительских товаров к местам сбыта, а эта сфера деятельности непрерывно сокращается.

В настоящее время для капиталистически развитой зависимой страны, а тем более страны, вступившей на путь самостоятельного развития, наши дефиниции национальной и комирадурской буржуазии уже не подходит.

Канд. ист. наук Г. Г. Котовский, оценив положительно доклад А. И. Ленинского, отмечает известную его статичность, а также то, что в докладе совершенно не освещено положение сельской буржуазии — кулачества, которое нужно отнести к категории мелкой национальной буржуазии. Недостаточно показана деятельность национальной торговой буржуазии, и вопрос о развитии внутреннего рынка не нашел должного освещения. Надо всегда иметь в виду положение В. И. Ленина о подчиненном значении внешнего рынка для развития национального рынка и национальной капитализма. Связи различных групп индийской национальной буржуазии с другими классами и социальными группами индийского общества сложны и противоречивы. Крупная буржуазия была связана с ростовщическим капиталом и значительно большей степенью, чем другая какая-либо группа индийской буржуазии. С помещичьим землевладением она была связана меньше, и не по линии вложения капиталов в покупку земель, а по линии вложения помещиками и князьями своих капиталов в промышленные и банковские предприятия индийской крупной буржуазии. Мелкая и средняя буржуазия была больше связана с помещичьим землевладением по линии вложения капиталов в покупку земель. Это объясняет, почему мелкая буржуазия не всегда радикальнее крупной в вопросе об отмене помещичьего землевладения. Отношение мелкой буржуазии к ростовщическому капиталу двойное. Многие из представителей мелкой буржуазии сами занимаются ростовщическими операциями. Вместо с тем у местной мелкой буржуазии имеются серьезные противоречия с крупным ростовщическим капиталом, который ее кредитует. Все эти моменты необходимо учитывать при характеристике Национального конгресса и Ганди в период 1917—1947 гг. непосредственно выражали интересы крупной буржуазии, и тем число и монополистический. Массовой же базой гандизма и Национального конгресса были мелкое производство города, крестьянская верхушка и широко массы мелкобуржуазной индийской интеллигенции. Гандизм в период между двумя войнами и сейчас является идеологией всей индийской национальной буржуазии. Гандизм — не только идеология Национального конгресса, но и его тактика. Гандизм в русле национальной буржуазии явился орудием, при помощи которого ей удалось прийти к руководству национальным движением и ударили это руководство до настоящего времени, не переуступая это руководство другому классу и партии. Национальная буржуазия при помощи гандизма использовала массовые выступления рабочих и крестьян для борьбы против империализма за национальную независимость. Благодаря гандизму национальная буржуазия сумела придать национальному движению реформистский характер и ударили руководство этим движением. Индийский национальный конгресс как партия после 1917 г. не представлял интересов буржуазии и помещиков, а только интересы буржуазии. Но он радикально не выступал за ликвидацию феодально-помещичьего землевладения и феодальной системы эксплуатации крестьян в силу широких связей национальной буржуазии с помещиками и ростовщиками, и потому, что индийская буржуазия ставила своей задачей использовать массовое движение в борьбе с империализмом, но допуская равнодушие антифеодальной революции, главное содержание которой — борьба крестьянства.

В последнее время в Индии идет курс на постепенную, почти полную ликвидацию феодально-помещичьего землевладения, причем аграрные реформы проводятся таким образом, чтобы сохранить землевладение помещиков, которые перешли на капиталистический путь, или помещиков, связанных с предпринимательством. Что касается борьбы с империализмом, то бытовали и работы советских индонезов, утверждения, что после каждого подъема национально-освободительного движения происходило быстрое сближение Национального конгресса с империализмом, не подтвержденные реальными фактами. Происходило усиление противоречий, усиление борьбы национальной буржуазии с империализмом.

Канд. ист. наук Э. Н. Комаров упрекнул А. Н. Ломковского в том, что в докладе недостаточно уделено внимания новым формам связи индийских монополий с империализмом. Критиковать монополии следует не только по линии загнивания, но и по линии связей с империализмом. Обострение противоречий индийской национальной буржуазии с империализмом развивалось не прямолинейно. При анализе данного процесса необходимо учитывать и развитие классовых противоречий. Э. Н. Комаров считает, что индийский национальный конгресс выражал на всем протяжении своего существования интересы национальной буржуазии и части помещиков при руководящей роли национальной буржуазии.

Экономическому и политическому положению равных слоев буржуазии в Индонезии посвятила свое сообщение канд. ист. наук О. Н. Забавляева. Она подчеркнула слабость экономических позиций индонезийской национальной буржуазии. До второй мировой войны предприятия по добыче и переработке нефти, по добыче олова, по переработке сельскохозяйственного сырья для экспорта и сахарные заводы, все внешние торговля, банки, судоходство находились в руках иностранного капитала. Национальная буржуазия была представлена в основном той частью буржуазии, которая занималась сельскохозяйственным производством на собственной земле, либо на земле, арендованной у государства или у князей, а также владельцами текстильных и других, в большинстве мелких, предприятий. О. Н. Забавляева проиллюстрировала в конкретных данных положение национальной буржуазии в равных районах Индонезии и осветила идеологию различных групп буржуазии.

Чл.-корр. АН СССР А. А. Губер считает дискуссию интересной, крупным событием научной жизни института, но многие проблемы, особенно проблемы Востока сегодняшнего дня, требуют большего внимания. Можно ли применить сейчас термин «национализм буржуазный»? Можно. Но неправомерно его рассматривать только и главным образом в аспекте экономического. Термин «национализм буржуазный» подчеркивает не только экономическое положение буржуазии стран колониальных, полуколониальных и недавно независимых политическую независимость, но и ее политическую роль. Он означает, что и в этих странах буржуазия еще способна играть классическую роль. Он означает, что и в этих странах буржуазия еще способна выражать классические общенациональные интересы и в той или иной мере их проводить в своей политике. Главным недостатком содержательного доклада А. Н. Лонковского, по мнению А. А. Губера, является то, что докладчик исходит из положения Индии до независимости политический независимости. А независимость политической независимости имеет огромное значение не только для политического развития, но и для экономики страны.

Сегодня страны, независимо от политической ориентации, не могут абстрагироваться от социалистического лагеря, от мирового социалистического рынка при проведении своей экономической политики. Страны, независимо от политической ориентации, могут получить от стран мировой системы социализма кредиты для индустриализации, и которых они очень нуждаются, на условиях равноправия взаимной выгоды. Перед этими странами открываются объективные возможности ликвидации еще сильных экономических позиций, которые занимает иностранный капитал. Реализация этих объективных возможностей зависит от усилий в мировом социалистическом рынке.

Термин «империализм буржуазии» часто применяется у нас без учета реальных условий сегодняшнего дня. Все связи в иностранном капитале — от провоза иностранных капиталов или провоза своего сырья до различных форм смешанных обществ — считают империализмом. В действительности же бывает не всегда так. Здесь необходимо конкретный подход. Интересы индийских монополий, являющиеся ведущими в крупной национальной буржуазии, отчасти от интересов всей массы крупной и средней национальной буржуазии. Эти монополии несут в себе элементы империализма. Прид ли можно утверждать, что монополии находятся у власти в Индии и что руководящая роль принадлежит им.

Вследствие большого внимания проблема государственного капитализма в Индии, Китае и других странах Востока, особенно государственного сектора в Индии — стратегический процесс борьбы крупной, средней и даже мелкой буржуазии с мо-

нополиями. Часто говорят об оттеснении помещика, но при этом забывают, что и сам класс помещиков в странах, ставших независимыми, эволюционирует и дифференцируется гораздо быстрее и иначе, чем в колониальной стране. Расширение внутреннего рынка, увеличение спроса на сырье для государственной промышленности толкают многих помещиков на путь капиталистического развития. Пора отказаться от термина «либеральные помещики», а критерием брать экономические интересы в свете тех тенденций, которые сейчас наметились и которые будут развиваться.

В дискуссии также приняли участие Н. В. Ребрикова, Н. М. Гольдберг, В. С. Руднев, М. Н. Егорова, В. Г. Растяпников, Г. Ф. Ильин, Ю. П. Насенко, Г. Я. Шмидт, А. Н. Узянов, А. Г. Мазаев, П. М. Шаститко, Н. А. Савельев и другие.

В заключительном слове А. И. Левковский отметил, что «национальная буржуазия» — это определенное понятие, связанное с формированием класса буржуазии в колониальной или зависимой стране. Национальная буржуазия как определенный класс находится в странах Востока на разных ступенях и разных уровнях своего развития, и задача исследователей состоит в том, чтобы показать особенности формирования национальной буржуазии в каждой стране. А. И. Левковский считает неполным определение национальной буржуазии как части буржуазии, которая выражает тенденции капиталистического развития или интересы которой совпадают с самостоятельным развитием страны. Эти формулировки дают представление только об одном, начальном этапе явления, но не выражают его сути. Национальная буржуазия — это класс со своими ярко очерченными определенными классовыми интересами, как экономическими, так и политическими, а не какими-то временными тенденциями, которые могут сейчас обнаружиться, а потом исчезнуть. Национальная буржуазия — понятие устойчивое.

Компрудорская буржуазия — это не просто буржуазия, участвующая во внешней торговле. Необходимо учитывать характер внешней торговли. Компрудорской мы называем буржуазию, связанную с эксплуатацией страны в качестве рынка сбыта и источника сырья, а также с операциями, которые тормозят самостоятельное экономическое развитие страны.

Мелкая национальная буржуазия и мелкая буржуазия — это не одно и то же. Мелкая национальная буржуазия — часть национальной буржуазии, которая эксплуатирует наемный труд и урывает часть прибавочной стоимости, а мелкая буржуазия — это мелкий товаропроизводитель, имеющий свои средства производства и своим трудом производящий товары. В последнем случае отсутствует элемент эксплуатации. Это почва, на которой может появиться, с одной стороны, капиталист, а с другой — рабочий. Смешение понятий «мелкая национальная буржуазия» и «мелкая буржуазия» приводит к тому, что значительную массу ремесленников и часть крестьянства относят к национальной буржуазии. Ошибку делают аграрники наших институтов, когда они относят крестьянскую верхушку к национальной буржуазии. В основе этой ошибки лежит преувеличение степени дифференциации крестьянства. В колониальной Индии не было того расслоения крестьян, какое было в России. Отнесение кулаков к национальной буржуазии означало бы, что в Индии положение крестьян как классовословия уже разрушено, чего в действительности не было. У индийских кулаков имелось много черт капиталистического предпринимательства, но преобладали операции ростовщические, торговые и даже рентополучателя. Относить же кулака к национальной буржуазии можно лишь в том случае, если у него преобладала капиталистическая предпринимательская деятельность.

Итоги дискуссии подвел канд. ист. наук В. В. Балабушевич. Он отметил, что тема дискуссии была выбрана правильно. Вопрос о национальной буржуазии весьма актуален. Трудно дать объективную картину процессов, происходивших в странах Востока в течение последних десятилетий, без внесения ясности в вопрос о роли и месте национальной буржуазии в национально-освободительном движении колониальных и зависимых стран на различных его этапах. Не все вопросы, связанные с темой дискуссии, были достаточно освещены. Положительной стороной дискуссии является то, что многие из участников творчески подошли к вопросу

экономических и политических позиций буржуазии, оторасывая... учитывая новую обстановку, создавшуюся после второй мировой войны. Сделаны некоторые теоретические обобщения, привлечен большой фактический материал. Но не следует преувеличивать научную ценность дискуссии — она положила, по существу, начало творческой разработке вопроса о роли буржуазии в колониальных и полуколониальных странах. Для правильного понимания процессов, которые происходят в странах Востока, обязателен учет особенностей нынешнего международного положения. Главным и решающим в международной обстановке является существование двух противоположных мировых экономических систем — капиталистической и социалистической — и двух мировых рынков, и то, что мировая социалистическая система крепнет и демонстрирует свои преимущества перед капиталистической системой. Это оказывает решающее воздействие на экономическое и политическое развитие стран Востока. Укрепление экономической и политической мощи социалистического лагеря ослабляет империализм и тем самым создает благоприятные объективные условия для успешной борьбы колониальных и зависимых стран против колониализма, а успехи социалистического лагеря, последовательная борьба за мир оказывают непосредственное революционизирующее воздействие на широчайшие народные массы, стимулирует их борьбу за независимость и демократию. Политика Советского Союза и стран народной демократии, основанная на равенстве и бескорыстной помощи, помогает странам Востока освободиться от кабальных связей и развивать свою национальную промышленность. Это хорошо понимает буржуазия этих стран и поэтому она идет на установление более тесных отношений со странами социалистического лагеря. Огромное воздействие на борьбу народов стран Востока оказывает и будет все более оказывать образование Китайской Народной Республики. Этот фактор, в частности, повлияет на тактику буржуазии, особенно тех стран, которые освободились от колониального гнета. На некоторые круги буржуазии, мелкую, а в известной степени и среднюю, оказывает влияние мирное преобразование капиталистической промышленности и торговли в Китае, и эти мероприятия, как и другие, способствуют тому, что социалистические идеи становятся притягательной силой и для тех слоев, которые до сих пор были решительными противниками социализма. Большинство участников дискуссии разделяли взгляд, что национальная буржуазия в таких странах, как Индия, Бирма и другие, еще прогрессивна. Но в некоторых выступлениях сквозила другая мысль (хотя она формулировалась нечетко): не является ли отходом от марксизма-ленинизма утверждение о прогрессивности буржуазии этих стран в эпоху общего кризиса капитализма в период его загнивания? В. В. Балабушевич считает подобные выводы ошибочными. Капитализм как мировая система отжил свой век, капитализм в целом идет по нисходящей линии. Но из этого не следует, что отдельные капиталистические страны не могут развиваться. Буржуазия Индии, Индонезии, Бирмы, Египта и других стран, строящая свою национальную экономику, укрепляющая и расширяющая государственно-капиталистический сектор, выполняет прогрессивные функции. Не признавать этого, значит игнорировать факты, не замечать новых явлений. В докладах и выступлениях, как и в докладе А. И. Левковского, были поставлены важные и интересные вопросы, и к их разработке многие товарищи подошли творчески, не придерживаясь установившихся схем. Правомерность термина «национальная буржуазия» была признана большинством участников дискуссии, и высказывания по этому вопросу М. А. Кочеряна, отчасти В. И. Павлова, не обоснованы. Следует признать также правильным включение монополистической буржуазии Индии в категорию национальной буржуазии.

Однако А. И. Левковский допустил ошибку, по существу исключив из понятия «национальная буржуазия» сельскохозяйственную буржуазию. Неправильно также ограничивать анализ, как это сделал А. И. Левковский, периодом до завоевания Индией независимости. В выступлениях было уделено много внимания характеристике классовой природы Индийского национального конгресса и правительства. Некоторые участники дискуссии — Г. Я. Шмидт, П. М. Шаститко — упорно пытались доказать, что в Индии власть находится в руках монополий и помещиков и что Национальный

конгресс является партией монополистов и помещиков. Подобные высказывания получили во время дискуссии должный отпор. Национальный конгресс, по мнению В. В. Балабушевича, является партией национальной буржуазии и той части помещиков, которые заинтересованы в капиталистическом развитии страны, причем эта характеристика действительна не только для последнего периода, но и для деятельности Национального конгресса в прошлом. Что же касается вопроса о Ганди, то задача пидологов состоит в том, чтобы показать большую положительную роль Ганди в национально-освободительном движении, но одновременно нужно дать правильную критическую оценку его философии.

Г. С.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ИНСТИТУТЕ КИТАЕВЕДЕНИЯ В ЧЕСТЬ 90-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СУНЬ ЯТ-СЕНА

29 ноября 1956 г. в Институте китаеведения Академии наук СССР состоялась научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения великого китайского революционера-демократа — Сунь Ят-сена. Сессию открыл директор Института китаеведения А. С. Переворталов. В своем вступительном слове он кратко охарактеризовал революционную деятельность Сунь Ят-сена и ее значение для китайского народа.

Большой доклад на тему «Сунь Ят-сен — китайский революционер-демократ» сделал канд. ист. наук А. Г. Крымов (Кюэ Шао-тан). Докладчик подробно остановился на жизни и революционной деятельности Сунь Ят-сена — пламенного борца за свободу и независимость Китая, искреннего друга Советской России. Всю свою яркую жизнь Сунь Ят-сен отдал делу освобождения китайского народа, в справедливость и силу которого он безгранично верил.

О юбилейной сессии, посвященной 90-летию со дня рождения Сунь Ят-сена, прошедшей в Китайской Народной Республике, сделал сообщение член советской правительственной делегации на юбилейных торжествах д-р эконом. наук В. А. Масленников.

В. А. Масленников рассказывал присутствующим, какую горячую любовь питает китайский народ к своему замечательному соотечественнику и как широко отмечался день рождения Сунь Ят-сена в Китае. Он остановился также на встречах советской делегации с соратниками Сунь Ят-сена и членами правительства Китайской Народной Республики.

С сообщением «Из истории революционной деятельности Сунь Ят-сена в 1894—1900 гг.» выступил канд. ист. наук В. Н. Никифоров. Сообщение В. Н. Никифорова было в основном посвящено работе Сунь Ят-сена над созданием первой революционной организации в Китае — Синжунхой и руководству ее деятельностью.

В сообщении В. Н. Данилова «Сунь Ят-сен как руководитель Объединенной революционной лиги» показано, что созданный Сунь Ят-сеном из разрозненных революционных организаций Китая Объединенная лига являлась организатором революции 1911 г. в Китае.

Сообщение «Революция 1911—1913 гг. и Сунь Ят-сен» зачитал Е. А. Белов, охарактеризовавший Сунь Ят-сена как признанного вождя революции, руководившего свержением маньчжурской монархии и провозглашением республики, первым президентом которой он стал.

Канд. ист. наук Н. П. Виноградов сделал сообщение «Сунь Ят-сен и образование единого антиимпериалистического антифеодального фронта». Докладчик охарактеризовал важнейший период в революционной деятельности Сунь Ят-сена, связанный с коренным пересмотром им своей программы революционной борьбы, установлением союза между боминьдаем и коммунистами, укреплением дружбы между Китаем

и Советским Союзом. Докладчик подчеркнул, что величие Сунь Ят-сена, по заключению тов. Мао Цзэ-дуня, состоит не только в том, что он возглавил революцию 1911 г., но также в том, что он, учитывая развитие мировой истории и согласуясь с требованием масс, выдвинул три основные политические установки: союз с Россией, союз с коммунистической партией и поддержка крестьян и рабочих, а также дал трем народным принципам новое толкование и создал три новых народных принципа, включающих в себя три основные политические установки.

Выработанные Сунь Ят-сеном три народных принципа были положены Коммунистической партией Китая в основу единого национального антиимпериалистического фронта. Программа борьбы, созданная Сунь Ят-сеном, сохраняла свое значение на протяжении всего периода китайской демократической революции, одержавшей великую историческую победу.

В. П. Леонтьев

ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

Всестороннее развитие связей нашей страны с Востоком и все возрастающий интерес к странам и народам Азии и Африки вызывают настоятельную необходимость более полного и глубокого их изучения. Серьезную роль в этом большом и ответственном деле призваны сыграть научные общества, объединяющие силы исследователей различных специальностей. Научные общества могут принять участие в разработке проблем, стоящих перед институтами востоковедения Академии наук СССР и Академией наук Узбекской ССР, Институтом этнографии и университетами. Широко привлекая в свою работу молодежь, научные общества окажут существенную помощь и в популяризации знаний о Востоке и в воспитании кадров будущих исследователей.

Для расширения научно-организационных форм работы по исследованию стран и народов Востока в Ленинграде в конце 1955 г. в составе Географического общества Союза ССР создана Восточная комиссия.

Изучению Востока в Географическом обществе имеет большую и славную традицию. В течение многих лет в Русском географическом обществе существовал Восточный отдел, в котором работали географ и путешественник Е. П. Ковалевский, историк Востока В. В. Григорьев, пидолог И. П. Минаев и ряд других выдающихся ученых XIX в. С Восточным отделом были тесно связаны крупнейшие путешественники, начиная с Ч. Валиханова и Н. М. Прикопальского. В XX в. Восточного отдела не стало, но традиция не прервалась: в деятельности Географического общества активно участвовали виднейшие востоковеды, в частности, такие исследователи, как Н. В. Кюпер и ученые с мировым именем — академики В. М. Алексеев и Н. Ю. Крачковский. В. М. Алексеев был постоянным членом совета Общества, а Н. Ю. Крачковский — в течение некоторого времени вице-президентом и заведующим архивом.

Инициатива создания Восточной комиссии была проявлена одним из старейших членов Географического общества А. В. Королёвым и акад. В. В. Струве и получила активную поддержку других членов Общества.

В организации Восточной комиссии и в ее работе приняли участие востоковеды — сотрудники Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В дальнейшем, кроме востоковедов и географов, занимающихся Востоком, к сотрудничеству в Восточной комиссии начали привлекаться различные специалисты, бывавшие в Китае, Индии, Египте и других странах, а также аспиранты и студенты географических факультетов Ленинградского университета, Ленинградского государственного педагогического института и некоторых других высших учебных заведений.

В декабре 1955 г. состоялось первое организационное собрание Восточной комис-

сии, на котором акад. В. В. Струве подробно остановился на заслугах Географического общества и изучении Востока и на вкладе, внесенном в работу Общества русскими и советскими востоковедами. Основываясь на опыте их активного участия в деятельности Общества и на замечательных традициях русской науки, В. В. Струве подчеркнул значение истории и филологии и пользу связи востоковедов с географами для всестороннего изучения стран и народов Востока.

На первом своем заседании Восточная комиссия избрала бюро во главе с председателем — акад. В. В. Струве. В бюро вошли: А. В. Королев (заместитель председателя), декан геологического факультета ЛГУ Н. М. Синицын, исследователь Центральной Азии и Тибета геолог В. М. Синицын, индолог В. С. Поробьен-Десятковский, китаисты В. М. Штейн и Э. Н. Горбачева и японистка О. П. Петрова. На этом заседании А. В. Королев сделал доклад об отражении Индии в творчестве русских писателей и художников, побывавших в этой стране.

Разрабатываясь в 1956 г. работа Восточной комиссии состояла в основном в постановке научных докладов и сообщений. Кроме того, проводились обсуждения справочников и некоторых популярных изданий по географии зарубежной Азии.

В круг деятельности Восточной комиссии, помимо различных проблем географии стран Востока (в частности, и исторической географии, топонимики и т. д.), вошли также некоторые вопросы исследования этнографии, истории и языков восточных народов, взаимоотношений народов Востока с Россией. При составлении тематического плана докладов и сообщений первое место было отведено изучению крупнейших стран Азии — Китая и Индии. Началось изучение Юго-Восточной Азии и Северной Африки. Восточная комиссия также уделяет внимание вопросам исторической географии, этнографии и истории народов советского Востока, связанным с общей проблематикой работы.

С докладом о городах Северо-Восточного Китая (Дунбэй), основанным на личных наблюдениях, выступил В. С. Стариков. В. М. Штейн прочитал доклад о возрождении экономико-географических знаний в древнем Китае. П. Е. Скачков сделал доклад на тему «Малознакомый русский источник XVII в. о Китае».

На заседании, посвященном памяти акад. В. М. Алексеева, было поставлено несколько докладов и сообщений. А. В. Королев охарактеризовал деятельность В. М. Алексеева в Географическом обществе и остановился на значении его путешествий по Китаю. Л. Н. Меньшиков сообщил некоторые данные об альманахах и народных (лубочных) китайских картинах, собранных В. М. Алексеевым, и отметил, что изучение его уникальной коллекции может дать много ценного для истории китайского народного искусства. М. В. Алексеева рассказала о неопубликованных дневниках путешествий В. М. Алексеева по Северному Китаю в 1908—1910 гг. Комиссия постановила напечатать наиболее интересные части из дневников В. М. Алексеева, содержащие описание путешествий, прежде всего 1908 г., под названием «Молодой русский китаист в старом Китае».

На заседании, посвященном памяти известного географа и путешественника, Г. Е. Грум-Гржимайло, было заслушано сообщение об его научном наследии, в частности о составленном им историческом атласе, отражающем прошлое Китая, Центральной и Средней Азии. Комиссия приняла решение содействовать изданию этого атласа.

В. А. Вальская в докладе о путешествиях Е. П. Ковалевского по странам Азии (Китаю, Афганистану и Северной Индии) привела много нового материала, характеризующего ценность наследия этого выдающегося деятеля Географического общества. Основываясь не только на опубликованных, но и на архивных данных, В. А. Вальская показала значение описания путешествий Е. П. Ковалевского как неиспользованного еще исследователями источника по истории Северной Индии 30-х годов XIX в. и Афганистана времени первой англо-афганской войны. Находясь в Кабуле, Е. П. Ковалевский написал рассказы очевидцев о народном восстании жителей этого города против английских завоевателей. Путешественник побывал в Кашмире и Пенджабе, где встречался с Раиджит Сингхом.

О ранних русских путешествиях в Индию (в основном о посольстве С. Маленького,

находящегося в этой стране в 1697 по 1701 г.) сделал доклад Г. Н. Куриленко. В докладе безвременно умершего выдающегося филолога П. С. Поробьен-Десятковского Г. Н. Куриленко приводились подробные сведения о пребывании этого ученого в Индии в конце XVIII в. и была дана оценка его деятельности. Описанию природы и истории горного района отрогов Гиндукуна на пакистано-афганской границе было посвящено сообщение П. А. Ромодина «Историко-географическая характеристика местности Сват и Дир, населенных афганцами».

Аспирант Э. А. Малашич сделал докладом П. А. Ромодина о путешествии переводчика Особого Сибирского корпуса Филиппа Назарова в Коканд в 1813—1814 гг. На заседании, проведенном в дни юбилей Ф. М. Достоевского, были отмечены тесные связи великого писателя с деятелями Географического общества — П. С. Симоновым-Тай-Шанским и Ч. Валихановым.

В октябре Восточная комиссия занималась вопросами изучения Индии и Китая. Первое заседание началось выступлениями о научной деятельности В. С. Поробьен-Десятковского. Р. Р. Орбели сообщила о малоизвестном грузинском путешественнике Рафаэле Данибегово и его книге о путешествии в Индию в конце XVIII в. А. П. Королев доложил о новейших открытиях в Гималайских горах и Кара-Коруме. На следующем заседании О. П. Петрова рассказывала о городах Шанхае, Нанкине и Ханьчжоу (личные впечатления во время поездки в страну в 1956 г.), а В. С. Стариков выступил с сообщением о русском кладбище в Пекине за два века (с XVIII по XX).

На ноябрьских заседаниях, посвященных Суэцкому каналу и Египту, были поставлены следующие доклады и сообщения: «Суэцкий канал как один из важнейших мировых водных путей» Е. Е. Шведо, «Наблюдения русских путешественников и моряков над строительством Суэцкого канала» А. М. Любарской, «Современный Египет» (личные впечатления) В. В. Пиотровского, о палеолите в Египте рассказывал побывавший в этой стране археолог А. П. Окладников.

Вопросы топонимики Востока затронул П. Я. Слоним в своем докладе о произношении некоторых географических названий Азии.

Восточная комиссия испытывает еще немало трудностей, имеет и недостатки. До сих пор не удалось широко развернуть работу в области топонимики, орфографии и орфографии географических названий, улучшить координацию деятельности Восточной комиссии и других отделений и комиссий Географического общества, а также малочисленными силами, в частности, с отделением этнографии и истории географических знаний. Еще не установлены связи Восточной комиссии с географами стран зарубежного Востока и с научной общественностью, исследователями организаций и архивами республик советского Востока. Недостаточно привлекаются к активному участию в работе Комиссии аспиранты и студенты. Не организован связи с издательствами, в результате чего значительная часть ценного материала остается неопубликованной.

В. А. Ромодин

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ЛИНГВИСТОВ АРАБСКИХ СТРАН

С 29 сентября по 4 октября 1956 г. в Дамаске проходил первый съезд лингвистов, представляющих ряд научных учреждений арабских стран.

Как известно, наряду с общераспространенным литературным языком, почти в каждой арабской стране существует свой диалект, отличный от диалектов других стран и от литературного языка не только в области лексики, но и в грамматике и в фонетике.

Литературный письменный язык является единым во всех арабских странах, однако понимают его лишь образованные арабы, подавляющее большинство населения не может им пользоваться. Поэтому народы арабских стран

в какой-то мере разобщены в языковом отношении. Вопрос о взаимоотношении литературного языка и диалектов, уже давно волнующий арабскую общественность, особенно актуален сейчас, когда народы арабских стран полны решимости еще теснее сплотиться в борьбе с империализмом.

Понятно, что именно проблема двуязычия стояла в центре внимания съезда. Сжатой характеристикой истории развития взглядов на эту проблему выступил на съезде египетский лингвист Ахмед Хасан аз-Зайят. Он отметил, что в начальный период деятельности Академии арабского языка, основанной в Каире в декабре 1932 г., наблюдалось стремление изгнать из литературного арабского языка заимствования из диалектов и других языков. Господствовавшие в академии шейхи-пуристы стремились вернуть литературный арабский язык, в который в конце XIX — начале XX вв. проникло значительное количество иноязычных заимствований, к «чистоте» классического арабского языка — языка Корана. Пуритане не хотели признавать научные и технические термины, заимствованные арабами-специалистами из других языков, а также принятые народом наименования европейских предметов быта. Они считали, что такие слова, как *хидру дж и н* 'водород', *укс и д жин* 'кислород', *тирам* 'трамвай', *тилифун* 'телефон', *бинзин* 'бензин', *тармус* 'термос', засоряют арабский язык, и занялись словотворчеством, пытались найти для каждого нового для арабов понятия подходящее для его передачи слово в классическом арабском языке. Архаизмы, вновь воскрешенные к жизни пуритами, а также изобретенные ими слова, такие, как *ма* из 'водород' — производное от *ма* 'вода', *кадима* 'термос' — производное от глагола *кадама* 'сдерживать' и другие, не прижились. Специалисты и народ предпочитали употреблять уже успевшие распространиться заимствованные слова.

В дальнейшем в деятельности Академии наметилась тенденция к сближению литературного языка и диалектов. На сессиях 1948—1950 гг. были официально одобрены тысячи терминов, разработанных специалистами, и слов, распространенных в народном языке. С другой стороны, Академия рекомендовала такие чисто арабские слова, как *саййра* 'автомобиль', *сарайл* 'штаны', *дирра* 'куртка' и т. п., употребить и в диалектах вместо заимствованных из европейских языков *атумубил*, *банталун*, *балюза*. Но эти арабские слова не прижились в разговорном языке. В настоящее время существует много параллельных слов, одни из которых употребляются только на письме и в официальном языке, другие — только в разговорной речи.

Ахмед Хасан аз-Зайят отметил, что в работе Египетской академии по сближению литературного и разговорного языков был один крупный недостаток. Академия учитывала только лексику египетского диалекта, не принимая во внимание лексику диалектов других стран. Между тем, если в Египте понятия 'телефон', 'телефон', 'радиовещание' передаются словами *тилиграф*, *тилифун*, *иба*, то в Ираке, например, те же понятия передаются совершенно другими словами: *барк*, *хатиф*, *басс*.

Аз-Зайят предложил создать в Сирии и в Ираке две комиссии по выработке новой терминологии по примеру комиссии, существующей при Египетской академии арабского языка. Он предложил также ежегодно созывать съезд арабских лингвистов для обмена мнений и координации действий. Работу по собиранию терминов и слов надо проводить, по мнению Аз-Зайята, в живом общении с народом и со специалистами. Лингвисты должны выйти в поле, на производство и спрашивать название каждого предмета, каждой части предмета. Собранные материалы направляются в комиссии, на общих заседаниях которых наиболее распространенные слова отбираются, затем этот материал передается на утверждение очередному съезду языковедческих учреждений. Таким образом, по мнению Аз-Зайята, можно сблизить литературный и разговорный языки, язык и жизнь.

Значительный интерес представляет доклад доктора Джамиля Салиба (Сирия) о научных терминах. Он говорил о том, что без упорядочения арабской терминологии невозможно развитие науки, так как различные ученые переводят термины по-разному. Например, понятие 'интуиция' передается в научной литературе четырьмя словами: *хадс* 'догадливость', 'проинципальность', *бадха* 'очевидность', 'интуиция' *иктилах* 'постижению сущности' и *истибаар* 'осмотрительность', 'проницательность'. Джамиль

Салиба предложил создать специальный научный институт терминологии, который из ряда употребляемых в науке терминов будет отбирать единственный термин для каждого понятия. В данном случае слово *хадс*, по мнению Салиба, лучше передает сущность понятия 'интуиция', чем остальные три слова.

В работе по упорядочению и разработке терминологии Салиба предложил руководствоваться следующими правилами: 1) если термин употреблялся в классической арабской науке, то его следует принять (например, *джавхар* 'сущность', *манулат* 'категория'); 2) выбрать из существующих в арабском языке слов одно слово, наиболее полно выражающее данное понятие (см. пример со словом *хадс*); 3) если в арабском языке выражающее данное понятие в достаточной мере выражало бы сущность понятия, следует попытаться создать термин, пользуясь словообразовательными средствами арабского языка. Например, *истибтан* 'интроспекция' (букв. 'углубление в себя'), *иттиха* 'тропизм' (букв. 'поворачивание себя в направлении чего-либо'), *танайфуз* 'адаптация' (букв. 'приспособление'); 4) если иностранное слово передает сущность понятия полнее, чем какое-либо арабское, то иностранное слово следует заимствовать. Это правило особенно относится к общераспространенным терминам, прочно утвердившимся в языке. По мнению Салиба, термины *микроскоп*, *телескоп*, *кино* лучше выражают соответствующие понятия, чем употребляемые арабские слова *мукаббира* букв. 'увеличивающая', *миндир* букв. 'орудие для осмотра' и *ас-сувару-ль-мутахарира* букв. 'движущиеся картины'. Поэтому первые и следует принять в качестве единственных терминов. Предлагая вниманию съезда эти четыре правила, Салиба подчеркнул, однако, что они не исчерпывают всех трудностей, которые стоят перед создателями терминологии.

На съезде выступил также известный египетский писатель, ученый и общественный деятель Таха Хусейн. Он связал проблему двуязычия с проблемой и родного образования. Отметив, что в последнее время законы многих арабских стран стали преследовать тех родителей, которые не заботятся об образовании своих сыновей и дочерей, Таха Хусейн призвал провести реформу образования. Целью этой реформы должно быть облегчение изучения литературного арабского языка. Таха Хусейн предложил упростить правила синтаксиса и правописания. Только тогда, по его мнению, арабский литературный язык станет действительно народным и действительно живым.

Суть предложения Таха Хусейна заключается в следующем: во-первых, должно быть отменено правило так называемого *и'рба*, т. е. написания и чтение слов с полными окончаниями; во-вторых, слово должно писаться так, как оно произносится [например *ḥāḍḥ* (*хāḍḥ*) вместо *ḥāḍḥ* (*хāḍḥ*) и т. п.]. Участники дискуссии отметили, что предложение Таха Хусейна заслуживает внимания, хотя и не затрагивает главной стороны сложной проблемы.

Доктор Мустафа Джавад (Ирак) в своем докладе остановился, в частности, на вопросах лексикографии. По его мнению, многие составители словарей не учитывают появление в языке новых слов и новых значений слов, например глагол *тандала* в ряде словарей до сих пор толкуется как 'спускаться с верблюда, для того чтобы вступить в бой'. В то же время иногда не приводится современное значение этого глагола (с предлогом *ан*) 'отказываться, отступаться, отказаться от чего-либо'. Мустафа Джавад призвал лексикографов использовать в своей работе литературу по самым различным областям знания. На съезде выступил также египетский лингвист доктор Мансур Фахми.

Участники съезда единодушно отметили, что «Дело единения арабской нации требует полного взаимопонимания между языковедческими учреждениями в вопросах языка и составления программы деятельности».

Съезд принял следующие рекомендации, которые мы приводим в сокращенном виде.

1. Созданию союза научных языковедческих учреждений для координации их деятельности.

В союз должно войти по три представителя от каждого учреждения, которые из-

бираются на три года. Кроме того, в союз войдет по одному представителю от тех государств — членов Лиги арабских стран, в которых нет языковедческих институтов. На первой сессии союз должен выработать устав и представить его языковедческим учреждениям и Совету Лиги арабских стран.

2. Проблемы развития арабского языка.

Съезд считает, что министерства просвещения должны обязать преподавателей школ проводить уроки на арабском литературном языке на всех стадиях обучения. Радиовещание должно вести передачи на арабском литературном языке. Решено до следующего съезда отложить рассмотрение предложения министерства просвещения Египта об облегчении правил синтаксиса. Каждое языковедческое научное учреждение должно проводить работу по собиранию слов, распространенных среди народа.

3. Проблемы литературного творчества и перевода.

Съезд рекомендует поощрять литературное творчество путем организации конкурсов. Министерства просвещения должны принять меры для гарантирования авторского права в пределах всех арабских стран. Съезд требует, чтобы правительства арабских стран устранили препятствия и ограничения, стоящие на пути распространения книг, требует рассматривать арабские страны едиными в культурном отношении и ликвидировать таможенные сборы на печатную продукцию.

Лига арабских стран должна издавать периодические бюллетени, которые будут знакомить с новой печатной продукцией, вышедшей в арабских странах. Съезд рекомендует установить премии за лучшие переводы.

4. Вопросы научной терминологии.

Съезд рекомендует научным учреждениям сотрудничать в вопросах разработки терминологии. Лиге арабских стран предлагается издать словарь терминов, после того как он будет утвержден Союзом языковедческих учреждений. Съезд рекомендует создать обширный англо-французско-арабский словарь, в выпуске которого Лига арабских стран должна сотрудничать с Союзом научных учреждений.

Результаты работы первого съезда языковедов Арабского Востока, наметившего конкретные шаги на пути разрешения сложной проблемы двуязычия, с одобрением встречены общественностью всех арабских стран.

В. М. Борисов

Т. Н. КАРЫ-НИЯЗОВ. *Очерки истории культуры Советского Узбекистана*. М., Изд-во АН СССР, 1955, 560 стр.

Народы Востока проявляют большой интерес к политической, экономической и культурной жизни Советского Узбекистана. Это не случайное явление. Советский Узбекистан за исторически короткий срок, при братской помощи народов СССР из аграрной, отсталой окраины царской России превратился в передовую индустриальную социалистическую республику с высоким механизированным сельским хозяйством. В республике выросли квалифицированные кадры рабочего класса, национальной интеллигенции, расцвела культура узбекского народа. Советский Узбекистан — это яркое свидетельство торжества ленинской национальной политики. В 1957 г. Узбекская Советская Социалистическая Республика за большие успехи в развитии хлопководства награждена орденом Ленина.

На совещании представителей интеллигенции Узбекистана (октябрь 1956 г.) в докладе первого секретаря ЦК КП Узбекистана Н. А. Мухитдинова были приведены яркие данные о расцвете экономики и культуры республики. Валовая продукция в ней, по сравнению с 1913 г., выросла в 14 раз, выработка электроэнергии в 1200 раз; нефти вместо 13 тыс. тонн добывалось около 1 млн. тонн.

В республике теперь более 1 миллиона рабочих и служащих. Возникли новые промышленные центры — Чирчик, Ангрен, Алмалык, Беговат, Ленинск, Янгйуль.

Социалистическое сельское хозяйство республики дало в 1956 г. 2 млн. 860 тыс. тонн хлопка — больше, чем в Бразилии, Пакистане, Турции и Иране вместе взятых. Узбекистан стал республикой передовой культуры. Если в 1913 г. среди узбеков было всего лишь 2% грамотных, то в 1956 г. в школах республики насчитывается более 1300 тыс. учащихся, в 34 вузах — 65 тыс. студентов, в средних специальных заведениях — 58 тыс. учащихся. В республике имеется Академия наук, более 100 научно-исследовательских институтов, до 6 тыс. научных работников.

Рецензируемая книга посвящена анализу и описанию истории культуры Советского Узбекистана, тем огромным достижениям в области культурного строительства, которыми по праву гордится узбекский народ. Опыт культурного строительства в Узбекистане имеет международное значение. Он является вдохновляющим примером для народов колониальных и зависимых стран Востока, борющихся за лучшую жизнь. Ценность работы профессора Т. Н. Кары-Ниязова прежде всего заключается в том, что автор впервые в нашей советской литературе обобщил и систематизировал опыт культурного строительства в Узбекистане, сделав его достоянием широких масс читателей как у нас в Советском Союзе, так и за рубежом. На основе фактических материалов и документов, Т. Н. Кары-Ниязов подвергает разоблачению утверждения реакционных буржуазных авторов о якобы извечной культурной отсталости народов Средней Азии.

История культуры узбекского народа рассматривается в книге в строго хронологическом порядке и на широком историческом фоне. Весьма широк круг источников, использованных автором. Это — архивные документы, периодическая пресса, официальные документы партийных, советских, профсоюзных организаций и т. д. В книге подчеркивается, что подлинным творцом культуры является народ. Одним из главных

достоинств книги является то, что автор уделяет большое внимание характеристике руководящей роли Коммунистической партии в культурном строительстве Узбекистана. Рецензируемая работа состоит из двух частей. В первой части книги кратко характеризуется древняя и средневековая культура народов Узбекистана и убедительно показывается прогрессивное значение присоединения Туркестана к России. Во второй, основной части работы, состоящей из одиннадцати глав, дан анализ развития культуры Узбекистана при Советской власти. С большим интересом читаются страницы книги, посвященные анализу культурного наследия народов Узбекистана. На основе многочисленных фактов в книге обосновано положение, что Средняя Азия является одним из древнейших очагов человеческой культуры (стр. 11).

Обнаруженные археологами на Нижнем Зеравшане развитые и довольно совершенные для своего времени ирригационные системы, сооруженные предками узбеков в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, найденные плиты скульптурного карниза (начало нашей эры) с изображением музыкантов, играющих на арфе, лютне, двойной флейте, двустороннем барабане и кимвалах (стр. 12), представляющие большой интерес материалы раскопок древнего города Топрак-Кала, характеризующие быт, культуру и искусство Хорезма (стр. 254), и многие другие обнаруженные памятники живописи и скульптуры свидетельствуют о высоком уровне и самобытности древней культуры народов Узбекистана. Говоря о культуре узбекского народа в эпоху феодализма, автор дает представление о плодотворной деятельности выдающихся ученых и поэтов среднеазиатских народов — Мухаммада ибн-Муса Хорезми, Мухаммада Фараби, Мухаммада ибн-Ахмад Хорезми, Беруни, Абуали ибн-Сина и других, сделавших неоценимый вклад в сокровищницу мировой науки и культуры. Эти замечательные ученые и поэты оставили нам ценное культурное наследие. В Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР хранятся старинные рукописи, имеющие мировое значение. Рукописный фонд института занимает одно из первых мест в мире среди подобных хранилищ, насчитывая пятнадцать тысяч томов, содержащих свыше восьмидесяти тысяч произведений, в том числе много уникальных памятников письменности. Институт ведет большую работу по изучению и аннотированию рукописей — этих ценных памятников науки, литературы и искусства народов Средней Азии.

В книге Т. Н. Кары-Ниязова сделан вывод, что культура народов Узбекистана создавалась в условиях ожесточенной борьбы передовых традиций против реакционной идеологии мусульманской церкви, противодействовавшей науке и прогрессу.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов истории культуры советского периода Узбекистана, Т. Н. Кары-Ниязов раскрывает прогрессивное значение присоединения Туркестана к России. Автор совершенно правильно поступил, осветив этот важный вопрос, имеющий большое значение для понимания влияния породовой русской культуры на культурное развитие народов Узбекистана.

Автор коротко останавливается на освещении многовековой истории культурных, торговых и политических связей между народами России и Туркестана, что во многом способствовало взаимному пониманию и сближению этих народов. Присоединение Средней Азии к России, подчеркивается в книге, произошло в результате захватнической политики царского самодержавия во второй половине XIX в., но объективно это присоединение имело прогрессивное значение: со времени присоединения Туркестана к России был положен конец феодальным междоусобным войнам, продолжавшимся на протяжении многих веков, была предотвращена опасность захвата Туркестана Англией и отсталыми военно-феодальными государствами Востока. Присоединение к России народов Туркестана произошло в канун перемещения центра мирового революционного движения в Россию. Совместно со всеми народами России узбекский народ выступил на решительную борьбу против всех форм политического и социального гнета. Автор подчеркивает прогрессивную роль революционной России в исторических судьбах народов Туркестана (стр. 50). Однако Туркестан оставался отсталой окраиной царской России. Лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции были созданы условия для всестороннего развития национальной культуры народов бывшей царской России, в том числе и узбекского народа.

Во второй части книги говорится о некоторых теоретических вопросах строительства социалистической культуры. В последующих главах в хронологическом порядке приводятся сведения, отражающие историю создания и развития системы начальных, средних и высших школ, науки и научных учреждений в Узбекистане, развития узбекского языка, литературы, советской печати и советского искусства в республике. В последней, одиннадцатой, главе автор пишет о формировании советского человека в ходе борьбы за индустриализацию, социалистическое преобразование сельского хозяйства, реконструкцию и благоустройство городов.

В начале второй части книги дан большой материал о развитии народного образования в Узбекистане. В создании первых советских школ республики автор книги принимал непосредственное участие. Он подчеркивает огромную помощь, оказанную в строительстве школ передовыми русскими педагогами (стр. 136). Если царское правительство за полвека господства в Туркестане ежегодно открывало в среднем лишь 1 школу, то уже за первые три года существования советской власти ежегодно открывалось в среднем по 674 школы (стр. 151).

До Октябрьской революции в Туркестане не было ни одного высшего учебного заведения. При Советской власти уже 21 апреля 1918 года был открыт Туркестанский Народный университет, а 7 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал исторический декрет об открытии в Ташкенте Туркестанского государственного университета, положившего начало развитию высшего образования во всей Средней Азии. Т. Н. Кары-Ниязов на примере создания и процесса роста Туркестанского государственного университета (перешедшего в Среднеазиатский) показывает общую картину создания системы высшего образования в республике.

По мере развития высшей школы создавались научно-исследовательские учреждения. К 1940 г. в республике насчитывалось около 60 специальных научно-исследовательских учреждений (стр. 231). Достижения науки в Узбекистане благотворно сказались на развитии народного хозяйства республики, особенно ирригации и хлопководства.

Развитие широкой сети научных учреждений, рост национальных научных кадров, успехи ученых Узбекистана в деле развития передовой советской науки сделали возможным создать в 1940 г. филиал Академии наук СССР в республике, а потом, в 1943 г. — Академию наук Узбекской ССР. «Ученые Советского Узбекистана, — пишет Т. Н. Кары-Ниязов, — внесли свой вклад во все отрасли науки. На суровых ледниках и горных вершинах, в знойных пустынях и песках, в лабораториях и архивах республики — всюду они вели изыскания, изучали материальные и духовные богатства республики с целью поставить их на службу человеку» (стр. 256).

В книге рассматриваются вопросы развития узбекского литературного языка, создания системы узбекской письменности на основе латинской графики, а затем и переход с латинизированного алфавита на русский алфавит. Автор отмечает большую работу узбекских языковедов по изучению языкового наследия узбекского народа и по составлению школьных грамматик и орфографических словарей. В словарном составе узбекского языка, пишет автор, из года в год уменьшаются слова арабско-персидского, религиозно-обрядного происхождения, исчезают слова, связанные со старыми формами быта.

Т. Н. Кары-Ниязов указывает, что после Великой Октябрьской социалистической революции узбекский язык впитал в себя много интернациональных терминов и развивался под благотворным влиянием передовой русской культуры (стр. 265).

Большое внимание в книге уделено характеристике литературы прошлого, которая развивалась, критически осваивая традиции литературы.

Т. Н. Кары-Ниязов знакомит читателей с творчеством выдающихся узбекских поэтов и писателей — Хамза Хаким Заде, Х. Алимджана, Гафур Гулама, Айбека и других. Он характеризует также творчество мастеров художественного слова — народных поэтов — сказителей.

Состоявшийся в августе 1954 г. III съезд писателей Узбекистана отметил в своих решениях, что узбекский народ имеет не только богатую, вдохновенную поэзию, но и сложившуюся, развитую художественную прозу и драматургию.

В книге Т. Н. Кары-Ниязова дан большой материал о развитии в республике газетно-журнального дела, книгопечатания, издательской работы. Если в 1918 г. в Туркестане выходило лишь 11 газет и несколько журналов (стр. 320), то в 1953 г. число издающихся в республике газет достигло 182, журналов — 45, в том числе 15 научных и литературных. Большинство изданий печатается на узбекском языке (стр. 357).

В книге значительное внимание уделено возрождению, формированию и дальнейшему развитию всех видов узбекского советского искусства — драматургии и драматического театра, музыки и музыкального театра, изобразительного искусства. Автор относит большое место характеристике творчества узбекских драматургов, композиторов, художников, разбирает постановки театров, пишет об успехах узбекских мастеров сцены, указывает на отдельные неудачи. В настоящее время в Узбекистане имеется 26 театров, Узбекская государственная филармония с хорошей капеллой при ней, узбекская государственная консерватория, узбекский государственный институт театрального искусства, три музыкальных, два художественных, хореографическое и театрально-техническое училища, одиннадцать детских музыкальных школ, два дома народного творчества (стр. 445).

Таким образом, рецензируемая работа посвящена весьма большому кругу вопросов развития узбекской советской культуры. Автор провел значительную исследовательскую работу по подбору фактов, сделал правильные обобщения и выводы. Многие страницы написаны интересно и увлекательно. Этому помогло то, что автор был очевидцем и активным участником культурного строительства в Узбекистане в годы Советской власти. Однако автор не является специалистом по всем вопросам культуры, затронутым в рецензируемой работе. Вполне понятно поэтому, что не все главы работы написаны одинаково полно и ярко. Если вопросы культурного наследия народов Узбекистана, влияния народной русской культуры на их развитие, строительство начальной и высшей школы, развитие узбекского языка и письменности и некоторые другие важные вопросы изложены автором с большим знанием материала, то нельзя этого сказать о главах книги, посвященных драматургии, драматическому театру, музыке и музыкальному театру, живописи. Эти главы, к сожалению, написаны бледно. Главы «Музыка и музыкальный театр» посвящаются в книге 38 страниц, из них 10 страниц заняты иллюстрациями, а большая часть оставшихся страниц заполнена перечислением имен музыкальных деятелей и названий их произведений.

О музыкальных произведениях и об узбекской музыке вообще автор дал бедный и неполный обзор. Т. Н. Кары-Ниязов в этой главе даже не упоминает об узбекской декаде литературы и искусства, проходившей в Москве в 1951 г., и о тех выводах, которые были сделаны после нее узбекскими деятелями культуры. То же самое можно с полным правом сказать о главе «Драматический театр и драматургия». Она наполовину состоит из обширных выдержек из произведений драматургов, пересказа их содержания, иллюстраций. Критические заметки автора о произведениях литературы, музыки, живописи носят общий характер, и очень часто автор повторяет замечания, уже имеющиеся в нашей печати (например, критика романа Айбона «Навои», см. стр. 314). Неполно создается впечатление полного благополучия. Как известно, Коммунистическая партия и Советское правительство учат наши кадры никогда не успокаиваться на достигнутых результатах, и остро критиковать и преодолевать имеющиеся недостатки в работе. Автор книги лишь декларативно указывает, что литература и искусство Узбекистана развивались в борьбе против буржуазной идеологии, но крайне недостаточно вскрывает формы и способы преодоления враждебной марксизма-ленинизма идеологии. В книге поэтому отсутствует должная оценка произведений драматургии, постановок драматических театров, книг писателей и поэтов, произведений композиторов, живописцев, радиопередач и т. д.

Автор не указывает, каким образом облегчить преодоление недостатков, существующих в области культурного строительства. Он ничего не пишет о детских театрах,

в которых пионеры, не раскрывая действительности замечательных областей музыкального искусства. В книге констатируется, что произведений классиков марксизма-ленинизма, произведений художественной литературы других народов переводится на узбекский язык (стр. 260, 280) и приводятся цифровые данные, показывающие количественный рост переводной литературы. Следовательно остановиться, хотя бы и общих чертах, и на качестве перевода произведений, а также указать на те серьезные недостатки, которые имеются в переводческом деле республики.

Весьма неудачно включение книги «Народы Узбекистана и борьба за сохранение и укрепление мира», которое носит формальный характер. Автор перечисляет ряд общеизвестных фактов из недавней истории движения сторонников мира, но ничего не пишет о вкладе узбекского народа в общую борьбу за сохранение и укрепление мира, даже не упоминает об Узбекском комитете защиты мира. Автор, пытаясь познакомить читателей с расширяющимися культурными связями Узбекистана с зарубежными странами, посвятил этому вопросу всего две страницы (стр. 553—554), причем они в основном заполнены высказываниями членов иностранных делегаций, побывавших в Узбекистане. Подобное бедное изложение вопроса о культурных связях Узбекистана с зарубежными странами удовлетворить читателей книги не может. Следовательно бы более обстоятельно осветить этот интересный и важный вопрос. В книге не упоминается об Узбекском обществе культурной связи с заграницей и его деятельности. О широком развитии культурных связей Узбекистана с зарубежными странами красноречиво говорят хотя бы то, что за последние восемь лет в Советском Узбекистане побывало 180 ораторских делегаций, представителей более 40 стран мира.

Не нашли в книге отражения и выступления узбекских деятелей искусства в зарубежных странах, участие артистической молодежи Узбекистана во всемирных фестивалях молодежи и студентов и их успехи, являющиеся свидетельством несомненного роста культуры узбекского народа. Т. Н. Кары-Ниязов не уделяет никакого внимания деятельности союза советских писателей, композиторов, художников Узбекистана в деятельности театрального общества. Это большое упущение. Анализ деятельности этих учреждений помог бы автору более конкретно указать на недостатки, имеющиеся в деле культурного развития в республике. Было бы целесообразно остановиться на деятельности республиканского Министерства культуры по руководству культурными учреждениями Узбекистана.

В книге крайне слабо отражены развитие и расцвет художественной самостоятельности широких масс трудящихся Узбекистана. Автор в одном лишь месте (стр. 445) упоминает о существовании кружков художественной самостоятельности, ничего не пишет о традиционных праздниках песни, проводимых ежегодно во всех крупных городах республики. Говоря об изменении облика Узбекистана, Т. Н. Кары-Ниязов обходит молчаньем такой замечательный факт, как радификация городов и кишлаков республики. Освещению всех этих важных вопросов, наиболее ярко характеризующих культурный рост узбекского народа за годы Советской власти, безусловно обогатило бы содержание книги.

Одним из пробелов рецензируемой работы является отсутствие обзора современной литературы. В книге имеется также ряд неточностей. Например, на стр. 374 Т. Н. Кары-Ниязов утверждает, что в 1924 г. в Москве была организована узбекская драматическая студия, в которой «проводили занятия выдающиеся русские мастера театра, руководимого Евг. Пахтаганом». Но Евг. Пахтаган умер в 1922 г. и в 1924 г. никак не мог руководить театром. Часто автор не указывает неточности приведенных фактических материалов (см. стр. 171, 334, 472 и многие другие).

В республиканской печати были опубликованы две рецензии на книгу Т. Н. Кары-Ниязова¹. Авторы рецензий — академики и члены-корреспонденты Академии наук

¹ К. Корвин, Н. Залилова, Р. Набиев. Ценный труд по истории культуры Советского Узбекистана. «Правда Востока», 2 июня 1955 г.; Рафур Гулам, Совет Узбекистана. «Правда Востока», 2 июня 1955 г.; Рафур Гулам, Совет Узбекистана. «Правда Востока», 2 июня 1955 г.

Узбекистана, известные деятели науки и культуры республики ограничились одними хвалебными высказываниями, и, против ожидания, не указали на имеющиеся в книге недостатки, хотя безусловно могли бы сделать интересные и ценные замечания.

В настоящее время Т. Н. Кары-Ниязов готовит книгу для издания ее на узбекском языке в Ташкенте. Мы надеемся, что автор учтет наши замечания, так же как и те изменения, которые произошли в культурной жизни Узбекистана со времени опубликования рецензируемого русского издания книги. Многие данные, приведенные в книге, теперь устарели, их нужно будет дополнить новыми фактами.

Несмотря на перечисленные недостатки, книга Т. Н. Кары-Ниязова заслуживает в целом, несомненно, положительной оценки. Одной из главных задач ученых и деятелей культуры Узбекистана является глубокая и полное отображение богатой и многовековой культуры Узбекистана и ее невиданного расцвета в условиях социалистического строя. Т. Н. Кары-Ниязов положил начало этой благородной работе, которую следует продолжить.

Б. А. Абдулразаков

RÉSUMÉ

Prof. T. N. Kary-Niyazov is the first Soviet author to sum up and systematize the cultural development of Uzbekistan. Operating with facts and documents, T. N. Kary-Niyazov nails the allegations of the reactionary bourgeois authors that the peoples of Central Asia are doomed to everlasting cultural backwardness.

ЛО ЮАНЬ-ЦЗЭН. *Экономические преобразования в Китайской Народной Республике*. Л., Изд-во ЛГУ, 1955, 228 стр.

Китайский народ, одержав победу в долголетней ожесточенной борьбе против соединенных сил империализма и феодализма и взяв власть в свои руки, приступил к проведению экономических преобразований, имеющих историческое значение. Анализ этих преобразований, происходящих в Китае за годы существования народной власти, представляет большой интерес не только для трудящихся Советского Союза, стран народной демократии, но и для всей широкой общественности азиатских и неазиатских стран.

К сожалению, в Советском Союзе пока все еще нет значительных научных исследований, посвященных великим экономическим преобразованиям в Китае. В этой связи не может не привлечь внимания книга молодого китайского экономиста Ло Юань-цзэна, вышедшая в 1955 г. в Ленинграде. Она написана автором по материалам диссертации, защищенной им на экономическом факультете Ленинградского государственного университета им. Жданова. Книга Ло Юань-цзэна посвящена в основном анализу экономических преобразований за первые четыре года существования КНР.

В первом разделе рецензируемой книги рассмотрены основные особенности общественно-экономического строя Китая накануне победы народно-демократической революции. Старый, порабощенный империалистами Китай был отсталой аграрной страной, и естественно, что автор начинает книгу с разбора социально-экономических отношений в китайской деревне, с анализа последствий господства феодальных пережитков в стране. Автор на большом материале показывает, что основой эксплуатации крестьян помещиками являлась феодальная собственность на землю. Феодальная собственность была не только основой безжалостной эксплуатации крестьян, но и тормозом в экономическом развитии, причиной застоя в промышленности, опорой политической реакции.

Остановимся на наиболее интересных, по нашему мнению, моментах этой главы. Для деревни в гоминьдановском Китае был характерен все убыстряющийся процесс концентрации земельных участков в руках помещиков. Вообще концентрация земельной собственности — один из характерных признаков развития капитализма в сельском хозяйстве. «Однако, — как пишет Ло Юань-цзэн, — специфический характер феодальных пережитков в китайской деревне задерживал развитие капитализма, так как концентрация собственности на землю в Китае почти не сопровождалась концентрацией землепользования. Крестьяне по-прежнему обрабатывали раздробленные мелкие участки» (стр. 14). Крайне высоким был уровень земельной ренты, выплачиваемой помещикам, что являлось одним из тормозов в развитии сельского хозяйства.

Господство феодальных участков ограничивало развитие производительных сил. Автор справедливо указывает, что «мелкокрестьянское, феодального типа землепользование являлось еще более отсталым, чем единоличное мелкокрестьянское хозяйство, ибо крестьяне, владельцы мелких земельных участков, были заинтересованы в том, чтобы в определенной степени и в меру своих возможностей осуществлять повышение урожайности, в чем, однако, совершенно не были заинтересованы крестьяне-арендаторы» (стр. 15).

Сотни лет земля поднималась сохой, «старокитайским плугом», о котором писал еще Маркс как о символе отсталости. Крестьяне не имели возможности улучшать технику обработки земли, применять удобрения, сортовые семена. Кроме того, в этих условиях крестьяне не могли правильно и рационально использовать свой труд. Пока в этом отношении данные приведены в газете «Жэньминьжибао» от 1 января 1956 г. В старом Китае в некоторых районах рек Хуанхэ и Хуайхэ крестьянин был занят на полевых работах лишь около 100 дней в году, и только после создания кооперативов появилась возможность значительно более производительно использовать труд крестьян. Крестьянское хозяйство в гоминьдановском Китае постоянно находилось под угрозой полного разорения и в сельском хозяйстве наблюдался хронический кризис.

Вопросы, разбираемые в первой главе, обширный фактический материал, приведенный автором, представляют большой интерес для советского читателя сейчас, когда он внимательно следит за бурным подъемом кооперирования сельского хозяйства Китая. Работа Ло Юань-цзэна показывает, почему крестьяне Китая единодушно пошли в кооперативы. В книге убедительно подтверждено, как прозорлива была компартия Китая в годы тяжелых революционных войн, призывавшая крестьян «Организоваться», «Объединиться в бригады трудовой взаимопомощи и кооперативы», а после победы революционной уверенно поведшая многомиллионное крестьянство Китая по пути кооперирования.

Во второй главе книги раскрываются губительные последствия господства иностранного капитала в Китае. Главным механизмом экономической агрессии в Китае, пишет Ло Юань-цзэн, были банки (стр. 29). В книге разоблачен распространенный миф о том, что иностранный капитал оказывал благотворное влияние на экономику слаборазвитых стран, в том числе и Китая. Автор показывает, что большая часть иностранного капитала извлекалась из местных китайских ресурсов и, таким образом, являлась результатом нещадной эксплуатации китайского народа. Автор указывает, что прибыли, получаемые иностранцами в Китае, вдвое превышали стоимость ввезенного ими капитала. Так, со времени первой опиумной войны до войны против японских захватчиков капитал, ввезенный в Китай в виде займов, не превышал 700 млн. американских долларов, а прибыль, полученная за это время в Китае предпринимателями капиталистических стран, равнялась 1400 млн. ам. долл. (стр. 36). Причем более половины иностранного капитала было вложено в торговлю, банковское дело, страховые компании и лишь незначительная часть — в промышленность.

Вторжение иностранного капитала в некоторой степени ускорило разложение феодального общества в стране, однако колонизаторы старались консервировать и обере-

гать феодальные порождения, используя помещиков и компраторов в интересах получения максимальных прибылей за счет китайского населения.

Развитие промышленности Китая с давних пор тормозилось капиталистическими державами, что наиболее резко стало проявляться при империализме. Национальная промышленность получала некоторый простор для роста лишь в кратковременные периоды ослабления давления иностранного капитала, захватившего командные высоты в экономике страны. В годы первой мировой войны, когда империалистические государства Европы и Азии были заняты борьбой, национальная промышленность Китая, главным образом легкая, сделала некоторый шаг вперед. Но при малейшем же нажиме со стороны иностранных монополий предпринятия национальной буржуазии не выдерживали конкуренции с ними и терпели крах.

В книге Ло Юань-цзэна приводятся многочисленные данные, подтверждающие полную зависимость китайской промышленности от империализма. Паровозостроительный завод, пишет автор, в действительности мог производить лишь вагоны. Локомотивы доставлялись из Японии. В Китае насчитывалось до 150 авторемонтных заводов, но ни одного завода, производящего автомобили (стр. 38). Иностраный империализм превратил Китай в полуколониальную страну, в источник сырья, рынок сбыта и сферу приложения своего капитала.

Засилье иностранных монополий и связанного с ним феодально-компраторского капитала держало Китай на положении крайне отсталой страны. В книге приведена интересная таблица, из которой видно, насколько отстал Китай в экономическом развитии. Сравнивается уровень промышленного производства в России в 1913 г. с уровнем промышленного производства в Китае в 1933 г. В Китае в 1933 г. производилось стали в 169 раз меньше, чем в дореволюционной России, чугуна — в 7 раз; железной руды — в 4 раза; нефти — в 100 раз; электроэнергии — в 1,7 раза; машин — в 22,2 раза. Сеть железных дорог была меньше в пять раз (стр. 41).

Опаснейшим врагом китайского народа стал американский империализм, который ставил задачей превратить Китай в колонию. В книге раскрывается это положение и делается вывод, что китайский народ никогда не мирился с попытками иностранных угнетателей поработить Китай. В стране росло национально-освободительное движение, успешно начавшее развиваться после того, как оно было возглавлено пролетариатом и коммунистической партией.

В третьей главе книги раскрыта сущность феодально-компраторского бюрократического капитала как уродливого порождения полуколониального — полуколониального китайского общества. Господство бюрократического капитала было нераздельно слито с политической властью китайской реакции, осуществившей фашистский террор.

Автор указывает, что китайский монополистический капитализм по процессу развития, способам и формам эксплуатации сильно отличался от монополистического капитализма в главных капиталистических странах Европы и Америки. Однако у него была общая черта с ним — кабальная система эксплуатации трудящихся масс.

Компраторская сущность бюрократического капитала в Китае, пишет автор, состояла в том, что он олицетворял собой процесс сращивания банковского капитала в основном с торговлей, а не с промышленностью (стр. 53). Бюрократический капитал отличается не только своим колониальным и феодальным характером, но и тем, что он является военным государственно-монополистическим капиталом (там же). Пресловутые четыре семейства (Цзян, Сун, Кун, Чэнь) за два десятилетия господства в стране стали миллиардерами. Они наживались грязными средствами — от спекуляции до прямого грабежа населения. Перед победой революции в руках бюрократического капитала было сосредоточено более 70% всей промышленности на гоминьдановской территории Китая.

Основной в первых трех главах характер гнета, который испытывал китайский народ со стороны иностранного империализма, феодализма и бюрократического капитала, и тяжелые последствия этого гнета в жизни китайского общества, в заключительной главе первого раздела автор описывает положение и борьбу рабочего класса. Материал

главы дали возможность автору сделать выводы на предыдущего экономическо-го анализа.

В условиях тройного гнета, — пишет автор, — рабочий класс Китая, являвшийся самым эксплуатируемым, но и прежде всего самым революционным классом, самым борцом, неоднократно поднимался на борьбу со своими угнетателями (стр. 60).

В книге показан рост революционного сознания рабочих Китая, рост их организованности. Убедительно раскрыто положение, что только пролетариат, руководимый коммунистической партией, в состоянии сплотить вокруг себя демократически элиту страны и повести их на борьбу за народную власть.

После взятия власти необходимо было провести коренные экономические преобразования в отсталой, полуфеодальной стране. Анализ этих экономических преобразований посвящен второй, основной раздел книги Ло Юань-цзэна. Но все в равной мере здесь удалось автору. Так, слабее других глав написаны главы о социалистических преобразованиях в сельском хозяйстве Китая и о социалистической индустриализации. Автор нередко ограничивается данными восстановительного периода, тогда как он ставил задачу дать картину экономических преобразований в КНР по 1954 г. По и во втором разделе анализ важнейших изменений в экономике КНР: восстановление промышленности, разрушенной войнами и хозяйничаньем американских бизнесменов вкупе с реакционным гоминьданом, борьба за улучшение финансового положения в стране, аграрные преобразования, политика компартии Китая по отношению к национальной буржуазии в период перехода к социализму и т.д. Главные книги, посвященные этим вопросам, опираясь на энтузиазм масс, шаг за шагом готовили подступы к осуществлению социалистической индустриализации и в самом готовили подступы к осуществлению преобразований в сельском хозяйстве, ку-старной промышленности, и частной торговле и промышленности. Автор показывает, как трудящиеся Китая приступили к претворению в жизнь этих ключевых, взаимозависимых и неотъемлемых задач генеральной линии Коммунистической партии Китая в период перехода к социализму.

Интересными в книге Ло Юань-цзэна являются страницы, где описывается политика КПК в отношении развития отдельных секторов народного хозяйства.

Книга Ло Юань-цзэна убедительно свидетельствует, как Коммунистическая партия Китая, вооруженная теорией марксизма-ленинизма и творчески использующая опыт, накопленный другими коммунистическими и рабочими партиями, и прежде всего богатейший опыт Коммунистической партии Советского Союза, в своеобразных условиях Китая разрабатывала и претворяла в жизнь программу экономических преобразований, обогащая тем самым марксистско-ленинскую теорию опытом великой китайской революции. Серьезным достоинством книги Ло Юань-цзэна является не только анализ наиболее важных, основных закономерностей экономических преобразований в Китайской Народной Республике, но и показ конкретных трудностей, стоявших перед страной, рассмотрению форм и методов этих преобразований. С марксистских позиций автор излагает вопрос о необходимости переходного периода между капитализмом и социализмом и о своеобразии этого периода в условиях КНР как периода от полуколониальной, полуколониальной экономики к экономике социалистической.

На пути реконструкции и восстановления разрушенного хозяйства, а также создания новых производственных отношений немалые трудности. Ло Юань-цзэна не уходит от анализа этих трудностей. Начало 1950 г. было ознаменовано всплеском спекуляции, прекращением долготельности торгового и промышленного предприятий. Особенно характерен пример крупнейшего торгового и промышленного центра страны — Шанхая. Здесь на 21 тыс. фабрик и магазинов в феврале 1950 г. закрылось 500, в марте — 1100, в апреле — более 1500; за апрель и май число безработных в Шанхае возросло до 50 тыс. человек (стр. 122). Эти серьезные трудности, как указывает автор, были вызваны тем, что шанхайская буржуазия, руководствуясь принципом

«лучше торговать, чем работать, лучше спекулировать, чем торговать», пыталась безудержно спекулировать товарами. Когда же она потерпела большие убытки в связи со стабилизацией и снижением цен, то стала припрятывать продукцию, скупленные товары, машины и т. д. В стране ощущалась нехватка важнейших видов сырья для предприятий. В 1946 г. хлопок занимал первое место в импорте Китая, составляя 92,8% всей массы хлопка, потреблявшегося текстильной промышленностью страны. Это создавало серьезные затруднения для народного Китая, но они преодолевались благодаря помощи СССР и быстрому развитию производства хлопка в самом Китае. Производство промышленных товаров широкого потребления и торговли этими товарами отставали резко от роста покупательной способности трудящихся (стр. 122).

Государственные органы молодой республики успешно преодолевали возникающие трудности. Был взят твердый курс на централизацию финансово-экономической работы в стране, на создание единого управления финансами и экономикой (стр. 132). Серьезное значение имела решительная борьба против спекуляции, а также то, что были взяты под контроль частные банки и мензальные лавки. Была ликвидирована шанхайская биржа — гнездо спекулянтов и авантюристов. На попытки спекулянтов использовать нехватку зерна на шанхайском рынке и взвинтить цены правительство направило с Северо-Востока в Шанхай 900 млн. цзиней зерна. Это ударило по спекулянтам (стр. 130). Государство оказывало материальную и финансовую помощь промышленным предприятиям, содействуя тем самым увеличению выпуска продукции, ввело в практику предоставление государственных заказов на переработку сырья, совершало оптовые закупки товаров и т. д. Государство выбрасывало на рынок товары, продавая их населению по твердым ценам. Все это привело к преодолению трудностей, и к лету 1950 г. финансовая и экономическая обстановка в стране была оздоровлена.

В своей книге Лло Юань-цзи стремился показать, как вводились новые формы экономики, как зарождались новые формы управления промышленностью, новые методы хозяйствования. В книге подробно описан процесс создания государственного сектора — ведущей силы экономических преобразований, показано, как велась борьба за проведение демократических преобразований на производстве, без чего нельзя было приступить к индустриализации страны. Демократические преобразования в производстве начались решительной ликвидацией феодальных порядков и пережитков в системе управления (старшины и посредники, аресты и обыски рабочих, штрафы и т. д.). Возникли специальные комитеты по управлению заводами и фабриками. В них, помимо служащих и административно-управленческого аппарата, входили представители рабочих; регулярно проводились производственные совещания (стр. 114). Все эти демократические преобразования помогли рабочим государственных предприятий понять свою роль подлинных хозяев фабрик и заводов и обеспечили условия для реорганизации производства, рациональной оплаты труда, внедрения принципов хозрасчета (там же).

На многих примерах в книге показано, как Коммунистическая партия и правительство Китая, осуществляя исторические преобразования, учитывают неравномерность развития различных районов страны, специфику этих районов. Большое значение это имело при проведении преобразований в сельском хозяйстве. Земельная реформа проводилась постепенно, по отдельным районам, в зависимости от их конкретных условий и от времени их освобождения. Большое значение учету местных условий придается также и при проведении кооперирования в сельском хозяйстве.

Важным моментом в книге является то, что автор заостряет внимание читателя на сложности классовых взаимоотношений в КНР. Он показывает примеры классовой борьбы буржуазии, отдельные элементы которой оказывали сопротивление политике Коммунистической партии Китая. Автор приводит в книге яркие примеры трудового героизма китайских рабочих.

Хотелось бы пожелать автору в дальнейшем при работе над экономическими проблемами Китая уделить внимание анализу развития национальной промышленности Китая, процессу создания национальной буржуазии, ее взаимоотношений с пролетариатом и крестьянством. Подобный анализ крайне важен ввиду большой сложности и неразработанности данного вопроса в экономической литературе о Китае.

Analyzing the difficulties which the Chinese people had to overcome in the socialist transformation of their country, the author of the book gives an idea of the complexity of class relationships in China.

The book shows the concrete forms and methods used by the CPC in the enactment of these historic transformations.

АР-РАФИИ АБДУРРАХМАН. Восстание 1919 года в Египте. История национально-освободительного движения 1914—1921 годов. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, 429 стр.

Послевоенный подъем антиимпериалистического и демократического движения в Египте в сильнейшей степени способствовал успехам египетской исторической науки. Значительная группа египетских ученых последние годы занимается разработкой новейшей истории своей страны и уже создала ряд серьезных научных трудов. Одно из первых мест среди них занимает большая серия работ ар-Рафии, охватывающая историю Египта с 1798 по 1951 г. К ним относятся и рецензируемый труд.

Книга египетского ученого патриота Абдулрахмана ар-Рафии была издана в Каире весной 1946 г.; она посвящена одной из самых славных страниц борьбы египетского народа — антиимпериалистическому восстанию 1919 г. «Восстание 1919 г. явилось основой дальнейшего развития событий в стране, — справедливо замечает ар-Рафия, — и уже только потому оно заслуживает самого тщательного и всестороннего изучения» (стр. 16).

О восстании 1919 г. уже немало писали и в Египте и в Европе. Но в египетской литературе до сих пор не было связной и полной истории восстания. В частности, известная книга М. Сабри «Египетская революция» давала лишь краткое описание восстания, уделяя большое внимание международным переговорам. Реакционные авторы на Западе¹, как правило, фальсифицировали историю восстания, освещая его с позиций, враждебных египетскому национально-освободительному движению.

Советский академик Ф. А. Ротштейн внес в дело изучения восстания 1919 г. большой вклад, писали об этом восстании и другие советские ученые (Х. И. Кильберг и др.), но до сих пор у нас нет специальных монографий о нем. Книга ар-Рафии является первым опубликованным трудом, который написан с антиимпериалистических позиций и специально посвящен восстанию и систематизирует имеющийся богатый материал. Она особенно ценна потому, что основана на личных впечатлениях автора и на информации, полученной им от других очевидцев и участников восстания. Ар-Рафия также тщательно изучил египетскую прессу и документы периода восстания.

Труд ар-Рафии выгодно отличается от многих прежних работ египетских авторов тем, что в нем основное внимание уделяется показу решающей роли широких народных масс в восстании. Ранее большинство египетских авторов при характеристике событий сводили исторический процесс к деятельности немногих вождей, особенно Заглуля (Заглула). Так, например, изображает события 1919 г. известный писатель Тауфик аль-Хаким в своем романе «Возвращение духа», переведенном на русский язык в 1935 г.

Ар-Рафия показывает, что «инициатива восстания принадлежала народу», указывает на народ «как на главную движущую силу национального движения». Он пишет: «Простые люди были основной силой восстания, его гордостью и героями» (стр. 19). В рецензируемой книге не менее убедительно показано, что героические усилия египетского народа не пропали даром: несмотря на поражение восстания 1919 г., оно явилось переломным событием для всей новейшей истории Египта, открыло период всенародной борьбы за независимость.

В книге широко освещена предистория восстания. Автор указывает, что корни восстания уходят в период 1882—1914 гг., которые «в области просвещения, культуры, здравоохранения, промышленности, торговли, армии и флота, в отношении экономического и социального положения в стране, а также политических свобод были годами регресса и упадка, а не годами прогресса и реформ» (стр. 35). Ар-Рафия решительно отбрасывает, таким образом, теорию о прогрессивной роли английского владычества в Египте. Кроме того, он отмечает, что «сам по себе факт иностранной оккупации вызывает недовольство и возмущение в среде любого народа, сохранившего в какой-либо

¹ V. Chirol. The Egyptian problem. London, 1921; J. E. Marshall. The Egyptian enigma (1890—1928). London, 1928; G. Lloyd. Egypt since 1890. London, 1933.

дере национальную гордость. Национальное чувство у египетского народа было не менее развито, чем у народа другой цивилизованной страны» (стр. 59).

Затем ар-Рафия показывает ненависть к иностранным оккупантам и их местным пособникам, подъем национально-освободительного движения после войны, создание Вафда. Он приводит запись беседы вафдистских лидеров с верховным комиссаром Англии в Египте Уингейтом 13 ноября 1918 г. Этот документ значительно дополняет известную до сих пор единственную запись, сообщенную М. Сабри². Весьма большой интерес представляют помещенные в книге речи основателя Вафда Заглуля (стр. 144—147, 148—151).

Подробно рассмотрев известные события, которые послужили непосредственным поводом к восстанию, ар-Рафия переходит к описанию хода самого восстания. Он был очевидцем событий и хорошо рисует обстановку тех дней. «Я сам видел, — пишет ар-Рафия, — как массы принимали участие в демонстрациях, как они презирали опасность и смерть, как они с отвагой воинов шли навстречу пулеметному огню, как многие падали мертвыми. Когда умирал знаменосец, знамя подхватывали другие и, окропив его кровью товарища, высоко поднимали, выкрикивая лозунг: «Да здравствует родина!» Во время восстания египетский народ показал образцы преданности родине, героизма и самопожертвования» (стр. 217).

Анализируя вопрос о характере руководства восстанием, ар-Рафия в общем присоединяется к тем историкам, которые считают восстание стихийным, лишенным централизованного руководства. Он пишет: «Никакого плана, никакого сговора не было... К восстанию никто не призывал, никакая организация, никакой комитет не направляли его, не руководили им, не выпускали никаких воззваний. Восстание было внезапным и стихийным» (стр. 183—184).

Действительно, руководители наиболее влиятельной и многочисленной национальной организации — Вафда саботировали вооруженную борьбу. Каирский комитет Вафда во главе со своим председателем Али Шарави подписал так называемое «воззвание потаблей», которое осудило «насильственные» действия повстанцев. Ар-Рафия отмечает, что в числе других членов комитета воззвание подписал Наххас, будущий председатель партии Вафд (стр. 225).

Военный и организационный перевес английских оккупантов привел к поражению восстания. Приводя большой материал, ар-Рафия клеймит жестокую расправу колонизаторов с египетским народом.

Далее в изложении рассматриваются события от конца восстания до весны 1921 г. В этой части работы содержится много нового материала о событиях в Александрии осенью 1919 г. и о переговорах в Лондоне Заглуля с Милнером. Особо следует отметить впервые приведенный текст конфиденциального послания Заглуля Наххасу и двум другим видным вафдистам (стр. 370—372). Это письмо подтверждает неоднократно высказывавшиеся предположения, что, занимая внешне нейтральную позицию в отношении англо-египетского договора, Заглуль начал скрытую борьбу против него. Он воздержался от прямого осуждения договора, так как встретил сопротивление со стороны соглашательского крыла Вафда и не хотел обнаруживать своих разногласий с этим крылом. Письмо свидетельствует о том, что раскол между антиимпериалистической и соглашательской группировками в Вафде наметился уже летом 1920 г.

В заключение, ар-Рафия дает высокую оценку революционным усилиям египетского народа.

Значительный фактический материал, правильная оценка роли народных масс, горячая симпатия к национально-освободительной борьбе составляют несомненное достоинство книги ар-Рафии. Однако экономическое развитие Египта в годы первой мировой войны, усиление национальной буржуазии, обострение ее конфликта с британским империализмом, а также положение египетского крестьянства и рабочего

² M. Sabry. La révolution égyptienne. Paris, 1921, p. 10—14.

класса не привлекли внимания автора. В книге ничего не сказано о пробуждении пролетариата, о создании в 1919 г. десятков профсоюзов, а в 1921 г. — Всеобщей конференции труда. Крестьянское движение, самостоятельная революционная активность египетских феллахов также незаслуженно оставлены в тени, хотя известно, что феллахи создавали собственно революционные органы управления. Два английских автора обозначают эти органы управления русским термином. Дервини, пишет Чирол, — учреждали свои собственные «советы» (Soviets)³, а Элгуд писал, что «советы шейхов (Soviets of Sheikhs) правили в деревнях»⁴.

Большая Октябрьская социалистическая революция и ее могучее влияние на страны Востока, в том числе на Египет, совершенно выпали из поля зрения автора.

Ряд недостатков книги объясняется тем, что ар-Рафии пристрастен к партизанистам, членом центрального комитета которой он состоял долгое время. Автор пишет, что «партизанская партия играла значительную роль в подготовке восстания 1919 г.» (стр. 68). Но далее мы узнаем, что восстание явилось совершенно неожиданным как для самого ар-Рафии, так и для партизана Фариды, который «воспринял его как внезапное, непредвиденное явление» (стр. 218). Ясно, что эта подготовка в организационном отношении была совершенно недостаточной и это следовало оговорить.

Деятельность политиков, так или иначе соперничавших с партизанами, иногда освещается неверно. Например, автор утверждает, что Заглуль, в согласии с султаном Фуадом и премьером Рушди, провел в ноябре 1918 г. запрещение собраний (стр. 102), хотя в это время Заглуль не занимал никаких административных постов, находился в открытой оппозиции к правительству и был кровным образом заинтересован в свободе собраний. Ар-Рафии сам сообщает далее (стр. 148), что большое собрание, намеченное Заглулем, было запрещено властями.

В то же время ар-Рафии пытается обелить такого реакционера, как Рушди, который был премьером в 1914—1919 гг. Хорошо известно, что Рушди, принадлежавший к верхушке турецко-египетской аристократии, долгие годы верой и правдой служил британским колонизаторам. Английский проимпериалистический автор Элгуд писал о Рушди, что он защищал английские интересы, «если даже они противоречили египетским»⁵. Сам ар-Рафии с негодованием сообщает о холопском подношении Англии 3,5 млн. фунтов из египетского золотого запаса, сделанном весной 1918 г. по инициативе Рушди. Выйдя в отставку накануне восстания, Рушди в апреле 1919 г., в разгар восстания, пытался, по поручению англичан, сформировать новый кабинет, внести разлад в ряды патриотов. Тем не менее в книге содержится утверждение, что «восстание 1919 года... встретило полную поддержку со стороны правительства Рушди» (стр. 69).

Если бы ар-Рафии поместил в своей книге письмо Рушди Заглулю от 25 ноября 1918 г., то стала бы очевидной ошибочность его утверждения о том, что правительство содействовало сбору подписей под «Хартией национальных требований»⁶ (стр. 69). Вот полный текст этого письма: «Его превосходительству Саиду Заглулю шахе. В ответ на Ваши письма от 23 и 24 сего месяца я имею честь уведомить Вас, что советник министерства внутренних дел отдал приказы о прекращении сбора подписей под мандатами, указанными в Ваших письмах, и их конфискации в случае необходимости, так как страна продолжает находиться на военном положении и подобные мандаты рассматриваются призывающими к нарушению общего порядка. Председатель совета министров Хусейн Рушди»⁷.

Серьезным недостатком книги является крайняя ограниченность сведений, сообщаемых в ней о многих важных вопросах. Например, автор пишет о «клубах восста-

ния, местах, где «собирались руководящие участники восстания, ...принимались решения и намечались цели, которые должны были поставлены перед национальным движением» (стр. 193). Но на этом сообщении о клубах заканчивается, и остается неизвестным, какие решения они принимали и проводились ли эти решения в жизнь.

Очерк восстания в провинциях содержит мало новых данных. В книге не дается представления о деятельности нелегальных организаций, подпольных типографий, не раскрывается роль египетской армии в восстании, не дана оценка союза коптов и мусульман.

Некоторые неточности допущены переводчиками и редакторами книги. Например, в русском тексте появляются «народные» суды (стр. 125, 177). Конечно, никаких «народных» судов в колониальном Египте не было, были так называемые «туземные» суды (в официальной английской и французской передаче) суды. Это уничижительное название подчеркивало прижатое положение коренного населения, и его нельзя «улучшать». Только с 14 октября 1919 г. эти суды стали именоваться «национальными».

Имеется немалый разнобой в передаче собственных имен. Фамилия известного политика Ади передается то Якан (стр. 141), то Искун (стр. 253), то Якун (стр. 377). Читатель может подумать, что это разные лица.

Несмотря на указанные недочеты рецензируемой книги, Издательство иностранной литературы сделало нужное и полезное дело, обратив внимание советских читателей на современную арабскую историческую литературу.

А. М. Голдобин

R É S U M É

The book under review is the first monograph on the 1919 uprising in Egypt to be published. Dealing directly with this uprising the book contains a wealth of documentary materials and facts about it. Written in the spirit of an anti-imperialist approach, the book lays emphasis on the role of the people in the uprising, the influence exerted by it upon Egypt's recent history and its great value for the progress of the national liberation struggle.

Inadequate attention to the social background of the uprising and exaggeration of the role played by the Vatan should be classed among the weak points of the book.

ЖАН-ПОЛЬ ГАРРУА. Африка — умирающая земля. Разрушение африканских почв под влиянием колонизации. М., Изд-во иностр. лит-ры. 1954, 399 стр.

За последние годы ряд зарубежных ученых, порой весьма далеких от марксизма-ленинизма, выступили с исследованиями, представляющими собой подлинный обвинительный акт против всей колониальной системы. Порой, независимо от воли авторов, их книги показывают, что колониализм приводит к крайнему ускорению упадка в свое время К. Марксом процесса истощения как тружеников деревни, так и самой почвы, которую они обрабатывают¹.

К этому выводу приходят и читатели посвященного Африке труда бельгийского ученого Гарруа, хотя автор отнюдь не является противником колониальной системы. Если он и критикует ее, то в надежде на возможность «улучшения» и «исправления» этой обреченной системы. Гарруа много лет был секретарем комитета по руководству Институтом национальных заповедников Бельгийского Конго, затем стал генеральным секретарем Института по изучению Центральной Африки, а в 1955 г. был назначен губернатором подопечной Бельгии территории Руанды-Урунди.

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 826.

³ V. Chirol. Указ. соч., ст. p. 183.

⁴ P. G. Elgood. Egypt and the army. London, 1924, p. 349.

⁵ Там же, стр. 359.

⁶ «Хартия» или «Мандат» — краткое изложение программы Вафда.

⁷ Абу л-Фатис Махмуд. Мас'ала мисрийя ва ль-Вафд. Каир, 1921, стр. 47.

В своем исследовании Гарруа уделяет большое внимание именно Бельгийскому Конго, которое автор особенно хорошо знает, но в целом он рассматривает почти все страны Африки к югу от Сахары.

В основу рецензируемой работы положен богатейший фактический материал, и в этом ее главное достоинство. Автор, в частности, использовал большое количество малоизвестных и малодоступных ведомственных изданий за период до начала второй мировой войны.

Исследование Гарруа подразделяется на семь книг, из которых в текст русского издания вошли первые пять. Первая книга — «Образование почвы и поддержание ее плодородия» — представляет собой популярный очерк. В ней освещаются достижения науки различных стран (автор, в частности, подчеркивает значение работ В. В. Докучаева, который характеризуется как основоположник учения о почвообразовательном процессе).

Во второй книге подробно рассказывается о деградации почв в Африке. Хотя в этой книге автор тщательно избегает критики колониального режима, сообщаемые им факты ясно говорят о том, чем именно обусловлены описываемые бедствия, которые в специфических природных условиях Африки принимают катастрофический характер.

Гарруа отмечает, что по крайней мере в некоторых областях Африки (в Руанде, на Золотом Береге и в других районах) за последние десятилетия произошло ухудшение климата (уменьшилось количество осадков, наблюдаются периодические засухи и т. д.). Причиной изменения климата явились уничтожение лесов и, как говорит автор, «человеческая деятельность вообще». В книге цитируется отчет, из которого видно, что в северной части Руанды на всем протяжении с севера на юг отступление леса происходит примерно на один километр в год. Характеризуя положение в тех частях Африки, в которых преобладает сухой лес, Гарруа пишет, что во многих местах он совершенно исчез, причем порой за весьма короткий срок. «Зачастую местные старожилы еще помнят прекрасные леса там, где в настоящее время простираются лишь вырождающиеся заросли кустарника» (стр. 94).

Во всех свидетельствах автора неизменно содержится указание на то, что обезлесение произошло за «последние десятилетия», «за короткий срок» и т. д., т. е. по сути дела, речь идет о периоде интенсивной эксплуатации стран Африки западно-европейскими и американскими монополиями, расхищающими богатства материка.

В гидрологических условиях Африки с данными пор имеют место последовательные перехваты, т. е. явления, когда одна река путем постепенного передвижения своих верховьев надвигается на долину другой и отклоняет течение этой реки в свое русло.

В результате из года в год увеличивается общий объем воды, стекающей с материка в океан. Перехваты подобного рода способствовали полному или частичному исчезновению ряда внутренних морей и других крупных водоемов Африки, постепенно лишаящихся притока воды. Явление это древнее и, на первый взгляд, оно — результат лишь естественных факторов. На самом же деле перехват, представляющий собой одну из форм нормальной эрозии, усиливается и ускоряется под влиянием хищнических приемов эксплуатации почв. При современном состоянии науки и техники, пишет Гарруа, имеется полная возможность «если не воспрепятствовать перехвату, то по крайней мере в достаточной степени замедлить его и ослабить непосредственные, наиболее тяжелые последствия» (стр. 102).

Французские и другие специалисты давно выдвигают проекты борьбы с высыханием водоемов, в частности бассейна озера Чад. Однако осуществление предлагаемых ими проектов потребовало бы немалых расходов, составляющих, впрочем, небольшую часть тех прибылей, какие извлекают монополии в Тропической Африке. Подобные расходы не в интересах монополий, поэтому все проекты о борьбе с высыханием озера Чад остаются на бумаге. Более того, пока обсуждались эти проекты, перехват реки Логоне принял разрушительный характер. Воды Логоне, вместо

чтобы оставаться в бассейне озера Чад, через Бенуэ и бассейн Нигера стали скапливаться в океан, и перехват Логоне вступил, по выражению автора, в «катастрофическую фазу» (стр. 102).

Большое впечатление производит рисуемая Гарруа картина бедствий, обрушившихся на остров Мадагаскар.

«На этом огромном острове, — пишет он, — питом в мире по величине, растительный покров, который еще 50 лет назад считали состоящим на 75% из лесов, подвергся в 1900 г. непоправимым разрушениям как со стороны коренного населения, так и со стороны колонистов. Многие представители флоры и фауны там исчезли окончательно». Как указывает далее Гарруа, на севере острова (в окрестностях Диего-Суарес) было совершенно уничтожено 100 тыс. га леса. На западе и в центре острова истребление лесов, а также особенности климатических условий привели к усиленной эрозии. Множество прибрежных рек на западе острова утратило свой правильный режим. В долине Физерана лучшие пахотные угодья исчезли, так как при каждом паводке мощные толщи породы смываются в море; дороги вдоль реки систематически разрушаются; порт Тулеар постоянно заносится илом.

Как видно из приведенной выше цитаты, автор возлагает ответственность за все эти разрушения обычно на коренное население, а не только на колонизаторов. Однако противоречия себе, он тут же указывает, что непоправимые разрушения почвы начались лишь с 1900 г., т. е. со времени утверждения колониального режима (как известно, оккупация острова произошла в 1896 г.). В той же главе второй книги («Эрозии почвы в основных африканских странах») автор, касаясь положения в Северной Родезии, пишет: «На севере этой территории народности, живущие почти не соприкасаясь с европейцами, очень мало изменили свой первобытный образ жизни. Поэтому (курсив мой.—В. Г.) в населенных ими лесных районах не наблюдается еще никаких особых признаков разрушения растительности; признаков эрозии почвы там почти не встречается, за исключением некоторых западных округов...» (стр. 130).

Правда, в третьей книге — «Причины нарушения равновесия» — автор, как бы позабыв использованный им во второй книге материал, пытался объяснить деградацию африканских почв устарелыми методами ведения сельского хозяйства, применяемыми местным населением, ссылаясь на пожары, систематически устраиваемые земледельцами в саваннах, на неурегулированную пастбу скота, на несовершенство агротехники.

Не вдаваясь в специальную дискуссию по поводу целесообразности или нецелесообразности тех или иных агротехнических приемов, напомним разъяснение, данное по этому вопросу в путевых заметках советского ботаника П. А. Баранова, посетившего в 1954 г. Французскую Западную Африку.

Пolemизируя с доводами Гарруа, П. А. Баранов писал: «Все звенья примитивной агротехники — мотыга, отсутствие удобрений, огонь — взаимосвязаны. Только преодолев отсталость всего этого комплекса в целом, можно действительно поднять сельское хозяйство и жизнь населения на более высокий уровень. Возможно ли это при существующем колониальном строе?»².

На этот вопрос возможен лишь один ответ — нет! Как вдумчивый наблюдатель Гарруа в конце концов признает, что в оскудении почв африканского материка виноваты не африканцы, а колонизаторы. «Туземное земледелие, — пишет он, — почти все продукты которого потребляются на месте, с немедленным возвращением почвы отбросов потребления, истощает почву значительно меньше, чем плантации, продукция которых вывозится за пределы Африки» (стр. 192).

Превращение стран Африки в аграрно-сырьевые придатки колониальных держав, хищничество плантаторов, система монокультуры, при которой африканские крестьяне вынуждены выращивать (не считаясь ни с собственными нуждами, ни с особенностями почвы и климата) только одну культуру, нужную колонизаторам, ограбление крестьян монополиями и колониальными властями, лишаящие их возможности улуч-

² П. А. Баранов. В тропиках Африки. Путевые заметки ботаника. «Звезда», 1955, № 7, стр. 120.

пять методы ведения хозяйства, — вот то причины, по которым Африка становится «умирающей землей».

Гарруа приводит в своем исследовании многочисленные факты преступной практики плантаторов, в короткий срок превративших в бросовые земли обширные массивы, захваченные ими в Нидерландах и в Танганьике, в Кении и во многих районах Бельгийского Конго. Глава, в которой автор пишет об этом, завершает пятую книгу исследования. Она носит название «Преобразование сельского хозяйства, произведенное колонизаторами в Африке». Эта глава (а вместе с ней и русский перевод труда Гарруа в целом) заканчивается словами, особенно многозначительно звучащими и устах убежденного сторонника колониального строя: «Наиболее тревожные признаки оскудения имеют место именно на землях, которые в начале колонизации считались наиболее плодородными и богатыми с сельскохозяйственной точки зрения... Европейцы разрушили лучшие земли, находящиеся в его распоряжении» (стр. 307).

Колониальный строй и сопутствующая ему монокультура приводит к губительным последствиям и в тех странах Африки, где монополисты предпочитают эксплуатировать коренное население, выступая не в качестве предпринимателей-плантаторов, а в качестве скупищиков сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

В ряде областей Тропической Африки колонизаторы методами экономического и внешнеэкономического принуждения внедрили монокультуру какао. Плескание сплошной вырубке леса для плантаций какао уменьшилась влажность воздуха, в результате климатические условия в этих частях Африки становятся все более неблагоприятными для произрастания этой культуры. Исследование Гарруа охватывает период, заканчивающийся 1939 г. В годы же второй мировой войны в Тропической Африке распространилась болезнь деревьев какао. Единственным средством борьбы против этой болезни, примененным колониальной администрацией, являлась вырубка деревьев какао, что привело к дальнейшему разорению местных крестьян⁶. От вырубки лесов — и вырубки деревьев какао — такой путь, пройденный сельским хозяйством Нигерии, Золотого Берега и ряда других колоний под эгидой колонизаторов.

Как уже указывалось, в труде Гарруа говорится не только об истощении почв африканского материка, но и о бедственном положении коренного населения, систематически разоряемого колонизаторами. В четвертой книге Гарруа — «Преобразованию образа жизни коренного населения Африки под влиянием колонизаторов» — рассматривается о захвате земель у местного населения, о создании для аборигенов системы резерваций, которые автор сиранидливо именует «загонами», о сохранении колонизаторами древних форм рабства и введении ими новых, усовершенствованных форм принудительного труда, о распространении ранее неизвестных Африке болезней, о постоянном недоедании и частых голодовках, являющихся уделом коренного населения колоний. Впрочем, следует сказать, что как по самому объему фактического материала, так и по хронологическим рамкам рецензируемая книга сообщает мало нового читателю, знакомому с исследованиями советских ученых, появившимися в печати за последние годы.

С другой стороны, события послевоенного периода дополнили книгу Гарруа многими новыми фактами.

Та далеко неполная картина колониального гнета и произвола, которую рисует в своем труде Гарруа, делает честь известной объективности автора. Повто отнюдь не исключает необходимости решительной отповеди автору, который позволяет себе пренебрежительно отнаться о народах Африки (стр. 202, 205—206, 210, 216, 231, 304, 316, 334 и т. д.), ставить под сомнение их умственные способности (стр. 204) и стремление к независимости (стр. 263).

Н. А. Варинин в своих уже цитированных написках опроверг голословные выавды Гарруа, указав на высокий культурный уровень и серьезные знания, проявленные в беседе с ним учеными-африканцами.

⁶ См. «Народы Африки». Под ред. Д. А. Ольдерогге и Н. Н. Потехина. М., 1954, стр. 330.

Но желая делать правильных выводов из приведенных им фактов, Гарруа, стремясь не то обелить колониальную систему, допускает ряд других, столь же неправильных выводов. Он, например, оправдывает человеконенавистническую систему сегрегации, примененную в Южно-Африканском Союзе, превозносит депортацию бельгийской (ныне германо-бельгийской) монополии «Юнион миньер дю О'Катанга», якобы работавшей в благополучии своих рабочих.

Послевоенные события в Южно-Африканском Союзе показали всему миру сущность политики сегрегации, которая осуждена и Генеральной Ассамблеей ООН. Что же касается утверждений автора о «филантропии» «Юнион миньер», то как может быть сомнение в этой «филантропии», например, расстрел 60 рабочих и членов их семей в ответ на требование повысить заработную плату? Причем, надо сказать, что расстрел рабочих произошел в то время, когда Гарруа работал над своей книгой (книга вышла в свет изданием в 1944 г., а расправа над рабочими произошла в 1941 г.)⁴.

Нельзя также согласиться с утверждением Гарруа, будто большая часть населения Африки всегда страдала от недоедания (курсив мой — Н. Г.). Это утверждение опровергается данными о питании и состоянии здоровья населения различных областей Африки в доколониальный период⁵.

Несмотря на указанные серьезные недостатки исследования Ж.-П. Гарруа, Надеюсь, иностранной литературы поступило, на наш взгляд, правильно, предоставив советскому читателю возможность познакомиться с этим трудом, содержащим ценный фактический материал. Однако решение Издательства исключить при переводе дискуссионные книги, в которых Гарруа рассматривает различные мероприятия по борьбе с деградацией почвы и разрушением растительного покрова, кажется нам ошибочным. Во вступительной статье к русскому изданию это решение мотивируется тем, что в указанных книгах содержатся советы буржуазного автора, пытающегося примирить в рамках колониального режима, с одной стороны, «цивилизаторскую миссию» европейца, а с другой — эксплуататорские интересы империалистических держав (стр. 7). Между тем, независимо от целей автора, эти части исследования Гарруа представляют значительный интерес для читателя. Они убедительно доказывают объективную возможность успешной борьбы с деградацией африканских почв при условии применения достижений передовой науки, и в то же время неспособность колонизаторов претворить эту возможность в действительность.

Следует отметить также произвольное исключение при переводе последней главы книги фразы, в которой автор критически отнывается к перенесению в некоторые области сельского хозяйства СССР и США новых методов обработки почвы, которые приобрели права гражданства в других странах⁶. С подобными утверждениями можно спорить, но молчать о них не следует.

В целом перевод, выполненный Е. А. Мешинским, кажется нам вполне удовлетворительным, но отредактирован он, к сожалению, недостаточно тщательно. Препятствует порой ошибки и даже ликусы, вроде — «Чумные козы... часто господствуют в стадах» (стр. 270).

Появление труда Ж.-П. Гарруа на русском языке являлось в нашей печати многозначительным откликом, свидетельствующим о большом интересе советской общественности к африканским проблемам.

Первой оценкой книги Гарруа в советской печати является вступительная статья редактора перевода М. Когана, который в основном правильно оценил, у М. Когана не было знания и недостатки работы Гарруа. Все же, по нашему мнению, несправедливо.

⁴ См. В. Киселев. Бельгийское Конго — объект империалистического соперничества. Об. «Империалистическая борьба на Африку и освободительное движение народов». М., 1953, стр. 282.

⁵ Для Бельгийского Конго и Кении — См. Ж. де Кастро. География голода. М., 1954, стр. 278; для Сьерра-Леоне — Ю. Кучинский. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., 1948, стр. 407.

⁶ См. Jean-Paul Harroy. Afrique-terre qui meurt. Bruxelles, 1944, p. 370.

оснований упрекать автора исследования о деградации африканских почв в том, что он ничего не пишет о национально-освободительном движении народов Африки.

В небольшой рецензии М. Афонина, опубликованной в ряде областных и республиканских газет, дано правильное представление о содержании книги Гарруа. Однако рецензент допускает не всегда обоснованные утверждения. В частности, он пишет, что пожары в Африке являются следствием «разрушительной деятельности колониаторов». Вряд ли это убедительно.

Немалое удивление вызывает рецензия М. Сахарова, опубликованная в МЗ журнала «Международная жизнь» за 1955 г. Автор рецензии утверждает, что Гарруа (сто-ронник колониализма, — В. Г.) в результате своих исследований приходит к выводу о грабительском характере политики империализма в странах Африки. О второй части труда Гарруа (книги IV и V) в рецензии утверждается, что она «характеризует процесс вымирания африканских народов» (стр. 145). При этом М. Сахаров ссылается на стр. 218 перевода, где якобы сказано, что в Бельгийском Конго к моменту появления в нем европейцев проживало 40 млн. человек, а в 1938 г. там насчитывалось немногим более 10 млн. человек. На деле же автор в этом разделе отрицает для настоящего времени уменьшение населения Африки в целом. Что же касается населения Бельгийского Конго, то цифра 40 млн. приводится как свидетельство неточности демографических данных об Африке. Признавая уменьшение численности населения Бельгийского Конго в прошлом, Ж.-П. Гарруа на стр. 218, ссылаясь на цитируемого им Джексона, пишет, что численность населения снизилась не в 4 раза (с 40 до 10 млн. человек), а лишь на одну четверть.

М. Сахаров неверно оценивает также современное положение в Африке, когда утверждает, что во французской Западной и Экваториальной Африке рабочно-африканцы посылаются крупными партиями в девственные леса для сбора дикорастущего каучука и пальмовых ядер, причем невыполнение установленных норм влечет за собой жесточайшие репрессии. Между тем уже с 20-х годов XX в. сбор каучука в африканских лесах почти прекратился. Пальмовые же ядра собираются не рабочими, а коренными жителями-крестьянами, которые затем сдают их за бесценок агентам монополий⁷.

В заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы Издательство АН СССР и другие органы выпускали научной литературы по странам Африки, а Издательство иностранной литературы усилило выпуск книг прогрессивных ученых этих стран.

В. Я. Голант

R É S U M É

Harroy's book proves most convincingly that the colonial exploitation of the African countries leads to disastrous consequences, and in particular, that it is responsible for the increasingly rapid degradation of the soils, and, consequently, for the degradation of agriculture; that it is responsible also for the sad plight of the indigenous population (evictions from the land, forced labour, wide-spread epidemics in Africa, etc.).

The main shortcoming of the book, in the opinion of the reviewer, lies in the unfounded accusations it contains against the indigenous population of Africa, and, in particular, in the places where the author questions the desire and ability of the peoples of Africa to acquire knowledge, and explains their resentment against the colonial system by some sort of an irresistible longing for a primitive way of life.

SIDNEY SMITH. *Events in Arabia in the 6th Century A. D.* «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London», vol. 10, part 3, 1954, p. 425-404.

Статья С. Смита затрагивает тему, представляющую значительный интерес для истории арабских стран и исламоведения. В ней разбираются различные проблемы доисламской истории Южной, Центральной и Северной Аравии.

В значительной мере работа построена на почвах, впервые привлеченных материалах. Это южноарабские надписи VI в. н. э., открытые во время экспедиции Г. Риксмана в Саудовскую Аравию зимой 1951—1952 гг. и опубликованные им в 1953 г.¹

Ж. Риксман при интерпретации этих надписей² рассматривает их в отрыве от других надписей этого же периода. Основная заслуга С. Смита состоит в том, что он включает данные новых надписей в общий круг известных нам событий истории Аравии VI в., причем часто привлекает материалы по истории государств севера и центра полуострова. Таким образом, в противоположность многим из своих предшественников, С. Смит пытается дать историю всей Аравии в целом.

Такая установка автора вызывает большой интерес к его работе. Однако надо сказать, что имеющиеся источники использованы автором далеко неполно, причем отбор их весьма произволен. На арабских источниках использованы лишь Ат-Табари и переводы Нёльдеке и Мас'уди, видимо, также и переводы. Но использованы материалы ал-Хамдани — наиболее компетентного из арабских писателей и вопросов истории Южной Аравии, хотя существуют английский и немецкий переводы его работ. Несмотря на то, что в статье имеется специальный раздел, посвященный арабским источникам, из них не упоминаются как раз те, которые написаны современниками этих событий: северноарабские надписи VI в., доисламская поэзия и «Дни битвы арабов», важные для истории Южной Аравии и, казалось бы, незаменимые для истории государства севера и центра полуострова.

Византийская литература использована автором также крайне неравномерно. Если сведения Прокопия Кесарийского подверглись в статье подробному исследованию, то «Книга химйаритов», видимо, используется лишь из вторых рук, а «Послание» Симеона Бетаршамского и «Мученичество Арефы» совсем не использованы, хотя автор указывает на важность этих источников.

Более полно С. Смит использовал южноарабские надписи VI в. Однако, если для большинства надписей он предлагает свой вариант перевода с кратким комментарием, то такие надписи, например, как Ru 507, RES 3904, RES 4060³, хотя им и тексты отводятся не меньше места, чем прочим, остались без перевода. В то же время предлагаемые автором варианты перевода во многих случаях аргументированы недостаточно, а частью не аргументированы вовсе.

Недостатком рецензируемой статьи является далеко неполное знакомство автора с предшествующей литературой. Говоря, в частности, о государствах Центральной и Северной Аравии, которым посвящен особый раздел статьи, С. Смит не упоминает ни одной из основных работ, посвященных этому вопросу, — Нёльдеке о Гассанидах⁴.

¹ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Dixième série. «Le Muséon», vol. LXVI, part 3—4, 1953, p. 267—317, pl. I—VI.

² J. Ryckmans. Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie centrale. «Le Muséon», vol. LXVI, part 3—4, 1953, p. 319—342.

³ Встречающиеся в тексте сокращения расшифровываются следующим образом: Ry-G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. «Le Muséon», vol. XL—LXVIII, 1927—1955; RES — «Répertoire d'Épigraphie Sémitique», rédigés par G. Ryckmans, t. V—VII, Paris, 1929—1950; CIH — «Corpus Inscriptionum Semiticarum», pars IV. Inscriptions himyaritiques et sabaéennes continens, vol. I—III. Paris, 1889—1931.

⁴ Th. Nöldeke. Die Gassanischen Fürsten aus dem Hause Gafsa. Berlin, 1887.

⁷ См. «Ленинградская правда», 13 июня 1955 г.

⁸ См. «Народы Африки», стр. 320.

Ротштейна о Лахмидах⁵, Олиндера о Киндитах⁶. Не упомянуты в статье и работы советских ученых. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с намеренным игнорированием, поскольку С. Смит проходит даже мимо монографии Н. В. Пигулевской «Византизм на путях в Индию»⁷, которая должна быть известна ему хотя бы по рецензии Г. Рикманса⁸, опубликованной в том же томе журнала «Le Muséon» за 1953 г., где были помещены надписи, широко использованные С. Смитом.

Следует указать на недостатки в построении работы в целом. В статье не выдержан принцип хронологической последовательности. Так, в начале автор пишет о вторжении абиссинцев в Южную Аравию (стр. 451—456), затем о правлении Исуфа зу-Нуваса, который был свергнут в результате этого вторжения абиссинцев. Правление Абрахи описывается раньше, чем события, приведшие Абраху к власти. Раздел же об арабских источниках помещен в конце статьи. Не всегда содержание разделов статьи соответствует их заглавию. В главе «Хронология» (стр. 429—431) не объяснено, почему автор считает началом хымьритской эры не 115 г. до н. э., а 118 г.

Мало убедительно аргументирована автором статьи датировка надписей. В частности, не находит себе подтверждения в источниках предлагаемая им интерпретация заключительной части надписи из Хуши ал-Гураба (CJH 621). Сличение текстов показывает, что возражения автора против общепринятого перевода текста надписи основаны на недоразумении. С. Смит дает следующий перевод строки 9: «Когда царь Хымьяра и его кайлы приказали убить людей из Хымьяра и Рахаба» (стр. 455 и прим. 8). Однако в этом случае термины «хымьритские» (ḥmṭn) и «архабитские» (ʿrḥbn) должны стоять в неопределенном состоянии, в то время как все издания надписи дают определенное состояние (нуацию)⁹. Более правилен общепринятый перевод этого места: «когда они [абиссинцы] убили царя Хымьяра и кайл его, хымьритских и архабитских». Смерть хымьритского царя от руки абиссинцев датируется 525 г., против этой даты не возражает и С. Смит, поэтому предлагаемая им датировка надписи из Хуши ал-Гураба (522 г.) невозможна.

Не разобрался С. Смит и в сложной генеалогии рода Йаз'ан, представителям которого принадлежит большая часть дошедших до нас надписей VI в. Вновь обнаруженные надписи во многом меняют наши представления о генеалогии этого рода, а это, в свою очередь, ведет к изменению относительной датировки некоторых надписей. Но С. Смит не сделал всех необходимых выводов, остановившись на полпути, и тем самым запутал вопрос. В частности, С. Смит ошибочно полагает, что Шарахби'ил, упомянутый в надписи RES 3904 как отец Сумайфа' Ашва' и Марсад' илана Ахсана — брат царя Саба' Сумайфа' Ашва' (стр. 432) — автора этой надписи. За разъяснением читатель отсылается к сноске на стр. 458. Но там имеется лишь опять-таки сноска на стр. 432—433. Надпись Ry 508 из Кавкаба показывает, что Шарахби'ил — отец Шарах'ила Йакбула и его братьев¹⁰ Лахай'ата Йархама и Сумайфа' Ашва', будущего царя Саба' (стр. 458). Но из перевода надписи Ry 512 (стр. 457) следует, что Шарах'ил Йакбул — брат Шарахби'ила. Этого противоречия автор статьи не объясняет.

Перевод надписи Ry 512, данный С. Смитом, ошибочен и уступает переводу Г. Рикманса¹¹, хотя последний тоже неточен. Как же надо читать эту надпись? С. Смит перевел ее так: Кайл Шарахби'ил Йакмул прошел сквозь обширные пространства столкновений, когда он соединился со своим братом и господином, кайлем Шарах'илем

Йакбулем зу-Йаз'аном¹². Однако надпись Ry 508, высеченная рядом и одновременно с Ry 512, говорит об иных родственниках между этими лицами. К тому же весьма странно, что один кайл называет другого «своим господином».

Предлагаем следующий перевод этой надписи:

hgy/ʿyhr/hgn/qyln

šrḥb'l /ykml/kq'

gn/ m/ʿḥhw/wmr'h

w /qyln/šrḥ' l/dyz' n

bkl /dtsṭr

1. Хагтай 'Айхар¹³, сын рабыни и кайла

2. Шарахби'ила Йакмула [высек эту надпись], когда его-

3. вал вместе с братом своим и господином его-

4. им, кайлем Шарах' илем зу-Йаз'аном¹⁴

5. обо всем том, что он [Шарах'ил] упоминает в [своей] надписи¹⁵.

Наибольшие затруднения вызывал перевод термина hgn. Г. Рикманс считал, что здесь, по контексту, должен быть глагол. Он рассматривал термин как каузативную форму глагола gnp и перевел его, исходя из исследования общесемитического корня «оказывать помощь, дать подкрепление»¹⁶. При таком переводе получается, что Шарахби'ил Йакмул — брат своего сына Шарах'ила Йакбула.

Термин hgn следует рассматривать как существительное, выражающее отношение между Хагтай 'Айхаром и Шарахби'илем. Действительно, североарабские словари дают глагол ḥajna «быть сыном свободного и рабыни» и соответствующее существительное ḥajin¹⁷. Две другие надписи, в которых встречается этот термин, показывают, что в надписи RES 3904, 15 предполагаемое нами значение слова ḥajin вполне подходит к контексту и дает более правильный перевод, чем существовавшие прежде. В надписи CJH 541,23 это слово, видимо, означает собственное имя. Перевод подтверждается и третьей строкой исследуемой надписи, поскольку становится понятно, почему Хагтай называет Шарах'ила Йакбула «своим братом» и одновременно «своим господином».

В 633 г. хымьритской эры, которым следует датировать исследуемую надпись, Шарахби'ила Йакмула, видимо, уже не было в живых. Главой рода Йаз'ан в это время был Шарах'ил Йакбул. Для определения социального положения автора надписи Ry 512 интересно, что он «воевал вместе с братом своим», т. е. явился на войну во главе собственного отряда, но, как сын рабыни, не носил титула кайла и был подчинен брату. Судя по размерам и характеру высеченной им надписи, он занимал то же положение, что и mktw — «военачальники», по приказу которых были высечены имевшиеся там же надписи Ry 513, Ry 514 и Ry 515.

Надо указать на весьма небрежное отношение С. Смита к тексту надписей. Он иногда опускает слова или добавляет в текст другие, не оговаривая этого, примеры чего уже приводились. Дополнительно упомянем еще несколько случаев. В переводе

¹² С. Смит не дает перевода последней строки надписи.

¹³ Следуя Г. Рикмансу, мы понимаем первые два термина как имена собственные. hgy встречается в надписях впервые; возможно чтение ḥly. Может быть, это греческое имя Аггей, тогда мы можем судить о национальности его матери. Второе имя известно по надписям RES 3864 и RES 4630.

¹⁴ Несомненно, имеется в виду Шарах'ил Йакбул зу-Йаз'ан — автор Ry 508. Однако в тексте эпитета «Йакбул» нет, и в переводе С. Смита он помещен ошибочно.

¹⁵ tsṭr-V порою от корня tsṭr — «высекать надпись». Она известна также по надписи Ry 508,2 с тем же значением «упоминать в надписи». Хагтай, ссылаясь здесь на текст Ry 508, указывает тем самым, что он, очевидно, со своим отрядом принимал участие во всех событиях, о которых рассказывает большая надпись.

¹⁶ G. Ryckmans. Указ. соч., стр. 311. Он переводит строку 1-ю: «Хагтай прислал подкрепление кайлу Шарах би'илу Йакмулу...»

¹⁷ A. Biberstein-Kasimirski. Dictionnaire arabe-français. vol. II. Paris, 1860. p. 1395.

⁵ G. Rothstein. Die Dynastie der Lachmiden in al-Hira. Berlin, 1899.

⁶ G. Olivder. The Kings of Kinda of the Family of Akil al-Murar. Lund., 1927.

⁷ Н. В. Пигулевская. Византизм на путях в Индию. М.—Л., 1951.

⁸ G. Ryckmans. Le Muséon, vol. LXVI, 1953, стр. 197—199.

⁹ см К. Mlaker. Die Inschrift von Huṣn al-Ḡurāb. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. 34, 1927, S. 56; CJH 621; RES 2633.

¹⁰ С. Смит в своем переводе опускает слова «братьев его [Шарах'ила — А. Л.] кайл...», что искажает текст и сильно затрудняет его понимание и истолкование.

¹¹ G. Ryckmans. Указ. соч., стр. 311—312.

надписи из ал-Мурайгана (Ru 506) имеется слово «Mugra» (стр. 435), но в тексте надписи этого слова нет. Автор статьи ошибается также, считая, что пропущено название месяца (стр. 435, прим. 12). Правильнее было бы в данном случае термин *wḥ* понимать как «дата». В переводе С. Смитом надписи из Хуши ал-Гурба приводится неполное имя «Dhy Jaqlan» вместо названия южноарабского племени Дайфатан (стр. 455), известного по другим надписям. Здесь же приводится ошибочное написание *šṣn*¹⁸ вместо *šṣn'w*, имеющегося в тексте, с соответствующей неточностью в переводе.

Неправильности имеются и в переводе надписи Ru 508; пропуск слов, перестановка отдельных слов и т. д. Термин *wṣn* неправильно переведен как «Man of ṣan'a», вместо обычного (правильного) «и для укрепления». *'lht/jz'* — не «sept Jaz'an» (стр. 458); а «которые [из рода] Наз'ан». При переводе надписи Ма'дикариба Ja'фура (Ru 510), термин *'tq* «равнина» превращается вдруг в «cliff, height» (стр. 460) — «скала, утес, возвышенность». Неверен перевод и конца надписи. С. Смит переводит «И с бабу Са'лабат и Муззиром были Субай'» (стр. 461). На самом же деле племя Са'лабат, как правильно определил еще Г. Рикманс, было на стороне Ма'дикариба и сражалось против Муззира. Суба' — неправильное чтение. С. Смит следует здесь за прежними издателями надписи. Следует читать: *wmṣr/ws'*... «и Муззир заключил мир...» Перечень опечаток, неточностей, отдельных неправильных положений можно было бы продолжить.

При всех своих недостатках статья С. Смита обладает и некоторыми достоинствами: в ней впервые дан подробный анализ интересных сведений Прокопия Кесарийского о Южной Аравии, а также предложен ряд удачных вариантов чтения и толкования отдельных мест надписей. Интересен также материал по истории государства Северной и Центральной Аравии, привлеченный автором. Поэтому специалисту, занимающемуся историей Южной Аравии этого периода, не считаться со статьей С. Смита нельзя. Однако для лиц, специально не занимающихся надписями, но желающих получить сведения по вопросам, затронутым в статье, она большой пользы не принесет, поскольку требует тщательной проверки аргументов автора.

Основная задача С. Смита — дать картину жизни Аравии в VI в. на основе новых интересных и обширных материалов, опубликованных за последние годы, — далеко им не выполнена.

А. Г. Лундин

RÉSUMÉ

S. Smith's main contribution lies in the use made by him of the information contained in new inscriptions about 6th century events in Arabia.

But the review shows that the author of the article has by far not adequately utilized the available new sources, selecting them at random. In the reviewer's opinion, S. Smith lacks adequate knowledge of the earlier literature on this subject, inasmuch as his article contains no mention of any of the fundamental works.

The reviewer believes that the author has failed to accomplish his object of giving a complete picture of life in 6th century Arabia.

¹⁸ С. Смит транскрибирует «сйн» через знак *s*, хотя обычно этим знаком обозначают «самох».

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

- Alsdorf L. *Vorderindien. Bharat. Pakistan. Ceylon. Eine Landes- und Kulturkunde.* Braunschweig [u. a.], Westermann, 1955, 336 S.; Karten, 16 bl. ill. Bibliogr. S. 318—322.
- Bodmer F. *Die Sprachen der Welt. Geschichte, Grammatik, Wortschatz in vergleichender Darstellung.* Köln — Berlin, Kiepenheuer und Witsch., 1955, 8, 753 S.; Ill., 8 Bl. Ill.
- Emerson R. *Representative government in Southeast Asia.* With suppl. chapters by W. H. Elsbree and Thompson. Iss. under the auspices of the Institute of Pacific relations. Harvard univ. press., 1955. VIII, 197 p.
- Fistié P. *Le Réveil de L'Extrême — Orient. Guerres et Révolutions 1834—1954.* Avignon, Les Presses Universelles, 1956. 430 p.
- Low F. *Struggle for Asia.* London, Muller, (1955). VIII, 233 p., map. Mandelbaum K. *The industrialisation of backward of areas.* Oxford, Blackwell, 1955. XX, 111 p.
- Natarajan L. *From Hiroshima to Bandung. A survey of American policies in Asia.* New Delhi, People's publ. house, 1955. 175 p.
- Richmond A. H. *The colour problem. A study of racial relations* (Harmondsworth, Middlesex), Penguin books, 1955. 370 p. (Pelican Books. A. 328).
- Schilgen F. von. *Zwischen Nil und Himalaja. Englands Weg als Kolonialmacht.* Münster — Köln, Böhlau, 1955. XV, 479 S., 11 Bl. Ill.; 13 Bl. Kart.
- Thompson V. and Adloff R. *Minority problems in Southeast Asia.* Issued under the auspices of the International secretariat Institute of Pacific relations. Stanford. Calif. Stanford univ. press, 1955. VIII, 295 p.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

- Berlioux M. *Mon séjour chez Maō-Tsé-Toung.* Paris, Flammarion, 1955. 240 p.
- Camilar Eusebiu. *Împărăția soarelui.* Bucuresti, Ed. de stst Pentru lit. și arta. 1955. 401 p., il., 10 f. il.
- Fairbank J. King and Banno, Masataka. *Japanese studies of modern China.* A bibliographical guide to historical and social science research on the 19th and 20th centuries. Tokyo, Tuttle, 1955. XVII, 331 p.
- Ganguli B. N. *Economic development in new China.* Bombay, Oxford univ. press, 1955. 92 p.
- Gale G. S. *No Flies in China.* London, Allen and Unwin, 1955, V, 191 p.
- Gigon F. *Formose ou les tentations de la guerre.* Paris. «Documents du monde», 1955, 256 p., ill., 21 f. ill.

¹ Неполный список книг, поступивших в 1955 и 1956 годах по Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы (Москва).

- Hu Sheng. *Imperialism and Chinese politics*. Peking, Foreign lang. press, 1955. 308 p.
 Rava Enzo. *Formosa*. Roma, Ed. di cultura sociale, 1955. 238 p.; 2 f. ill. (Problemi del giorno).
 Townsend P. *China phoenix. The revolution in China*. With an introd. by S. Radhakrishnen. London, Cape, 1955, 406 p.
 Vercors. *Les divagations d'un Francais en Chine*. 70 des. et 14 photochromes de l'auteur. Paris, 1956. 312 p.; ill 8 f. ill.

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

- Lattimore Owen. *Nationalism and revolution in Mongolia*. With a transl. from the Mongol of Sh. Nachukdorji's *Life of Suke-Batur* by Owen Latimore and Urgunge Onon. Leiden, Brill, 1955. X, 186 p. Bibliogr. p. 182.
 Spuler B. *Die Mongolen in Iran*. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220—1350. 2 erw. Aufl., Berlin, Akademie-Verl., 1955, 579 S. 1 l. kart.

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

- Britto, Letelha R. d e. *Um brasileiro na Coréia*. Rio de Janeiro Ed. contemporâneas, 195.-, 128 p.; ill.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ

- Chesneaux J. *Contribution à l'histoire de la nation vietnamienne*. Paris, Ed. sociales, 1955. 324 p. (La culture et les hommes) Bibliogr. p. 313—316.
Documents et temoignages sur les violations des accords de Genève. Hanoi, Ed. en langues, étrangères, 1955. 72 p. 10 f. ill.
 Lachs M. *Uklady indochinskie*. Geneva, 1954. Zagadnienia prawne walki narodowyzwolenzej. Warszawa, Panstw. wyd. naukowe, 1955. 257 p. 1 mapa.
 Lê Thênk K h o i. *Le Viêt Nam. Histoire et civilisation*. Paris, 1955. Vol. I — Le milieu et l'histoire, 1955. 588 p. cart. front. Bibliogr. p. 536—542.
 Ngo-Van-Chieu. *Journal d'un combattant Viet-Minh*. Adapt. Paris, Ed. du Seuil, 1955. 232 p.
 Pagniez I. *Le Viet Minh et la guerre psychologique*. Paris, La colombe, 1955. 103 p.; 4 f. ill.
Viet-Nam. Lois et ordonnances. Loi, sur la réforme agraire. Votée par l'Assemblée nationale de la République démocratique du Viet-Nam en sa 3-e session plénière le 4.12.1953. Hanoi, Ed. en Langues etrang., 1955. 56 p.

ЯПОНИЯ

- Fuyet A. J. *Crepuscle sur le Japon*. Paris., Ed. de Paris, 1955. 206 p.
 Jordan E. H. *The syntax of modern colloquial Japanese*. Baltimore, The Waverly press, 1955. V, 135 p. (Language, Journal of the Linguistic society of America) Bibliogr. p. 135.
 Smith W. H. B. *Small arms of the World. The basic manual of military small arms*. American — British, Russian, German, Italian, Japanese and all other important nations (5 ed. rev. and enl). Harrisburg, Penna, Military service pull. co., 1955. XV, 768 p.
 Webb H. *Introduction to Japan*. New York, Columbia univ. press 1955. XVI, 130 p.; ill.

СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

- Blake W. T. *Thailand journey*. London, Redman, 1955. 192 p., 8 l. ill.
 Collis M. *Last and first in Burma (1941—1948)*. London, 1956. 303 p., map., 8 l. ill.
 Ingram J. C. *Economic change in Thailand since 1850*. Iss. under auspices of the Inter-

- national secretariat Institute of Pacific relations. Stanford, Calif., Stanford univ. press., 1955. VII, 254 p. Bibliogr. 245—249.
 Leur J. C. v a n. *Indonesian trade and society. Essays in Asian social and economic history*. Vol. 1. The Hague Bandung, Hoeve, 1955. (Selected studies on Indonesia. By Dutch scholars). 465 p. Bibliogr. p. 409—440.
 Neuman A. M. d e. *Industrial development in Indonesia*. Djakarta, Van Dorp. 1955. 40 p.
 Parker R. *Indonesian impressions*. New Delhi, People's publ. house, 1955, 92 p.
 Robinson J. B. P. *Transformation in Malaya*. London, 1956. 232 p. III map.
 Soekarno I. *Indonesia in brief*. [Djakarta, «Siliwangi» print. 195-]. 96 p.; ill.

ИНДИЯ

ПОЛИТИКА, КОНСТИТУЦИЯ, ДОКУМЕНТЫ

- Cohen M. *Thunder over Kashmir*. Foreword by Gen. K. S. Thimayya. Bombay, (a. o.), Orient Longmans, 1955. 118 p.; 9 l. ill.
Communist party and problem of national reconstruction. New Delhi Communist party of India, 1955. 68 p.
Communist party in the struggle for peace, democracy and national advance. New Delhi, People's publ. house, 1955.
Community development programme in India. Paper prepared by Indian at the Asian-African Conference to be held at Bandung, Indonesia. April 1955. New Delhi, Community projects administration, gov. of India, 1955. 34 p.; 1 map.
 Gledhill Alan. *Fundamental rights in India*. London, Stevens, 1955. XVI, 134 p.
India Constitution, 1949. The Constitution of India (As amended by the 1st, 2nd, 3rd, and 4th amending acts). With short notes. Lucknow and Delhi. Eastern book co., 1955. XVI, 160 p.
India. Ministry of external affairs. Report. Delhi, 1955. 1 Vol. 1954—55. 72 p.; 1 tabl.
India. States reorganisation commission. Report of the States reorganisation commission. New Delhi, Govt. of India press, 1955. IV, 267.
Indian National Congress. Session 59th. Kalyani. 1954—1955. Report of the general secretaries. Jan. 1954 — Jan. 1955. Madras, Avadi 1955. 233 p.
 Menon V. P. *The story of the integration of the Indian States*. Bombay, [s.a.] Longmans, (1956). (6); 511 p.; 8 l. ill., 3 l. map., front. portr.
 Murti B. S. N. *Nehru's foreign policy*. New Delhi, Beacon, 1953. 183 p. 1 l. portr.
 Prasad R. N. *All-India Kisan Sabha. Report to the 13th session*. Dahanu, Mag. 17—22, 1955, New Delhi, 1955. 61 p.
 Surjoet H. S. *Kashmir and its future*. Delhi, People's publ. house, 1955. 86 p., 1 l. map.

ИСТОРИЯ

- Chakladar H. C. *Social life in ancient India*. A study in Vatsyayana's Kamasutra. 2nd rev. ed. Calcutta, Gupta 1954. 193 p. map. Bibliogr. p. 173—180.
 Denge S. A. *India from primitive communism to slavery. A marxist study of ancient history in outline* (3rd ed.). New Delhi, People's publ. house, 1955. XXX, 205 p.
 Desorbay M. *Visage de l'Inde*. Paris, Julliard, 1955. 192 p. 41 ill. (Croix du Sud)
 Dube S. C. *Indian village*. Foreword by M. E. Opler. London, Routledge and Kegan Paul, 1955. XIV, 248 p.; 2 l. ill. Bibliogr. p. 238—241
 Dutt R. P. *India today and tomorrow*. Rev. and abridged ed. of «India today». Delhi, People's publ. house, 1955. 217 p.
The eight year of freedom. August 1954 — August 1955. New Delhi, All-India congress committee, 1955, IX, 432 p., 20 l. ill.
 Hartog M. H. *India: new pattern*. Foreword by lord Haley. London Allen and Unwin, 1955. 159 p.; ill. map.

- Lohia R. *Wheel of history*. Hyderabad, India Navahind publications, 1955. 1 II, 111 p.
- Mukerjee R. *Clasa muncitoare din India*. (Bucuresti) Ed. de stat pentru literatura si politica, 1955. 253 p.
- Owen Sidney. *India on the eve of the British conquest*. An analytical history of India, 1627—1761. 2nd ed. Calcutta, Gupta, 1954. II, III, 202 p.
- Panikkar K. M. *Hindu society at cross roads*. Bombay — Calcutta, Asia publ. co., (1955). 102 p.
- Powell-Price J. C. *History of India*. London, (a. o.). Nelson, 1955. XV, 679 pl; maps, 32 l. ill. Bibliogr. p. 635—638.
- Prasad R. *At the feet of Mahatma Gandhi*. Bombay, Hin Kitab, 1955. VII, 350, (6) p.
- Prasad I. *The life and times of Humayun*. Bombay, (a. o.), Orient Longmans, 1955. 10, 422 p.; 11 l. ill., 6 l. maps. Bibliogr. p. 383—411.
- Nilakanta Sastri K. A. A. *History of South India from prehistoric times to the fall of Vijaynagar*. London, Cumberlege, Oxford univ. press, 1955. XIX, 486 p. 15 l. ill., map.
- Sengupta P. *Everyday life in ancient India*. 2nd ed., Bombay, Cumberlege, Oxford univ. press. 1955. VIII, 210 p., ill. Bibliogr. p. 199—200.
- Sundarayya P. *For victory in Andhra*. Introd. By Ajoy Ghosh. New Delhi, Communist party publ.. 1955. 43 p.; ill.
- Zierer O. *Geschichte Indiens und des Islam*. Bd. 1—4. Murnau u. a., Lux, 1956. Bd 1, 331 S., Kart., 5 Bl. III: Bd. 2—303 S., Kart., 5 Bl. III.; Bd. 3—323 S., Kart., 5 Bl. III.; Bd. 4—309 S., kart. 5 Bl. III Bibliogr.

ЭКОНОМИКА

- All-India rural credit survey. *Report of the Committee of direction*. (Appointed by the Reserve bank of India). Vol. 1—2. Bombay, Reserve bank of India, 1955. Vol.1. The survey report. Summary. 1955. V, 159 p. Vol. 2. The general report. Summary. 1955. 64 p.
- Étienne G. *L'Inde. Economie et population*. Préf. de Pierre Meile. Genève, Droz, 1955. IX, 169 p., map. (Études d'histoire économique politique et sociale. 16). Bibliogr. p. 159—169
- Gopal M. H. *Indian economy since independence*. Financial policy of the Indian Union 1947—53. Delhi, Univ. press, 1955. 132 p. (Monograph. № 4).
- Growing tax burdens on the peasantry*. New Delhi, All-India Kisan Sabha secretariat (1955). 24 p.
- Gupta Moti Lal. *Problems of unemployment in India*. The Hague, Inst. of social studies, 1955. 184 p.
- India. *Planning commission*. Five-year plan progress report for... (Delhi, The Manager of publ.), 1954—55. 2 V. 1953—54—1954 6, 333 p., tabl. 1954. April — Sept. 1955, 110 p.
- India. *Planning commission*. *Second five-year plan*. New Delhi, 1956. 2, VIII, 641 p.
- Jain P. C. *Problems in Indian economics*. 2nd. rev. and enl. ed. Allahabad, Chaitanya, 1955. XC, 536 p.
- Malaviya H. D. *Land reforms in India*. With a foreword by S. N. Agarwal (2nd ed.). New Delhi, All-India congress committee economic and political research dep., 1955. VIII, 461 p.
- Progress of land reform* (The Planning commission). Delhi, Min. of information and broadcasting, gov. of India, the publ. division, 1955. 28 p.
- Recent developments in certain aspects of Indian economy*. New Delhi, International labour office, 1955., 2 v. 50 p.
- Report on currency and finance*. For the year... Bombay, The examiner press, 1955. X, 241 p.; 19 l. ill.
- Second five-year plan*. The framework. Delhi, The Publications division, Min. of information and broadcasting gov. of India. 1955. 175 p.

- Sen B. *Indian land system and land reforms*. Delhi, People's publ. house, 1955. 135 p.
- A survey of the engineering industry in India...* Calcutta, 1955. 80 p.; ill.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВО

- Bindal K. B. *A history of Hindi literature*. With a foreword by Pandit Amaranatha Jha. Allahabad, Kitab Mahal, 1955. VIII, 384 p.
- Zimmer H. R. *Art of Indian Asia*. Its mythology and transformations with photographs by E. Elisofon and others. Vol. 1—2. New York, Pantheon books, 1955. vol. 1. Text XIX, 465 p. 25 l. ill. Vol. 2. Plates XVIII, 307 l. ill.

СПРАВОЧНИКИ

- Dowson J. A. *Classical dictionary of Hindu mythology and religion geography, history and literature*. 8th ed. London, Routledge and Kegan Paul 1953. XIX, 411 p. (Trubner's Oriental series).
- Hindustan year-book and who's who...* by S. C. Sarkar, Calcutta, 1955. 1 vol. 1955. 23 r year of India. A reference annual. Compiled by research and conference division, Ministry of information and broadcasting government of India. Delhi, The Publications division, Min. of information and broadcasting gov. of India., 1954—55. 2 vol., 1 Vol.—485 p., 2V.—673 p.
- Nifor guide to Indian periodicals...* Poona, National information service, 1955. 1 vol. XXII, 385 p., 11. fasc.

ТУРЦИЯ

- Hony H. C. *A Turkish — English dictionary*. Oxford, Clarendon press, 1947. VIII, 397 p.
- Kedourie E. *England and the Middle East*. The destruction of the Ottoman Empire. 1914—1921. London, Bowes, 1955. 236 p. Bibliogr. p. 214—223.
- Krüger K. *Die Türkei* (2. verd. u. erw. Aufl.) Berlin, Safari-Verl., 1955. 399 S.; Ill., Kart.
- Lewis G. L. *Turkey*. London, Benn, (1955). 224 p. H. ill. Bibliogr. p. 211—212,

ИРАН

- Alavi B. *Kämpfendes Iran*. Berlin., Dietz, 1955. 190 S.
- Elwell-Sutton L. P. *Persian oil*. A study in power politics. London, Lawrence and Wishart, 1955. 343 p.

ДРУГИЕ СТРАНЫ

- Cottrell L. *One man's journey*. London, Hale, 1955. X, 263 p., 17 l. ill.
- Donadoni S. *Arte evizia*. Torino, Finaudi, 1955. 128 p., 59 l. ill. Bibliogr. p. 117—119.
- Finbert E. J. *Israel*. Paris, Hachette, 1955. 454 p. carte, 9 f. carte (Guides bleus...).
- Goitein S. D. *Jews and Arabs*. Their contacts through the ages. New York, Schocken books, 1955. XIII, 257 p. Bibliogr. p. 235—238.
- Moore D. *We live in Singapore*. London, Hoddera. Stoughton, 1955, 287 p.; 9 l. ill.
- The Middle East. A survey and directory of Arabia, Cyprus, Egypt, Iraq, Israel, Jordan, Lebanon, Libya, Persia, Sudan, Syria and Tyrkey*, with geographical, historical economic and educational surveys, concise information about political, industrial financial and cultural organisations and Who's who in the Middle East. London, Europe, publ., 1955. 4th. ed. 1955. XIV, 425 p.

- Adamastor. *White man boss. Footsteps to the South African folk republic.* London, Gollancz, 1950. 240 p.
- Börnatzik, Hugo Adolf. *Die neue grosse Völkerkunde. Völker und Kulturen der Erde in Wort und Bild.* Neue erw. Aufl. Bd. 1—3. Frankfurt/Main, Herkul, 1954. Bd. 1—592 S., Ill.; Bd. 2—XII, 495 S. Ill., Kart., front., Bd. 3—VIII, 465 S.; Ill., Kart., front.
- Haddon Ernest B. *Swahili lessons.* Cambridge, Heffer, 1955. XXX, 245 p.
- Marie-André du Sacré-Coeur. *La condition humaine en Afrique Noire* Pref. du doc. L. P. Aujoulat. Paris, Grasset, 1953. 264 p. 4 f. ill.
- Paulme Denise. *Les sculptures de l'Afrique Noire.* Paris, Presses univ. de France, 1956. VIII, 129 p., ill., 16 l. ill. (L'oeil du connaisseur) Bibliogr. p. 119—120.
- Rous Jean. *Tunisie... attention!* Paris, Deux rives, 1952. 223 p.
- Schlippe Pierre de. *Shifting cultivation in Africa. The Zande system of agriculture.* London, Routledge and Kegan Paul, 1956. XXXI, 308 p., 24 l. ill., 5 l. diagr.
- Tucker A. N. and Mpaanyi J. Tompo Ole. *A Maasai grammar. With vocabulary.* London, Longmans, Green and co., 1955. XVII, 317 p., 2 l. map. (African inst., Leyden. Publications № 2).

С. А. КОЗИН

(1879—1956)

16 октября 1956 г. после продолжительной болезни скончался видный советский востоковед, действительный член Академии наук СССР, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР Сергей Андреевич Козин. С. А. Козин прошел большой жизненный путь. Вся его деятельность связана с изучением Востока.

С. А. Козин в 1903 г. окончил восточный факультет Ленинградского университета. За работу «Обзор бурят-монгольских путешествий в Тибет» (перевод и комментарий текста Залева) С. А. Козину был присужден кандидатский диплом первой степени. С 1905 г. С. А. Козин руководил статистическо-экономическим обследованием монгольских народностей, по он не порывал связи и с восточным факультетом университета. Результаты трудов С. А. Козина частично были опубликованы в книге «Материалы по обследованию калмыков» (Астрахань, 1910).

В двадцатых годах С. А. Козин в числе многих наших востоковедов принимал участие в создании Ленинградского восточного института и в налаживании его работы. В 1929 г. Сергей Андреевич начинает преподавательскую деятельность. Он преподавал монгольский язык в Ленинградском восточном институте и на восточном факультете Ленинградского университета. 2 апреля 1941 г. С. А. Козину была присвоена степень доктора филологических наук, а 27 сентября 1943 г. он избирается в число действительных членов Академии наук СССР.

По окончании войны С. А. Козин принимал деятельное участие в восстановлении работы восточного факультета Ленинградского университета и Института востоковедения АН СССР.

Научные интересы С. А. Козина были широки и разнообразны. Однако в центре внимания академика С. А. Козина в течение последних двадцати лет стояли проблемы литературы и фольклора монгольских народов. В этой области науки им сделано очень много.

С. А. Козин перевел Гэсериаду (1936), снабдив свой перевод введением, явившимся большим вкладом в изучение одного из самых интересных произведений героического эпоса монгольских народов. С. А. Козину принадлежит также перевод калмыцкой Джангариады (1940) — другого крупного произведения героического эпоса монгольских народов.

Значительным вкладом в монголистику явилась публикация «Сокровенного сказания» (1941). С. А. Козин, проделав огромную филологическую работу, дал историкам, литературоведам и лингвистам новый перевод первого памятника монгольской письменности и исследование его. В своем исследовании С. А. Козин главное место отдал историко-литературоведческому анализу этого произведения. Для лингвистов большой интерес представляют транскрипция текста «Сокровенного сказания» и предложенные к нему словари.

Большую научно-исследовательскую и научно-педагогическую работу С. А. Козин сочетал с активной общественной деятельностью в качестве депутата Васильевского районного совета депутатов трудящихся Ленинграда.

Научные труды академика С. А. Козина находили живой отклик далеко за пределами нашей страны. Его имя известно в Европе, Америке и на Востоке. Научная деятельность С. А. Козина отмечена правительственными наградами в Советском Союзе и Монгольской Народной Республике.

В памяти всех, кто близко знал покойного, академик С. А. Козин сохранился как талантливый ученый-монголовед, педагог и общественный деятель.

Институт востоковедения АН СССР
Редакция журнала «Советское востоковедение»

СТАТЬИ

И. М. Лемин. «Доктрина Эйзенхауэра» — программа колониального закабаления Ближнего Востока	3
А. В. Меликсетов. Идеологическое перевоспитание буржуазных элементов в КНР	22
А. С. Кауфман. Экономическое положение Бирмы	36
Н. А. Иванов. Народное антиколониальное движение в Тунисе и младотунисцы	50
В. И. Кальянов (Ленинград). Калидаса — великий поэт Индии	61
Н. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках	72
В. Я. Ставиский (Ленинград). Дворцовое хозяйство пияджикентского владельца	86

СООБЩЕНИЯ

А. И. Шифман. Лев Толстой — друг Индии	95
Л. П. Потанов (Ленинград). Новые данные о древнетюркском «Ötükän»	100
М. И. Сладковский. Развитие торговых путей между Советским Союзом и Китаем	118
Н. Ф. Булыгин. К вопросу воссоединения Западного Ирана с Индонезией	129
В. М. Поцхверия. Проникновение США в Турцию в XIX — начале XX в.	135
Л. И. Мельников. Из истории использования империалистами территории Ирана как плацдарма против Советской России (1917—1920 гг.)	145
Д. И. Юсупов. К пятидесятилетию арабского журнала «Ат-Тарик»	156
В. А. Рубин. Реферирование китайской литературы по истории	159
С. С. Булатов (Ленинград). Общество «Мокуёкай» и демократическая печать Японии	161
Б. Н. Заходер. Первый библиографический журнал в Иране	163
Ш. Сарыбаса (Алма-Ата). Еще раз к вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР	166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сессия, посвященная борьбе Египта против агрессоров	168
В. Васильев. Девятая годовщина со дня провозглашения независимости Бирмы	170
В. П. Седьмая годовщина со дня провозглашения Республики Индии	171
Л. А. Аганина. В отделе Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения АН СССР	173
Г. С. Дискуссия об экономических и политических позициях национальной буржуазии в странах Востока	174
В. П. Леонтьев. Научная сессия в Институте китаеведения в честь 90-летия со дня рождения Сунь Ят-сена	184
В. А. Ромодин (Ленинград). Первый год работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР	185
В. М. Борисов. Первый съезд лингвистов арабских стран	187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. А. Абдурразаков (Ташкент). Т. Н. Кары-Ниязов. Очерки истории культуры советского Узбекистана	191
Ф. В. Алексеев и П. И. Марков. Ло Юань-цзэн. Экономическое преобразование в Китайской Народной Республике	196
А. М. Голдобин (Ленинград). Ар-Рафии Абдуррахман. Восстание 1919 г. в Египте	202
В. Я. Голант. Жан-Поль Гаррва. Африка — умирающая земля	205
А. Г. Лундин (Ленинград). Sidney Smith. Events in Arabia in the 6th Century A. D.	211
Библиография	215
С. А. Козин	221

ARTICLES

J. M. Lemin. The «Eisenhower Doctrine» — a Programme for Colonial Enslavement of the Middle East	3
A. V. Meliksetov. Ideological Remoulding of Bourgeois Elements in the CPR	22
A. S. Kaufman. Burma's Economic Problems	36
N. A. Ivanov. People's Anti-colonial Movement in Tunisia and the Young Tunisians	50
V. I. Kalyanov. (Leningrad). Kalidasa, India's Great Poet	61
N. A. Baskakov. Morphological Word Structure and Parts of Speech in Turkic Languages	72
B. Y. Stavitsky (Leningrad). The Panjikent Court	86

INFORMATON

A. I. Shifman. Leo Tolstoy, a Friend of India	95
L. P. Potapov (Leningrad). New Data on the Ancient Turkic Ötükän	106
M. I. Sladkovsky. Development of Trading Routes between the Soviet Union and China	118
N. F. Bulygin. Concerning Reunion of Western Irian with Indonesia	129
B. M. Potkhveria. United States Penetration of Turkey in the 19th and Early 20th Centuries	135
L. J. Melnikov. Historical Facts Concerning the Use of Iranian Territory by Imperialists as a Base against Soviet Russia (1917-1920)	145
D. I. Yusupov. Fifteenth Anniversary of the «At-Tarik»	156
V. A. Rubin. Reference Materials on Chinese Literature on History	159
S. S. Bulatov. (Leningrad). The «Mokuyokai» Society and Japan's Democratic Press	161
B. N. Zakhoder. First Bibliographical Journal in Iran	163
S. Sarybayev (Alma-Ata). Once More on the Question of Unification of Turkic Alphabets in the USSR	166

SCIENTIFIC DEVELOPMENTS

Session Dedicated to Egypt's Struggle against Aggressors	168
B. Vasilyev. The Ninth Anniversary of Independent Burma	170
V. The Seventh Anniversary of the Republic of India	171
L. A. Aganina. In the Department for the Middle East at the Institute for Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences	173
G. S. The Discussion on the Economic and Political Positions of the National Bourgeoisie in the Countries of the East	174
V. P. Leontyev. Sinology Institute Holds Special Session in Connection with Sun Yat-sen's Ninetieth Birthday	184
V. A. Romodin. (Leningrad). Eastern Commission of USSR Geographical Society Begins Work	185
V. M. Borisov. The First Congress of Linguists of the Arab Countries	187

REVIEWS

B. A. Abdurazakov (Tashkent). T. N. Kary-Niyazov. Outline of the History of Culture of Soviet Uzbekistan	191
V. F. Alezeyev and P. I. Markov. Lo Yuan-tsen. Economic Transformations in the Chinese People's Republic	196
A. M. Goldobin (Leningrad). Ar-Raffii Abdurrahman. Uprising of 1919 in Egypt	202
V. Y. Golant (Leningrad). Jean Paul Harroy. Africa—a Dying Land	205
A. G. Lundin (Leningrad). Sidney Smith. Events in Arabia in the 6th Century A. D.	211
Bibliographie	215
S. A. Kozin	221

列明	艾森豪威爾主義是奴役近東的政綱	3
美列克舍多夫	中華人民共和國的資產階級分子的思想重新教育	22
考夫曼	緬甸的經濟狀況	36
依凡諾夫	突尼斯的人民反殖民地運動和新突尼斯黨人	50
格里揚諾夫(列寧格勒)	格里達斯是印度偉大的詩人	61
伯斯格谷夫	土耳其族語言詞句中的詞態學構造	72
斯搭維斯基(列寧格勒)	辨約幹掌權人的官廳事務	86

通告

石夫曼	列夫·托爾斯泰是印度的朋友	95
坡峇包夫(列寧格勒)	論古土耳其族的新材料	106
斯拉特谷夫斯基	蘇聯和中國的商路發展	118
布勒根	西依里安歸併印度尼西亞的問題	129
伯次維維利亞	十九世紀和二十世紀美國的侵入土耳其	135
咩利尼谷夫	帝國主義利用伊朗為反蘇俄根據地的歷史片段(1917—1920年)	145
尤索泊夫	阿拉伯的阿特—苔立克雜誌十五週年	156
陸並	中國的歷史書報評述	159
布拉托夫(列寧格勒)	木曜會和日本的民主刊物	161
維哈德爾	伊朗的第一個書報目錄雜誌	163
薩立巴也夫(阿拉木圖)	再論土耳其族的字母統一化問題	166

科學生活

關於埃及反侵略者的鬥爭的討論會		168
華西列夫	緬甸獨立九週年	170
拍夫羅夫	印度共和國成立七週年	171
阿格寧哪	蘇聯科學院東方問題研究所中東和近東科的內狀	173
索爾金	東方各國民族資產階級經濟政治地位問題的討論	174
里昂節夫	中國問題研究所紀念孫中山九十壽辰科學討論會	184
羅摩金(列寧格勒)	蘇聯地學社東方委員會的第一年工作	185
泊里索夫	阿拉伯諸國第一次語言學大會	187

書報評介

阿泊圖拉薩谷夫(塔什干)	卡勒·尼亞查夫著的蘇維埃烏茲別克斯坦的文化史大綱	191
阿列克協也夫, 馬爾可夫	羅元錚著的中華人民共和國的經濟改革	196
哥爾多賓(列寧格勒)	阿爾·拉斐, 阿泊杜拉曼著的埃及一九一九年的起義	202
谷蘭特(列寧格勒)	尚·巴·格羅阿著的非洲是臨死的土地	205
龍亨(列寧格勒) Sidney Smith. Events in Arabia in the 6th Century A. D.		211
書報批評		215
目錄		221

ПОПРАВКА

На стр. 9, в заголовке табл. 2 вместо (в млн. тонн) следует читать (в тыс. тонн).

Адрес редакции Москва, Армянский пер., 2, Тел. К-4-51-50

Т-03104 Подписано к печати 19/III 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7
Печ. л. 19,18+2 вкл. Уч.-изд. листов 20,6 Заказ 1131 Тираж 2750 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Контора «Академкнига»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

- Вей Цзы-чу.** Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). Перевод с третьего китайского издания М. А. Киселева (Институт востоковедения). 1956. 50 стр. Ц. 1 р. 60 к.
- Глускина А. Е. и Логунова В. В.** Очерки истории современной японской демократической литературы (Институт востоковедения). 1955. 191 стр. Ц. 8 р. 20 к. в переплете.
- Иванов П. П.** Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. (Институт востоковедения). 1954. 376 стр., 1 вкл. Ц. 20 р. 70 к. в переплете.
- Крачковский И. Ю.** Избранные сочинения. Том I. 1955. 469 стр. с илл., 15 вкл. Ц. 27 р. 65 к. в переплете.
- Крачковский И. Ю.** Избранные сочинения. Том II. 1956. 702 стр. Ц. 32 р. 30 к. в переплете.
- Крачковский И. Ю.** Избранные сочинения. Том III. 1956. 470 стр., 12 вкл. Ц. 23 р. 25 к. в переплете.
- Леонтьев В. П.** Иностранная экспансия в Тибете с 1888—1919 гг. (Институт востоковедения). 1956. 223 стр. Ц. 8 р. 10 к. в переплете.
- Розалиев Ю. Н.** Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны (Институт востоковедения). 1956. 208 стр. Ц. 7 р. 60 к. в переплете.
- Ученые записки института востоковедения:**
Том V. 1953. 247 стр. Ц. 12 р. 25 к. в переплете.
Том XI. Китайский сборник. 1955. 302 стр. Ц. 12 р. 50 к. в переплете.
Том XII. Индийский сборник. 1955. 305 стр. Ц. 12 р. 80 к. в переплете.
Том XV. Японский сборник. 1956. 325 стр. Ц. 13 р. 55 к. в переплете.

Книги продаются в магазинах «Академкнига»:

Москва, ул. Горького 6; **Ленинград**, Литейный проспект, 53-а; **Свердловск**, ул. Белинского, 71-в; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Горьковский пер., 4/6; **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла Маркса, 29

**ИНОГОРОДНИМ ЗАКАЗЧИКАМ КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПОЧТЕ
НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ**

**ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КОНТОРУ «АКАДЕМКНИГА»: МОСКВА,
УЛ. КУЙБИШЕВА, 8,**

а также в ближайший из указанных магазинов